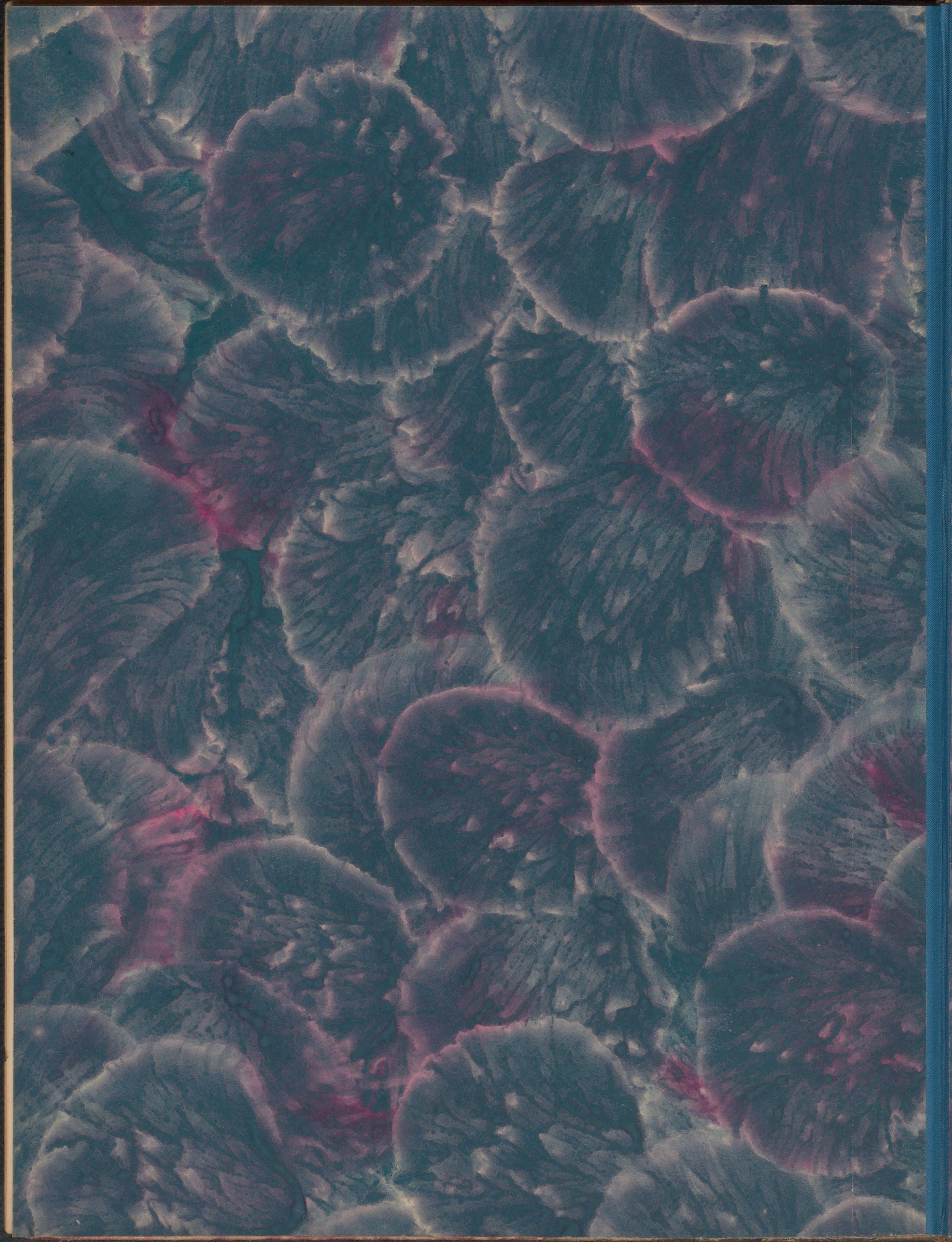
НА ВОСТОКЪ.

Н.В.ГЛЕБОВСКИЙ, СПБ.

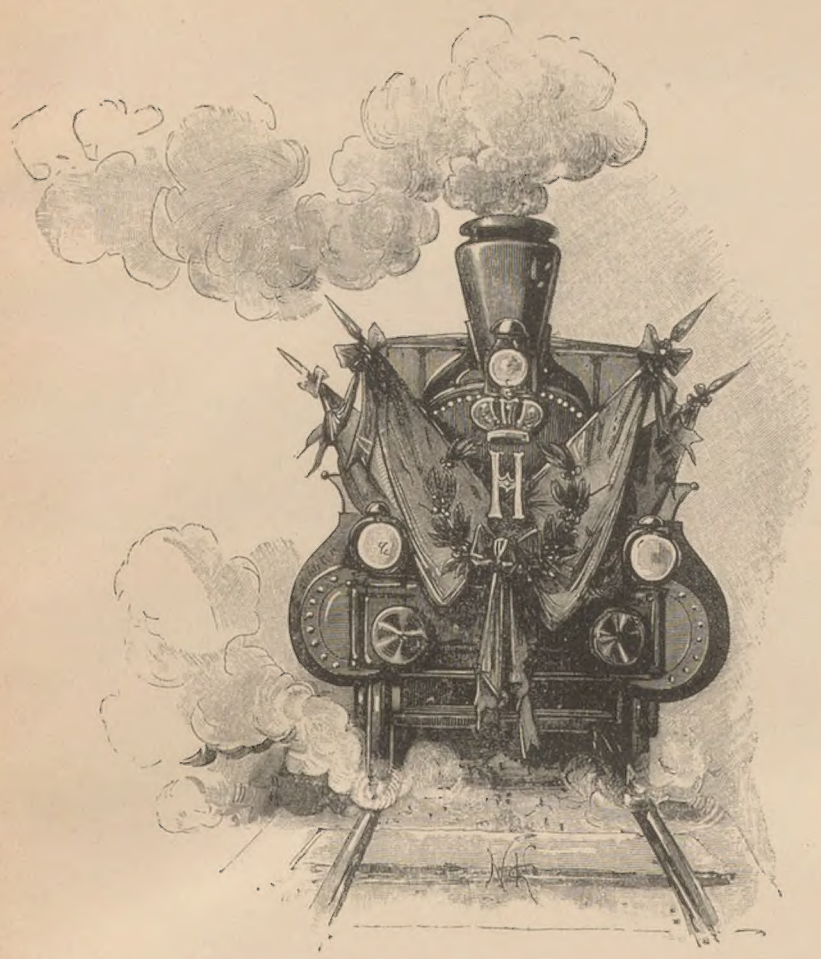


ЗАВѢТЫ

ПУТЕШЕСТВІЕ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

Т. II. Ч. 4.



ВЕЛИКІЙ ОКЕАНЪ.

Tous droits réservés.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II

НА ВОСТОКЪ

(ВЪ 1890—1891).

АВТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ КН. Э. Э. УХТОМСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАЛЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

Ч. 4.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ: Ф. А. БРОКГАУЗЪ.

1895.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

СИНГАПУРЪ.

Понедѣльникъ, 18-го февраля (2 марта) 1891 г.

Жаркое туманное утро. Косой ливень. Неправильные порывы вѣтра, отъ котораго ходуномъ ходитъ прорѣзаемая бирюзой морская пѣна. Вспышки беззвучныхъ салютовъ въ окутанномъ сѣрой мглою отдаленьи: первый привѣтъ нашей тихо-океанской эскадры на порогѣ уже очень дальняго Востока . . .

Послѣ шести сутокъ, проведенныхъ въ пути (изъ 1600 миль) отъ лучезарныхъ береговъ Цейлона, суша опять близка, снова манитъ и чаруетъ, постепенно облекается для человѣка въ краснорѣчиво-своеобразныя краски, — тѣмъ болѣе что сквозь окружающую бѣлую завѣсу проступаютъ золотыя полосы свѣта и неясными ласковыми очертаніями зыблется листва.

«Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ» огибаютъ мысъ за мысомъ, островъ за островомъ самой различной формы и величины, движутся безконечнымъ узкимъ проливомъ, гдѣ сквозь густую всепоглощающую растительность по временамъ слабо синѣютъ возвышенности материка: Малакки, желтыми пятнами проступаютъ плоскія горы цѣлаго особаго міра: Суматры, или, наконецъ, одинокія верхушки какой-нибудь совершенно заросшей бархатистою зеленью гряды: царство созидающихъ коралловъ таится подъ ней надъ глубиною . . .

Каждая пядь земли здѣсь служила, сравнительно недавно, убѣжищемъ малайской вольницы, считавшей своими данниками неосторожныхъ или робкихъ мореходовъ. Удалые сыновья туземныхъ князей зачастую становились во главѣ ея для походовъ и нападеній, славы ради, на иноплеменныя торговыя суда. Предпріимчивые «викинги» тропиковъ, азіатскіе «варяги» (съ оливковымъ цвѣтомъ лица) сложили оружіе или хоть отчасти усмирились лишь при частомъ появленіи и, затѣмъ, воцареніи «бѣлыхъ» въ XIX столѣтіи. Паръ уничтожилъ возможность существованія разбойничьихъ гребныхъ флотилій по окрестнымъ бухтамъ и на смежномъ просторѣ водъ. Если пираты долго и продолжали борьбу съ

наступавшей цивилизаціей, то въ виду либерально-меркантильнаго взгляда англичанъ: сингапурскіе коммерсанты слишкомъ охотно сбывали темнокожимъ «ушкуйникамъ» порохъ и оружіе . . .

Китайцы, индусы и яванцы несомнѣнно издревле знали этотъ край. Однако настоящая исторія довольно поздно коснулась его побережій. Только уже къ концу нашего средневѣковаго періода прогрессирующимъ малайцамъ удалось отогнать отъ нихъ коренныхъ обитателей: людоѣдовъ низшей расы, — негритосовъ, дикарей меланезійскаго типа и образа жизни. Ими спеціально и самоотверженно занялся въ научномъ отношеніи, по странной прихоти судьбы, не какой-нибудь британецъ или голландецъ, а русскій идеалистъ Миклухо-Маклай.

МАЛАЙСКОЕ ЖИЛЬЕ.

Одиннадцатый часъ утра.

Проливъ, по которому мы приближаемся къ Сингапуру, теперь, — когда погода слегка прояснилась, — скорѣе похожъ на очень широкую рѣку, чѣмъ на океанскій рейдъ. Говорятъ, что онъ принадлежитъ къ числу наиспокойнѣйшихъ. Ураганы не проносятся надъ нимъ. Превосходныя пристани, а также удобнѣйшія якорныя стоянки, — немного поодаль отъ нихъ, — для морскихъ гигантовъ подъ военнымъ флагомъ дѣлаютъ честь прозорливому выбору англичанъ, намѣтившихъ себѣ тутъ городъ среди міазмическихъ джонглей, на перепутьи міроваго общенья противуположнѣйшихъ народовъ. Не лишенные политической силы туземные центры зарождались въ этой мѣстности и ранѣе, но были недолговѣчны. Пустить въ ней прочные корни могъ лишь западный элементъ съ могучимъ кругозоромъ, съ разумно направляемой энергіей.

Піонеры лондонской остъ-индской компаніи на притягивавшемъ ее экваторіальномъ Востокѣ не сразу догадались, чѣмъ должна сдѣлаться въ опытныхъ рукахъ южная оконечность полуострова Малакки. Англія искала въ этомъ морѣ выгодной опорной точки и не рѣшалась на чемъ-нибудь окончательно (съ затратами и незыблемо) утвердиться. Утрата Явы, въ началѣ нашего вѣка, по обычаю врасплохъ захваченной Альбіономъ у слабаго врага и возвращенной затѣмъ голландскому правительству уже рѣшеніемъ другихъ державъ, побудила британцевъ избрать сингапурскій пустырь (съ развалинами индо-яванскаго характера въ лѣсу, свидѣтельствовавшими о прежней культурной дѣятельности временнаго населенія) базисомъ колонизаторскаго творчества въ новой области.

Цѣпи волнисто очерченныхъ острововъ, по сторонамъ и позади, начинаютъ казаться неразрывною материковою линіею.

Отвѣсные лучи солнца надъ головой. Млѣющее отъ жара небо. Изумрудная каёма плывущаго на встрѣчу берега съ деревьями, положительно сползающими по известковымъ обрывамъ въ яркій песокъ у самой влаги. Она постепенно сглаживается послѣ недавняго волненія, теряетъ свой блѣдно-свинцовый отливъ, мѣстами начинаетъ серебриться зеркальной поверхностью. Изрѣдка, гдѣ-нибудь покруче, мелькаетъ надъ мирными долинами островерхое туземное жилье на сваяхъ.

Мягкіе, нѣжные цвѣта ласкаютъ взоръ. Дневное свѣтило словно играетъ ими въ храмѣ природы; но иногда больно смотрѣть на воду, до того оно въ ней разгорается и блещетъ, кипя золотомъ надъ прозрачною пучиной.

Земля тутъ вѣчно облечена въ нарядный уборъ. Не поскупилась тутъ твердь на изобиліе даровъ. А подумаешь: судя по разсказамъ, еще роскошнѣе улыбнутся намъ красоты Батавіи, Бетензорга, Менама!...

Три нашихъ военныхъ судна ожидаютъ прибытія Престолонаслѣдника: броненосный крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» и двѣ канонерскихъ лодки сибирской флотиліи: «Манджуръ» и «Кореецъ».

Чѣмъ-то одинаково роднымъ и знакомымъ пахнуло отъ однихъ этихъ названій, хотя даже нѣтъ звена между образомъ павшаго героя и олицетвореніями нашихъ смутно сознаваемыхъ интересовъ на русско-китайскомъ Востокѣ. Что за симпатичною является мысль наименовать этихъ «витязей-пловцевъ», прямыхъ защитниковъ приморскаго Приамурья и чести Имперіи на отдаленнѣйшей границѣ, какъ-бы представителями двухъ странъ, съ непосредственной участью населенія коихъ отчасти связаны наша судьба и господство на пробуждающейся окраинѣ. Въ знойный и непривычный имъ міръ тропиковъ пришли сибиряки привѣтствовать Первенца своего Царя!

Командующій эскадрой вице-адмиралъ Павелъ Николаевичъ Назимовъ, искушенный въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ морякъ-богатырь, замѣнитъ отсюда контръ-адмирала Вл. Гр. Басаргина, который покидаетъ «Память Азова», чтобы поднять въ томъ же отрядѣ свой флагъ на «Мономахѣ».

На рейдѣ находится сіамскій крейсеръ «Mongkut-Rajkumar», по особой причинѣ присланный изъ Бангкока встрѣтить Цесаревича. Пока мы еще были на Цейлонѣ, кн. Барятинскій получилъ отъ нашего консула г. Выводцева въ Сингапурѣ письмо о распространяемыхъ англичанами слухахъ, будто въ Сіамѣ свирѣпствуетъ холера и туда опасно идти. Маршрутъ Великаго Князя изъ-за этого чуть не измѣнился существеннымъ образомъ.

Своевременно узнавъ однако о томъ, сіамскій уполномоченный въ дѣлахъ при Берлинскомъ дворѣ сообщилъ въ Петербургъ, что эпидемія вымышлена.

Извѣстія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ одной стороны, а затѣмъ мѣстныя болѣе достовѣрныя свѣдѣнія очень скоро убѣдили въ возможности посѣтить сказочное царство на рѣкѣ Менамѣ. Не сложись обстоятельства такъ благопріятно, и не заглянуть бы намъ въ него!

Король Чулалонкорнъ поручилъ брату Krom-Mun-Damrong Rajanuphab дождаться на означенномъ крейсерѣ прихода «Азова» и лично вручить Августѣйшему путешественнику пригласительное письмо на англійскомъ языкѣ нижеслѣдующаго содержанія:

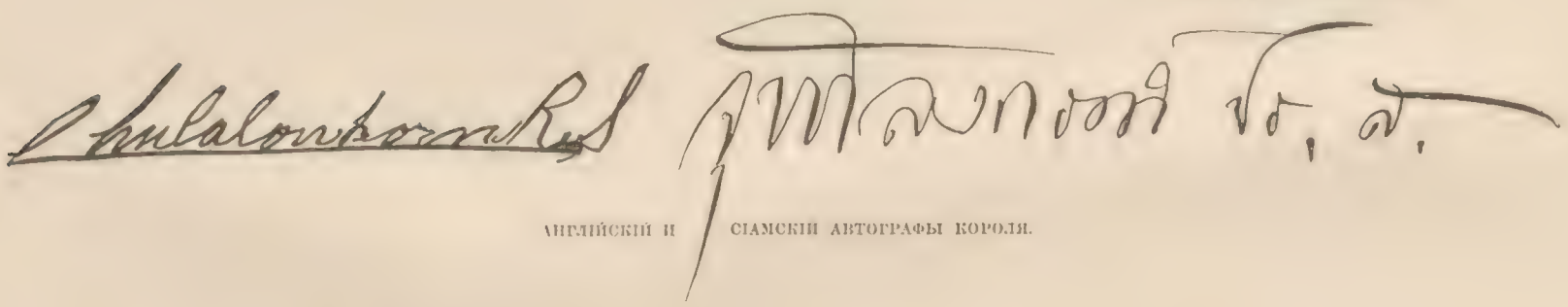
Большой дворецъ.
Бангкокъ, 18 февраля (н. ст.) 1891 г.

Ваше Императорское Высочество!

По прибытіи Вашего Императорскаго Высочества въ Сингапуръ, Вы будете встрѣчены моимъ возлюбленнымъ братомъ Кромъ-Мунъ-Дамронгъ-Раджануфабъ, посланнымъ мною на моемъ военномъ суднѣ «Монгкутъ-Раджкумаръ» для привѣтствованія Вашего Императорскаго Высочества отъ моего имени, въ виду Вашего приближенія къ моей странѣ. Братъ мой явится выразителемъ чувствъ, питаемыхъ мною и моимъ домомъ по отношенію къ Августѣйшему Русскому Императорскому Дому, благородный отпрыскъ коего впервые въ сіамской исторіи посѣщаетъ эти побережья.

Надѣюсь, что, выслушавъ слова, которыя мой братъ имѣетъ передать, Ваше Императорское Высочество изъ этого почерпнете новыя доказательства почтенія и дружбы, испытываемыхъ мною по отношенію къ Императорскому Дому, подъ могучимъ покровомъ коего живетъ благородный русскій народъ, а также убѣдитесь въ моей и дома моего непритворной радости и гордости при сознаніи, что Вы приближаетесь къ моей странѣ.

Пребываю
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
большимъ и добрымъ другомъ
ЧУЛАЛОНКОРНЪ.



АНГЛІЙСКІЙ И СІАМСКІЙ АВТОГРАФЫ КОРОЛЯ.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, дружески принявъ принца Дамронга, изволилъ отвѣтить на это посланіе (тоже по-англійски) въ столь же сердечныхъ выраженіяхъ, обѣщая не миновать Бангкока послѣ пребыванія на Явѣ, т. е. прибыть въ Сіамъ недѣли черезъ двѣ. «Чувства, высказанныя вашимъ величествомъ», отвѣчалъ королю Великій Князь: «навсегда мнѣ останутся памятны». Параллельно съ тѣмъ лодкѣ «Кореецъ» поручено было конвоировать уходящій обратно крейсеръ «Mongkut-Rajkumar».

Вторникъ, 29 февраля.

Принявъ вчера адмирала Назимова съ командирами нашихъ трехъ встрѣчныхъ судовъ и русскимъ консуломъ, а затѣмъ губернатора колоніи (Straits-Settlements, т. е. земель у Малакскаго пролива со столицею Сингапуромъ) сэра Cecil Clementi Smith со свитой и англійскаго генерала Charles Warren, Его Императорское Высочество въ предвечернее время отдалъ на рейдѣ визитъ брату короля и осчастливилъ посѣщеніемъ восторженно его ожидавшій крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ», а также «Манджура» съ его только-что поименованнымъ сибирякомъ-собратомъ.

Сегодня около четырехъ назначенъ очень кратковременный оффиціальный съѣздъ на берегъ, о чемъ въ Сингапурѣ стало извѣстно лишь наканунѣ. Съ цѣлью оказать по возможности эффектный пріемъ, городскія власти, въ лицѣ «Shipping Office», наскоро разукрасили невзрачную пристань (Johnstone's Pier), на которой собрались представители администраціи и выстроился почетный караулъ отъ «Nordhamptonshire Regiment». Начиная отъ набережной, по пути въ «Government House» черезъ цѣпной «Cavanagh Bridge» и вдоль обширной Эспланады — довольно много флаговъ, въ томъ числѣ греческихъ. Сикхи, малайцы и китайцы въ синей полицейской одеждѣ сдерживаютъ и ровняютъ громадную разноплеменнѣйшую толпу любопытныхъ, стекающихся взглянуть на Сѣвернаго Гостя. Кого въ ней нѣтъ?! Недаромъ, увѣряютъ, что здѣсь сталкивается, на всесвѣтномъ рынкѣ, не менѣе двадцати пяти народовъ. Въ силу исключительно благопріятныхъ условій (наивыгоднѣйшаго географическаго положенія и порто-франко) сыны Небесной имперіи сходятся у Малакскаго пролива съ ближайшими автохтонами (весьма смѣшаннаго происхожденія), африканцами, персами и арабами, съ цейлонцами и парсами, съ жителями Бенгаліи и южной Индіи (особенно велико возростающее съ каждымъ годомъ количество такъ-называемыхъ «Klings», длинноволосыхъ мусульманъ съ Коромандельскаго побережья), съ аннамитами, сіамцами и бирманцами. Богатые армяне, европейскій элементъ, — среди котораго весьма замѣтенъ притокъ нѣмцевъ, за моремъ столь непріятныхъ англичанамъ, — австралійцы, американцы бокъ-о-бокъ размѣстились по балконамъ и верандамъ надъ жужжащей инородческой массой.

. . . Вотъ прогремѣлъ первый выстрѣлъ обычнаго салюта, когда паровой катеръ Наслѣдника Цесаревича отвалилъ отъ «Азова». Грохотъ орудій усиливается. Въ пальбѣ на рейдѣ принялъ участіе сингапурскій фортъ Каннингъ. Губернаторъ въ полной парадной формѣ (со звѣздами св. Михаила и св. Георгія на груди), генералъ Уорренъ и русскій консулъ встрѣчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ у входа въ палатку, сооруженную надъ «Johnstone's Pier». Гремитъ русскій гимнъ. Великій Князь и принцъ Георгій направляются декорированными улицамы къ «Government Hill», лежащему нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго центра. Резиденція хозяина колоніи расположена среди симпатичнаго парка.

Послѣдняя представляетъ собою одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ того, съ какимъ изумительнымъ искусствомъ и счастьемъ Великобританія умѣетъ пользоваться чужой собственностью, когда другіе народы или находятся въ состояніи политической летаргіи, или не рѣшаются водружать свое знамя, гдѣ недостаточно выяснены права туземцевъ. Относительно могущественныя азіатскія государства не могли додуматься, а соперники-колонизаторы съ Запада прямо-таки и не пытались создать себѣ крѣпкое убѣжище и гавань на островѣ, принадлежавшемъ мирному мѣстному султану. Англичане нашли остроумный выходъ изъ заколдованнаго круга: облюбовавъ Сингапуръ, тщательно высмо-

трѣнный ихъ лучшими моряками, они купили его не у фактическаго владѣльца, — который бы, вѣроятно, добровольно и не отдалъ, — а у малайскаго князя, имѣвшаго лишь сомнительныя притязанія на эту землю . . . Туземцамъ предоставлялось такимъ образомъ между собой рѣшать безплодный споръ объ обладаніи ею на законныхъ основавіяхъ, — споръ тѣмъ болѣе напрасный, что продавшій ее матеріально былъ многимъ сильнѣе пострадавшаго отъ ловкой комбинаціи.

Уже португальцы, приступомъ взявъ цвѣтущій малайскій городъ Малакку въ 1511 г. и впослѣдствіе укрѣпившись въ немъ, за ними же внимательные голландцы понимали, насколько важно стать на стражѣ Малакскаго пролива, этого втораго Босфора. Но исторически имъ обоимъ не особенно повезло. Французы, орлинымъ полетомъ и горделивыми мечтаніями ширявшіе съ XVII в. по поднебесью, завязавъ военно-дипломатическія сношенія съ Индо-Китаемъ, не замѣтили того, что таилось ближе, по дорогѣ, и являлось необходимымъ звеномъ для дальнѣйшаго успѣха на Востокѣ. Медлительная съ виду лондонская остъ-индская компанія, благодаря хорошимъ совѣтамъ піонеровъ британскаго дѣла (Росса, Крауфорда, Фаркюхара) разсудила иначе и мало-по-малу прибрала къ рукамъ главнѣйшіе и стратегически удобнѣйшіе пункты въ преддверьи Тихаго океана.

Когда мудрый губернаторъ англійской Явы, сэръ Стамфордъ Рафльсъ, послѣ горестной утраты ея его соотечественниками, ровно семьдесятъ два года тому назадъ заложилъ здѣсь новую факторію среди убогаго жилья туземныхъ рыбарей, — почти никто не надѣялся, что населеніе будетъ ежегодно прибывать десятками тысячъ и что «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» скоро вознесется быстро развивающаяся столица цѣлаго маленькаго міра. Ея ростъ и значеніе опредѣлились какъ-то вдругъ. Въ лицѣ Сингапура и спаянныхъ съ нимъ «Straits-Settlements» Англія сразу пріобрѣла свѣжій источникъ громадныхъ доходовъ (отчасти, правда, еще потенціальныхъ, пока не разработываются неисчерпаемыя естественныя богатства смежнаго полуострова, откуда мореплаватели, кажется, не прочь окончательно выжить давно тамъ утвердившійся Сіамъ) и превосходнѣйшую угольную станцію, которая позволила бы англійскимъ эскадрамъ въ случаѣ войны вѣчно обновляться и быть иногда грозою полуденныхъ и вообще восточныхъ побережій, тогда какъ остальныя державы лишены одинаковаго драгоцѣннаго преимущества.

Въ Сингапурѣ есть хорошіе доки и верфи, мастерскія со всѣми приспособленіями къ починкѣ судовъ всевозможнѣйшей конструкціи, неисчерпаемые для начала запасы угля и т. п. Ежегодные торговые обороты сравнительно крошечной колоніи, достигаютъ теперь 460 милліоновъ рублей, изъ коихъ добрыхъ двѣ трети приходятся на долю самого города. Размѣры ввоза товаровъ (особенно изъ Великобританіи и подчиненныхъ ей странъ) замѣтно превышаютъ объемъ экспорта. Коммерческое оживленіе положительно ростетъ не по днямъ, а по часамъ. До 4000 кораблей съ 6,000,000 тоннъ водоизмѣщенія (большинство, очевидно, подъ флагомъ метрополіи) — а кромѣ того тысячи пестрыхъ китайскихъ джонокъ и длинныхъ малайскихъ «прау», — посѣщаютъ въ данное время сингапурскую гавань. Тутъ можно даже увидать такіе рѣдкіе флаги, какъ джохорскій (близкаго малайскаго княжества) и сарававскій съ острова Борнео, гдѣ одинъ смѣлый англичанинъ Брукъ провозгласилъ себя раджею и дѣйствительно отвоевалъ себѣ независимое царство.

Населеніе Сингапура съ горсти въ 150 душъ обратилось въ 180,000. На всѣ «Straits-Settlements» приходится чуть-ли не втрое больше. Финансы этихъ послѣднихъ крайне удовлетворительны. Прекрасныя дороги, сооруженныя главнымъ образомъ ссыльными преступниками (тюгами) изъ Индіи, прорѣзаютъ островъ. Зловредныя густыя джонгли выру-

1. Е. В. Король Чулалонгкорнъ. 2. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ.
3. Е. К. В. Принцъ Георгій Греческій. 4. Е. В. Сіамскій Наслѣдный Принцъ.

Принцы крови: *5. Генералъ Кромъ Фра Банупандувонгсэ, военный министръ. 6. Кромъ Луангъ Девавонгсэ Варопракаръ, министръ иностранныхъ дѣлъ. 7. Генералъ маіоръ Нарисара Нувативонгсэ, министръ общественныхъ работъ. 8. Полковникъ Саппасити Прасонгъ, флигель-адъютантъ. 9. Генералъ Кромъ Мунъ Адитсонъ. 10. Нарессъ Бораридъ, градоначальникъ Банкока. 11. Генералъ-маіоръ Силбакомъ, министръ королевскаго двора. 12. Нарадипа Прабаппонгсэ, завѣдывающій финансами. 13. Аморафанъ, секретарь е. в. короля. 14. Генералъ-маіоръ Кромъ Мунъ Дамронгъ, министръ духовныхъ дѣлъ. 15. Полковникъ Сонабантидъ, секретарь е. в. короля. 16. Маіоръ Саппасатъ Супакитъ, флигель-адъютантъ.*

17. Кн. В. А. Барятинскій. 18. Вице-адмиралъ И. И. Нахимовъ. 19. Контръ-адмиралъ В. Г. Басаргинъ. 20. Докторъ Рамбахъ. 21. Командиръ фрегата „Владиміръ Мономахъ“ Ѳ. В. Дубасовъ. 22. Командиръ фрегата „Адмиралъ Нахимовъ“ А. В. Федотовъ. 23. Флигель-адъютантъ Кн. И. Д. Оболенскій. 24. Кн. В. С. Кочубей. 25. Кн. Ухтомскій. 26. Русскій консулъ въ Сингапурѣ г. Выводцевъ. 27. Е. И. Волковъ. 28. Лейтенантъ Кроунъ. 29. Лейтенантъ Клаво. 30. Художникъ Гриценко. 31. Маркизъ Монтра Сурьявонгсэ, помощникъ секретаря въ министерствѣ западныхъ провинцій. 32. Маркизъ Нораратъ (при сіамскомъ пажескомъ корпусѣ). 33. Маркизъ Пинатъ Коса, помощникъ секретаря иностранныхъ дѣлъ. 34. Полковникъ Саппетпакди. 35. Адъютантъ е. в. короля. 36. Капитанъ Луангъ Амнатъ Наронгранъ (по министерству королевскаго двора). 37. Суафанъ (по министерству королевскаго двора).

баются, мочежины и заводи съ міазмическими испареніями осушаются. Роскошныя виллы раскинулись поодаль отъ берега, гдѣ прежде нельзя было не бояться лихорадокъ и хищнаго звѣрья. Большія суммы ассигнуются на укрѣпленіе города.

Пробывъ четверть часа въ гостяхъ у губернатора, Ихъ Высочества (при громѣ привѣтственныхъ кликовъ съ англійскихъ военныхъ судовъ «Caroline» и «Prover») возвращаются на паровомъ катерѣ къ эскадрѣ, и притомъ прямо на крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ», гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ удостаиваетъ принять обѣдъ въ каютъ-компаніи. Могучій фрегатъ съ его необыкновенно дружнымъ и радушнымъ обществомъ офицеровъ сразу завоевываетъ симпатію. Шумно чествуется имъ пребываніе въ ихъ средѣ Его Императорскаго Высочества. Застольныя бесѣды скоро смѣняются восторженными тостами. Сплотившійся духомъ въ тихо-океанскихъ водахъ бодрый кружокъ моряковъ пьетъ здоровье обожаемаго Великаго Князя.

Вечеромъ дается веселое представленіе. Самодѣльно поставлены молодежью двѣ забавныхъ пьесы анекдотическаго содержанія. Въ антракты играетъ хоръ. Въ одной («Жареная свайка») является въ деревню переночевать идущій домой матросъ Зацѣпа, уволенный въ запасъ. На отговорки бабъ, пустившихъ его въ избу, будто имъ нечѣмъ угощать, онъ говоритъ, что — человѣкъ бывалый: изъ простой свайки вкусныя щи себѣ сваритъ! Любопытство хозяекъ въ высшей степени напряжено: ловкій служивый заговариваетъ зубы обѣимъ, проситъ то водицы, то крупы, то мяса и т. д., дабы питательнѣе вышло, и, очевидно, въ концѣ концевъ, лакомится на славу.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖЕЛТОЙ РАССЫ.

Уже въ этой искусно разыгранной шуткѣ въ лицахъ нижнимъ чинамъ мастерски удались женскія роли. Въ слѣдующей («Антипкины сговоры») онѣ вышли еще талантливѣе и смѣхотворнѣе. Особенно отличался одѣтый дѣвушкою фельдшеръ.

«Адмиралъ Нахимовъ» — типъ броненосца, какихъ намъ давно пора имѣть побольше въ заграничномъ плаваніи у побережій Восточной Азіи, гдѣ нашъ необъятный сухопутный престижъ нуждается въ дополненіи военно-морскою силой. Сингапурскія газеты, судя по ихъ раздраженному тону, не довольны присутствіемъ на рейдѣ столькихъ судовъ («such immense monsters») подъ русскимъ флагомъ. Относительно крейсера, на которомъ мы сейчасъ находимся, мѣстная печать высказывается тѣмъ подробнѣе, что онъ очень похожъ по размѣрамъ, очертаніямъ и вооруженію на своего англійскаго собрата «Imperieuse», которымъ флотъ ея величества королевы Викторіи справедливо гордится.

Проводить Августѣйшаго Гостя до «Азова», послѣ памятнаго оживленнаго вечера, въ гребной катеръ садятся на весла сами г. г. нахимовскіе офицеры.

Среда, 20 февраля (4 марта).

Несмотря на пасмурную погоду (сегодня нашъ послѣдній день въ Сингапурѣ) Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитой и принцъ Георгій инкогнито съѣзжаютъ на берегъ для прогулки въ одноконныхъ «ghari», маленькихъ такъ-сказать каретахъ простенькаго

устройства (съ жалюзи), запряженныхъ бойкими, но крайне упрямыми туземными лошадками: кучера (малайцы или клинги) превосходно ими управляютъ.

Насъ быстро везутъ мимо музея съ этнографическими и вообще натуралистическими коллекціями (болѣе многостороннее хранилище окрестныхъ достопримѣчательностей мы увидимъ въ Батавіи), — мимо музея, куда (какъ говорятъ) кромѣ китайскихъ семействъ (длиннокосыхъ педантичныхъ гражданъ Небесной имперіи съ женами и дѣтьми) почти никто никогда не заглядываетъ, — мимо памятника основателю города Рафльсу и оригинальнаго бронзоваго слона на довольно высокомъ пьедесталѣ съ надписями на четырехъ языкахъ, — воспоминанія о посѣщеніи «Straits-Settlements» сіамскимъ королемъ.

Его богатыя рудой владѣнія на полуостровѣ Малаккѣ граничатъ съ англійскими и съ ихъ точки зрѣнія спорны во многихъ пунктахъ, гдѣ колоніи выгодно было-бы прочнѣе пустить корни и полнѣе черпнуть изъ нѣдръ плодородной, лѣсообильной, почти нетронутой хищниками земли. Правда, туда въ глушь все далѣе и далѣе проникаютъ (отчасти подъ британскимъ покровительствомъ) эмигранты-китайцы съ лопатой и топоромъ, но пока ихъ воздѣйствіе еще до извѣстной степени полезно. Сто лѣтъ тому назадъ красивый капитанъ остъ-индской компаніи Лайтъ, влюбившій въ себя дочь малайскаго султана Кэды и получившій отъ этого тестя въ приданое надѣлъ изъ густаго джонгля, догадался зарядить пушку долларами и выстрѣлить въ чащу, чтобы побудить безпечныхъ туземцевъ къ расчисткѣ дѣвственнаго лѣса, въ поискахъ за цѣннымъ металломъ. Сыны Небесной имперіи своимъ умомъ дошли до сознанія пользы энергично дѣлать тоже самое, — тѣмъ болѣе что край изобилуетъ оловомъ и нерѣдко встрѣчается превосходное золото, а также начали находить серебро.

Коренное населеніе равнодушно смотритъ на эксплоатацію родины пришельцами, хотя нѣкоторая религіозная и племенная и рознь между мѣстными мусульманами и желтолицыми язычниками естественно существуетъ. Оно на руку англичанамъ, ибо безъ того китайцы черезчуръ бы скоро усилились даже въ политическомъ отношеніи. И такъ уже Сингапуръ по настоящему не европейскій городъ, а передовой постъ быстро надвинувшейся Восточной Азіи, которая въ короткій срокъ, мирнымъ путемъ шагнула въ предѣлы колоніи «бѣлыхъ» и твердо въ ней обосновалась. Вытѣснить отсюда соотечественниковъ богдыхана въ данную минуту стало совершенно немыслимо: они постепенно прибираютъ торговлю и ремесла въ свою власть, становятся необходимы, способны — когда угодно — образовать государство въ государствѣ: между ними, смотря по мѣсту рожденія каждаго (по провинціямъ Небесной имперіи, которыя по колоссальности и разнородности довольно чужды другъ другу), возникаютъ цѣлыя твердо организованныя общества, гдѣ таинственная связь отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ, въ смыслѣ сплоченности противъ внѣшняго міра, не оставляетъ желать ничего лучшаго для борьбы съ препятствіями и для матеріальнаго успѣха. Иные нищіе, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, безъ особаго труда богатѣютъ и стремятся назадъ въ родной Китай.

Страшная сила подобныхъ союзовъ была-бы угрозою кореннымъ жителямъ и колонизаторамъ, не враждуй эти гигантскія братства между собою: у нихъ, говорятъ, даже

есть свои наемные бойцы, всегда готовые къ столкновеніямъ съ соперниками. Конечно, когда-нибудь инстинкты рассы возьмутъ верхъ надъ причинами раздора и тогда еще вопросъ, какъ будутъ укрощать эту работящую, но непріязненно настроенную чужую чернь: развѣ вооружатъ малайцевъ?! . . .

Насколько великъ притокъ китайскаго населенія, доказываетъ примѣръ прошлаго года, когда изъ владѣній богдыхана прибыло 127,936 душъ, изъ коихъ всего — 5,542 женщины. Такое скопленіе безбрачныхъ мужчинъ, очевидно, дастъ весьма отрицательные результаты въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ эмиграціи китаянокъ (иначе какъ черезъ португальскій портъ Макао) трудно пока помочь. Даже среди переселенцевъ изъ Индіи едва четвертая доля является въ сопровожденіи бабъ.

Англичане благоразумно завели въ Сингапурѣ особаго «попечителя» (protector) для сыновъ Небесной имперіи. Изъ числа хорошо подготовленныхъ къ этой дѣятельности чиновниковъ синологъ Деннисъ наиболѣе оказался на высотѣ призванія. Въ часы досуга онъ обстоятельно знакомился съ богатѣйшими мнѳами и сказаніями порученныхъ ему инородцевъ; результатомъ чего даже явился цѣлый трудъ «The folk-lore of China».

КИТАЙСКІЕ ИДОЛЫ

Среди здѣшнихъ китайцевъ многіе ухитряются добыть большой капиталъ и достигнуть извѣстнаго положенія. Въ законодательномъ совѣтѣ колоніи засѣдаетъ ихъ представитель. Вчера еще перекатная голь, сегодня богачи, они поселяются въ красивыхъ виллахъ съ причудливыми садами, выѣзжаютъ на прогулку въ элегантныхъ экипажахъ, курятъ только дорогія сигары и т. д. Въ первой половинѣ вѣка особеннымъ значеніемъ пользовался такой сингапурскій милліонеръ Вампоа, изъ крайней бѣдности самоучкой дошедшій до образованія и развитія на европейскій ладъ. О немъ — какъ интересномъ типѣ — отзываются Гончаровъ, адмиралъ Бутаковъ и другіе русскіе, заглядывавшіе въ ту пору въ Сингапуръ: этотъ даровитый и предпріимчивый человѣкъ собирался побывать въ Кяхтѣ, въ Иркутскѣ, въ Москвѣ. Не знаю однако, удалось-ли ему туда направиться. Во всякомъ случаѣ одно уже подобное желаніе характерно для человѣка, обязаннаго своимъ благополучіемъ англійской колоніальной политикѣ!

Посѣщеніе Августѣйшими путешественниками ботаническаго сада (за нѣсколько верстъ отъ города) оказалось неудачнымъ. Проливной дождь помѣшалъ намъ выйдти тамъ изъ нашихъ маленькихъ каретъ. Красноватый грунтъ дорогъ и дорожекъ кругомъ

обратился въ жидкую массу. Пришлось ѣхать обратно и провести нѣкоторое время въ двухъ-трехъ лучшихъ лавкахъ китайскаго квартала, среди фасадовъ ультрамариноваго цвѣта, яркихъ вывѣсокъ, еще болѣе яркихъ бумажныхъ фонарей: а кругомъ блестѣлъ рѣдкій фарфоръ, высились вазы и шитыя шелками ширмы, около рѣзной мебели изъ чернаго дерева заманчиво красовались черепаховыя издѣлія и бездѣлушки изъ слоновой кости . . . . . .

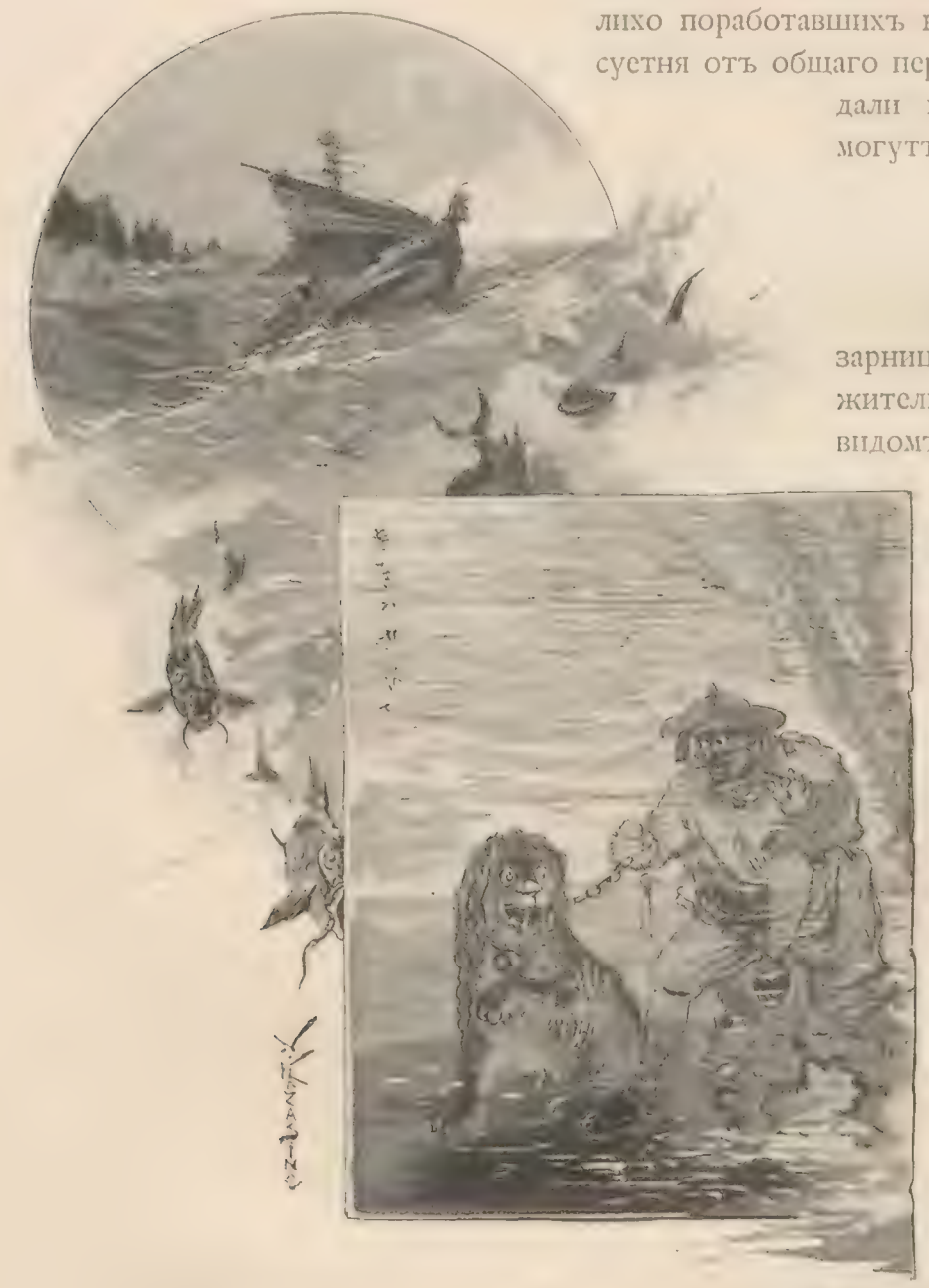
Я В А.

Въ четвергъ, 21 февраля, на разсвѣтѣ эскадра уходитъ въ Батавію, имѣя впереди лоцманское судно «Lucifer», предупредительно высланное нидерландскимъ правительствомъ. Одно время предполагалось совершить экскурсію на сосѣдній сингапурскому острову материкъ: въ джохорское княжество, поднесшее подарки Наслѣднику Цесаревичу наравнѣ съ другимъ перакскимъ (тамъ-же на Малаккѣ), въ знакъ привѣтствія народа и вождей. Но такъ какъ въ первомъ не было на-лицо мѣстнаго владыки, недавно получившаго отъ англичанъ необычный для малайца и для мусульманина титулъ махараджи (султанъ — при смерти, лѣчится въ Карлсбадѣ!), то рѣшено не посѣщать Джохора.

Это туземное государство, когда-то считавшееся очень могущественнымъ (оно выставляло въ XVI в. до 100,000 воиновъ), теперь сравнительно ничтожно и начинаетъ, словно въ видѣ примѣра остальнымъ малакскимъ центрамъ, поддаваться напору цивилизаціи: среди джохорскихъ джонглей работаютъ паровыя лѣсопилки и намѣчена желѣзная дорога для эксплоатаціи прочихъ естественныхъ богатствъ.

Переходъ фрегатовъ до Явы (440 миль) длится около двухъ сутокъ и ознаменованъ только обычнымъ для моряковъ празднованіемъ пересѣченія экватора. Для Нептуна смастерили колесницу, самого «бога морей» облекли въ мочалу и временно спрятали за бортъ, кое-какъ разодѣли нѣсколькихъ матросиковъ въ арапа, чудища изъ глубины океана, нептунову свиту... Подъ вечеръ, когда наступила минута непосредственной близости къ воображаемой линіи, — Ихъ Высочества, офицеры и команда пошли къ баку встрѣчать подымающихся имъ на встрѣчу (точно изъ воды) диковинныхъ гостей. Немедленно началось крещеніе новичковъ окатываніемъ изъ пожарныхъ кишекъ и купаніемъ въ особо приготовленномъ чанѣ. Палуба вскорѣ залита была струями на всѣхъ безъ исключенія направляемой влаги. При общемъ веселіи она не щадила никого, — въ томъ числѣ и опытныхъ моряковъ, уже пересѣкавшихъ экваторъ. Нижніе чины тщательно разыскивали тѣхъ изъ своихъ, кто хотѣлъ спрятаться, и усиленно окунали такихъ въ большую кадку. Брызги, хохотъ, шумъ отъ бѣготни наполняли воздухъ. Наконецъ матросы торжественно вынесли на рукахъ изъ батарейной палубы степеннаго и осанистаго придворнаго буфетчика

Шалберова. Онъ побывалъ въ серединѣ жаркаго пояса, находясь еще въ кругосвѣтномъ путешествіи съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ и его, въ сущности, не полагалось-бы трогать; но командѣ любо подурачиться и посмѣяться вволю хоть на единый мигъ, въ теченіе нептунова визита: Шалберовъ меланхолично гладитъ свои великолѣпныя бакенбарды, пока его тащутъ на экзекуцію, — и его съ рѣдкимъ рвеніемъ погружаютъ въ воду . . . Всѣ мы мокры до послѣдней нитки отъ дѣйствія лихо поработавшихъ насосовъ. Долго раздается въ каютахъ суетня отъ общаго переодѣванія. Вѣстовые, прислуга пострадали въ одинаковой степени и потому не могутъ намъ своевременно помочь.



КИТАЙСКІЙ СКАЗОЧНЫЙ ЛЕВЪ, ВЫЗЫВАЮЩІЙ БУРЮ.

Красота природы днемъ и сверкающая зарницами тишина полуденныхъ ночей положительно нѣжатъ душу. Взоры упиваются видомъ цвѣтущихъ побережій архипелага, — которымъ мы зачастую идемъ, — съ ихъ пышною растительностью, съ ихъ свѣтлыми стволами деревьевъ, избирающихъ (словно европейцы для своей одежды) именно такой цвѣтъ коры въ области интенсивнаго солнечнаго сіянія, на задыхающейся отъ зноя родинѣ коричневаго человѣка. Листва кажется издали, по контурамъ, хаотически разорванною, безъ опредѣленно-ясныхъ и спокойныхъ очертаній, къ какимъ привыкли уроженцы умѣреннаго климата. Темная и блестящая широковѣтвистая зелень лѣса, — чѣмъ больше всматриваешься, — рѣзче и рѣзче отливаетъ кирпично-красными и желтыми тонами. Сильное отраженіе предохраняетъ ее отъ чрезмѣрнаго нагрѣванія.

Здѣсь и тамъ, на зеркалѣ заливовъ, мелькаетъ оранжевый или черный парусъ малайской ладьи съ неуклюжею кормой, полуголыми мускулистыми туземцами въ щитообразныхъ голубыхъ шляпахъ. Дымчатое море съ фіолетовыми оттѣнками ластится къ окрестнымъ островамъ, тихо дышетъ межъ ними надъ сонной пучиной, гдѣ скрылся одинъ изъ прежнихъ материковъ и незримо образуется вулканическими силами новая суша.

Бѣлесоватое небо нерѣдко окаймляется мрачными дождевыми тучами. Грустныя тѣни бѣгутъ по раздолью джонгля и водъ . . . Ливень, — и опять все полно жизни, празднуетъ обновленье! . .

А ночи?! Какими словами охарактеризовать ихъ вѣчный фосфорическій блескъ на грозовомъ горизонтѣ? Серебристые гребни волнъ мѣрно всплываютъ подъ нимъ изъ непроницаемаго мрака, полосы искръ алмазнымъ вѣеромъ расходятся въ водѣ за винтомъ фрегата. Весь млечный путь точно отразился и горитъ въ этой лазоревой таинственной безднѣ подъ нами и надъ нашей головой, — а въ отдаленьи ракетами вспыхиваютъ и змѣятся зарницы . . .

Суббота, 23 февраля.

Вотъ мы уже миновали высокій желѣзный маякъ слѣва, свидѣтельствующій о близости Батавіи. На морской поверхности чаще попадаются плавающіе куски дерева. Свѣ-

ПРИМОРСКАЯ БАТАВІЯ.

жесть утра начинаетъ исчезать и легко предвидѣть, что́ за температура насъ ожидаетъ при съѣздѣ на берегъ. Вулканы Явы обрисовываются за нимъ, опоясанные облачною пеленой, — такъ что по временамъ вершины этихъ горъ какъ-бы висятъ на воздухѣ. Въ 10 часовъ эскадра бросаетъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ новой искусственной гавани Танджонкъ-Пріокъ. Множество лодокъ и пароходиковъ, съ музыкой, окружаетъ «Азовъ». Дамы машутъ платками. Задушевно-привѣтливые возгласы въ первый разъ послѣ Египта слышатся во встрѣчающей толпѣ. На сердцѣ невольно становится радостно и легко. По всему видно, что голландцы не оффиціально только, а чистосердечно намѣрены оказать радушный пріемъ. И не мудрено: тутъ къ намъ издавна питаютъ чувства симпатіи, въ которыхъ нельзя сомнѣваться! Не любить русскихъ на Востокѣ имѣютъ причину лишь тѣ элементы, надъ коими при ихъ дерзкомъ и грубомъ притѣсненіи туземныхъ началъ ангеломъ возмездія стоитъ наша объединяющая азіатовъ держава.

На паровомъ катерѣ являются намъ консулъ Бодъ (Jonkheer W. A. Baud) и вице-консулъ (Jonkheer A. Ploos van Amstel). Вслѣдъ за обычными салютами пріѣзжаетъ со своими адъютантами генералъ-губернаторъ индо-индерландскихъ колоній: докторъ правъ Пейнакеръ Хордейкъ (Pynacker Hordijk), и вмѣстѣ съ нимъ вице-адмиралъ Тенъ Бошъ, а также генеральный секретарь колоніальнаго правительства Галлуа (W. O. Gallois).

Четверть часа послѣ того какъ они представились Наслѣднику Цесаревичу, Ихъ Высочества со свитой покидаютъ эскадру. Голландскія суда нарядно убраны флагами. Люди посланы по реямъ. Восторженное ура гремитъ надъ моремъ, пока мы подходимъ къ берегу. Не пора-ли однако и о немъ сказать нѣсколько словъ?

Несмотря на гигантскую литературу путешествій, на крайнюю доступность такихъ странъ какъ Ява за послѣдніе года, на пробуждающійся интересъ къ подобнымъ ей экзотическимъ мірамъ, — читающая Европа въ сущности мало знаетъ о прошломъ и даже отчасти о настоящемъ этихъ за-экваторіальныхъ странъ. Исторія ихъ весьма неполно изслѣдована, характеръ населенія и его жизненныя цѣли далеко недостаточно выяснены, проистекающая оттого отрывочность свѣдѣній поневолѣ даетъ блѣдную окраску описаніямъ туристовъ. О чемъ мы можемъ en connaissance de cause говорить, когда кругомъ — столько тайны и столько вопросительныхъ знаковъ?

Что такое, во-первыхъ, нидерландская Индія съ ея относительно густымъ и довольно однороднымъ населеніемъ (притомъ же скорѣе воинственнаго и непокорнаго нрава), если ею — почти безъ труда и гораздо менѣе опасаясь за свою неприкосновенность, чѣмъ англичане въ Азіи — правитъ горсть «бѣлыхъ» плантаторовъ, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, фразы о прогрессѣ не идутъ рука объ руку съ насиліемъ?

Почему эти благодатные края, признающіе надъ собой эгиду Голландіи, въ культурномъ отношеніи переживаютъ фазисъ обостряющагося религіознаго тяготѣнія къ исламу и Меккѣ, хотя основы высшаго бытія яванцевъ тѣсно связаны съ исконнымъ воздѣйствіемъ на нихъ языческаго Индостана и Юга китайской имперіи? Что за будущее ожидаетъ колонію съ такимъ необыкновеннымъ богатствомъ, но политически невыгоднымъ положеніемъ?

Цѣлую недѣлю нашего пребыванія на «изумрудномъ» островѣ мой дневникъ главнымъ образомъ будетъ посвященъ посильнымъ отвѣтамъ въ сжатой формѣ на подобные естественно возникающіе запросы, причемъ иногда придется обращать вниманіе и на мелочи, когда обобщеніе нѣкоторыхъ фактовъ покажется необходимостью.

Еще нѣтъ и трехсотъ лѣтъ, что представители германской расы по слѣдамъ португальцевъ начали утверждаться на Явѣ. Только въ началѣ XVII в. морякъ Pieter Both заложилъ факторію Батавію близъ стараго туземнаго центра Jakatra («столица побѣды») у рѣки Tjiliwong. Сперва было трудно предугадать, кто изъ европейцевъ осилитъ колонизаторовъ съ родины Васко да Гамы: французы-ли, голландцы или англичане? Послѣдніе въ то время не собирались даже играть на Востокѣ преобладающую съ моря роль и довольно поздно, исключительно по непростительной оплошности другихъ западныхъ націй заняли тамъ это мѣсто.

Въ ту пору индо-малайскій міръ служилъ для британскаго элемента едва-ли не бо́льшею приманкой, чѣмъ царство Моголовъ и смежныхъ съ нимъ владѣній: въ XVII столѣтіи, напримѣръ, Мадрасъ подчинялся англійской колоніи на Явѣ. И тѣмъ не менѣе у нидерландскаго правительства хватило энергіи и средствъ парализовать здѣсь чужія вліянія и стать господствующимъ слоемъ населенія. Въ теченіе полувѣка населеніе острова, куда мы прибыли, упятерилось, — такъ что теперь онъ можетъ считаться за одинъ изъ населеннѣйшихъ на земномъ шарѣ. Однако свободной земли и пропитанія тутъ, какъ говорятъ,

надолго хватитъ туземному грядущему поколѣнію, — конечно, если не нахлынутъ милліоны китайцевъ, что весьма легко предвидѣть . . . Великій океанъ съ заманчивыми частицами суши въ его теплыхъ предѣлахъ — прямой путь для избытка жителей Небесной имперіи! . . . А у насъ наивно толкуютъ о нашествіи ихъ на Сибирь, куда отребье народа-земледѣльца, народа — по инстинкту южанина, направляла и направляетъ развѣ самая крайняя нужда, — гдѣ только иноплеменнику-купцу открыто широкое поле дѣятельности, но никоимъ образомъ нельзя съ извѣстною долею вѣроятности ожидать наплыва желтолицыхъ пахарей. Здѣсь же, наоборотъ, это рано или поздно случится по праву сильнаго, когда жизнеспособному полумилліарду людей, тяготящихся тѣснотой, понадобится экономическій исходъ, расширенная арена эволюціи, борьба за будущее. Довольно пассивная, несмотря на свою даровитость, малайская расса тогда неизбѣжно должна во многихъ отношеніяхъ пострадать.

Гавань Батавіи, въ которую мы вошли, — совершенно новаго происхожденія. Могучіе волнорѣзы за нами, — между покинутой эскадрою и застроеннымъ складами побережьемъ, — мастерскія, рельсовый путь вдоль бассейна-канала, покрытаго судами разнороднѣйшей величины, — все существуетъ чуть-ли не со вчерашняго дня и свидѣтельствуетъ о заботѣ властей поднять слегка поколебавшееся значеніе здѣшняго порта. Неудобный рейдъ, прогрессировавшее обмелѣніе фарватера отъ рѣчныхъ наносовъ, конкуренція Сингапура на міровомъ торговомъ пути, — немало данныхъ заставило медлительныхъ голландцевъ ассигновать 6,000,000 руб. на созданіе Танджонкъ Пріока (въ его теперешнемъ видѣ), гдѣ умѣщается до 75 кораблей. Ихъ вообще сюда ежегодно приходитъ до 850 съ водоизмѣщеніемъ въ 780,000,000 тоннъ: двѣ трети грузовъ — на пароходахъ (кромѣ 450 голландскихъ, обыкновенно насчитываютъ 125 англійскихъ, 25 французскихъ, а за послѣднее время и нѣсколько сіамскихъ), остальные же подъ парусами: въ этомъ разрядѣ постепенно начинаютъ въ свою очередь обращать на себя вниманіе норвежскій, германскій, италіанскій флаги. Въ Австро-Венгріи проявляется интересъ къ условіямъ экспорта въ индо-нидерландскія владѣнія. Недаромъ въ Амстердамѣ недавно была колоніальная выставка съ цѣлью привлечь на нее иностранныхъ ученыхъ и купцовъ.

До 1825 г. нидерландское правительство ревниво оберегало за своими подданными исключительное право торговыхъ сношеній съ Явою, но затѣмъ поняло, какъ выгодно открыть туда доступъ коммерсантамъ и другихъ націй. Хозяевамъ края пришлось монополизировать только каботажное плаваніе, предоставивъ его при этомъ почти всецѣло коренному населенію. Власти строго надзираютъ за тѣмъ, чтобы безъ ихъ вѣдома не ввозилось въ колонію ни опіума, ни огнестрѣльнаго оружія, ни пороха. Вывозить запрещено археологическія достопримѣчательности, — что однако не мѣшаетъ послѣднимъ попадать въ иностранные музеи. Такъ напр. не только въ берлинскомъ этнографическомъ музеѣ, но и въ нашемъ Академическомъ (на Васильевскомъ Островѣ въ столицѣ) есть образцы яванскихъ древностей индійскаго культурнаго періода. Въ Петербургѣ они принесены въ даръ богатымъ голландскимъ плантаторомъ Стюрлеромъ.

Яванскій экспортъ состоитъ преимущественно изъ индиго, кофе, сахара, табаку, чая, ласточкиныхъ гнѣздъ, буйволовыхъ кожъ, мускатнаго орѣха, гуттаперчи, бѣлаго и чернаго перца, воска, риса, саго и т. п. Ввозится же великое множество издѣлій европейской промышленности, предметовъ первой необходимости и роскоши: внутрь острова въ громадномъ количествѣ идутъ, между прочимъ, шелковыя издѣлія и разнороднѣйшія ткани. Почти

вся торговля тамъ сосредоточена въ рукахъ арабовъ, индійскихъ мусульманъ и китайцевъ, — причемъ едва-ли не львиная доля перепадаетъ послѣднимъ. Яванцы стали въ данное время крайне апатичны и дозволяютъ себя легко эксплоатировать отчасти пришлымъ, отчасти мѣстнымъ иноплеменникамъ. Прежде (напр. еще въ XVI в.) согражданамъ населенія Небесной имперіи здѣсь не дозволено было чрезмѣрно расширять коммерческія операціи; но затѣмъ на дѣятельность піонеровъ желтой рассы привыкли смотрѣть снисходительнѣе: они все тѣснѣе и тѣснѣе сплочиваются въ очень дружныя тайныя общества и постепенно захватываютъ любую отрасль предпріимчивости и труда. Въ данное время лучшіе столяры, каменьщики, кузнецы, маляры, сапожники, часовщики и т. д. въ зондскомъ архипелагѣ — китайскаго происхожденія. Наступитъ минута, что они проявятъ свое полновластіе положительно во всемъ, — а была пора, когда коренные туземцы никому не уступали въ качествѣ искусныхъ ремесленниковъ, обладали недюжинными способностями въ торговомъ дѣлѣ, умѣли развиваться самобытно, да еще вліять на сосѣдей! . . .

Прямо передъ нами — разукрашенная пристань близь вокзала Танджонкъ Пріокъ. Вся она — въ гирляндахъ, деревцахъ и флагахъ (русскихъ, греческихъ голландскихъ). Тысячи зрителей разноплеменнѣйшаго состава тѣснятся вокругъ, насилу сдерживаемые яванской полиціей. Любопытство и энтузіазмъ собравшихся сюда издалека такъ велики, что толпа положительно грозитъ прорвать цѣпь туземной стражи у дорожки, ведущей къ желѣзнодорожному дебаркадеру. При выходѣ изъ катера Наслѣдникъ Цесаревичъ подъ звуки «Боже, Царя храни!» встрѣченъ генералъ-губернаторомъ и вице-президентомъ его совѣта Ванъ-деръ-Війкъ, главнокомандующимъ индо-нидерландскою арміей генералъ-лейтенантомъ van Zijll de Jong, только-что представившимся адмираломъ, начальникомъ общественныхъ работъ van Bosse, резидентомъ (губернаторомъ) Батавіи и ея округа докторомъ правъ Метманомъ, капитаномъ надъ портомъ Барнаартомъ и военнымъ инженеромъ полковникомъ Реснеромъ, назначеннымъ состоять при Особѣ Е. И. Высочества.

Происходитъ обычное представленіе встрѣчающихъ лицъ Августѣйшимъ путешественникамъ. Затѣмъ слѣдуетъ отъѣздъ изъ гавани въ самый городъ, отстоящій за десять верстъ. Когда паровозъ уже началъ приходить въ движеніе, масса народа (въ томъ числѣ и европейцевъ) прорываетъ преграды и наводняетъ станцію. Флегматичные голландцы радостно провожаютъ Дорогаго Гостя шестьюкратными возгласами «ура!»

Насъ везутъ вдоль илистаго канала: не то лѣсомъ, не то деревней, не то предмѣстьемъ большаго центра. Столица Явы тѣмъ именно и отличается, что раскинута на обширнѣйшемъ пространствѣ среди подавляющей тропической растителности: не знаешь, гдѣ — жилье человѣческое, гдѣ — настоящій непроницаемый джонгль . . . Вагоны катятся по незначительному подъему: межъ банановъ, баніановъ, гигантскихъ кактусовъ и кокосовыхъ деревьевъ. Между тѣмъ, кругомъ, это — уже Батавія съ отдѣльными и по своему безшумно оживленными кварталами, группами затерянныхъ въ листвѣ домовъ, цѣлымъ прошедшимъ мистическаго и кроваво-легендарнаго характера . . .

Исторія острова, объемомъ почти равнаго Англіи, развертывается въ сумракѣ временъ уже очень давно. Каждая пядь земли озарена тутъ или миѳомъ, или смутнымъ преданіемъ, или относительно недавнимъ событіемъ, одинаково живущими въ устахъ народа. Конечно, яванцамъ далеко до насельниковъ Индіи въ смыслѣ общенія en grand съ человѣчествомъ въ разныя эпохи и подъ любымъ небомъ Азіи. Но и этотъ уголокъ земнаго шара ($^1/_{14}$ индерландскихъ владѣній въ жаркомъ поясѣ) съ очень давнихъ поръ привлекалъ взоры иноземцевъ-мореплавателей, завоевателей и миссіонеровъ. Островъ, куда мы прибыли, не представляетъ изъ себя чуть-ли не первобытной глуши, разбуженной лишь приходомъ «бѣлыхъ»

людей, а издревле являлся особымъ характернымъ міромъ, откуда какъ изъ очага свѣта многое получали и воспринимали смежные края вродѣ Суматры, Борнео, Малакки и т. п.

Положеніе Явы болѣе или менѣе извѣстно уже географу Птолемею (во II вѣкѣ послѣ Р. Хр.). Китайцы, индусы могли до Р. Хр. посѣщать ее съ цѣлями торговли, колонизаціи. Финикійскіе, а также и александрійскіе купцы вывозили отсюда пряности и хотя смутно знакомили Западъ съ характеромъ зондскаго архипелага. Преемниками этой роли являются арабы, соприкасавшіеся съ малайской рассой и у Мадагаскара, и въ Красномъ морѣ: первымъ мусульманамъ естественно было проникнуть на ея родину въ дальнихъ странахъ полудня. Изъ европейцевъ туда ранѣе всѣхъ путешественниковъ проникъ Марко Поло, а за нимъ въ XIV столѣтіи обасурманившійся венеціанецъ Николо Конти. Весьма возможно, что безпечные португальцы сами отъ себя не скоро бы обратили вниманіе на Яву, не приди отсюда къ нимъ, въ ихъ азіатскія владѣнія, туземное языческое посольство съ мольбами о помощи противъ непомѣрно усиливавшагося на островѣ ислама. Признавая послѣдній своимъ исконнымъ врагомъ, лузитанское воинство двинулось въ новыя для него области за экваторъ и положило такимъ образомъ начало медленному вторженію Европы въ совершенно ей незнакомую и чуждую жизнь многомилліоннаго коричневаго населенія.

Яванскія сказанія единогласно говорятъ о дѣяніяхъ нѣкоего героя, по имени Сака, который въ первомъ вѣкѣ нашей эры привилъ здѣсь элементы цивилизаціи, пересадилъ формы индійскаго строя на дѣвственую почву малайскаго быта, не тронутаго еще никакою высшею культурою, такъ какъ китайское воздѣйствіе если и проявлялось тогда, то въ незначительной степени. Въ теченіе тринадцати столѣтій брамино-буддійскій міръ находился въ прямомъ общеніи съ юго-восточнымъ архипелагомъ и въ своемъ творческомъ напряженіи, среди этой разнообразно богатой области, оставилъ въ наслѣдіе туземцамъ такія удивительныя (по размѣрамъ и законченности очертаній) созданія зодчества и ваянія, что сама родина ихъ (Индостанъ) въ общемъ не сохранила ничего подобнаго по историческому и художественному значенію. Натуралистъ Уолласъ, знатокъ Явы, справедливо замѣчаетъ: «мѣстное коренное населеніе затратило въ средніе вѣка неизмѣримо больше искусства и энергіи на сооруженіе хотя-бы напр. величественнаго «города храмовъ» Боро-будуръ въ центрѣ острова, чѣмъ египтяне на возведеніе пирамидъ.» Когда вслѣдъ затѣмъ исламъ въ свою очередь пустилъ корни среди малайской рассы и постепенно вытѣснилъ собою язычество, ничья вандальская рука не посягнула на объекты прежняго культа. Люди не то съ суевѣрнымъ страхомъ, не то съ благоговѣніемъ точно отпали отъ нихъ, продолжая однако по временамъ воздавать почти божескія почести заглохшимъ и разрушающимся капищнымъ громадамъ какъ чему-то сверхъестественному. Дѣйствительно, нигдѣ въ мірѣ не найдено пока равныхъ имъ по колоссальности архитектурнаго замысла, въ связи съ совершенствомъ выполненія. Голландцы, правда, уже въ прошломъ столѣтіи случайно открыли немало такихъ замѣчательныхъ развалинъ, но у практиковъ-колонизаторовъ не зарождалось

мысли о важности и необходимости изученія подобныхъ памятниковъ въ строго научномъ отношеніи, Нужно было быть археологомъ въ душѣ, чтобы заинтересоваться ими, чтобы забытымъ одухотвореннымъ камнямъ чужой культуры, чужаго духовнаго міра вернутъ прежнее обаяніе, которое они справедливо заслужили. Кратковременно правившій Явою англійскій губернаторъ Ральфсъ первый методически занялся изслѣдованіемъ останковъ индуизма въ этихъ краяхъ. Нидерландское правительство лишь въ 1845 г. снарядило экспедицію для воспроизведенія грандіозныхъ руинъ Боро-будура въ цѣломъ рядѣ фотографическихъ снимковъ и гравюръ. Съ тѣхъ поръ осмысленное освѣщеніе памятника все ростетъ, доказывая Западу, какъ великъ Востокъ въ своихъ религіозныхъ созданіяхъ. Кумирни и особенно барельефы буддійскаго типа поражаютъ болѣе всего тѣмъ, что изваянные боги и символы исчезающаго періода (на «изумрудномъ» островѣ за экваторомъ) зачастую одинаковы съ тѣми, которые донынѣ чтутся въ Гималлаяхъ и за ними, у ламаитовъ Тибета и Монголіи . . . Я самъ испыталъ крайнее удивленіе, обходя разъ берлинскій этнографическій музей, когда увидалъ одного яванскаго Будду, точь въ точь схожаго съ видѣннымъ мною у бурятъ. Связующее звено потеряно: формы буддійской религіи къ сѣверу отъ Явы и къ югу отъ ламайскихъ центровъ значительно видоизмѣнены сравнительно съ тамошними традиціонными «святынями». Пока остается любопытною исторической загадкой, почему на крутизнахъ Нэпаля и у Боро-будура человѣческая вѣра воздвигла тождественные сложные предметы поклоненія. Очевидно, конечно, что индусы-проповѣдники и учителя-художники придерживались и здѣсь, и въ Центральной Азіи одинаковаго образа мышленія въ духѣ истинныхъ древнихъ началъ. Сродство на этой почвѣ мнѣ вотъ еще почему понятно, — хотя гипотеза многимъ и покажется, пожалуй, черезчуръ оригинальною. Царство животныхъ на Явѣ имѣетъ больше аналогіи съ фауной материка (Сіамомъ, Бирмой, Индіей, Гималаями) чѣмъ съ окрестною островною. Между тѣмъ натуралисты убѣждены, что Ява раньше отдѣлилась отъ Азіи нежели напр. Суматра и Борнео. Современныя тибето-монгольскія формы буддизма, по моему, гораздо первобытнѣе остальныхъ (на Цейлонѣ, въ Индо-Китаѣ, Небесной имперіи, Японіи). Онѣ создались въ глубочайшей древности и передавались изъ страны въ страну, пока послѣднія физически составляли одно неразрывное цѣлое. Позже религія Шакья-Муни въ иныхъ краяхъ сильно упростилась внѣшнимъ образомъ. Въ канонической чистотѣ она случайно могла объектами культа уцѣлѣть на Явѣ, сознательно сохраняясь параллельно съ тѣмъ въ Центральной Азіи. И тутъ, и тамъ мусульмане нерѣдко торжествуютъ побѣду, по праву сильнаго тѣсня и низвергая буддійскіе предметы поклоненія.

Въ данное время вѣра «царевича-мудреца» распространена на «изумрудномъ» островѣ почти лишь среди китайцевъ, — сами же яванцы исповѣдуютъ исламъ. Это придаетъ народу больше національной стойкости и антипатіи къ иновѣрцамъ-христіанамъ. Будь онъ — по старому, съ языческимъ міровоззрѣніемъ, съ яванцами легче было бы ладить. Невидимый городъ, по которому мы ѣдемъ, спокоснъ, впрочемъ, уже очень давно и въ нашъ вѣкъ едва-ли бы могъ породить какого-нибудь Нану Сахиба, чѣмъ напр. Индія безъ сомнѣнія до сихъ поръ богата.

Прошлое Батавіи отмѣчено въ минувшемъ столѣтіи только однимъ эпизодомъ романтически-трагическаго свойства. Туземцы долго не мирились съ мыслью, что европейцы призваны быть господами края. Почему-то ненависть къ нимъ особенно сильно таилъ въ своемъ сердцѣ метисъ, — сынъ нѣмца, авантюриста изъ Вестфаліи, и яванки. Имя его — Петръ Эльберфельдъ.

Пять старшихъ братьевъ унаслѣдовали привычки и взгляды отца; младшій же съ дѣтства проникся страннымъ патріотизмомъ совершенно инаго характера. Такъ онъ прожилъ

почти до шестидесятилѣтняго возраста, съ крайнею непріязнью относясь къ пришельцамъ съ Запада. Наконецъ этому представителю смѣшанной рассы показалось своевременнымъ свергнуть ненавистное иго. Онъ составилъ обширнѣйшій заговоръ, въ которомъ приняло участіе до тридцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько яванскихъ князей, и все втихомолку подготовлялось для низверженія чужаго господства; всѣмъ «бѣлымъ» грозила смерть, не помѣшай тому исключительный случай. Осуществленіе кроваваго плана не удалось, благодаря мѣстнымъ Ромео и Джульеттѣ. У Эльберфельда была любимая племянница, красавица собой, воспитанная имъ на туземный ладъ. Ей приглянулся голландецъ-офицеръ, и молодые люди, во что бы то ни стало, рѣшили соединиться брачными узами. Зная однако непримиримыя чувства дяди ко всему иностранному, Мида (такъ звали дѣвушку) выжидала, какъ и когда ему открыться. Однажды ей показались подозрительными ночныя сборища въ ихъ домѣ. Она невольно прослѣдила нити заговора, напоминающаго подробностями сцены изъ «Гугенотовъ», и выдала жениху тайну старика-опекуна. Зачинщиковъ схватили и подвергли жестокимъ казнямъ: обвиненнымъ туземнымъ принцамъ отрубили сначала правую руку, а потомъ и голову. Эльберфельда же привязали къ хвостамъ четырехъ лошадей и такимъ ужаснымъ способомъ разорвали на части. Дѣвушку-избавительницу сочли какой-то отверженной, зачумленной и не дозволили офицеру на ней жениться.

Что съ мятежниками въ Батавіи не церемонились, — легко понять, ибо извѣстны кары, постигавшія тутъ даже администраторовъ, если былъ поводъ подозрѣвать ихъ въ сепаратистическомъ настроеніи: одного, между прочимъ, преспокойно колесовали на глазахъ народа.

Эльберфельда казнили въ 1722 г. Еще и теперь батавцы не забыли этой расправы и боятся мѣста, гдѣ она произошла: оно считается проклятымъ . . . Суровое подавленіе задуманнаго возстанія едва-ли не навсегда отбило у инородческаго населенія охоту злоумышлять, цѣлуя Коранъ и отравленные кинжалы, противъ фактическихъ хозяевъ страны. Вспышка вражды и неожиданныя кровопролитія по временамъ неизбѣжны, но не представляютъ для правительства безусловной опасности.

Часъ пополудни. Станція «Wéltevréden» («Отрадное»), самая аристократическая часть столицы острова. Изящно декорированный дебаркадеръ. Почетный караулъ отъ 9-го баталіона, со знаменемъ и музыкой. Военныя и гражданскія власти (послѣднія — въ парадной формѣ: треуголки, фраки съ богатымъ золотымъ шитьемъ, бѣлые кашемировые панталоны). Консула: германскій и австрійскій въ лицѣ одного и того же лица, великобританскій, бельгійскій, американскій, швейцарскій, датскій, португальскій, сіамскій (европеецъ) и турецкій (Рифки эфенди). Постъ послѣдняго, очевидно, потому учрежденъ, что по зондскому архипелагу бродитъ множество выходцевъ изъ Мекки, съ цѣлью зазывать туда богомольцевъ и выгодно торговать среди здѣшняго простодушнаго населенія, принявшаго исламъ. Въ числѣ сановниковъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей, встрѣчающихъ Е. И. Высочество, намъ называютъ многихъ, — и притомъ съ крайне трудными голландскими фамиліями: напр. Pruijs van der Hoeven, члена генералъ-губернаторскаго совѣта (кромѣ него присутствуютъ совѣтники одинаковаго съ нимъ ранга: Бергсма, Крёзенъ, Грёневельдъ), докторовъ правъ Сибеніусъ Трипъ и Спехтъ Грійпъ, — предсѣдателя и помощника предсѣдателя «Hoog Gerechtshof» (главной судебной инстанціи), — генераловъ Geij van Pittius, van de Pol, van der Eb, — затѣмъ завѣдующаго финансами

колоній г. Роверсъ, директора департамента народнаго просвѣщенія, исповѣданій и промышленности г. Ванъ деръ Кемпъ, — главнаго военнаго доктора Ромбаха, управляющаго яванскимъ банкомъ Zeverijn, одного изъ секретарей колоніальнаго правительства — барона Sweerts de Landas Wijborgh, и т. д. и т. д.

Гремитъ и дважды повторяется русскій гимнъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ идетъ по фронту караула.

Вся Батавія высыпала на улицы, по которымъ долженъ послѣдовать Августѣйшій проѣздъ и гдѣ шпалерами выстроены войска гарнизона.

Ихъ Высочества садятся съ генералъ-губернаторомъ въ его экипажъ, запряженный четверкою à la Daumont. Шествіе открывается и замыкается отрядомъ кавалеріи. Празднично разодѣтая публика восторженно привѣтствуетъ Царственнаго Гостя и Его спутниковъ. По взрыву энтузіазма это — право, похоже на милый Каиръ!

Разстояніе отъ вокзала до палаццо батавскаго резидента, гдѣ приготовлены покои для Цесаревича, невелико. Слава Богу, потому что зной становится невыносимымъ! Между тѣмъ, февраль здѣсь считается относительно прохладнымъ мѣсяцемъ.

Двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣщаетъ городу, что парадный кортежъ достигъ своего назначенія. При входѣ въ домъ Августѣйшіе путешественники встрѣчены госпожею Пейнакеръ Хордейкъ и госпожею Метманъ. Комнаты Именитыхъ Гостей ея величества королевы индерландской убраны самымъ изысканнымъ образомъ. Вниманіе устраивавшихъ пріемъ простерлось до того, что въ кабинетѣ Наслѣдника Цесаревича на письменномъ столѣ красуются портреты Его Августѣйшихъ Родителей.

Вскорѣ послѣ прибытія, на верандѣ губернаторской роскошной резиденціи сервированъ былъ безконечно-длинный завтракъ, причемъ великолѣпный хоръ музыки игралъ въ саду. Затѣмъ наконецъ наступилъ моментъ отдыха.

Русскую свиту пришлось раздѣлить на части, за отсутствіемъ помѣщенія въ одномъ дворцѣ: кто попалъ въ «Hotel Bellevue» (какъ я, напримѣръ), — во-первыхъ, изъ-за частыхъ разъѣздовъ больше другихъ имѣлъ случай видѣть Батавію, а во-вторыхъ, нашелъ въ этой гостинницѣ отличнѣйшій уходъ: на всѣхъ насъ, включая офицеровъ съ нашей эскадры, все время смотрѣли какъ на гостей королевы. Жаль только, что и тутъ каждая минута предрѣшена была и взвѣшена: занавѣсъ приподымался надъ фантасмагоріей яванскаго міра, и слишкомъ быстро падалъ!..

Съ чего начать описаніе города, единственнаго въ своемъ родѣ по оригинальности и расположенію? Художника-импрессіониста особенно сбивали бы съ толку краски и тоны. Цѣлой радугой пестрятъ одѣянія туземцевъ, — преимущественно, конечно, прекраснаго пола: скала цвѣтовъ какъ-бы въ прямой связи съ окраской растительнаго міра! Желтый и красный оттѣнокъ преобладаютъ. На головахъ у мужчинъ — пестрыя повязки. Искусно подстегнутые у пояса хлопчатобумажные, а подчасъ и шелковые «саронги» (не то юбки, не то плэды) тоже ярко выкрашены согласно причудливому вкусу малайцевъ. Чтобы понять, какъ подбираются и такъ-сказать нанизываются на нихъ цвѣта, надо знать способъ отдѣлки этихъ матерій. Берется напр. кусокъ ткани и отчасти заливается воскомъ, затѣмъ опускается въ какую-нибудь одну краску, сушится, снова покрывается на иныхъ полосахъ слоемъ того же вещества, окрашивается въ другой цвѣтъ, и т. д. Добросовѣстная работа подобнаго рода требуетъ долгаго времени. Въ концѣ концевъ получается

однако пестрая и богатая по внѣшности ткань, мерцающая словно драгоцѣнные камни или окна средневѣковаго готическаго собора.

Группы столь своеобразно одѣтыхъ яванцевъ почти беззвучно проходятъ широкими улицами, — скорѣе напоминающими аллеи гигантскаго парка, — гдѣ каждое европейское жилье обнесено оградой и утопаетъ въ листвѣ. Первыя впечатлѣнія туриста до того странны, что не сразу напр. рѣшишься войдти въ магазины, ибо они также находятся во дворахъ и болѣе похожи на горделиво замкнутыя виллы, чѣмъ на торговыя заведенія. О существованіи ихъ зачастую свидѣтельствуетъ только маленькая вывѣска у воротъ.

Между бурыми кирпичными мостами надъ каналами Rijswyk и Molenvliet (въ аристократическомъ кварталѣ города) мостся и полощетъ бѣлье туземный людъ. Двухколесныя повозки «саду» (dos à-dos), запряженныя бойкими лошадками съ острова Суматры, служатъ совершеннымъ pendant къ средне-индійскимъ тонгамъ. Конножелѣзная дорога пересѣкаетъ набережныя, гдѣ бродитъ смуглолицый вродѣ южныхъ италіанцевъ, симпатичный по облику и отлично дисциплинированный народъ. Среди коренныхъ жителей нерѣдко мелькаетъ въ соломенной шляпѣ, темномъ платьѣ и суконныхъ башмакахъ самоувѣренная фигура китайца-купца, передъ которымъ носильщикъ тащитъ по жарѣ его товаръ. Изрѣдка на улицѣ босикомъ появляются дѣти, а то даже и взрослыя представительницы «бѣлой рассы» въ такихъ климатически удобныхъ, но на западный взглядъ рискованныхъ костюмахъ, что сперва становишься втупикъ: кофточка и рубашка... не слишкомъ-ли мало, хотя бы и за экваторомъ?! Одинъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ, будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Батавіи, откровенно отписалъ о всемъ видѣнномъ домой въ Финляндію, въ свою благонравную семью: старики-родители обидѣлись, читая правдивое посланіе, и сочли, что сынъ смѣется надъ ними, рисуя обстановку среды, гдѣ — не мѣсто скромному молодому человѣку. Между тѣмъ, дѣло объясняется очень просто, если допустить голландскую точку зрѣнія: иностранцы должны жить въ тропикахъ, приближаясь, по мѣрѣ возможности, до мелочей къ быту и привычкамъ инородцевъ.

ЗА ЭКВАТОРОМЪ

Стѣсняться, осѣдая въ колоніяхъ, значитъ безразсудно вредить себѣ. Изнурять себя днемъ во имя никому не нужнаго этикета граничило бы съ увлеченіемъ крайностями. Поэтому нужно проводить время на воздухѣ и въ движеніи, не боясь солнца, не обращая вниманія на случайныхъ посѣтителей съ Запада. Можно въ своемъ вольномъ костюмѣ не только хозяйничать, но и принимать съ визитомъ близкихъ знакомыхъ, отправляться за покупками...

Чего-чего только не писали противъ климата въ зондскомъ архипелагѣ! Дѣйствіе его на европейца долгое время считалось до того губительнымъ, что ѣхавшіе туда (по

бо́льшей части авантюристы, съ отчаяннымъ взглядомъ на вещи) направлялись въ эти благодатные края жаркаго пояса почти какъ на вѣрную смерть: дѣйствительно, мало кто возвращался на родину обогащеннымъ и здравымъ! Дурная молва, очевидно, преувеличивала опасности, — и лишь впослѣдствіе колонизаторы поняли, что болѣзненность и смертность въ ихъ средѣ обусловлены были едва-ли не исключительно крайне нецѣлесообразнымъ образомъ жизни въ знойно-влажной полосѣ земнаго шара, обремененіемъ себя не подходящей одеждой, пищей и особенно питьемъ. Когда причины недуговъ мало-по-малу устранились, на Яву и смежныя ей страны естественно стали смотрѣть иными глазами: оказалось, что въ тропикахъ можно жить подолгу и въ свое удовольствіе, отнюдь не рискуя быстро разрушить даже мало выносливый организмъ. Стоитъ взглянуть на портреты прежнихъ дѣятелей XVII и XVIII вѣковъ (въ тяжелыхъ кафтанахъ и парикахъ!), чтобы сразу уяснить себѣ, почему смерти легко давались тогда жертва за жертвою. Всего гибельнѣе дѣйствовали тутъ костюмъ и алкоголь. Напримѣръ какой-нибудь эмигрантъ согласно обычаю приходилъ въ гости зашнурованный и въ тяжеломъ головномъ уборѣ, со шпагой и тростью: сейчасъ же начиналась попойка, и силы таяли при этомъ съ удвоенной скоростью. Еще надо удивляться, какимъ адскимъ здоровьемъ обладали первые колонизаторы архипелага!

Ознакомившись съ бытомъ туземнаго населенія, голландцы переняли отъ инородцевъ многое разумное и полезное, позаимствовали многое изъ ихъ привычекъ: съ тѣхъ поръ здоровье здѣшняго «бѣлаго» элемента едва-ли не благополучнѣе обставлено чѣмъ въ другихъ европейскихъ колоніяхъ. Будь послѣдній столь же расположенъ къ спорту, какъ первенствующіе въ этомъ отношеніи англичане, онъ чувствовалъ бы себя еще гораздо лучше. Гигіена тутъ требуетъ, чтобы поменьше ѣсть и не слишкомъ часто утолять жажду. Рисъ, дичь, овощи и фрукты, — вообще все, въ чемъ мало углерода, служитъ въ пользу человѣку и предохраняетъ его внутренніе органы, его мускульную и нервную систему отъ заболѣваній. Малайцы, индусы и китайцы, издревле населявшіе Яву, физически крѣпки и не боятся усталости, бодры духомъ и долговѣчны. Иностранецъ, слѣдующій ихъ примѣру и старающійся подражать ихъ трезвому образу жизни, далеко не сразу начинаетъ страдать малокровіемъ, венозностью крови, раздражительностью кожи и печени. По утрамъ принято рано вставать, причемъ пьютъ холодный кофе съ горячимъ молокомъ; работа болѣе всего спорится до наступленія усиленной жары; днемъ необходимъ продолжительный отдыхъ; вечеромъ очень освѣжаютъ прогулка и веселое настроеніе въ кружкѣ знакомыхъ. Артезіанскіе колодцы замѣнили въ кварталахъ для голландцевъ міазматическую влагу низовій. Въ данное время на островѣ, по правдѣ сказать, меньше шансовъ заболѣть отъ антигигіеническихъ условій, чѣмъ въ Европѣ и Америкѣ. Туземцы знаютъ достаточно средствъ противъ маларіи, знахари-китайцы успѣшно лечатъ «бѣлыхъ» отъ такихъ недуговъ какъ дифтеритъ. Медицинская часть хорошо организована, смертоносность воздуха и воды, ужасы нѣкогда свирѣпствовавшихъ эпидемій отходятъ въ область преданія.

Въ длинномъ рядѣ голландскихъ генералъ-губернаторовъ Явы едва-ли не главное мѣсто занимаетъ маршалъ Дэндельсъ, правившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ такъ энергично старался пріобщить островъ къ западной цивилизаціи, въ тоже время внушительно выступая передъ инородцами въ качествѣ непреклоннаго исполнителя разъ принятыхъ рѣшеній, что для кореннаго населенія онъ еще и теперь, восемьдесятъ лѣтъ

спустя, кажется легендарной личностью, одни разсказы о которой вызываютъ въ слушателяхъ удивленіе, смѣшанное со страхомъ. Объ этомъ выдающемся администраторѣ даже сложилось представленіе, будто для него не существовало ничего невозможнаго. Напр. о немъ передаютъ такой случай. Одинъ султанъ, обязавшійся подписать какой-то договоръ съ нидерландскимъ правительствомъ, подъ разными предлогами медлилъ привести это въ исполненіе. Запершись въ своемъ крѣпкомъ замкѣ, окруженный вѣрными тѣлохранителями онъ вообразилъ, будто маршалъ безсиленъ что-либо предпринять противъ него. Однако Дэндельсъ, узнавъ, что туда ведетъ потайной ходъ, рѣшилъ имъ воспользоваться, хотя мѣстные жители густыми толпами окружали резиденцію своего повелителя. Маршалъ прямо пошелъ съ нѣсколькими солдатами на это многолюдье, изумленно разступившееся передъ нимъ, и, двинувшись затѣмъ подземными галлереями, внезапно появился во дворцѣ султана, начинавшаго ликовать, что могущественный генералъ-губернаторъ до него не добирается. Напугавъ всѣхъ неожиданностью своего поступка и своего присутствія въ крѣпости, Дэндельсъ заставилъ яванскаго князя тотчасъ же направиться рядомъ съ нимъ въ голландскій лагерь. Впереди должны были идти, играя, княжіе музыканты, а слѣдомъ шествовалъ уже и самъ маршалъ со своимъ плѣнникомъ. Горсть «бѣлыхъ» нравственнымъ воздѣйствіемъ убила въ нестройной оппозиціи всякую надежду на успѣхъ какого-нибудь сопротивленія!

Этотъ именно Дэндельсъ, видоизмѣнившій значительную часть Явы проведеніемъ отличныхъ дорогъ, особенно много сдѣлалъ для Батавіи. Вопервыхъ, онъ перенесъ ея наиболѣе важные центры подальше отъ моря, упразднилъ ненужные окопы, велѣлъ вырубить между отдѣльными кварталами чрезмѣрно густой и населенный хищными звѣрями джонгль, — гдѣ также водились и разбойники, — побудилъ колонизаторовъ взглянуть на прежнее устройство города какъ на дикій анахронизмъ: первые батавцы хотѣли создать изъ основной факторіи частицу настоящей Голландіи, съ одинаковыми домами и канализаціей какъ въ метрополіи, т. е. иными словами пересадить любимое родное на экзотическую почву. Въ рамкахъ этой жизни однако оно не могло привиться, — хотя тамъ, за моремъ, долго себя утѣшали иллюзіей имѣть за экваторомъ второе отечество. Когда Людовикъ XIV угрожалъ нидерландской независимости, иные мужественные граждане мечтали даже выселиться на Яву цѣлымъ народомъ, чтобы только не подчиниться французскому королю.

Пышное Вельтевреденъ съ дачами-дворцами сгруппировано главнымъ образомъ у мѣстнаго «Царицына луга», гигантской Konings-Plein, которая охватываетъ до четырехъ квадратныхъ верстъ, обрамлена тамариндовыми деревьями, поросла травою, не красива, но удобна въ смыслѣ противовѣса вредной скученности жилья. Единственной достопримѣчательностью этого пространства, смежнаго резиденціи губернатора, приготовленной для пріема Наслѣдника Цесаревича, являются такъ-называемыя «montagnes russes», у насъ почему-то величаемыя «американскими горами», и городской музей съ сингапуроподобнымъ памятникомъ слона на пьедесталѣ въ знакъ благосклоннаго посѣщенія Явы молодымъ повелителемъ Сіама въ 1871 г. По вечерамъ вокругъ равнины катается въ экипажахъ и гуляетъ избранное общество Батавіи.

Кромѣ того есть еще «Waterloo-Plein» съ величественной ратушей и статуей извѣстнаго въ XVII вѣкѣ генералъ-губернатора Koen. Ихъ Высочества со свитой, до наступленія темноты, обозрѣваютъ въ этомъ направленіи столицу острова. Очень странны наши кучера-малайцы въ ливреяхъ и цилиндрахъ, обшитыхъ галуномъ, изъ-подъ коихъ торчатъ алые концы платка, народнаго головнаго убора.

Послѣ параднаго обѣда у г. Пейнакеръ Хордейка, Августѣйшіе путешественники посѣщаютъ театръ, гдѣ идетъ оперетка «Спящая красавица». Подъ звуки русскаго гимна, публика восторженными рукоплесканіями привѣтствуетъ Именитыхъ Гостей.

Пьеса разыгрывается по-англійски. Надо замѣтить, что въ индо-нидерландскихъ колоніяхъ само правительство поощряетъ полиглоттовъ: знаніе иностранныхъ языковъ (особенно нѣмецкаго и французскаго) обязательно для служащихъ, занимающихъ въ войскѣ или по администраціи хоть какое-нибудь положеніе. Правда, великъ также элементъ иностранцевъ, принимаемыхъ здѣсь на королевскую службу: много бельгійцевъ, швейцарцевъ. Изъ Германіи вербуется немалое количество солдатъ; но имъ, къ негодованію соотечественниковъ дома, не даютъ повышаться. Жалованье платится довольно щедро: нижній чинъ получаетъ около рубля въ сутки. Впрочемъ, при дороговизнѣ всего привознаго и зачастую необходимаго, эта плата рѣдко позволяетъ бѣднымъ наемникамъ дѣлать сбереженья.

СІАМСКІЙ ПАМЯТНИКЪ У МУЗЕЯ.

За весь сегодняшній день, столь обильный впечатлѣніями, меня всего болѣе занималъ далеко не маловажный вопросъ, почему здѣсь на каждомъ шагу виденъ авангардъ Небесной имперіи и чего ожидать отъ подобнаго мирнаго нашествія.

Въ индо-нидерландскихъ колоніяхъ насчитывается въ данное время около полумилліона китайцевъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они до такой степени акклиматизировались на Явѣ, что до нѣкоторой степени могутъ ее считать второю родиною. Браки съ туземными женщинами, знаніе туземныхъ нарѣчій, эксплоатація пассивнаго населенія, умѣніе, когда нужно, угождать властямъ, — все вмѣстѣ взятое прочно привязываетъ единомышленный подданнымъ богдыхана народъ къ мѣстной почвѣ, къ мѣстнымъ условіямъ. Китаецъ вездѣсущъ на «изумрудномъ островѣ» и въ смежныхъ съ нимъ земляхъ. Онъ — и фабрикантъ, и землевладѣлецъ, и арендаторъ, и управляющій: то онъ является архитекторомъ, то ростовщикомъ, то залогодателемъ, писцемъ, кассиромъ, типографомъ, кучеромъ, поваромъ, — однимъ словомъ, чѣмъ угодно. Искусно создавая для себя кредитъ, любой полунищій представитель желтой рассы быстро богатѣетъ, неутомимо расширяетъ свои торговыя операціи, обзаводится экипажемъ, все

больше и больше вкрадывается въ довѣріе коммерсантовъ-европейцевъ, никѣмъ не контролируемый ведетъ книги торговаго дома на китайскій ладъ, китайскими письменами . . . и вдругъ въ одинъ прекрасный день оказывается банкротомъ! Обыкновенно не бываетъ никакихъ средствъ предугадать крушенія подобныхъ эфемерныхъ фирмъ и уличить ихъ въ злоумышленномъ образѣ дѣйствій; здѣсь, однако, настолько привыкли къ подобнаго рода катастрофамъ, что это нисколько не нарушаетъ установленнаго modus vivendi между «бѣлыми» и китайцами. Послѣдніе обложены въ голландскихъ колоніяхъ спеціальною податью (съ косы) отъ 2 до 50 рублей, неся кромѣ того тяжесть другихъ налоговъ.

Этотъ получужой, полутуземный элементъ обязанъ жить въ особыхъ кварталахъ, гдѣ имъ управляютъ и за него отвѣтственны передъ правительствомъ такъ-называемые майоры, капитаны, лейтенанты изъ китайской же среды.

Подростающее поколѣніе «желтолицыхъ» отличается большими способностями, старается получить образованіе въ школахъ европейскаго образца, по мѣрѣ возможности усваиваетъ англійскій языкъ и нерѣдко проникаетъ въ доступныя для немногихъ высшія училища Явы. Съ цѣлью имѣть въ свою очередь людей, которые бы хорошо знали по-китайски и могли быть полезны властямъ при сношеніяхъ съ длиннокосыми подданными, правительство командируетъ въ Небесную имперію молодыхъ людей для основательнаго ознакомленія съ тамошнимъ строемъ и рѣчью. Такіе синологи, пріѣзжая на Яву въ качествѣ драгомановъ, получаютъ тутъ хорошіе оклады отъ казны (примѣрно въ 5—6000 руб.); ихъ, впрочемъ, — только пять человѣкъ.

Небесную имперію съ политической точки зрѣнія справедливо пока считаютъ неподвижной и неспособной на активное наступленіе даже въ экономически ей важные раіоны. Но подобный взглядъ едва-ли не страдаетъ узкостью. Потенціально страна богдыхана — нѣчто до того громадное и могущественное, что нельзя даже предвидѣть, во что она разовьется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Если Японія съумѣла быстро шагнуть впередъ по пути матеріальныхъ реформъ и техническихъ усовершенствованій, — нѣтъ причинъ отвергать возможности одинаковаго пробужденія, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ со стороны Китая. Его населеніе не менѣе даровито и, вообще говоря, не менѣе склонно къ образованію, чѣмъ ближайшіе сосѣди-островитяне, сознательно рѣшившіеся наконецъ поучиться у Запада. Какой бы толчекъ изнѣ, какія бы внутреннія неурядицы не вывели «Срединное царство» изъ такъ-называемаго застоя, — вполнѣ разумнаго и нормальнаго для государства, которое прожило немало вѣковъ, — новая міровая жизнь, безъ сомнѣнія, втянетъ его въ свой стремительный водоворотъ, искусственно расшевелитъ и раздразнитъ по природѣ добродушнаго великана, — въ результатѣ чего этотъ въ данное время сильно обездоленный народъ, справедливо гордящійся многочисленными благами своей стародавней культуры, и самъ захочетъ относительной власти, славы и богатствъ, успѣха и значенія въ сонмѣ другихъ націй, преобладанія на Тихомъ океанѣ. Европа морщится при одной мысли о такихъ дерзкихъ замыслахъ со стороны «желтой рассы», но послѣдняя незримо крѣпнетъ и думаетъ смутную думу: какъ отвратить, во-первыхъ, опасность захвата китайскихъ побережій «заморскими чертями» (Россія для гражданъ Небесной имперіи — своя близкая, родная, не хищница вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ), а во-вторыхъ, чѣмъ обезпечить въ будущемъ столѣтіи отъ голодной смерти избытокъ своего многострадальнаго рабочаго люда. Въ XX вѣкѣ для прокормленія его понадобятся, во что бы то ни стало, въ качествѣ естественныхъ колоній: Аннамъ, Кохинхина и Комбоджа, Сіамъ и Бирма, обширныя малайскія страны, Формоза, Филиппинскіе острова, Борнео, Суматра и Ява. Подъ чьею бы державою ни

былъ Китай, — у него со временемъ неминуемо образуется нешуточный военный флотъ, и тогда борьба за существованіе вступитъ съ безпощадной послѣдовательностью въ свои права.

Какими средствами держится маленькая Голландія на дальнемъ Востокѣ? Кому ввѣряются тамъ интересы этого симпатичнаго королевства?

Индо-нидерландскія владѣнія управляются генералъ-губернаторомъ, подъ надзоромъ особаго министерства въ метрополіи. На Явѣ же — семь департаментовъ: внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія и промышленности, техническій, т. е. точнѣе желѣзнодорожный и почтово-телеграфный, финансовъ, юстиціи, военный, морской. Представитель высшей власти, здѣсь за экваторомъ, засѣдаетъ въ совѣтѣ (Raad van Indie), состоящемъ изъ искушенныхъ опытомъ администраторовъ, съ правомъ, — въ случаѣ надобности, — рѣшать дѣла самостоятельно и вопреки общему мнѣнію, но подъ строгою личною отвѣтственностью. Мѣстный вице-король получаетъ болѣе ста тысячъ рублей жалованья въ годъ (цифра въ сущности скромная, если сопоставить съ тѣмъ, что изъ индійскихъ суммъ щедро самимъ себѣ платятъ англичане!). Канцелярія его хорошо организована: генеральный секретарь считается фактотумомъ колоніальнаго правительства. Послѣднему предоставлено право: по усмотрѣнію, — объявлять войну и заключать миръ съ туземными княжествами, утверждать смертные приговоры и т. п.

Главной обязанностью генералъ-губернатора считается забота объ инородческомъ населеніи, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Нужды туземнаго элемента всего болѣе должны быть близки сердцу королевскаго намѣстника. Дабы ограждать порученные ему милліоны людей отъ нѣкоторыхъ не вполнѣ достойныхъ колонизаторовъ, онъ облеченъ властью, когда угодно, высылать авантюристовъ изъ предѣловъ своего временнаго царства. Для контроля надъ всѣмъ, что творится на Явѣ, существуетъ отдѣльное вѣдомство, коллегіально разсматривающее данныя о правительственныхъ доходахъ и расходахъ . . .

Колоніальный строй въ основѣ своей настолько патріархаленъ, что и о немъ стоитъ сказать два-три слова. Голландцы не мудрствуютъ лукаво, а главное не называютъ чернаго бѣлымъ. Они пришли сюда не благотворить, но обогащаться: осторожно, умѣренно и не задаваясь еще разными посторонними цѣлями культурно-политическаго характера. «Бѣлые» тутъ строги, аккуратны и послѣдовательны во всемъ, что предпринимаютъ и дѣлаютъ: коренные жители, находясь подъ отечески разумной опекой и никогда не терпя матеріально тяжкой нужды, тѣмъ не менѣе воспитываются, — согласно стариннымъ обычаямъ и привычкамъ простодушнаго населенія, — въ самой желѣзной дисциплинѣ. Почитаніе владыкъ края, — начиная отъ низшихъ служащихъ, представляющихъ собою «бѣлую рассу», — возведено тутъ въ своего рода культъ. Въ городахъ это обстоятельство не такъ еще замѣтно, но — по разсказамъ — бросается рѣзко въ глаза, если отъѣхать отъ слегка объевропеившейся Батавіи.

Когда голландское правительство взяло изъ рукъ своей остъ-индской компаніи дѣло эксплоатаціи за-экваторіальныхъ колоній, первое, что поразило администраторовъ, была крайняя апатія туземцевъ: ихъ неумѣнье работать въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, безъ понуканія со стороны. Благодатный климатъ, изобиліе плодовъ земныхъ словно лишили человѣка необходимости проявлять инициативу тамъ, гдѣ она ему самому могла принести огромнѣйшую пользу. Въ виду податливости народа, слѣпо исполнявшаго приказанія любаго начальства, казавшагося олицетвореніемъ силы, назначенный въ 1830 г.

генералъ-губернаторъ Ванъ-денъ-Бошъ энергично принялся за проведеніе своихъ идей объ извлеченіи наивозможно бо́льшей выгоды отъ края, дышавшаго благополучіемъ, но не приносившаго тѣхъ очень крупныхъ доходовъ, которыхъ отъ него въ правѣ были ожидать: съ этой цѣлью власти первоначально рѣшили поощрять частныхъ людей, желавшихъ заводить плантаціи. Дабы поднять сахарное производство, ихъ начали снабжать оборотнымъ капиталомъ, обезпечивая имъ въ то же время на первыхъ порахъ безбѣдное существованіе. Лучшія и при томъ неоплачиваемыя таможенными пошлинами машины изъ Европы, даровой трудъ яванцевъ, — подъ руководствомъ «бѣлаго» элемента, — безплатное пользованіе лѣсомъ съ казенныхъ земель, — все это стало доступно плантаторамъ и должно было служить приманкой для туземнаго населенія, чтобы ему въ свою очередь производить сахарный тростникъ.

Чиновники-контролеры изчисляли, сколько каждой деревнѣ нужно надѣла на рисовый посѣвъ; на остальномъ пространствѣ повелѣвалось заняться устройствомъ плантацій. Яванцы скоро поняли, что такимъ путемъ дѣйствительно ихъ трудъ оплатится гораздо лучше, — разъ правительство предъявляетъ на него спросъ и само же покупаетъ иные продукты въ значительномъ количествѣ.

Въ короткое время голландцы стали получать отъ одного сахара десятки милліоновъ рублей чистой прибыли и естественно занялись съ такою же энергіей производствомъ индиго, перца, табаку, кофе, кошенили, чая, корицы, ванили, какао и хинной коры. За насажденіями у крестьянъ смотритъ спеціальная инспекція. Урожай сдается ими властямъ въ особые пакгаузы.

Все бы шло превосходно, не будь конкуренціи со стороны чужихъ колоній въ жаркомъ поясѣ, которыми нерѣдко сбиваются цѣны, — что, конечно, весьма тяжело отражается на состояніи индо-нидерландскихъ финансовъ.

Въ бюджетѣ Явы значится свыше 100,000,000 рублей дохода, но расходъ превышаетъ даже столь крупную сумму. Новые усовершенствованные пути сообщенія, особенно же раззорительно-безплодная война съ ачинцами, поглощаютъ пока массу денегъ: за одно десятилѣтіе (1874—84) она обошлась казнѣ въ четверть милліарда. На материкѣ Европы почти никто и не подозрѣваетъ, какихъ гигантскихъ жертвъ стоило и стоитъ маленькому королевству полуноминальное обладаніе Суматрою. Англія договорно (съ 1872 г.) уступила ненавистнымъ соперникамъ-голландцамъ индо-малайскій архипелагъ, съ условіемъ, чтобы они развязали ей руки на Малакскомъ полуостровѣ, гдѣ всякое сосѣдство непріятно создателямъ Сингапура. Въ результатѣ нидерландскому правительству пришлось позаботиться объ умиротвореніи такихъ областей, гдѣ мужественно-сильное населеніе вовсе не было склонно признавать протекторатъ «бѣлыхъ». Такъ случилось въ ачинскомъ султанатѣ, у жителей котораго, жаждущихъ борьбы, — много арабской крови и фанатизма. Англичане по своему обыкновенію рады обострять не равный, но крайне упорный поединокъ туземцевъ съ колонизаторами, ловко снабжаютъ первыхъ (несмотря на блокаду береговъ голландскими военными судами) отличнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, любовно наблюдаютъ за непроизводительнымъ истощеніемъ средствъ у наступающаго врага. При неподатливости инородцевъ представители Голландіи на Востокѣ вообще избѣгали стремительнаго натиска на нихъ: межлу прочимъ, правя Цейлономъ, они довольствовались оккупаціей важныхъ приморскихъ пунктовъ и не пытались непремѣнно сокрушить Канди. Оттого-то и сраженія съ ачинцами не по сердцу хозяевамъ Явы и, не понуждай ихъ къ тому необходимость (забота о сохраненіи престижа), они навѣрно давно бы уже прекратили военныя дѣйствія въ сѣверной части Суматры, — хотя нѣкоторые авторитетные

генералы (напр. Ванъ-деръ-Гейденъ, по происхожденію метисъ!) настаиваютъ на истребленіи противника.

И самъ по себѣ гигантскій островъ, конечно, заслуживаетъ вниманія со стороны европейцевъ какъ неисчерпаемый источникъ непочатыхъ богатствъ. Край несомнѣнно изобилуетъ золотомъ, мѣдью и желѣзомъ, нефтью, сѣрой и углемъ. Голландцы вывозятъ оттуда въ большемъ количествѣ черный перецъ, маисъ, саго, кофе, камфору, хлопокъ, табакъ, кокосовые орѣхи и всевозможные плоды. Если вполнѣ замиренный архипелагъ со временемъ подвергнется разумной эксплоатаціи, то нельзя и предсказать, какъ много онъ дастъ нидерландскому правительству. Развитію его дѣятельности подъ экваторомъ должна открыться необозримая арена. При умѣніи ладить съ инородцами, администраторы долго еще въ состояніи будутъ, — не подступи только опасность извнѣ, — являться царями цвѣтущихъ областей съ коричневымъ населеніемъ. Оно, по общему отзыву, представляетъ удобнѣйшую среду для искусныхъ колонизаторовъ. Сѣверный человѣкъ можетъ спокойно опираться на туземный элементъ.

Рыцарскій духъ положительно присущъ характеру вспыльчивой и мстительной, но въ основахъ благородной малайской рассы. Примѣровъ тому великое множество. Когда голландцы теряли Коломбо, почти все войско изъ наемниковъ-европейцевъ довольно пассивно отнеслось къ успѣхамъ англичанъ. Одни солдаты съ Явы выказали стойкое сопротивленіе. Единоплеменные имъ сипаи съ полуострова Малакки и съ острововъ сосѣдняго архипелага, находясь позднѣе на службѣ британскаго правительства, попали въ плѣнъ къ Кандійскому царю, у котораго многіе ихъ родственники пользовались хорошимъ жалованьемъ въ качествѣ любимыхъ тѣлохранителей: на предложеніе тоже получать таковое и присягнуть новому повелителю, плѣнные почтительно отказались, хотя знали, что за отказъ имъ грозитъ смерть. Разгнѣванный монархъ нагорнаго Цейлона далъ этимъ малайцамъ два мѣсяца на раздумье и затѣмъ заставилъ казнить дерзкихъ людей, желавшихъ сохранить вѣрность «бѣлому» народу, хотя они знали, что за это даже трупы ихъ запрещено будетъ предать погребенію. А сколько такихъ безвѣстныхъ героевъ украшаетъ собою исторію колонизуемаго Западомъ Востока!

Рессурсы индо-нидерландскаго правительства колоссальны. Оно еще не тронуло тысячной доли всего того, что въ XX вѣкѣ можетъ быть подвергнуто разработкѣ: одна почва таитъ несмѣтные клады въ своей непотревоженной тьмѣ. У насъ часто сѣтуютъ на лѣнивое пользованіе сибирскими сокровищами. Между тѣмъ, здѣсь, — гдѣ западная техника ежечасно къ услугамъ королевскихъ чиновниковъ, — наблюдается гораздо больше неторопливости и, пожалуй, рутины, чѣмъ напр. на иныхъ нашихъ отрѣзанныхъ отъ цивилизаціи и всетаки работающихъ пріискахъ. Ясно, что мы совсѣмъ уже не такъ отсталы и безпечны, какъ принято думать и говорить!

Нѣдры Явы до сихъ поръ мало изслѣдованы. Въ этомъ отношеніи колоніальныя власти почему-то проявляли пока странную косность, тормозя вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленностью господствующаго закона о горномъ дѣлѣ (Mynbouwgesetz) стремленія и попытки частныхъ лицъ (между прочимъ, даже и ученыхъ!) ближе ознакомиться съ подземными богатствами страны. Историческія данныя доказываютъ, что золото въ изобиліи встрѣчалось на островѣ. Въ прошломъ столѣтіи найдена серебряная руда. Въ краѣ существуютъ богатѣйшія залежи нефти, сѣры, селитры, соли, олова, асфальта, великолѣпнаго мрамора, глины для выдѣлки фарфора, желѣза, базальта, гранита и порфира; но все это

лежитъ втунѣ, а мѣстное правительство со свойственною ему осторожностью и медлительностью не признаетъ нужнымъ тревожить тайники земли, пока поверхность ея сторицею оплачиваетъ труды человѣка.

За послѣднее время предпринято много важныхъ ирригаціонныхъ работъ и не мудрено, если островъ даетъ теперь ежегодно 25,000,000 пудовъ риса, — такъ что случавшіяся раньше голодовки, при необходимости привозить эту любимую пищу населенія изъ Сіама или Кохинхины, не должны бы повторяться. Кромѣ того добывается около 1,000,000 пуд. кофе и 21,000,000 пуд. сахара, 600,000 пуд. табаку и 220,000 пуд. чаю (цыфра пока мала, при сравненіи съ тысячами пудовъ, которые въ данную минуту высылаютъ на рынокъ англичане!).

Успѣхами таковой культуры и такого благосостоянія яванцы всецѣло обязаны своимъ опекунамъ-голландцамъ. Напр. когда обнаружена была особая болѣзнь или точнѣе вырожденіе сахарнаго тростника, — власти предложили авторитетнымъ ученымъ: Крюгеру въ Галле и Шиманскому (Szymanski) въ Познани, произвести тщательнѣйшій химическій анализъ, съ цѣлью выяснить причины недуга, и немедленно выписали съ острова Борнео для пострадавшихъ плантацій огромнѣйшее количество сочныхъ молодыхъ растеній.

Чайное производство ведется образцовыми способами: въ области Преангеръ, — куда мы скоро поѣдемъ, — наиболѣе занялся имъ, во всеоружіи знанія и умѣнія, нѣкто г. Мунтъ изъ Гамбурга. Въ Лондонѣ здѣшній чай конкурируетъ съ китайскимъ и съ индійскимъ: растеніе сюда впервые завезено въ 1826 г. докторомъ Зибольдомъ изъ голландской факторіи въ Нагасаки, затѣмъ опытные люди добыли дикіе чайные кустики изъ Ассама.

Кофейныя насажденія извѣстны въ индо-малайскомъ архипелагѣ, вѣроятно, лишь съ 1690 года. Одинъ изъ высшихъ администраторовъ на Явѣ ихъ сталъ разводить, изъ сѣмянъ, полученныхъ прямо отъ купцевъ-арабовъ съ Малабарскаго берега. Сначала дѣло шло очень худо, и туземцы вмѣстѣ съ колонизаторами довольно поздно взялись за умъ; но, разъ они спохватились, будущее обезпечено, несмотря на соперничество Бразиліи. Африканскій сортъ (Coffea liberica) здѣсь хотя и прививается, но менѣе цѣнится.

Западъ издавна по справедливости считалъ «изумрудный» островъ чѣмъ-то вродѣ земнаго рая, но въ виду несовершенства картъ европейцы въ доброе старое время долго смѣшивали Яву съ Японіей, — причиной чему было названіе «Zipangu», данное ей знаменитымъ Марко-Поло. Только теперь географамъ удастся разсѣять это заблужденіе, доказывая постепенное искаженіе индійскаго «Сумбава» въ непохожее, но тождественное наименованіе. Въ подтвержденіе ранѣе высказаннымъ мною мыслямъ о тѣсной доисторической связи южнѣйшаго буддійскаго острова съ исповѣдовавшимъ основную религію материкомъ Азіи могу добавить, что ламаиты чтутъ таинственнаго Будду Сумбаву, въ незапамятныя времена ушедшаго въ предѣлы полуденнаго моря для проповѣди темнымъ дикарямъ.

Дзипангу средневѣковыхъ путешественниковъ славился богатствами природы и населенія. Приводились даже интересныя данныя о существующихъ тамъ кумирняхъ, и кумирахъ, — такого характера, какого нѣтъ и не было у японцевъ.

ВЪ ОБЛАСТИ ВУЛКАНОВЪ.

Воскресенье, 24 февраля (8 марта).

Рано утромъ — отъѣздъ вглубь страны съ изящно декорированнаго вельтевреденскаго вокзала: флаги, зелень, цвѣты . . . . . торжественные проводы Царственнаго Гостя батавскими властями.

Сегодня предстоитъ лишь краткій (часовой съ небольшимъ) путь по желѣзной дорогѣ до горъ, гдѣ расположенъ загородный дворецъ вице-короля индо-нидерландскихъ владѣній. Она пролегаетъ плантаціями и полями, крайне благоустроенной и воздѣланной мѣстностью (отчасти вродѣ той, что находится между Коломбо-Канди).

Служащіе на встрѣчающихся намъ станціяхъ (китайцы и яванцы) одѣты въ синее. Народъ, сходящійся изъ окрестностей, пестрѣе пестраго по разнообразію тканей. Цѣлое море листвы опоясываетъ сферу человѣческой культуры. Ліаны фестонами тянутся между гигантскими баніанами и пальмами. Возвышенности (шафрановосѣрыя у подножія, цвѣта опала — у вершинъ) придвигаются ближе и ближе. Салахъ, Пангеранго, Гедэ, — три относительно недавно дышавшіе огнемъ исполина, — призывно синѣютъ и яснѣе опредѣляются впереди подъ серебристымъ небомъ. Подземная работа теперь уже не проявляется черезъ нихъ со всесокрушающей энергіей: они пока безмолвствуютъ, — быть можетъ, отчасти угасли, — и только легкое облачко курится еще надъ однимъ изъ нихъ, десять лѣтъ тому назадъ внесшимъ опустошеніе въ Преангерскій округъ Тьянджоръ. Когда въ 1690 г. первый изъ упомянутыхъ вулкановъ забросалъ Батавію грязью, пескомъ и пепломъ, — жители жестоко пострадали отъ обмелѣнія каналовъ и рѣчекъ, накопленія гніющихъ веществъ на берегу моря и т. п. Надо надѣяться, что городъ застрахованъ въ будущемъ отъ подобной катастрофы, — хотя въ такомъ краю все возможно. Напр. во время ужасающаго изверженія Кракатау, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лава издали дошла по волнамъ до Танджонкъ Пріока, подняла воду въ европейскихъ кварталахъ и даже затопила ею часть туземныхъ жилищъ.

Девятый часъ. Горный бальзамическій воздухъ вѣетъ намъ на встрѣчу. Августѣйшіе путешественники съ г. Пейнакеръ Хордейкъ и свитой прибыли въ Бетензоргъ. Парадный

экипажъ, запряженный четверкой, съ босоногимъ возницей въ цилиндрѣ, перчаткахъ и ливреѣ съ эполетами, — пятьдесятъ яванскихъ вождей (на крѣпкихъ маленькихъ коняхъ), въ качествѣ почетнаго конвоя (со значками русскихъ, нидерландскихъ и греческихъ цвѣтовъ на пикахъ), — большой яркожелтый зонтъ для осѣненія по мѣстному обычаю и

У БЕТЕНЗОРГА.

Великаго Князя, и главнаго представителя власти . . . . . какая смѣсь цивилизаціи и почти доисторическихъ особенностей!

На пути слѣдованія отъ станціи краснорѣчивымъ привѣтомъ пестрѣютъ арки. Въ моментъ приближенія ко дворцу (подъ звуки нѣжной туземной музыки) роскошнымъ паркомъ, — по которому расхаживали совершенно ручныя лани, — лошади вице-королевской коляски заупрямились, и пришлось немного пройдти пѣшкомъ къ огромной

бѣломраморной лѣстницѣ палатъ, гдѣ избранные покои приготовлены для пріема Высокихъ Гостей.

Городокъ Бетензоргъ (что значитъ «Sans Souçi»), резиденція генералъ-губернатора, собственно называется Богоръ и получилъ свое наименованіе въ виду исключительнаго положенія въ горахъ, относительно близко отъ столицы острова. Страдающіе переутомленіемъ или истомленные влажнымъ зноемъ батавцы охотно пріѣзжаютъ сюда, для возстановленія силъ, для успѣшной борьбы съ лихорадками, — которыми такъ щедро награждаютъ порой европейца низовины Явы, — наконецъ для того, чтобы пожить въ красивой мѣстности, гдѣ собирается цвѣтъ общества нидерландскихъ колоній: она здѣсь въ сущности служитъ для послѣднихъ тѣмъ же, чѣмъ Симла для Индіи.

Дворецъ тутъ возникъ уже полтора вѣка тому назадъ. Каждый начальникъ края что-нибудь надстраивалъ или пристраивалъ, стараясь чѣмъ-либо усовершенствовать и разукрасить маленькій мѣстный Версаль. Сколько съ нимъ связано историческихъ воспоминаній, какой трудъ и какія затраты положены на его созданье!

Изъ оконъ виденъ вулканъ Гедэ, на который всходилъ губернаторъ Явы и впослѣдствіе основатель Сингапура — сэръ Рафльсъ, прибившій на вершинѣ мраморную дощечку въ память временнаго присоединенія острова къ британскимъ колоніямъ: этотъ изумительный по энергіи и сознательности англійскій народъ вездѣ и на всемъ стремится увѣковѣчить слѣды своего вліянія и чужаго приниженья! Батавія взята была въ пору наполеоновскихъ войнъ, — и притомъ отчасти, конечно, благодаря мужеству сражавшихся подъ знаменемъ врага ихъ родины сипаевъ. За то послѣднихъ и наградили соотвѣтствующимъ образомъ: несмотря на обѣщаніе вернуть «бенгальскую пѣхоту» обратно, ее проморили тутъ до проявленій естественнаго неудовольствія, а затѣмъ казнили роптавшихъ какъ измѣнниковъ и бунтовщиковъ.

Пока еще не пошелъ дождь (послѣ полудня онъ идетъ въ эту пору почти безпрерывно!), Августѣйшіе путешественники направляются въ непосредственно прилегающій къ дворцовому парку огромный ботаническій садъ (Landsplantentuin te Buitenzorg), составляющій славу и гордость индо-нидерландскихъ владѣній. Онъ основанъ 6 (18) мая 1817 г. нѣмецкимъ натуралистомъ, профессоромъ химіи Рейнвардтомъ. Преемники его (даровитый Teysmann, затѣмъ Шефферъ и нынѣ управляющій д-ръ Треубъ изъ Лейдена) съ крайнимъ самоотверженіемъ продолжали широко задуманное дѣло, несмотря ни на какія лишенія, непосильную работу и отсутствіе необходимыхъ денежныхъ суммъ. Въ данное время препятствія устранены. Образцовый гербарій и музей, превосходно обставленныя лабораторіи, библіотека изъ 5000 сочиненій, наконецъ художественное и фотографическое ателье въ короткій срокъ возникли, при щедрой поддержкѣ властей (теперь ежегодно ассигнуется около 100,000 р.). До 200 яванцевъ (они вообще — удивительные садоводы: ими пользуется, между прочимъ, Сингапурскій ботаническій садъ) постоянно заняты здѣсь подъ наблюденіемъ директора и его помощниковъ или же бродятъ по окрестностямъ, систематически собирая растенія. Особые отчеты, издаваемые дирекціей на французскомъ языкѣ постоянно свидѣтельствуютъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Амстердамская академія очень часто командируетъ сюда голландскихъ ботаниковъ для серьезныхъ занятій. Иностранцы (нѣмцы и французы) тоже начинаютъ наѣзжать. Флора Явы все болѣе привлекаетъ вниманіе натуралистовъ: въ качествѣ переходной ступени на грани азіатскаго и австралійскаго міра (по опредѣленію Уиндзоръ Эрля и Русселя) она отличается

необыкновеннымъ разнообразіемъ, и достойна въ научномъ отношеніи самаго многосторонняго изслѣдованія. Потому-то такъ и важно учрежденіе Бетензоргскаго ботаническаго сада (Hortus Bogoriensis).

Геологи подтверждаютъ правдивость народныхъ сказаній, будто «изумрудный» островъ, — на которомъ мы находимся, — нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ огромною Суматрою. Общность растительнаго царства, въ свою очередь, дѣлаетъ эту гипотезу почти безспорной. Только относительно иныхъ животныхъ, изобилующихъ на сосѣднихъ островахъ, но между тѣмъ не встрѣчающихся на Явѣ, существуетъ неразрѣшенный пока вопросъ, чѣмъ объяснить подобное явленіе: исчезновеніемъ-ли таковыхъ во время катастрофъ вулканическаго характера, или другими причинами? Первое, конечно, вѣроятнѣе. Млекопитающіяся вообще не особенно многочисленны тутъ, гдѣ горы такъ долго дышали огнемъ. За то на Явѣ насчитывается видимо-невидимо птицъ и насѣкомыхъ, которымъ послѣ всякихъ грозныхъ изверженій всегда легче было водворяться на прежнемъ пепелищѣ. Разъ-что зоологическая станція въ Неаполѣ привлекаетъ вниманіе цѣлой Европы и отовсюду снабжается субсидіями, — надо думать, и Бетензоргу со временемъ одинаково посчастливится, ибо нѣтъ пункта удобнѣе для наблюденій надъ растительнымъ міромъ.

Первые ботаническіе сады устроены въ началѣ XIV столѣтія у Венеціи и у Салерно, затѣмъ два вѣка спустя въ Падуѣ, Пизѣ, Болоньѣ. Парижъ лишь въ 1626 г. обогатился такимъ учрежденіемъ; знаменитый Kew возникъ у Лондона еще позже. Но все, что въ состояніи были сдѣлать искусство и званіе въ этой области, особенно грандіозно выразилось въ тропикахъ: замѣчательны Калькуттскій садъ и Пераденійскій, но превыше даже этихъ двухъ справедливо считается Бетензоргскій. По мѣрѣ того какъ директоръ его г. Треубъ (Treub) сопутствуетъ по немъ Великому Князю и мы все глубже уходимъ въ царство вѣчно жизненной листвы, которая очаровываетъ здѣсь душу, — и не ботаникъ долженъ себя чувствовать отъ восхищенья среди какого-то волшебнаго міра.

Сначала, около дворца, свѣтлѣли пруды съ цвѣтистыми островками и мостиками: на сонной влагѣ величаво раскидывали свои гигантскіе листы лучшіе экземпляры «Victoriae regiae» и задумчиво выглядывали лотосы. Затѣмъ пошли безконечныя аллеи съ причудливымъ сумракомъ, съ неподдающейся описанію красотою. Только латинскія надписи по сторонамъ заставляютъ вспоминать, что находишься въ святилищѣ науки, — да разные памятники говорятъ о близости суетнаго человѣчества.

Вотъ тянутся посаженныя въ 1887 г., но уже внушительныя по размѣрамъ «королевскія» пальмы (Oreodoxa regia) съ острова Кубы. Здѣсь на лицо — не одна мѣстная флора: много привезено изъ Абиссиніи, Египта, Австраліи, Японіи, Мексики, Бразиліи, Венецуэллы, Малой Азіи, Гвинеи, Китая, Нэпаля, Тибета, Бирмы, Сіама и даже изъ Сибири, наконецъ съ Мадагаскара и Крита, съ Филиппинскихъ, Канарскихъ и Молукскихъ острововъ, со Святой Елены и т. д. Нѣкоторыя деревья мачтообразно стремятся въ вышину, гдѣ листва у нихъ или сбилась въ цѣлую косматую шапку или распускается пышнымъ пушистымъ вѣеромъ. Другія отличаются страннымъ канделяброподобнымъ развѣтвленіемъ, третьи (особенно фиговыя «варингинъ», священныя въ глазахъ яванскаго народа) сплетаются въ сводчатыя галлереи, давая пріютъ въ своей царственной тѣни эпифитамъ и орхидеямъ. Бабочки и крошечныя птички оживляютъ ее яркимъ полетомъ. Нѣжные бѣлые и желтые цвѣты мелькаютъ тутъ и тамъ. Ползучія растенія, длиною въ сотню футовъ, охватываютъ дерево за деревомъ почти нерасторжимыми цѣпями. Какъ правы были всѣ

выдающіеся натуралисты середины нашего столѣтія (въ томъ числѣ Дарвинъ), поднеся главному создателю сада — Тейсману сочувственный адресъ за его труды и подписавшись: «mirantes collegae»! Достаточно замѣтить, что въ Бетензоргѣ сгруппировано до 10,000 разновидностей растительнаго міра.

Листья иныхъ исполиновъ положительно поражаютъ размѣрами, имѣя напр. пять аршинъ въ діаметрѣ. Есть стебли, до такой степени крѣпкіе, что ударъ по нимъ палкою звенитъ словно отзвукъ отъ металла.

Вмѣсто парниковъ дирекція старается устраивать холодники, искусственно ограждая наиболѣе чувствительныя растенія отъ несносной жары.

Помощникъ г. Треуба Вигманъ соорудилъ, къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича, въ особой большой бесѣдкѣ четыре пирамиды изъ 250 сортовъ произрастающихъ здѣсь фруктовъ. Августѣйшіе путешественники долго любуются ими. Говорятъ, послѣдніе вовсе не столь заманчивы по вкусу, какъ оно кажется съ виду. Плоды въ тропикахъ, пожалуй, уступаютъ въ этомъ отношеніи питомцамъ умѣреннаго климата. Такъ-ли, есть вопросъ привычки и вкуса.

Днемъ предполагалась прогулка по живописнымъ окрестностямъ Бетензорга и осмотръ казармъ расположеннаго въ немъ отряда, но гроза и проливной непрерывный дождь помѣшали первоначальному плану. Отчасти жаль, что не довелось увидѣть обстановки мѣстныхъ наемныхъ войскъ, которая (по разсказамъ) весьма своеобразна. «Бѣлые» солдаты живутъ совершенно по семейному, съ темнолицыми женами и ребятишками. Подруги отправляются, въ случаѣ похода, тоже на войну и несутъ службу какъ маркитантки или сестры милосердія.

Послѣ оффиціальнаго обѣда въ блестящемъ и замѣчательномъ по архитектурѣ залѣ генералъ-губернаторскаго дворца, Ихъ Высочества присутствуютъ тамъ же при исполненіи особой драматической пьесы («ваянгъ вонгъ», какъ ихъ называютъ яванцы), — подъ звуки туземнаго оркестра, исполненные какой-то неизъяснимой прелести и задушевности.

Открывающееся зрѣлище представляетъ двоякій интересъ: во-первыхъ, видишь такъ-сказать воочію этотъ «гамелангъ» съ его оригинальными инструментами; во-вторыхъ, присутствуешь при инсценировкѣ любопытнаго произведенія, какъ-бы отражающаго въ дѣйствующихъ лицахъ здѣшнее психологически сложное прошлое, здѣшнюю столь мало изслѣдованную старину. Подъ вліяніемъ Индіи, на «изумрудномъ» островѣ постепенно создалась богатая литература религіозно-эпическаго характера. При врожденномъ благочестіи населенія, почитаніе боговъ и героевъ, достигая крайняго напряженія, требовало въ повседневной жизни реальныхъ образовъ для удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа. Тогда на Явѣ самостоятельно возникъ театръ, воплотившій въ себѣ отголоски его симпатій, и столь прочно пустилъ корни, что, — хотя восторжествовавшій впослѣдствіе исламъ отнюдь не могъ пріязненно отнестись къ этой отрасли искусства, — средневѣковой «ваянгъ», сопутствуемый нѣжными гамеланговыми созвучіями, по прежнему услаждаетъ душу простодушныхъ туземцевъ. За невозможностью ставить, какъ встарь, — когда князья располагали огромными средствами и цѣлымъ штатомъ актеровъ, — большія трудно выполнимыя пьесы, мало по малу выработался обычай все чаще и чаще замѣнять людей маріонетками, притомъ очень странной и уродливо-забавной формы, на ходуляхъ: фигурками манипулируютъ и говорятъ за нихъ спеціалисты-импрессаріо, такъ называемые «даланги». Завѣдывающіе подобнымъ почти игрушечнымъ театромъ и персоналомъ, или

точнѣе однимъ персоналомъ, часами способны тѣшить восторженно вглядывающуюся и вслушивающуюся толпу, готовую ночи напролетъ сидѣть подъ чары «гамеланга», въ созерцаніи фантастически обоснованной и неестественно передаваемой куклами драмы. Только въ немногихъ мѣстахъ сохранились еще и выступаютъ по временамъ, въ торжественные дни, настоящіе актеры, двигающіеся передъ зрителями старинной поступью, наряженные въ древніе костюмы, въ удивительныхъ маскахъ архаическаго типа. Черты ихъ въ сущности должны свидѣтельствовать о томъ, что участвующіе въ представленіи изображаютъ собою не туземцевъ, а какой-то пришлый элементъ (вѣроятно, индусовъ). Они не произносятъ ни слова. Сидящій за оркестромъ (такъ-сказать за кулисами) далангъ говоритъ за выступающихъ на сцену, подробно поясняетъ присутствующимъ ихъ появленіе и образъ дѣйствій, — а музыка между тѣмъ сладостно вторитъ и жалобно замираетъ. Передъ духовнымъ окомъ явана въ такія минуты, конечно, проходятъ цѣлыя картины минувшаго, передъ воображеніемъ слушателей встаетъ яркій міръ преданія, гдѣ ихъ предки и полубоги, учителя послѣднихъ, вѣчно съ чѣмъ-то борются и страдаютъ, къ чему-то стремятся, чего-то не находятъ и погибаютъ . . . .

ВАЯНГЪ ВОНГЪ.

. . . . Въ изящной залѣ Бетензоргскаго дворца собралось избранное европейское общество. Длиннымъ полукругомъ стоятъ стулья для приглашенныхъ къ сегоднишнему парадному обѣду. Туземный оркестръ (изъ барабановъ, тамбуриновъ, гонговъ и скрипокъ, изъ геніально придуманной комбинаціи бамбуковыхъ трубочекъ и тарелочекъ различной величины, по которымъ ударяютъ молоточками, и т. п.) расположился въ двухъ шагахъ отъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Сквозь открытую дверь впереди поминутно проскальзываютъ диковинныя фигуры: и высокія, и маленькія (чуть-ли не карлики), и чудовищныя съ виду, и миловидныя. Всѣ онѣ, по-очереди, съ ужимками и присяданіями, размѣреннымъ шагомъ, проходятъ мимо музыкантовъ и занимаютъ рядъ сидѣній противъ насъ: часть актеровъ и актрисъ усаживается на полу, въ ногахъ у главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Розданныя намъ либретто, — хорошенькія синенькія книжечки, нарочно отпечатанныя для спектакля, — даютъ или вѣрнѣе должны-бы дать ключъ къ тому, что происходитъ передъ нашими глазами. По правдѣ

сказать, фабула немудреная! Довольно однообразные звуки гамеланга и мертвенность масокъ, безгласно исполняющихъ свою роль (недаромъ «ваянгъ» собственно означаетъ «тѣни», «силуэты!») на первыхъ порахъ производитъ скорѣе непріятное впечатлѣніе; лишь понемногу оно сглаживается и уступаетъ болѣе внимательному отношенію. Прежде всего замѣчаешь искаженіе индійскихъ названій и именъ, затѣмъ отсутствіе осмысленнаго содержанія въ завязкѣ и развязкѣ представленія. Безъидейность до того поразительна, что я ее даже склоненъ приписать нашему европейскому незнакомству съ духомъ туманно олицетворяемой эпохи. Она ставится въ связь съ легендарными царствами Astina, Amarta, Miralaja, Pantjawati; являются цари и царевичи Praboe Soerjadana, Aswatama, Lasmana, Nalaka Soeraboma, Bimanyoe, Samihadji, Ardjoena, Poerabaja и т. д. Рѣчь идетъ о предстоящей свадьбѣ одного князя съ царевной Dewi Siti Soendari. Завистники и враги замышляютъ его убить и приводятъ это въ исполненіе, но «владыка обезьянъ» An eman (Хануманъ дравидо-арійскаго эпоса) чудесно воскрешаетъ умерщвленнаго. Виновные открыты и осуждаются на казнь, согласно обычаю, подъ деревомъ «варингинъ», — каковое даже вносится въ залу. Одинъ махараджа-отецъ вынужденъ, между прочимъ, произнести смертный приговоръ надъ сыномъ-убійцей . . . .

Зрѣніе и слухъ на половину погружаются въ какое-то гипнотическое состояніе. . . . . Въ окна вливается тихая, южная нѣга . . . .

Вечерній воздухъ, охлажденный и отраженный близкими горами, живительными токами возвращается къ побережью. Молоточки гамеланга выстукиваютъ мелодію за мелодіей. Актеры, словно выходцы изъ совершенно непонятнаго міра, чинно сходятся и расходятся по всѣмъ правиламъ ваянговой игры. Чувство тоски и пресыщенія мѣшаетъ найдти въ ней хоть что-нибудь поучительное или плѣнительное.

Понедѣльникъ, 25 февраля.

Шесть двадцать утра. Отбытіе за 216 верстъ въ Гарутъ, конечный пунктъ недоконченной желѣзнодорожной линіи отъ Батавіи въ глубь острова. Генералъ-губернаторъ провожаетъ Его Императорское Высочество до Бетензоргской станціи. Надзоръ за поѣздомъ порученъ двумъ спеціалистамъ гг. Soeterik и Sluiter. Кромѣ постоянной русской свиты, Наслѣдника Цесаревича сопровождаютъ: военный инженеръ Реснеръ, нашъ консулъ Baud, адъютантъ индо-нидерландскаго вице-короля капитанъ Кроль, пѣхотный офицеръ Jonkheer von Schmidt auf Altenstadt и кавалерійскій офицеръ Frieswijk.

Маленькіе удобные вагоны съ прекрасной вентиляціей быстро катятся межгорьемъ, среди Салака и Гедэ, по направленію къ «Преангерской области», обширнѣйшей на Явѣ (въ центрѣ острова и сравнительно высоко надъ уровнемъ моря, — съ плодородной почвой и крайне благопріятными условіями для плантацій въ крупныхъ размѣрахъ).

Окрестные холмы постепенно пріобрѣтаютъ своеобразный зеленовато-бѣлый оттѣнокъ отъ густо произрастающей на нихъ травы «алангъ-алангъ». Куда ни посмотришь, безконечными ступенчатыми терассами тянутся и поднимаются рисовыя поля: лишь узкія полосы засѣянной маисомъ земли скаймляютъ каждую такую неподвижно-зеркальную запруду. Орошеніе (отчасти при помощи бамбуковыхъ трубъ) доведено повсюду до совершенства. Гдѣ не хватаетъ традиціоннаго искусства туземцевъ, тамъ не щадитъ затратъ и богато техническимъ знаніемъ само колоніальное правительство.

Въ рамкѣ далекихъ темнофіолетовыхъ хребтовъ, подъ прозрачно-глубокимъ сапфирнымъ небомъ, зыблется «изумрудная» или «шафрановожелтая» жатва. На столбахъ и переброшенныхъ между ними веревкахъ качаются пестрыя тряпицы для отпугиванія чижиковъ. Потревоженныя грохотомъ мчащагося поѣзда лисицеподобныя летучія мыши срываются съ фруктовыхъ деревьевъ у деревень и нерѣшительно кружатся надъ листвою. Дорога съ ея частыми и крутыми поворотами вскорѣ становится живописнѣе и даже величественнѣе. Рельсовый путь, составляющій въ этихъ мѣстахъ гордость голландскихъ инженеровъ (онъ строился трудомъ каторжниковъ «Kettingjongens») и предметъ восхищенья для туристовъ, нерѣдко проложенъ надъ рѣчными обрывами и мрачными грудами камней вулканическаго происхожденія. На станціяхъ Tjandjur, Sukabumi и Bandong (у

ВЪ ЯВАНСКОМЪ ГОРОДѢ.

относительно значительныхъ одноименныхъ городовъ) населеніе сердечно привѣтствовало Русскаго Гостя. На одной изъ нихъ, во время завтрака, тихозвучный гамелангъ съ необыкновенной задушевностью исполнилъ: «Боже, Царя храни!»

Преангерскій губернаторъ Heyting (яванскія области ввѣрены попеченію особыхъ «бѣлыхъ» чиновниковъ, такъ-называемыхъ «резидентовъ» съ княжескими правами на позолоченный зонтъ, «паюнгъ», и съ весьма важными полномочіями) представился въ Бандонгѣ Ихъ Высочествамъ съ цѣлью сопровождать Великаго Князя далѣе въ Гарутъ, центръ округа Лимбанганъ — куда мы и прибыли около часу пополудни, причемъ Августѣйшихъ путешественниковъ встрѣтилъ на вокзалѣ «ассистентъ-резидентъ» фонъ Шмидтъ-ауфъ-Альтенштадтъ.

Днемъ отдыхъ, и дождь . . . такой несносный, упорный ливень, что просто одурь беретъ. Влажный знойный воздухъ утомляетъ не хуже продолжительной ванны. Подъ

вечеръ, рядомъ съ отведеннымъ для Цесаревича домомъ мѣстнаго «регента», — туземнаго правителя съ правомъ на полузеленый, полубѣлый «паюнгъ» (къ нимъ для руководства приставляютъ помощниковъ губернатора), избранныя плясуньи показываютъ свое умѣнье передъ Великимъ Княземъ и принцемъ Георгіемъ. Танецъ напоминаетъ индійскіе «научи», — тѣмъ болѣе что и обычай въ знакъ почета увеселять баядерками уже въ старину привился на Явѣ. Часть танцовщицъ прислана присутствующимъ въ Гарутѣ регентомъ изъ округа Manondjaja.

Вторникъ, 26 февраля.

Очень рано утромъ всѣ — на ногахъ въ виду экскурсіи на вершину огнедышущей горы Папандаянъ (7300 футовъ надъ уровнемъ моря). Нѣсколько запряженныхъ четверкою экипажей подано къ маленькому мѣстному дворцу. Свита собралась на входной террассѣ, гдѣ стоятъ два древне-индійскихъ случайно отрытыхъ изваянія созерцающаго Будды и слоноликаго Ганеши. Впереди — лужайка, опоясанная двумя дорожками: съ арками, на которыхъ начертанъ привѣтъ (Slamat) гарутцевъ Ихъ Высочествамъ и вѣютъ флаги трёхъ государствъ. Тутъ же находится круглый открытый павильонъ, обычный въ краю передъ княжескимъ жилищемъ, и виднѣется оригинальная по архитектурѣ мечеть.

Въ половинѣ седьмаго часа резидентъ Хейтингъ отъ имени своего правительства приноситъ поздравленія Его Императорскому Высочеству съ высокоторжественнымъ для насъ днемъ рожденія Государя Императора. Наши помыслы и вѣрноподданнѣйшія благопожеланія несутся туда, на родной Сѣверъ, — гдѣ Царствующая Чета сквозь мглу отдаленья и разлуки слѣдитъ и ждетъ своего Первенца, изучающаго яркую чужбину.

Погода пасмурна. Мы быстро ѣдемъ широкою холмистою котловиною: въ оправѣ изъ вулкановъ, на половину отвоеванныхъ плантаціями у дремучей чащи, отчасти же спрятанныхъ въ облака и лѣсъ. Преангерскія лошадки, съ примѣсью арабской крови, славятся выносливостью и бѣгомъ. Великаго Князя конвоируютъ туземные вожди.

Здѣсь принято, какъ и на Руси, съ горы на гору ускорять аллюръ и разгонять коней. Тѣмъ не менѣе, на иныхъ крутыхъ подъемахъ, поселянамъ приходится подсоблять, подкладывая камни подъ колеса и съ усиліями втаскивая наши коляски на перевалы.

Казенные пакгаузы для кофе мелькаютъ по сторонамъ. Яванки, въ муслиновыхъ саронгахъ, на цвѣтной перевязи сбоку несутъ маленькихъ дѣтишекъ. Розовато-сѣрые безшерстные буйволы (съ длинными черезчуръ отогнутыми назадъ рогами) послушно бредутъ на работу, повинуясь веревочной уздѣ любаго осѣдлавшаго ихъ мальчугана. Бараны (въ архипелагѣ ихъ называютъ «голландскими козами») жмутся къ канавамъ при встрѣчѣ съ экипажами. Но еще пугливѣе и характернѣе относится при нашемъ приближеніи самъ народъ. Цѣлыми группами устремляются прохожіе прочь съ дороги, поворачиваютъ намъ спину, закрываются щитовидными шляпами, опускаются на корточки и явно стараются не смотрѣть на властныхъ иноплеменниковъ. Таковъ у нихъ обычай, существующій въ краю съ давнихъ поръ и тщательно поддерживаемый «бѣлыми» въ провинціи какъ знакъ престижа (а первоначально, пожалуй, и безопасности?!). Различіе въ соціальномъ подоженіи на Явѣ столь замѣтно принимается въ счетъ, что люди положительно дѣлятся на какую-то косную, внѣшнимъ образомъ рабски приниженную массу и полубоговъ по значенію, по обаянію. Индо-нидерландскія власти склонны поддерживать подобный взглядъ на вещи и усматриваютъ въ немъ залогъ успѣшнаго владычества на островѣ. Въ связи съ этимъ узнаешь и про другія странныя особенности аналогичнаго свойства. Напримѣръ: несмотря

на племенную однородность главной части населенія, тутъ искусственно принято прибѣгать къ помощи двухъ языковъ. При подобострастіи, присущемъ азіатамъ, и при первобытномъ образѣ правленія простонародье дерзало и дерзаетъ говорить съ представителями знатныхъ семействъ, и вообще съ начальствомъ, не иначе какъ на спеціальномъ нарѣчіи, употребляемомъ для общенія низшихъ классовъ съ высшими (на немъ же ведутъ между собою рѣчь эти аристократическіе элементы). Послѣдніе въ свою очередь на второмъ языкѣ, — на языкѣ массы, — обращаются къ находящимся въ подчиненіи отъ нихъ.

Въ виду совершенно иной исторической судьбы яванцы западной части острова (сунданцы), позднѣе сосѣдей испытавшіе воздѣйствіе древне-индійской культуры и санскрита, но напротивъ скорѣе единоплеменниковъ воспринявшіе вліяніе ислама и учителей-арабовъ, значительно разнятся отъ восточныхъ, этнографически болѣе интересныхъ яванцевъ, — которыхъ мы, къ сожалѣнію, не посѣтимъ.

Дабы найдти объединяющее звено при своихъ сношеніяхъ съ инородцами, голландцы ввели малайскую рѣчь, крайне легкую и гармоничную. Кто только имѣетъ дѣло съ европейцами (въ качествѣ-ли туземца-правителя или просто слуги) обязанъ знать по малайски. Изучать голландскій языкъ почти никому изъ мѣстныхъ жителей не приходится, — да «бѣлые» и не любятъ, и не терпятъ тѣхъ любопытныхъ туземцевъ, которые способны понимать и подмѣчать, о чемъ говорятъ и что намѣрены предпринимать фактическіе хозяева страны. Контрастъ между рвеніемъ англичанъ всѣми мѣрами прививать азіатамъ цивилизацію и голландской сдержанностью въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ.

Въ десятъ утра, отъ деревни Tjisouroupan, начался настоящій подъемъ въ гору. Августѣйшіе путешественники и большинство свиты поѣхали верхомъ. Немногіе предпочли сѣсть въ маленькія кресла-носилки, которыя эластическимъ шагомъ потащили наверхъ полуголыя мускулистыя фигуры изъ бронзы.

. . . . Вотъ еще тянутся хижины туземцевъ: бамбуковыя плетенки съ кровлею изъ крѣпко свитыхъ травъ. Шакалообразныя собаки тявкаютъ на насъ. Ручныя обезьяны выглядываютъ изъ стойлъ, гдѣ ихъ держатъ съ цѣлью отгонять всякую прожорливую домашнюю птицу. Разные «пѣвуны», до которыхъ малайская раса — большая охотница, свирелятъ въ самодѣльныхъ клѣткахъ надъ входомъ въ убогое жилье . . . Затѣмъ дорога становится круче и круче, — обращается въ тропу, временно проложенную въ лѣсной глуши для нашего подъема, — рѣзкими изгибами уходитъ въ дѣвственную чащу.

Дремлетъ лѣсъ и съ царственной [illegible]
Льетъ вокругъ чарующую тѣнь, —
И стволы, мерцая позолотой,
Стерегутъ живительную [illegible].

Въ обступающемъ знойномъ сумракѣ все точно умерло, заглохло, притаилось. Перепутавшіяся ліанами исполинскія деревья, огромные круглые пни въ уборѣ изъ причудливыхъ мховъ, передвигающіяся зигзагами великолѣпныя бабочки (смѣсь металлической синевы, пурпура, атласистой желтизны и траура!), золотистыя пернатыя, огоньками перепархивающія среди мощной листвы, — чуть слышно воркующіе голуби высоко-высоко надъ нашей головою . . . какое сочетаніе нѣги первыхъ дней міросданія съ чѣмъ-то давно одряхлѣвшимъ, отжившимъ!

Эта природа тропиковъ заразъ и привлекательна, и страшна. Чѣмъ отвѣснѣе путь, тѣмъ сильнѣе впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ сооруженной для Его Императорскаго

Высочества стези къ кратеру Папандаянъ — кустарники, маскирующіе бездну, гдѣ глухо шумитъ вода и куда звонко катятся ручьи. Ближе въ вершинѣ растительность измѣняетъ свой характеръ, начинаетъ напоминать болѣе сѣверную флору, постепенно теряетъ хаотичность формъ. Ботаники истолковываютъ подобный переходъ тѣмъ, что послѣ ледниковаго періода растительный міръ у экватора подвергся новымъ вліяніямъ, заставившимъ иныя особи искать спасенья или въ умѣренномъ климатѣ, или тамъ же на мѣстѣ, но въ прохладной зонѣ горъ.

Лѣсная глубь рѣдѣетъ, мельчаетъ, словно вырождается въ какой-то грустный тундровый ландшафтъ. Разыгравшееся ненастье придаетъ соотвѣтствующую окраску безплоднымъ, выцвѣтшимъ крутизнамъ вулкана. Подъ струящимся дождемъ оканчивается восхожденіе на его окутанную сѣрными парами вершину. Въ большой импровизированной бесѣдкѣ, открытой вѣтру и мокропогодицѣ, сервированъ завтракъ и мы пьемъ за здоровье Государя. Тостъ превозглашенъ полковникомъ Реснеромъ, и трижды гремитъ въ отвѣтъ наше «ура», — подъ отголосокъ раскатовъ, которые доносятся изъ близкаго жерла напряженно дышущихъ нѣдръ земли.

Вскорѣ Ихъ Высочества приступаютъ къ бѣглому обзору окружности кратера. Зрѣлище интересно во многихъ отношеніяхъ. Минутами, дѣйствительно, ощущаешь не только судорожныя колебанія почвы, — но и гнѣвъ сотрясающаго ее огня, и дыханье пекла. Цѣлыя облака зловонныхъ горячихъ испареній воронкой стоятъ надъ отверстіемъ грозной горы и словно ждутъ, чтобы ихъ качнуло освѣжающимъ токомъ воздуха. Когда же клубы удушливо-ѣдкаго дыма приходятъ отъ него въ движенье, запахъ сѣры нестерпимо садится на легкія. Со слезящимися глазами, полуослѣпленнымъ отступаешь

назадъ и осязаешь подъ собой желтый потрескавшійся камень, смрадную неостывшую накипь послѣднихъ изверженій. Между тѣмъ внутри вулкана кипитъ какъ въ паровикѣ. Нѣчто вродѣ стенаній просится изъ адской глубины. Вполнѣ понимаешь суевѣрныхъ туземцевъ, объясняющихъ себѣ эти порывы и этотъ гулъ трепетаніемъ грѣшныхъ тѣней, осужденныхъ тамъ на вѣчное мученье. Не мудрено, что въ индо-малайскомъ архипелагѣ народъ молился и при преобладаніи языческихъ взглядовъ донынѣ молится (съ помощью браминовъ) духу-владыкѣ кратера: туда бросаютъ цвѣты, въ грохотѣ подземныхъ ударовъ усматриваютъ пророчества бога . . . Простодушіе массы не подлежитъ описанію: недавно въ одномъ округѣ кто-то убѣдилъ толпу въ появленіи сверхъестественнаго незримаго существа на вершинѣ подобной огнемощной горы. Тысячи рабочихъ по собственному почину собрались и прорубили въ чащѣ лѣса тропинки оттуда къ подножью, чтобы облегчить вулканожителю спускъ въ населенныя долины: вѣдь иначе ужасная «сила» снизошла-бы чего добраго, въ блескѣ сотенъ молній и подъ ревъ неукротимаго урагана, — заливая деревни лавою, засыпая пажити гибельнымъ пепломъ! . . . Сколько поэзіи связано въ душѣ яванца съ олицетвореніями стихійныхъ началъ!

Папандаянъ прежде отличался гораздо болѣе внушительными размѣрами, но въ августѣ 1772 г. изъ него внезапно выросъ лучезарный столбъ и половина твердыни провалилась.

Пушечные выстрѣлы и теперь нѣтъ-нѣтъ да слышатся въ ея коварныхъ нѣдрахъ. Если покрѣпче воткнуть палку въ рыхлую кору близь бездны, она начинаетъ быстро шевелиться и пропадаетъ въ землѣ, откуда на встрѣчу струится паръ и пахнетъ сѣрою.

Мы ѣдемъ обратно. Дождь стихаетъ. Тускло-зеленыя поляны кажутся освѣщенными газомъ, — до того неестественна ихъ окраска. Полосками радуги проскальзываетъ сквозь густоту дебри проясняющійся день. Носильщикамъ жарко. Они безпрестанно сходятъ съ тропинки къ водоскатамъ и жадно приникаютъ къ мутной влагѣ.

Въ деревнѣ, гдѣ ждутъ экипажи, туземцы пытаются доставить Гостямъ развлеченіе боемъ барановъ, какой мы уже неразъ видѣли въ Индіи. Кромѣ того и здѣсь, и раньше, и потомъ до насъ безпрерывно долетаютъ отголоски гамеланга. Онъ какъ-бы вездѣсущъ, какъ-бы таится за каждымъ кустомъ, постукиваетъ молоточками на любомъ поворотѣ дороги. Слухъ свыкается съ неопредѣленными оттѣнками этой музыки, въ которой серебристые колокольчики вторятъ арфѣ и флейтѣ и скрипкѣ, а тамтамы довершаютъ полноту экзотическихъ мелодій. Начинаешь грезить на-яву точно въ убаюкивающемъ гамакѣ.

Звуки манящіе, звуки неясные.
Словно мечта или бредъ, —
Звуки глубоко, томительно-властные . . .
Что въ васъ вопросъ и отвѣтъ?!

Воля судьбою зловѣщею скована,
Въ прошломъ тоскливо-темно,
Вѣчнымъ соблазномъ душа очарована,
Сердцу-жъ любить не дано.

Войны и казни, порой дуновеніе
Смертью клокочущихъ горъ . . .
Все воплотилось въ напѣвъ и видѣніе,
Все отуманило взоръ.

Ласка безплотная, дума запретная
Слиты въ мерцающій звукъ:
Что-то священное, что-то завѣтное
Создалъ душевный недугъ.

Жизнь перестала быть мукой и бременемъ,
Звѣзды проснулись въ ночи,
Въ странныхъ созвучьяхъ, не связанныхъ временемъ,
Льются и таютъ лучи.

ОТЪ ГАРУТА ДО ПАКНАМА.

Среда, 27 февраля (11 марта).

Ихъ Высочества вернулись вчера съ вулкана около 4 часовъ пополудни. За обѣдомъ кн. Барятинскій снова провозглашалъ тостъ за Государя Императора.

Сегодня, благодаря чудной погодѣ, день съ семи утра посвященъ охотѣ въ окрестностяхъ города: у возвышенностей Tjikorai, около плантаціи Waspada. Сначала была надежда выгнать изъ сосѣднихъ зарослей двухъ замѣченныхъ тигровъ; но это не удалось, и Ихъ Высочества удачно стрѣляли только по здѣшнимъ пестросѣрымъ кабанамъ, которыхъ яванцы не бьютъ, гнушаясь мясомъ нечистыхъ для мусульманина животныхъ. Туземцы присутствовали и громкими криками выражали свое ликованіе при каждомъ удачномъ выстрѣлѣ.

Четвергъ, 28 февраля (12 марта).

Покидая Гарутъ въ 7¾ утра, Наслѣдникъ Цесаревичъ благодаритъ жителей округа, въ лицѣ «ассистента-резидента», за сердечный пріемъ.

На станціи Лелесъ, гдѣ грандіозные віадуки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ строителей преангерской дороги, къ поѣзду подходитъ странное существо (человѣкъ въ звѣриной маскѣ, завернутый въ рогожу и съ голыми ногами). Пискомъ и пляской начинаетъ онъ потѣшать собравшуюся толпу, видимо олицетворяя собою что-то ей знакомое, но намъ непонятное.

Столица области, Бандонгъ, приготовилась празднично встрѣтить Августѣйшихъ путешественниковъ. Дабы показать ее Имъ и дать возможно полное представленіе о главныхъ административныхъ центрахъ страны подъ европейскимъ владычествомъ, насъ въ теченіе часа возятъ по широкимъ и благоустроеннымъ городскимъ улицамъ, гдѣ приниженно ждетъ любопытный народъ. Мѣстами привѣтствуютъ Гостей голландцы съ семьями.

Экипажи огибаютъ огромную бандонгскую «площадь скачекъ», за утопающимъ въ листвѣ инородческимъ жильемъ, и ѣдутъ мимо новой мечети, съ ковромъ на ступеняхъ, у которыхъ живописными группами, въ бѣлыхъ чалмахъ, стоятъ необыкновенно вліятельные средь массы вернувшіеся изъ Мекки богомольцы (хаджи). До сихъ поръ на Западѣ, и особенно у насъ, недостаточно обращали вниманія на внутренно крѣпнущія связи мусульманъ всего современнаго міра съ малодоступной Аравіей. Она постепенно раздвигаетъ сферу своего религіозно-политическаго воздѣйствія на «людей Корана» и совращаемыхъ ими въ ту же вѣру язычниковъ (азіатовъ, африканцевъ). Вопросъ настолько серьезенъ, что о немъ не мѣшаетъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній, говоря о роли ислама въ индо-нидерландскихъ владѣніяхъ.

На родину Магомета ежегодно (отъ Судана до Китая) стекается для поклоненія свыше 100,000 душъ. Аравитяне всячески обираютъ и развращаютъ пришельцевъ, изъ коихъ иные прямо осѣдаютъ среди мекканцевъ и, мало-по-малу, образуютъ цѣлыя колоніи (смотря по происхожденію), куда естественно направляется бо́льшій и бо́льшій притокъ земляковъ. Правовѣрные, — разсѣянные и разрозненные до́ма, — здѣсь, на благопріятной почвѣ, встрѣчаются и сплочиваются идеею объ единствѣ народовъ подъ знаменемъ «пророка». Принципы панисламическаго характера воспламеняютъ слѣпую массу. Невѣжественно-фанатичная Мекка, а косвенно и Медина, стягиваетъ и сближаетъ недовольныхъ порядками въ краяхъ, гдѣ повелѣваютъ христіане. Онѣ повсюду разсылаютъ агентовъ съ цѣлями пропаганды и привлеченія наивныхъ пилигримовъ въ «священные» города мусульманской исторіи. Возвращающіеся оттуда пользуются зачастую весьма нежелательнымъ значеніемъ и вліяніемъ. Въ виду существованія тамъ множества (до 150) экзальтированныхъ духовныхъ общинъ (двадцати шести дервишскихъ орденовъ) тысячи и тысячи хаджей подпадаютъ при посѣщеніи Аравіи подъ неотразимое вліяніе учителей-мистиковъ и уходятъ обратно, скрѣпленные съ ними и съ ихъ широкоразвѣтвленными братствами неразрывнымъ звеномъ. Вотъ гдѣ очаги и элементы послѣдующаго броженія среди искренно вѣрующихъ магометанъ. Голландцы это поняли, но довольно поздно: яванцы и вообще малайцы нѣсколько вѣковъ сряду отправляются уже въ далекій и когда-то смертельно опасный путь къ мекканской гавани Джиддѣ на Красномъ морѣ. Теперь условія измѣнились: европейскіе пароходы, сравнительно съ удобствами, нескончаемыми толпами доставляютъ туда желающихъ изъ Индіи, а также изъ нидерландскихъ владѣній. Въ результатѣ: совершившіе «хаджъ» перестаютъ быть une quantité negligeable, становятся политической силой, являются олицетвореніями оппозиціи иновѣрнымъ властямъ и народнаго недовольства; однимъ словомъ, побывавшіе въ Меккѣ нерѣдко грозятъ потомъ смутою правителямъ-христіанамъ. Аналогично-ли обстоитъ дѣло у насъ, я въ точности не знаю; но на Явѣ съ этимъ фактомъ благоразумно считаются и принимаютъ мѣры, чтобы парализовать вспышки фанатизма со стороны набожныхъ путешественниковъ изъ Аравіи, когда они склонны волновать родное населеніе. Однако вмѣшательство администраціи нерѣдко сказывается слишкомъ поздно. Напримѣръ, года полтора тому назадъ хаджи возмутили чернь противъ «резидента», всего въ 110 верстахъ отъ Батавіи (изувѣры стараются уронить престижъ угодныхъ голландцамъ туземныхъ вождей и князей) и предали свое непосредственное начальство казни со всей его семьей. Въ іюлѣ 1888 г. были звѣрскія кровопролитія такого же характера, причемъ поплатились честью и жизнью многія европейскія женщины и дѣвушки. Есть основаніе предполагать, что нити подобныхъ еще скрытыхъ заговоровъ раскинуты по цѣлой Явѣ. Особенно подозрительны дервиши толка Накшабенди, признающіе своимъ повелителемъ могущественнаго духовнаго шейха въ Меккѣ.

За послѣднее время замѣчательный арабистъ Снукъ Хюргронье (голландецъ) проникъ туда, къ очагамъ ислама, въ одеждѣ и съ видомъ мусульманина, совершающаго «хаджъ» (подъ именемъ «ученаго» Джаффара). Онъ даже поселился среди фанатиковъ и прожилъ въ «священномъ» городѣ съ февраля по августъ 1885 г., когда дерзкаго путешественника внезапно открыли и вынудили удалиться. Наблюденія его были уже столь обширны и цѣнны, что онъ вскорѣ напечаталъ новыя данныя о мекканцахъ въ «Revue coloniale internationale», а затѣмъ издалъ о нихъ два объемистыхъ тома со множествомъ иллюстрацій, въ которыхъ ясно отражается дѣйствительная жизнь таинственнаго центра и, между прочимъ, изображены хаджи изъ предѣловъ Россіи.

Умудренный и прославленный подвигомъ молодой оріенталистъ теперь прибылъ на Яву и необыкновенно полезенъ колоніальному правительству, потому что зорко изучаетъ бытъ туземцевъ съ религіозно-политической точки зрѣнія, подолгу и запросто живетъ среди нихъ, во всякую минуту можетъ дать соотечественникамъ ключъ къ различнымъ зловѣщимъ явленіямъ.

ТЕАТРЪ ВЪ БАТАВІИ.

Ихъ Высочества принимаютъ завтракъ во дворцѣ преангерскаго губернатора г. Хейтинга. Странное впечатлѣніе производитъ при этомъ юный богаче окружающихъ одѣтый яванецъ, прислуживающій за столомъ. Онъ оказывается сыномъ какого-то мѣстнаго князя и «резидентъ» потому будто-бы «позволяетъ» ему исполнять обязанности слуги, при трапезѣ европейцевъ, что юношѣ «полезно привыкать» въ такой обстановкѣ къ хорошему тону. Я не берусь судить, достигаетъ-ли средство цѣли, но самый фактъ невольно наводитъ на грустныя мысли. Всетаки эти потомки вождей и царей, въ современномъ приниженномъ положеніи, заслуживаютъ нѣкоторой доли глубокаго состраданія! Давно-ли туземные правители сами еще обладали пышнымъ дворомъ? Копѣйщики съ оружіемъ, убраннымъ драгоцѣнными камнями, плясуны, карлики, арапы, даланги наполняли роскошныя палаты исконныхъ властелиновъ Явы. Когда они парадно принимали свой блестящій штатъ, то оставались незримы даже присѣдавшему на корточки «совѣту»: только голосъ ихъ внятно звучалъ изъ-за парчевой завѣсы (одинъ махараджа, облекшись въ крылатый панцырь, съ позолоченною птицею на коронѣ, — имѣлъ обыкновеніе садиться при оффиціальныхъ пріемахъ на престолъ, передъ которымъ сверху падалъ каскадъ, прикрывая его такъ-сказать собой отъ нескромнаго взора), да выспреннее имя (развѣ не поэтично напр. для царицы называться «златоалый цвѣтокъ»?) говорило о личности державца. Какъ странно русскому, между прочимъ, найдти въ прозвищахъ первенствующихъ воиновъ родныя слова «purwo bator»!

Прежніе верховные султаны (Сусухунанъ или Сусунанъ) фактически лишены всякой мощи. Уже въ 1708 г. они посылались въ изгнаніе на Цейлонъ и чуть-ли не дальше на Мысъ Доброй Надежды, кланялись земно батавскому губернатору и т. д. Востокъ раз-

вѣнчанъ Западомъ, и даже его радовитѣйшимъ представителямъ въ данное время приходится исполнять передъ европейцами роль слугъ.

Въ 6 часовъ 12 вечера — прибытіе обратно на станцію Вельтевреденъ. Послѣ девяти Ихъ Высочества ѣдутъ на большой балъ въ лучшемъ клубѣ Гармоніи (Societeit Harmonie). Ближайшія къ нему улицы иллюминованы и кишатъ зрителями. По принятому обычаю публика съѣзжается безъ шляпъ, — до того восхитительна тропическая ночь съ ея нѣжащимъ воздухомъ и сумракомъ. Конвой изъ туземцевъ-солдатъ, въ мундирахъ довольно страннаго покроя (вродѣ венгерокъ), крупной рысью сопровождаетъ ландо Наслѣдника Цесаревича. Со всѣхъ сторонъ раздаются радостные, привѣтственные клики. У входа въ собраніе, декорированнаго звѣздотканными голубыми и красными матеріями, Августѣйшіе путешественники встрѣчены генералъ-губернаторомъ и его главными помощниками. Въ бальномъ залѣ высится тронъ подъ лазоревымъ балдахиномъ съ серебромъ, на золотыхъ копьяхъ. Среди ослѣпительнаго мрамора и блеска огней повсюду, въ лентахъ и цвѣтахъ, выдѣляются шифры Великаго Князя и Королевича Греческаго. На самомъ же видномъ мѣстѣ красуется портретъ ея величества юной Королевы Нидерландской.

Высокіе Гости всходятъ сначала на возвышенье у престола, затѣмъ Цесаревичъ открываетъ балъ съ г-жею Пейнакеръ-Хордейкъ: среди массы отъ души веселящихся и танцующихъ приглашенныхъ невольно притягиваетъ вниманіе группа степенныхъ китайцевъ въ дорогой сановно расшитой шелковой одеждѣ, съ окаменѣлой почти иронической улыбкой на безкровномъ лицѣ.

Пятница, 1 (13) марта.

Въ одинадцатомъ часу Ихъ Высочества посѣщаютъ «Азовъ» и присутствуютъ при богослуженіи. Подъ вечеръ Они ѣдутъ (въ сопровожденіи батавскаго резидента, свиты и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ съ адмираломъ въ главѣ) черезъ старую оригинальную Батавію, гдѣ теперь уцѣлѣли только конторы коммерсантовъ, — и потомъ на лодкахъ за городъ, въ мѣстность Moeara Bahroe, для охоты на изобилующихъ тамъ крокодиловъ. Яванцы къ нимъ относятся съ суевѣрнымъ ужасомъ и сами не убиваютъ этихъ чудовищъ, хотя одобряютъ стрѣльбу по нимъ европейцевъ-спортсмэновъ.

Экскурсія увѣнчана полнымъ успѣхомъ. Четыре страшилища на смерть поражены мѣткими пулями: длина двухъ равняется 17 футамъ 5 дюймамъ и 14 футамъ 5 дюймамъ. Охотничій трофей Наслѣдника Цесаревича съ тріумфомъ увозится на фрегатъ.

Суббота, 2 (14) марта.

Сегодня, въ послѣдній день, передъ Ихъ Высочествами долженъ былъ состояться парадъ на площади Ватерло, но дождливая погода этому препятствуетъ. Удается однако осмотрѣть большой батавскій музей, представляющій очень много интереснаго и единственнаго въ своемъ родѣ.

Близь подъѣзда стоятъ пушки съ острова Борнео. Весь атріумъ и прилегающая къ нему кладовая заставлены или точнѣе завалены памятниками языческой скульптуры, періода господства индійскихъ идеаловъ въ архипелагѣ: изваянія одно другаго любопытнѣе,

а подчасъ и безформенные, наполняютъ значительное пространство. Разнообразно закрученные хоботы добродушныхъ толстопузыхъ Ганешъ, многорукія небожительницы и боги, высящіеся на алтаряхъ или попирающіе быка (съ причудливыми эмблемами своего культа и таинственной силы), тонкія черты кумировъ съ глазомъ на лбу (подъ тіарою, украшенною символомъ креста), красивые Будды на лотосахъ, фантастическій двухглавый конь, Дурга съ черепомъ на головѣ и змѣей у пояса, Картикейя на павлинѣ, человѣчнаго вида бородатый Шива съ трезубцемъ и четками, — отовсюду смотрятъ на входящаго въ залы каменные обломки сѣдаго прошедшаго, благодаря которому край когда-то казался великъ. Къ сожалѣнію, здѣсь сравнительно поздно взялись за основательное изученіе археологическихъ достопримѣчательностей, и въ данную минуту иныя весьма характерныя вещи не поддаются опредѣленію, откуда онѣ, и хронологической классификаціи. Изрѣдка замѣтны металлическія фигуры («beelden van metaal», какъ гласитъ подробный каталогъ музея). Въ общемъ коллекція древностей представляется еще почти въ хаотическомъ состояніи. Нѣкоторыя надписи (beschreven koperen platen) даже не прочитаны. Надо надѣяться, что просвѣщенные мѣстные дѣятели, сомкнувшіеся въ полезную «Genootschap van Kunsten en Wetenschappen», помогутъ вскорѣ пролить свѣтъ на важнѣйшія полуистертыя страницы туземной исторіи, туземнаго миѳа и обряда. Съ 50-хъ годовъ надъ этими вопросами прилежно работаютъ попеременно Friederich и Van Hoevell, Brandes и Groeneveldt.

КИТАЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Изъ различныхъ отдѣловъ наиболѣе обширенъ этнографическій. Суматра, Борнео, Целебесъ олицетворены самымъ наглядньімъ образомъ: въ цѣломъ рядѣ витринъ, гдѣ предметы настолько мастерски сгруппированы, что сразу даютъ осматривающимъ довольно ясное понятіе о томъ краѣ, откуда они вывезены. Модели домовъ и гробницъ, божковъ и музыкальныхъ инструментовъ, одежда женщинъ и мужчинъ, разнообразныя украшенія, пугала для птицъ, рыболовныя снасти, утлыя ладьи, оружіе, утварь и т. п., шагъ за шагомъ приковываютъ вниманіе посѣтителей. Прошлый и настоящій бытъ яванцевъ рисуется особенно ярко: чего-чего тутъ

только нѣтъ! Жаль только, что нѣтъ манекеновъ. Они бы еще больше придали значенія и такъ уже безподобнымъ коллекціямъ. Съ одной стороны видишь платье вымирающаго на Явѣ племени Бадуви, до сихъ поръ исповѣдующаго буддизмъ; около стоятъ громадные гонги, какіе употреблялись нѣкогда въ царскихъ оркестрахъ; принадлежности ваянга, наряды, уборы невѣстъ, прежнія боевыя копья, всевозможные почетные зонты, бронзовые щиты, богато оправленные кинжалы, луки и стрѣлы, талисманы, ткацкіе станки, орудія производства въ деревняхъ при культурѣ сахара и табаку, при выдѣлкѣ масла и т. п. все нашло себѣ мѣсто въ музеѣ и свидѣтельствуетъ о той любви, съ которой голландцы-изслѣдователи знакомятся теперь съ туземной жизнью. Моряки постоянно жертвуютъ сюда разныя диковинки, привозимыя напр. съ береговъ Новой Гвинеи. Странное впечатлѣніе производятъ, между ними, папуасскій барабанъ изъ змѣиной кожи, каменная палица, вычурный по формѣ гребень . . .

Въ особой комнатѣ, — куда рѣдко вводятъ посѣтителей, — хранятся всевозможныя драгоцѣнности, золотыя и серебряныя вещи.

При музеѣ находится великолѣпнѣйшая библіотека, въ которой сосредоточена положительно вся литература объ индо-нидерландскихъ владѣніяхъ. Кромѣ спеціалистовъ, она еще мало кому достодолжно извѣстна на Западѣ во всемъ ея весьма почтенномъ объемѣ и научномъ значеніи. Большинство сочиненій, журналовъ и брошюръ издано притомъ на голландскомъ, далеко не каждому туристу доступномъ языкѣ. Затѣмъ, по видимому, много чертежей и картъ, а также туземныхъ рукописей, на древесныхъ листахъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ исторію края (въ прозѣ и стихами), сборники изреченій обычнаго права (адатъ), этическія наставленія, театральныя пьесы, миѳологическія повѣствованія, молитвы, предсказанія, магическія формулы и т. п. Яванцы благоговѣютъ передъ памятниками родной письменности, и до сихъ поръ въ сущности очень трудно доставать ихъ у духовно-замкнутаго населенія.

Нумизматическій отдѣлъ въ свою очередь отличается чрезвычайной полнотой и составляетъ гордость музея. Въ немъ насчитывается до 6000 номеровъ (между прочимъ: и бумажныхъ, и денежныхъ знаковъ). Каталогъ для нихъ составленъ спеціалистомъ Van der Chijs.

Изъ множества медалей любопытна выбитая въ честь остъ-индской компаніи въ Нидерландахъ, доведшей операціи за моремъ черезъ сто лѣтъ до такой степени развитія, что изъ 24,000 европейскихъ кораблей, бороздившихъ при Людовикѣ XIV океанскіе пути, около $^1/_5$ было подъ голландскимъ флагомъ.

Изъ европейскихъ монетъ довольно мало старинныхъ. Изъ азіатскихъ же наоборотъ. Особенно много откапываютъ китайской и японской мѣди (съ отверзтіями по серединѣ). Червонцы съ Целебеса лежатъ рядомъ съ тамошними же деньгами изъ ткани (съ прилегающаго островка Бутона), поддѣлка коихъ карается смертью среди островитянъ. Старояванскіе дукаты, персидскія рупіи и рупіи британскаго періода на Явѣ (съ 1811 по 1816 г.), полудоллары того же времени съ острова Суматры, деньги изъ владѣній раджи Брука въ сѣверной части Борнео, древнекитайскія, аннамскія и сіамскія, индійскія и арабскія монеты богато наполняютъ витрины наравнѣ съ нумизматическими рѣдкостями западнаго происхожденія. Среди послѣднихъ есть одна голландская XII-го и одна бельгійская XIII вѣка. Намъ показываютъ денежные знаки, бывшіе въ употребленіи во владѣніяхъ архіепископа кёльнскаго; сюда же попали нюрнбергскіе золотые, бранденбургскія денежки XVI вѣка, а также венгерская монета революціоннаго 1848 г.

Египетскіе денежные знаки временъ Клеопатры нашли себѣ здѣсь мѣсто такъ-сказать бокъ-о-бокъ съ китайскими амулетами, индо-нидерландскими марками за послѣднія

ва десятилѣтія, деньгами различныхъ династій Небесной имперіи (начиная отъ III вѣка до Р. Хр.), нумизматической коллекціей изъ Сіама, подаренной музею королемъ, и т. п. Французскія монеты изъ Пондишери въ Индіи (эпохи Людовика XV), датскія изъ Транкебара, тамъ же (отъ 1746 г.), испанскіе пьястры, средневѣковыя цейлонскія, золотые «мохуры» Нэпаля 17-го вѣка и пр. и пр. попеременно съ еврейскими и сирійскими до христіанской эпохи, попеременно съ парѳянскими и сассанидскими, начала нашей эры, приковываютъ вниманіе посѣтителей. Между прочимъ, любопытно видѣть среди этихъ коллекцій, за экваторомъ, деньги тифлисской чеканки 1778 г., литовскіе гроши 1568 и 1664 гг., Петровскую полушку 1721 г., Екатерининскіе пятаки, полтинники 1801 г. и четвертаки царствованія Николая Павловича, наконецъ современные двугривенные.

Издатели батавской газеты «Nieuwsblad», Кольфъ и комп. съ редакторомъ (г. Даунъ), отпечатали по-французски, на шелку, краткое описаніе посѣщенія Явы Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и представляютъ оттиски очерка Августѣйшимъ путешественникамъ.

Незадолго передъ отъѣздомъ, Они неожиданно совершаютъ еще небольшую экскурсію въ мѣстный зоологическій садъ, отнюдь не считающійся достопримѣчательностью города. Въ особомъ паркѣ отведены неважныя помѣщенія для немногочисленныхъ тварей. Крикливые попугаи (бѣлые съ желтой челкой, красные съ фіолетовыми крапинами на крыльяхъ, черные и синіе), дивныя райскія птички, обезьяны и казуары, — все это представлено вереницею любопытныхъ экземпляровъ. Но гораздо интереснѣе ихъ странная сова съ почти человѣческимъ выраженіемъ старческаго обрамленнаго бородою лица. Когда она сердится, то лаетъ вродѣ собаки.

Въ сторонѣ отъ клѣтокъ и звѣрья — пустой домъ одного знатнаго прославившагося туземца (Raden Saleh), который получилъ образованіе на Западѣ и долго путешествовалъ по Европѣ. Обладая талантомъ живописца, онъ исполнилъ немало заказовъ на сюжеты изъ яванской жизни.

Раденъ сравнительно недавно умеръ. Окружающій его жилище садъ сталъ теперь городской собственностью. Здѣшняя англійская колонія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми голландскими дамами, устроила въ немъ клубъ для игры въ «lawn-tennis».

Прощаніе съ Явой сегодня вечеромъ было чрезвычайно эффектно. Пока эскадра снималась съ якорей, надвинулась гроза. Ослѣпительныя вспышки молніи до того ярко начали прорѣзать темноту, до сравнительно далекаго побережья, — что все окрестъ такъ-сказать трепетало въ какомъ-то просто магическомъ освѣщеніи. Сонный, нестерпимо знойный воздухъ проснулся. Изъ океана повѣяло живительной прохладой. Гостепріимный островъ королевы нидерландской въ послѣдній разъ озарился передъ нами дивными лазоревыми очертаніями, «Азовъ» мощно двинулся въ ширь . . . . .

И грёзы тихія направили полетъ
Къ иному берегу, къ зыбямъ иного моря.

Опять, нѣсколько дней отдыха на родномъ фрегатѣ. Попытки сосредоточиться на видѣнномъ и пережитомъ. Чарующая мечта невольно увлекаетъ въ экзотическій край, гдѣ король Чулалонкорнъ ожидаетъ Русскаго Престолонаслѣдника.

Что такое Сіамъ? Какія представленія, кромѣ сказочныхъ, возникаютъ въ насъ при мысли о полуневѣдомомъ, даже до послѣдняго времени малоизслѣдованномъ царствѣ стараго типа, но притомъ съ достаточной долей самостоятельности по отношенію къ наступающей чужеземщинѣ? Тамъ — симпатичная частица Азіи, не пренебрегающей западнымъ просвѣщеніемъ и тѣмъ не менѣе борющейся за свои жизненныя права. На почвѣ сравнительно значительнаго королевства, съ двѣнадцатьюмилліоннымъ крайне смѣшаннымъ населеніемъ, издревле сталкиваются культурныя вліянія Индіи и Китая, въ основѣ же помимо того еще лежитъ загадочная «хмерская» цивилизація, такъ-сказать духовное зодчество неизвѣстно какими путями сюда проникшаго элемента кавказской рассы, послѣ котораго тутъ и въ смежной нѣкогда могущественной Камбоджіи сохранились гигантскіе памятники религіозно-эпическаго характера, съ необъятнымъ историческимъ и художественнымъ значеніемъ: лучи Рамаяны и буддійскихъ легендъ, переплетшіеся съ отраженною въ камнѣ лѣтописью боеваго возвышенно настроеннаго народа! Смѣсь монголо-тибетской и малайской крови, полнѣйшее pendant нашимъ инородцамъ-ламаитамъ и японцамъ, въ большинствѣ малорослые и подвижные индокитайцы являются странными преемниками непонятныхъ Хмеровъ съ ихъ государственнымъ строемъ, представляются результатомъ многообразныхъ этнографическихъ наслоеній въ такой части земнаго шара, гдѣ сознательнаго прошлаго и настоящаго почти нѣтъ, а будущее разовьется лишь на развалинахъ теперешняго матеріальнаго міра, когда сравнительно пассивные азіаты или окончательно допустятъ надъ собой главенство правителей съ Запада или примкнутъ къ пробуждаемымъ Сѣверомъ единоплеменникамъ. Примѣръ — налицо, въ видѣ недавняго паденія Аннама и однородныхъ ему политическихъ единицъ. Какое любопытное и во многомъ поучительное зрѣлище!

НА МЕНАМЪ.

Дни проходятъ незамѣтною чередою. Только жара мѣшаетъ отдыхать, сосредоточиваться и работать. Связь съ фрегатомъ и семьею моряковъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Наслѣдникъ Цесаревичъ неизмѣнно проводитъ много часовъ въ каютъ-компаніи и подолгу бесѣдуетъ съ офицерами.

Самыми памятными часами перехода, какъ и всегда, надо признать моменты заката, когда всѣ участники плаванія скликаются наверхъ и среди торжественно-благоговѣйнаго безмолвія, при спускѣ кормоваго флага съ Георгіевскимъ крестомъ, команда «Азова» молится, внимая «Отче Нашъ!» Едва-ли эти высокія мгновенья не скрашиваютъ суровой обстановки и тяжелой отвѣтственной жизни, которую несутъ въ морѣ наши доблестные моряки!

Пока надъ послѣднимъ величаво несутся и гремятъ, замираютъ и таютъ аккорды гимна-молитвы, души вслушивающихся въ него словно обновляются и очищаются внутреннимъ огнемъ . . .

Забыть-ли вечера, когда съ такой любовью
Усталый отблескъ дня баюкала волна,
И тихо падалъ флагъ, добытый русской кровью,
Въ дыму Наварина?!...
Янтарный сводъ небесъ. Молитвенные звуки.
Невѣдомая ширь, безъ призрака земли,
И жажда распознать въ холодной тьмѣ разлуки,
Что тамъ — вдали!....

Западъ окрашивается въ персиковый цвѣтъ: уходящее или, точнѣе, ушедшее солнце играетъ еще прощальными лучами съ причудливо очерченными облаками и слабо дышущей поверхностью водъ . . . . .

Сіамскій заливъ и прилегающіе къ нему края! Громкое названіе, не вызывающее передъ мысленнымъ взоромъ никакого опредѣленнаго образа, никакихъ ясныхъ понятій. Объ этой культурной полосѣ земнаго шара у насъ, напримѣръ, положительно знаютъ менѣе, чѣмъ о чуждой намъ негритянской Африкѣ, о папуасахъ и тому подобномъ. Можно съ увѣренностью сказать, что вопросъ объ относительно близкихъ сосѣдяхъ Небесной имперіи мало кому представляется пока интереснымъ и важнымъ. А вѣдь время вмѣшательства Франціи и Англіи въ дальнѣйшую судьбу самостоятельныхъ элементовъ Индо-Китая — не за горами! Генеральный консулъ первой (Kergaradec) добился передачи широко задуманныхъ телеграфныхъ линій по Сіаму въ руки соотечественниковъ, а глубокій знатокъ края Лаосовъ г. Пави торопится организовать съ патріотическими цѣлями новую экспедицію къ спорнымъ рубежамъ мѣстныхъ французскихъ владѣній; между тѣмъ какъ лордъ Ламингтонъ, взявъ исходнымъ пунктомъ Бангкокъ, изслѣдуетъ съ англійской точки зрѣнія важные пути отсюда къ Тонкину. Безъ сомнѣнія, въ этой области вскорѣ неминуемо столкновеніе двухъ враждебныхъ колоніальныхъ началъ, и сіамцамъ грозитъ участь вродѣ той, что постигла милліоны ихъ единовѣрцевъ. Любопытно только, кто посягнетъ на безобидное царство и чье просвѣщенное иго будетъ тяжелѣе туземцамъ. Судя по историческимъ указаніямъ, всего раньше и легче имъ скажетъ: «вы — мои» твердый въ своихъ начинаніяхъ Альбіонъ, пристально вглядывающійся изъ Сингапура и Бирмы въ индо-китайскій міръ, для энергичнаго побѣднаго вторженія въ Небесную имперію. Кто, кромѣ ущемленныхъ Тонкиномъ французовъ, могъ бы тамъ на

югѣ рѣшительно соперничать съ британцами или противупоставить имъ сколько-нибудь серьезныя преграды? Для этого нуженъ могучій флотъ и нужна сильная оборона съ суши противъ храбрыхъ сипаевъ, которыхъ направятъ добывать владыкамъ Индіи новую неисчерпаемо-богатую страну. Ни того, ни другаго они не встрѣтятъ на почвѣ южнаго Китая. Каково же, однако, придется впослѣдствіе Россіи, когда деньги оттуда золотыми потоками польются на Западъ, за Ламаншъ, готовить намъ въ Европѣ самыя неожиданныя осложненія и чуть-ли не угрозы? Сіамъ кажется издали, съ высоты орлинаго полета надъ Европой и волнующею ее злобою дня, чѣмъ-то слабымъ и третьестепеннымъ по значенію, но во имя грядущихъ русскихъ интересовъ на пробуждающемся Востокѣ маленькому самостоятельному государству, уцѣлѣвшему въ сумятицѣ разгрома Азіи «бѣлою» рассой, надо и впредь отъ души пожелать полной независимости и безболѣзненнаго развитія, процвѣтанія и счастья. Если случится иначе, мы косвенно потеряемъ. Пока порядокъ вещей остается ненарушеннымъ, все незамѣтно складывается въ нашу пользу. Лишь-бы только пришельцы не колебали и не губили исконнаго азіатскаго строя!

Въ морѣ намъ придется провести уже сравнительно мало тропическихъ ночей, и тѣмъ пристальнѣе вглядываешься съ тоскливою духовною жаждой въ ихъ ослѣпительную красоту и незамирающій блескъ.

Синія искры, величиною съ орѣхъ, пылаютъ въ глубинахъ вокругъ.

. . . . . Далекій слѣдъ бѣжитъ, сѣдой сверкая пѣной . . . . .

Безлунный усыпанный звѣздами мракъ окутываетъ нѣмую даль. Вотъ зеленоватая пламенная полоса нѣсколько разъ подрядъ прорѣзаетъ бездну волнъ у расширяющагося горизонта. Вспышки ихъ прямо за нами, — въ безконечной бороздѣ винта, — принимаютъ сначала оранжевый, а потомъ фіолетовый и голубой оттѣнокъ. На востокѣ, точно лампочки, загораются красновато-розовые огни, а затѣмъ багровымъ еще невполнѣ оформленнымъ шаромъ всплываетъ мѣсяцъ и льетъ на океанъ желтыя струи лучей.

Этому сравнительно малоизвѣстному заливу улыбается великое будущее. Чаще и чаще приходится слышать о проектѣ глубоко прорѣзать перешеекъ Кра между Малаккой и Сіамомъ. Тогда путь въ Индо-Китай и Небесную имперію какъ изъ Индіи, такъ и съ европейскаго Запада укоротился бы сразу для пароходовъ на двое — трое сутокъ. Сингапуру послѣднее не выгодно, но въ общемъ англичане отъ этого ничуть не потеряютъ: слишкомъ необъятны ихъ торговые интересы на побережьяхъ Азіи! Если создастся новый столь важный каналъ, прямыми результатами будетъ присоединеніе къ упомянутой колоніи сѣверныхъ малайскихъ земель, платящихъ нынѣ дань Бангкоку, наплывъ въ него бѣлолицыхъ авантюристовъ, ускоренное завоеваніе южныхъ окраинъ материка колонизаторами болѣе предпріимчивой рассы, чѣмъ даже сами китайцы: широко откроется дорога изъ бенгальскихъ водъ въ моря «желтой» рассы. Пришельцы съ удвоенною энергіей ее безвременно потревожатъ, покорятъ, станутъ внутренно порабощать и эксплоатировать.

Французскіе инженеры домогаются получить главныя средства на свои работы отъ сіамскаго короля, который однако можетъ только пострадать изъ-за чужой идеи. Говорятъ, за нее высказался старикъ Лессепсъ. Его родина, по видимому, призвана вовлекать властелиновъ на Менамѣ въ круговоротъ историческихъ зачастую роковыхъ событій. Въ

XVII вѣка туда снаряжались экспедиціи волею Людовика XIV, мечтавшаго насадить тамъ христіанство. Онѣ начались вѣжливымъ обмѣномъ посольствъ и обычной дипломатической ложью, окончились жестокою взаимною непріязнью и кровопролитіями: непрочная и неискренняя, полуфиктивная связь съ Европой порвалась надолго и съ ожесточеніемъ. Возобновить ее, на почвѣ обоюдныхъ коммерческихъ и спорныхъ политическихъ выгодъ, впослѣдствіе удалось, конечно, раньше всего Великобританіи.

Между тѣмъ какъ легко было, при отсутствіи фанатизма и тщеславія, достигнуть противуположнаго среди мягкаго и радушнаго буддійскаго народонаселенія! Въ этомъ ясно убѣждаешься, читая замѣчательныя записи-дневники отцовъ-миссіонеровъ (преимущественно ученыхъ іезуитовъ), посѣщавшихъ въ ту интересную пору просыпавшійся на встрѣчу цивилизаціи и простиравшій объятія Франціи средневѣковой Сіамъ. Первыя сочиненія объ этомъ предметѣ становятся библіографическою рѣдкостью, и, запасшись ими, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ перелистываю я на пути въ Бангкокъ безхитростныя описанія наблюдательныхъ монаховъ. Настроеніе, съ которымъ они шли проповѣдывать, — край, куда ихъ влекла судьба, — туземный народъ, напрасно ожидавшій отъ иноземцевъ просвѣщенія и помощи, — все это необыкновенно живо рисуется воображенію въ соотвѣтствующей полутаинственной обстановкѣ . . . . среди ночнаго моря тропиковъ, при загипнотизированномъ зарницами и звѣздами дремотномъ состояніи духа, когда созерцаешь и то, что зыблется кругомъ, и чего нѣтъ на яву.

Вина европейцевъ, не умѣвшихъ тогда заслужить довѣріе простодушныхъ и по своему образованныхъ язычниковъ, заключалась въ узости взгляда у первыхъ и въ широтѣ религіозныхъ воззрѣній у вторыхъ. Сіамскій правитель строилъ дорогимъ гостямъ церкви, приказывалъ украшать пріемные покои католиковъ-пословъ золотыми распятіями, отдавалъ плѣнныхъ аннамитовъ инструкторамъ войскъ — христіанамъ для обращенія ad libitum въ «Западную вѣру», — но самъ не крестился, ибо его сердца не коснулась Благодать... Вмѣсто молитвеннаго ожиданія и кроткаго однозвучнаго подобному поведенію воздѣйствія, люди Запада чисто формально и матеріалистически взглянули на вещи. Грубый успѣхъ не давался, и съ кроткими жителями страны понемногу нашли излишнимъ стѣсняться.

Будь вопросъ поставленъ иначе, миссіонерство въ этихъ странахъ смѣло могло разсчитывать на блестящее поприще. Напримѣръ, въ столицѣ Сіама невозбранно возникла и развилась семинарія, гдѣ занималось по латыни, познавало богословіе до сорока индокитайцевъ различнаго происхожденія (кохинхинцевъ, бирманцевъ) и даже японцевъ. Рукополагаемые тамъ и отправляемые во свояси неофиты преобразили-бы съ теченіемъ времени жизненный строй тьмы соотечественниковъ. Царствовавшій на Менамѣ (ровно двѣсти лѣтъ назадъ) сіамскій государь читалъ переведенное для него Евангеліе, хранилъ Крестъ въ своей опочивальнѣ, чтилъ Имя Господне, помогалъ христіанскимъ проповѣдникамъ проникать въ предѣлы Небесной имперіи . . . . и съ такимъ государственнымъ человѣкомъ Азіи представители нашей культуры не поддержали тѣсныхъ дружественныхъ сношеній! Очевидно, винить за это надо не Востокъ. И упорные голландцы, и робкіе еще англичане, и потерявшіе престижъ португальцы сносились, правда, въ ту же эпоху съ югомъ Индо-Китая, но почти исключительно въ качествѣ купцовъ: Сіаму естественно льстила возможность достигнуть какого-нибудь союза или, по крайней мѣрѣ, соглашенія съ могущественнымъ западнымъ народомъ, а послѣдній безцѣльно пренебрегъ собственными интересами на дальнихъ побережьяхъ. Поучительный примѣръ, почему въ подобныхъ случаяхъ полезно и необходимо разумнѣе загадывать и на столѣтія разсчитывать впередъ!

У ПАКНАМА.

Эскадра — на якорѣ, но настоящаго берега не видно даже вдали: только синими очертаніями проступаютъ сбоку полувоздушныя горы. Развѣ только съ мачтъ есть возможность разглядѣть незримый съ палубы Сіамъ! Значительное волненіе усугубляетъ иллюзію, что мы — еще въ открытомъ морѣ. На рейдѣ находятся ушедшія прямо изъ Сингапура лодки «Манджуръ» и «Кореецъ», а также въ числѣ мѣстныхъ военныхъ судовъ знакомый уже намъ крейсеръ «Rajkumar», на которомъ прибыли изъ столицы привѣтствовать Наслѣдника Цесаревича два брата его величества, стоящіе во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства двора.

Несмотря на вѣтеръ и качку, Е. И. Высочество отдаетъ имъ на катерѣ визитъ. Намъ предстоитъ перебираться на королевскую яхту «Аполлонъ», чтобы достигнуть Бангкока. Послѣдней командуетъ датчанинъ де Ришелье (потомокъ знаменитаго французскаго рода). Онъ пользуется здѣсь въ краѣ общимъ уваженіемъ за полезные совѣты дипломатическаго характера и въ качествѣ хорошаго инструктора. Интересно уже то обстоятельство, что туземный дворъ обращается за таковыми не къ англичанамъ или нѣмцамъ, а въ относительно маленькое государство, откуда ему нечего ждать козней и нездороваго вліянія. Въ этомъ сказывается мудрость правителя, склоннаго воспринимать съ Запада какъ можно больше разностороннихъ знаній, но искушеннаго опытомъ своихъ предшественниковъ на престолѣ и своихъ нынѣ обездоленныхъ соперниковъ-сосѣдей, до чего опасно довѣряться иноземцамъ съ ненасытными колонизаторскими вожделѣніями. Состоятельная молодежь охотно ѣздитъ отсюда въ Америку и Европу присматриваться къ чужимъ порядкамъ и нравамъ, къ чужому благоустройству и матеріальному прогрессу;

многіе князья царской крови учились и учатся тамъ уму-разуму (въ полномъ смыслѣ слова), выписываютъ себѣ домой образованныхъ воспитателей и гувернантокъ, поручаютъ иностранцамъ второстепенныя должности въ государствѣ, но выше всего ставятъ и защищаютъ принципъ: «Сіамъ для сіамцевъ». Не имѣя одинаковыхъ съ Японіей счастливыхъ внѣшнихъ условій быстраго развитія, они тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ силъ, ежегодно совершенствуются и, если на численно слабый народъ не обрушится никакой грубой катастрофы, онъ еще въ первые же года XX вѣка крайне симпатично долженъ себя заявить въ ряду просвѣщенныхъ націй съ выдающимся прошедшимъ.

Пятница 8 (20) марта.

Раннее утро. Красавица-яхта плавно проходитъ мелководное устье Менама (технически возможно устранить громадныя неудобства, представляемыя баромъ у глубокой судоходной рѣки, но сіамцы изъ политическихъ соображеній противятся доступу въ нее европейскихъ броненосцевъ). Слѣва мелькаютъ, по близости, широкія рыбачьи сѣти на бамбуковыхъ кольяхъ. Небольшой маякъ сиротливо торчитъ непосредственно изъ воды. Низкій берегъ опредѣляется все рѣзче и густолиственнѣе. Сырая тропическая растительность заполонила его и прячетъ отъ насъ пока саму страну.

Пушечные выстрѣлы... Обычный салютъ... Пакнамъ. Первый встрѣчный туземный городъ съ изящной крѣпостцей и бѣлой колоколообразной златоверхой пагодой на островкѣ среди извилистаго русла. Домики на плотахъ, домики у побережья на столбахъ, еще повыше за ними совершенно европейскаго типа зданіе съ телеграфными проволоками по серединѣ привѣтливаго мѣстечка. Крытыя цыновками лодки (преимущественно съ вяленой рыбой), похожія на бочки огромной величины, довольно быстро спускаются по теченію, благодаря усердію ловкихъ гребцовъ, изъ коихъ, судя по голосу, немало женщинъ въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ и свѣтломъ одѣяніи.

Еще относительно недавно военныя суда чужихъ націй не должны были проходить за пакнамскія укрѣпленія или же здѣсь разоружались, идя въ Бангкокъ. Справедливо недовѣрчивые сіамцы не ждали добра отъ бѣлолицыхъ пришельцевъ и всѣми мѣрами готовы были сдерживать ихъ черезчуръ большую любознательность и предпріимчивость

по части изученія края съ тайными колоніальными цѣлями. Теперь не то: правительство даже какъ-будто радо обращенному на него вниманію Европы и Америки, а что касается насъ, то готово всей душей почтить посѣщеніе менамскихъ водъ эскадрой подъ флагомъ Престолонаслѣдника. «Кореецъ» и двѣ сіамскія канонерки вслѣдъ за «Аполлономъ» прошли перекатъ устья и величаво движутся за нами. Удушливо-жаркій день вступилъ въ свои права. На палубѣ яхты сервированъ завтракъ. До столицы остаются часа два (22 мили). Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣетъ возможность вести продолжительную бесѣду съ принцемъ Кромъ Луангъ Дэвавонгсэ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, по справедливости считающимся однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ представителей своего народа. Мы рѣжемъ рѣчную гладь среди однозвучнаго пейзажа, гдѣ листва заволокла собою область человѣческой культуры. По временамъ окрестности кажутся почти пустыней: однако вокругъ бьется пульсъ самой интенсивной жизни. Природа и люди словно сговорились заслониться отъ нескромныхъ взоровъ декоративною стѣною непроницаемой зелени, чтобы привольнѣе работать подъ тяжестью вертикальныхъ лучей. Сказочное царство, именуемое Сіамомъ, по видимому, медлитъ предстать передъ Августѣйшими путешественниками во всемъ своемъ прославленномъ блескѣ и великолѣпіи, во всемъ своемъ обаяніи и радужно-свѣтозарной красотѣ.

БАНГКОКЪ.

Естественныя богатства и потенціальное благосостояніе страны на Менамѣ, съ прилегающими и зависящими отъ нея землями (на Малаккѣ и сѣвернѣе, въ раіонѣ полудикихъ лаосскихъ племенъ) очень велики. Одни доходы короля равняются пятнадцати милліонамъ рублей. Золото и серебро, драгоцѣнные камни, желѣзо, олово, уголь, доброкачественнѣйшій лѣсъ, рисъ, пряности, плоды — въ неисчерпаемомъ изобиліи: не только для скромныхъ нуждъ народа, — недавно довольствовавшагося морскими раковинками въ качествѣ денежныхъ единицъ, — но и для вывоза въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Три четверти территоріи государства (т. е. около 180,000 квадратныхъ миль) не воздѣлано, покрыто джонглями, ожидаетъ пахаря.

Судоходство края развивается, — хотя медленнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, не составляя и пяти процентовъ приходящихъ сюда кораблей, — хотя иныя иностранныя суда прикрываются сіамскимъ флагомъ, съ цѣлью пользоваться различными льготами. Эта цифра, конечно, ничтожна, — когда знаешь, что у англичанъ — до 60%, у нѣмцевъ же треть общаго числа пароходовъ и парусныхъ судовъ, торгующихъ съ Сіамомъ. Участіе французскихъ коммерсантовъ пока маловажно: даже сравнительно съ австрійскими, италіанскими, норвежскими! Изъ обществъ, поддерживающихъ пассажирское движеніе на заливѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія такъ-называемая «Blue Funnel Line» (съ синими трубами). Германское консульство крайне прозорливо изучаетъ нужды, характеръ и спросъ населенія, прилагая всѣ усилія, чтобы съ полнымъ успѣхомъ конкурировать съ британскими товарами и ежегодно увеличивать свой ввозъ. Изъ фирмъ Бангкока первое мѣсто занимаетъ Марквальдъ (у нея, между прочимъ, есть фабрика для очистки риса, съ машиною въ 400 лошадиныхъ силъ). И это, несмотря на близость Индіи, Сингапура, Гонконга! За послѣднее время идущее сюда изъ Тріеста пиво и спички испытываютъ подрывъ отъ дешевыхъ поддѣлокъ японскаго происхожденія: только богемское стекло не боится здѣсь ничьей имитаціи. Главная торговля ведется съ западными странами. Ввозъ хлопчатобумажныхъ тканей (приблизительно на 25—30,000,000 р.) все ростетъ и ростетъ

(много покупается изъ знакомаго намъ Ахмедабада). Впрочемъ, экспортъ до сихъ поръ милліоновъ на десять превышаетъ импортъ. Обширное скотоводство, — особенно въ сѣверныхъ областяхъ, — позволяетъ сбывать напр. въ Бирму корову съ теленкомъ за 4 р.

«Me nam Tschau Phya» (царственная мать водъ) именуютъ туземцы свой Нилъ, разливами оплодотворяющій гигантскую равнину. Онъ создалъ цвѣтущія низовья Сіама, отвоевалъ ему частицу залива, выдвинулъ побережье на югъ органическими остатками и пескомъ. Двѣсти-триста лѣтъ назадъ въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ теперь свѣтятся обрамленныя растительностью кумирни, соленая волна прибоя ложилась усталой грудью на совершенно обнаженный грунтъ.

СІАМСКОЕ ЖИЛЬЕ

Чѣмъ дальше мы подвигаемся по извилистой рѣкѣ, тѣмъ оживленнѣе и люднѣе она кажется. Сквозь листву постепенно проступаютъ разныя промышленныя заведенія, училища, виллы европейскаго квартала, высокій фронтонъ таможни, убранный флагами «Oriental Hotel», ограды царскаго дворца и блестящія причудливо изогнутыя кровли храмовъ. «Аполлонъ» проходитъ цѣлый рядъ разукрашенныхъ флагами парусныхъ судовъ, канонерокъ и яхточекъ. Настоящія улицы образованы вокругъ насъ пловучимъ жильемъ весьма многихъ (до ста тысячъ) горожанъ, вѣчно обитающихъ на Менамѣ и по безчисленнымъ каналамъ. Любопытныя фигуры женщинъ и мужчинъ, которыхъ по костюму и прическѣ нельзя отличить другъ отъ друга, наполняютъ, — сидя на корточкахъ, — незатѣйливыя веранды этихъ оригинальныхъ зыбкихъ построекъ («руа»), прицѣпленныхъ къ сваямъ, глубоко вбитымъ въ илистое дно. При бурной погодѣ ихъ зачастую отрываетъ, но безъ вреда для домохозяевъ. Отнесетъ такую лавку-мастерскую, такой типичный сіамскій home слегка внизъ по теченію, — и они снова искусно причаливаютъ къ свободнымъ брусьямъ на своемъ невольномъ пути. Подобный способъ перемѣщаться очень удобенъ во время нерѣдко случающихся пожаровъ (положимъ, не для того околотка, куда спускается вереница горящихъ домовъ!) и вообще практиченъ съ точки зрѣнія дешевыхъ переѣздовъ изъ любаго коммерчески интереснаго пункта въ другой, — причемъ лодочки-душегубки (ими же обладаетъ почти каждый туземецъ, какъ сартъ длинноухимъ ишакомъ въ Туркестанѣ) чрезвычайно упрощаютъ это дѣло, при водвореніи на новомъ устоѣ. Въ часы прилива бангкокцы утилизируютъ его для подъема вверхъ по Менаму. Вотъ она — Венеція тропиковъ, столица Сіама!

Мы становимся на якорь противъ высшаго бангкокскаго училища Сунандалайя, созданнаго въ память самой любимой покойной королевы. Къ яхтѣ подходятъ, за Ихъ Высочествами и свитой, страннаго типа узкія гребныя суда (почти пирóги дикарей по размѣрамъ и быстротѣ веселыхъ движеній). Десятки костюмированныхъ въ алую одежду молодцевъ съ рѣзкими криками гребутъ подъ команду запѣвалы-рулеваго. Носъ каждой такой характерной ладьи высоко изогнутъ, разукрашенъ въ формѣ чудища, позолоченъ. Посреди сидѣній гребцовъ, съ ихъ живописными шишаками краснаго цвѣта, устроенъ убранный подушками павильончикъ, гдѣ можетъ тѣсно помѣститься лишь нѣсколько человѣкъ.

Подъ грохотъ привѣственныхъ и отвѣтныхъ салютовъ, въ разстилающемся дыму, скользимъ мы къ декорированной пристани, на которую прибылъ встрѣчать Наслѣдника Цесаревича повелитель единственно самобытнаго индо-китайскаго государства.

Съ тѣхъ поръ что на Менамъ прибыло блестящее посольство Людовика XIV, туземцы не испытывали одинаковыхъ чувствъ радостнаго смущенія и полнаго довѣрія, не встрѣчали никого съ бóльшимъ радушіемъ, нетерпѣніемъ и надеждой. Однако въ первыхъ европейцахъ (начиная съ португальцевъ, которые овладѣли городомъ Малаккой, признававшей власть сіамскаго короля, а затѣмъ единовременно продавали себя, въ лицѣ наемниковъ, Бирмѣ противъ Сіама, Сіаму же противъ Бирмы) сіамцамъ вскорѣ пришлось горько разочароваться. Представители «бѣлой» рассы шли сюда, чтобы обогащаться и повелѣвать. Имъ дѣла не было, какъ это можетъ отозваться на туземномъ населеніи. Въ результатѣ получились и непріязнь, и опасенія по отношенію къ пришельцамъ изъ-за моря. Совершенно иначе должны смотрѣть и фактически смотрятъ на насъ уже всѣ подпавшіе или еще подпадающіе подъ европейское иго народы Востока. Они знаютъ могущество Бѣлаго Царя, у ногъ котораго покоится цѣлая родная ему Азія, — знаютъ, что въ вопросахъ внѣшней не колоніальной, а исключительно территоріальной политики Россіи не нужны тотъ мишурный блескъ, за которымъ по дѣтски гонятся менѣе ея увѣренныя въ конечномъ успѣхѣ предпріимчиво-безпокойныя націи Запада, — главнымъ образомъ цѣнятъ въ насъ то высокое качество, что мы по мѣрѣ силъ всегда вносили и вносимъ въ хаосъ собственной и чужой жизни начала прямодушія и безъискусственной доброты, жажду настоящаго подвига во имя святости самого подвига, взглядъ на человѣка всякаго племени и всякой вѣры, какъ на Божье созданье, которое намъ не можетъ не быть близко и по плоти и по духу. На такой-то основѣ русскаго національнаго характера и непосредственныхъ христіанскихъ идеаловъ сложилась наша «крѣпкая по однородности состава» хотя и разноязычно-пестрая имперія, творчески вліяющая на каждый тяготѣющій къ ней уголокъ азіятскаго материка. Кроткое, хотя и храброе на войнѣ, буддійское населеніе на Менамѣ инстинктивно чувствуетъ свою внутреннюю связь съ державой далекаго Сѣвера, не стремящагося здѣсь ни къ захватамъ, ни къ власти, ни къ правонарушеніямъ. Дружба съ нимъ была бы обусловлена совершенно безкорыстными съ его стороны побужденіями. Ускользавшее до сихъ поръ отъ непрошенной европейской опеки и гегемоніи индо-китайское царство, благодаря его незримой нравственной поддержкѣ въ моменты неравной борьбы съ сосѣдями, и впредь надѣялось бы на сохраненіе независимости. Говорятъ, что его величество король Чулалонкорнъ оповѣстилъ свой народъ, что къ нему ѣдетъ Гость, котораго слѣдуетъ считать за народнаго Гостя, встрѣтить и почтить отъ всей души, привѣтствовать не только какъ Царственнаго путешественника, но и какъ Друга.

Парадная форма сіамскаго двора при всей своей оригинальности далеко не лишена элегантности, на европейскій взглядъ, — причемъ однако подходитъ къ облику облеченныхъ въ нее, чего напр. не скажешь про сановныхъ японцевъ. На Менамѣ видимо умѣютъ согласовать національныя эстетическія требованія съ высшими общечеловѣческими. Культъ Европы ни на минуту не позволяетъ тутъ забыть, что не все внѣшнее оттуда примѣнимо къ представителямъ туземной коричневой рассы «саямъ» (т. е. красной), давшей наименованіе самой странѣ, но величающей себя гордымъ прозвищемъ «тай» (свободная), которое ей въ сущности по праву принадлежитъ вотъ уже свыше тысячи лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ она свергла иго Камбоджіи и успѣшно отражала въ теченіе вѣковъ грозныя нападенія болѣе могущественныхъ единоплеменниковъ.

КИТАЙСКІЙ БУДДА.

Полдень близко. Воздухъ кажется раскаленнымъ. У декорированной пристани (привѣтственная «русская» надпись на сооруженной здѣсь бесѣдкѣ составлена однимъ курляндцемъ, прибывшимъ искать счастья въ Сіамѣ), вокругъ осѣненнаго зонтомъ повелителя толпятся принцы крови и царедворцы въ красивыхъ пробковыхъ шлемахъ, въ шитыхъ золотомъ шелковыхъ мундирахъ и такихъ же синихъ продолженіяхъ (собственно одной ткани «панунгъ», обматываемой вокругъ бедръ), въ бѣлыхъ высокихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ парадной лейбъ-гусарской формѣ выходитъ на берегъ изъ фантастической «пирóги» (съ 46 театрально наряженными гребцами) подъ небольшую арку, у которой встрѣчаетъ Е. И. Высочество король Чулалонкорнъ. Титулъ его величества in extenso довольно трудно заразъ произнести (Phra-Bad-Somdetch-Phra-Paramindr-Maha-Tschulalonkorn-Phra-Tschula-Tschau-Klao-Tschau-Yu-Hua), но онъ быстро запоминается, если вникнуть въ смыслъ большинства словъ, представляющихъ ничто иное какъ перечень обычныхъ названій или точнѣе величаній царя на туземномъ языкѣ. Такъ, напр. «чау» означаетъ «князь»; «сомдечъ» — «могущественный», «достовластный»; «параминдръ» — «выдающійся», «прославный»; «чулалонкорнъ» — «малая діадема» (въ противуположность прежнему царю-отцу,

титуловавшемуся «Маха-Монгкутъ» — «великая корона») и т. д. Сіамскій титулъ «пра» или «фра» (божество или великій господинъ) происходитъ отъ древне-индійскаго «прабу» (владыка) и соотвѣтствуетъ египетскому слову «фараонъ». Иногда такъ говорятъ, обращаясь къ буддійскимъ жрецамъ, вродѣ того какъ на монголо-тибетскомъ Сѣверѣ ихъ принято титуловать ламами. По настоящему на Менамѣ существуетъ обычай, какъ и вообще на всемъ мистическомъ Востокѣ, величать государя множествомъ эпитетовъ, не называя его только по имени, ибо послѣднее свято и недостойно быть достояніемъ толпы, — отчасти уже и потому, что можетъ сдѣлаться объектомъ вражескихъ чаръ, предметомъ злокозненнаго навожденія.

Сорокалѣтній, средняго роста, стройный красавецъ-король (онъ не имѣетъ по внѣшности ничего грубо-туранскаго, физически не похожъ на монголо-малайца, а напротивъ напоминаетъ скорѣе по типу европейца-южанина съ чрезвычайно пріятнымъ голосомъ и лучистыми глазами) радостно привѣтствуетъ Желаннаго Гостя и знакомитъ Августѣйшихъ путешественниковъ со своею многочисленною семьей. Его величество, пожалуй, имѣетъ отдаленное сходство съ несчастнымъ Людовикомъ II Баварскимъ.

Красное сукно. Совершенно по западному выстроенный почетный караулъ, со знаменемъ и музыкой. Нашъ гимнъ, богомольно уносящій въ область родныхъ звуковъ..... И это Сіамъ?! Какъ странно, должно быть, его кореннымъ жителямъ смотрѣть на мѣховые уборы, на сверкающія каски лицъ русской свиты! Средь такого зноя до чего нестерпимо тяжело въ нашихъ туго застегнутыхъ мундирахъ!....

Путь отъ рѣки къ центральному дворцу «Чакра-Кри» выложенъ свѣтлыми цыновками съ Филиппинскихъ острововъ, тянется на половину обращенными въ шатеръ переулками среди дворцевыхъ и кумиренныхъ оградъ, занятъ бравыми войсками. На шлемахъ у пѣхотинцевъ — золоченыя украшенія. Обувь у большинства отсутствуетъ. Обмундировка: бѣлое съ синимъ.

Впереди шествія идутъ церемоніймейстеры съ посохами. Надъ державнымъ хозяиномъ страны и Ихъ Высочествами по древнему обычаю несутъ зонтъ внушительныхъ размѣровъ. Мы много слышали уже въ Индіи, при упоминаніи про ея исторію, объ этихъ эмблемахъ власти; но воочію онѣ особенно намъ бросились въ глаза лишь на Явѣ, а теперь и тутъ: въ раскрывающемся тысячью оригинальныхъ образовъ, глубоко привлекательномъ Сіамѣ! Впрочемъ, насколько я могу судить по литературѣ путешествій, зонтъ игралъ повсюду роль и въ болѣе сѣверныхъ областяхъ Индо-Китая. Напр. когда въ 1819 г. одна американская экспедиція прибыла къ кохинхинскому побережью и ждала разрѣшенія идти далѣе въ Сайгонъ, убогіе и полудикіе прибрежные жители пріѣзжали неоднократно знакомиться съ иностранцами, — причемъ старшина, за панибрата обращавшійся со своими подчиненными, тѣмъ не менѣе ни шагу не дѣлалъ на чужомъ кораблѣ безъ провожатаго, державшаго зонтъ надъ его головою. Даже въ каюту упрямый туземецъ не соглашался спускаться, не взявъ съ собой этого важнаго аттрибута сановности. Однако на Востокѣ принято обходиться и безъ него, когда требуетъ благоговѣніе къ обстановкѣ: между прочимъ, никакой самый важный сановникъ Бирмы не сталъ бы въ молитвѣ обходить капища даже извнѣ подъ требуемымъ по этикету зонтомъ. Послѣдній до такой степени является необходимымъ подчасъ (въ символическомъ отношеніи), что намъ — людямъ Запада по воспитанію и взглядамъ — сначала даже трудно представить себѣ внутренній смыслъ обычая, если онъ напр. примѣняется къ неодушевленнымъ предметамъ: во время пріема посольства Людовика XIV сіамскіе сановники положили письма Папы и короля къ монарху на Менамѣ въ золотыя корзинки, поставили ихъ

на дорогія носилки и понесли подъ большимъ распущеннымъ зонтомъ — среди войска, подъ музыку — во дворецъ. Иначе, конечно, и не могли поступить представители культуры, наиболѣе чтущей на землѣ власть духовныхъ іерарховъ и свѣтскихъ владыкъ народа!

Передъ нами широкій мощеный дворъ: съ огромными фонарями, съ уродливо подстриженными деревьями въ кадкахъ, съ пышнымъ фронтономъ главнаго дворца, куда направляется наше блестящее шествіе. Онъ сооруженъ весьма недавно, стоилъ неимовѣрно крупныхъ суммъ, краснозеленой крышей напоминаетъ кумирню, мраморными мозаичными лѣстницами и сверкающими позолотой колоннадами фасада переноситъ далеко отъ Сіама — въ сферу кипучей западной жизни, западнаго вкуса и новѣйшей архитектуры. Мы много, — пожалуй, слишкомъ много видѣли и многимъ любовались за послѣднюю зиму; но такого страннаго и параллельно съ тѣмъ гармоничнаго по очертаніямъ зданія я что-то не запомню. Сочетаніе цвѣтныхъ камней и экзотическихъ красокъ, могучіе изгибы кровли, художественный портретъ короля, высоко надъ входомъ подъ нею (въ желтой стѣнѣ), богатая бронзовая отдѣлка, кадящіе благоуханіемъ цвѣты въ изящныхъ вазахъ на занавѣшенныхъ ажурными тканями окнахъ и вдоль заставленнаго растеніями «расписнаго» крыльца, по ступенямъ котораго около слоновыхъ изваяній стоятъ въ багряномъ одѣяніи смуглые тѣлохранители и слуги . . . . . Шехеразада разсказала бы своему султану еще не одну дивную сказку, если бы пищу ея фантазіи далъ непосредственно въ двухъ шагахъ отъ насъ выростающій подъ огненнымъ небомъ, безконечно причудливый по формамъ, озаренный какою-то мягкою и таинственной неувядающею красотой, издавна чарующій пришельцевъ уединенно-свободный Сіамъ!

КОЛОССАЛЬНЫЙ ЯПОНСКІЙ ШАКЬЯ-МУНИ.

Въ углубленіи роскошнаго входнаго зала виднѣется на возвышеніи своеобразный престолъ. Полъ тутъ выложенъ цвѣтными квадратами мрамора, сквозь окна гдѣ-то наверху льется полусвѣтъ, массивныя люстры съ лампами придаютъ черезчуръ европейскій отпечатокъ орнаментированному въ восточномъ стилѣ потолку. У стѣнъ — колонны (вродѣ тѣхъ, что у подъѣзда). На престолъ ведутъ, къ полукруглому подножію, пять ступеней; на сидѣніи — подушки, надъ нимъ же — длинный зонтъ съ семью съуживающимися балдахинами. Надъ двумя дверьми по сторонамъ трона красуются слоновыя головы (по три сросшихся надъ каждой дверью, точно у Тримурти въ браминской Индіи) съ переплетшимися клыками и сіамской короной сверху. Кромѣ того, вдоль атріума обращаютъ на себя вниманіе необыкновенныхъ размѣровъ канделябры, почетные зонты, старинное царское оружіе и щиты, а также двѣ картины изъ исторіи общенія Сіама съ Европой, или точнѣе

съ Франціей, упорнѣе и суровѣе другихъ націй стучавшейся въ него. Тѣмъ страннѣе видѣть на стѣнахъ дворца «Чакра-Кри» работу западныхъ художниковъ, ярко изображающую пріемы посольствъ, тщетно пытавшихся тѣснѣе закрѣпить связь радикально иной и далекой заморской чужеземщины со страною на Менамѣ!

Августѣйшіе путешественники идутъ съ королемъ и старшими по рангу принцами въ его пріемный кабинетъ, гдѣ должна послѣдовать торжественная инвеститура Ихъ Высочествъ туземными орденскими знаками. Его величество проситъ Великаго Князя возложить на себя священную въ глазахъ мѣстнаго народа яркожелтую ленту «Чакра-Кри», по рожденію присвоенную исключительно владыкамъ края, братьямъ и сыновьямъ царя (въ нѣкоторомъ родѣ, такъ-сказать, Св. Андрея Первозваннаго индо-буддійскихъ земель). Принцу Георгію Греческому подносится орденъ Бѣлаго Слона первой степени.

Въ виду того что «чакра» есть ничто иное какъ «колесо», «кругъ», «солнце», а при случаѣ «пламенный дискъ» громовержца Индры, т. е. эмблема всесокрушающей мощи въ ирано-туранской борьбѣ за преобладаніе надъ полуденной Азіей, — обрядъ увѣнчанія этимъ восточнымъ орденомъ «міродержавной власти» Первенца Бѣлаго Царя и съ культурно-исторической точки зрѣнія преисполненъ значенія. Подъ словомъ Чакравартинъ умъ индуса, китайца, монгола подразумѣетъ совершеннѣйшее существо, являющееся въ тѣлесной оболочкѣ править человѣчествомъ. Вмѣстѣ съ лентой его величество передаетъ Высокому Гостю оригинальную грамоту, которую стоитъ дословно привести.

«Сомдечъ Фра Параминдръ Маха Чулалонкорнъ, король сѣвернаго и южнаго Сіама съ прилегающими владѣніями, облекаетъ Русскаго Престолонаслѣдника въ званіе почетнаго рыцаря пресвѣтлаго ордена Дома Чакра-Кри Сіамскаго. Да послужитъ это Наслѣднику Цесаревичу удовлетвореніемъ въ будущемъ! Наивысшая Сила міра да сохранитъ Е. И. Высочество и даруетъ ему всякое благополучіе!

Указъ данъ при нашемъ дворѣ Чакракри Махапрасадъ въ Бангкокѣ. Пятница 11-ый день новолунія луннаго мѣсяца Багунайнъ, года Кхарнъ, втораго въ декадѣ, 1252-аго сіамской астрономической эры, соотвѣтствующаго европейскому 20 марту 1891, въ 8165-ый день и 23-ій годъ моего царствованія.»

При инвеститурѣ русская свита и мѣстные царедворцы оставались въ длинной большой залѣ-галлереѣ, примыкающей къ атріуму. Она украшена цѣлымъ рядомъ портретовъ (масляными красками) королей и первенствовавшихъ королевъ нынѣ правящей съ прошлаго вѣка династіи, а также многочисленными подарками иностранныхъ дворовъ. Хотя уже прошло добрыхъ полчаса, а не нѣсколько мгновеній, что мы вступили въ черту бангкокскихъ достопримѣчательностей, — все еще невольно чувствуешь потребность время отъ времени протереть себѣ глаза съ вопросомъ: да на яву-ли это? Какія симпатичныя впечатлѣнія!

Парадные старомодные экипажи съ прислугой въ алой одеждѣ ожидаютъ у главнаго крыльца, чтобы отвезти Августѣйшихъ путешественниковъ въ приготовленный для Нихъ дворецъ Саранромъ. Его величество ѣдетъ проводить туда Высокихъ Гостей. Отрядъ уланъ (въ алыхъ мундирахъ, темносинихъ брюкахъ и безъ шпоръ) съ краснобѣлыми значками, на крѣпкихъ и крупныхъ лошадяхъ австралійской породы конвоируетъ царскую коляску. У саранромскихъ палатъ выстроенъ почетный караулъ. Знакомый Цесаревичу по Сингапуру генералъ-маіоръ принцъ Кромъ Мунъ Дамронгъ Раджануфабъ, министръ народнаго просвѣщенія или точнѣе духовныхъ дѣлъ (т. е. завѣдывающій монастырями и монахами, центрами благочестія и учителями народа) встрѣчаетъ Е. И. Высочество у входа въ Его покои. При видѣ молодцеватыхъ сіамскихъ солдатъ, каждый разъ испытываешь

чувство удовлетворенія. Воочію убѣждаешься, какъ легко можетъ даваться военное дѣло роднымъ намъ по характеру азіатамъ, когда они начинаютъ ему обучаться у западныхъ націй. Бангкокское правительство благоразумно беретъ себѣ инструкторовъ изъ Даніи, изъ Италіи, — откуда угодно, только не отъ естественныхъ своихъ враговъ: англичанъ и французовъ. Хотя въ странѣ споконъ вѣка существуетъ всеобщая воинская повинность, однако спеціально разъѣзжающіе по государству офицеры набираютъ на службу наиболѣе годную для нея молодежь и въ результатѣ пока получается превосходный матеріалъ. Еще недавно въ рядахъ мѣстнаго образцоваго войска далеко не послѣднее мѣсто занимали аннамиты (между прочимъ, христіане изъ Кохинхины). Численность арміи опредѣляется въ 12—18,000 человѣкъ: гарнизонъ Бангкока состоитъ изъ трехъ тысячъ. Королевскій флотъ ростетъ. Сіамцы очень искусны въ судостроеніи (вначалѣ они посылали своихъ китайцевъ учиться ему въ Бомбеѣ), имѣютъ порядочныя верфи и много желанія, но мало средствъ заводить у себя все дома въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Матросы преимущественно вербуются изъ малайцевъ на Малаккѣ, а также изъ потомства военноплѣнныхъ бирманцевъ или уроженцевъ Камбоджіи. Даже жители сѣверныхъ относительно гористыхъ и отдаленныхъ отъ моря областей страны (такъ-называемые лаосы) добровольнѣе поступаютъ во флотъ, чѣмъ обитатели низоваго прирѣчнаго Сіама.

СВАСТИКА НА ГРУДИ КИТАЙСКАГО ШАКЬЯ-МУНИ.

О томъ какъ легко дисциплинировать и вообще учить сіамское войско говорили уже два вѣка тому назадъ французскіе дворяне, посланные на Менамъ защищать тамъ интересы своего правительства, находившаго тогда возможнымъ отъ имени «короля-солнца» писать туземному царю: «très-haut, très excellent, très-puissant et très-magnanime prince, nôtre très-cher et bon ami, Dieu veuille augmenter vôtre grandeur!» Теперь въ Парижѣ и значенія не придаютъ связямъ съ сіамцами: между тѣмъ, разница въ могуществѣ и положеніи въ ту пору едва-ли не рѣзче бросалась въ глаза. Правда, въ то время еще умѣли и хотѣли быть вѣжливыми!

Послѣ отдыха днемъ Августѣйшіе путешественники направляются въ прилегающій къ Ихъ дворцу паркъ, въ которомъ расположено нѣсколько небольшихъ капищъ съ необычайно удлиненными шпилями, переливающими на солнцѣ цвѣтными огнями своихъ точно эмалированныхъ граней, и виднѣется на искусственныхъ холмикахъ группа павильоновъ, кіосковъ, бесѣдокъ. Сейчасъ передъ Ихъ Высочествами должна прослѣдовать процессія королевскихъ «бѣлыхъ» слоновъ. Каждый изъ насъ (какъ, впрочемъ, и весь образованный Западъ) такъ много слышалъ объ этихъ рѣдкостныхъ животныхъ, что не безъ разочарованія узнаешь, что въ данную минуту въ Бангкокѣ таковыхъ нѣтъ. Между грязносѣрыми ручными гигантами бываютъ только иногда два-три чуть-чуть посвѣтлѣе или, точнѣе сказать, потусклѣе: съ хитрыми красными глазками и чрезмѣрно развитыми хоботами, клыками. Послѣднее очень цѣнится, увеличиваетъ обаяніе избранныхъ слоновъ. Я замѣтилъ, что окружающіе насъ интеллигентные сіамцы неохотно говорятъ о «бѣлыхъ» представителяхъ этого рода животныхъ и отрицаютъ правдивость разсказа туристовъ, будто имъ отдаются народомъ почти божескія почести. Во всякомъ случаѣ на флагѣ Сіама красуется среди краснаго поля характерное изображеніе «бѣлаго» слона. Фактически онъ отсутствуетъ. Подъ видомъ его подразумѣваютъ легендарное существо высшаго порядка.

Почему-то и въ Индо-Китаѣ, и въ малайскихъ земляхъ (навѣрно тоже въ древней Индіи, въ древнемъ Китаѣ) съ понятіемъ объ албиносахъ связана увѣренность въ ихъ сверхъестественномъ происхожденіи. Хотя послѣдніе всегда болѣе или менѣе болѣзненны, сугубая ненормальность имъ не ставится въ упрекъ, а скорѣе наоборотъ. Такихъ хилыхъ дѣтей напр. нерѣдко берутъ на свое полное попеченіе туземные князья, щедро одаривъ передъ тѣмъ родителей страннаго блѣднолицаго ребенка.

«Бѣлые» слоны на Востокѣ — въ почетѣ съ незапамятныхъ временъ. Можно приводить тому примѣры до безконечности. Самаркандскій владыка Афрасіабъ, водившій эпическія полчища Турана на Иранъ, въ числѣ союзниковъ имѣлъ какого-то хана (изъ китайскихъ предѣловъ) на «бѣломъ» боевомъ гигантѣ. Будда таинственно сошелъ въ лоно Майи жемчужнымъ облакомъ, въ которомъ плылъ къ ней съ неба священный по самому существу своему «бѣлый» слонъ. На лѣтнихъ празднествахъ ламаитовъ въ Сибири въ честь ихъ Мессіи (Майдари) инородцы возятъ на колесницѣ грубо сдѣланную фигуру такого животнаго. Послѣдній «джина» (побѣдитель грѣха) рисуется джайнистамъ въ Индіи какъ «бѣлый» слонъ.

Въ 1342 г. престолонаслѣдникъ Ціампы (Кохинхины, въ восточныхъ предѣлахъ средняго Индо-Китая), прося помощи у Аннама противъ мятежниковъ, послалъ туда въ даръ «бѣлаго» слона и бѣлую лошадь. Когда въ началѣ XV вѣка китайцы овладѣли этой послѣдней страною и, наложивъ на нее тяжелое иго, стремились окитаить всѣ существовавшіе тамъ порядки и обычаи народа, новые правители стали жестоко его обирать и эксплоатировать естественныя богатства края: въ ряду главныхъ приманокъ хищникамъ были такъ-называемые «бѣлые» слоны, на ловлю которыхъ выгонялись въ лѣсную и нагорную глушь тысячи аннамитовъ.

Два такихъ албиноса попали въ Европу: первый (elephas albus поэта Горація) — при императорѣ Августѣ, увеселявшемъ жадный до зрѣлищъ Римъ всякими заморскими чудесами; втораго «бѣлаго» слона привезли въ 1633 г. голландцы. Приблизительно въ ту же пору Великому Моголу доставили съ востока подобное же животное. Когда въ VII столѣтіи императоръ Ираклій воевалъ съ персами, Хозрой имѣлъ за Тигромъ (въ числѣ несмѣтныхъ сокровищъ) «бѣлыхъ какъ снѣгъ» слоновъ. На одномъ изъ такихъ животныхъ

разбилъ тюркскія кочевыя племена (между Араломъ и Аму-Дарьей) извѣстнѣйшій султанъ одиннадцатаго вѣка Махмудъ Газневидъ. Великій буддійскій ученый Буддагоша, отправившійся съ материка на Цейлонъ всесторонне ознакомиться съ палійской литературой, по возвращеніи обратно,— встрѣченный бирманцами, тибетцами, сіамцами и аннамитами на родномъ побережьи,— вручилъ единовѣрцамъ драгоцѣннѣйшіе для нихъ рукописные памятники съ острова Ланки. Ихъ немедленно помѣстили подъ свѣтлый балдахинъ, съ золотомъ и пурпуромъ, и подняли затѣмъ на спину «бѣлаго» слона. Изъ-за обладанія ему подобными неоднократно съ ожесточеніемъ враждовали впослѣдствіе Бирма и Сіамъ.

СІАМСКІЙ ПРИНЦЪ
НА ПАРАДНОМЪ ГИГАНТѢ.

Ничего подобнаго столь сказочной пышности мы въ данную минуту не увидимъ: достаточно, впрочемъ, и того любопытнаго зрѣлища, которое открывается въ данную минуту. Ихъ Высочества взошли на длинную террасу, примыкающую къ цвѣтникамъ парка: за нею расположены каналъ и улица, гдѣ медленно движется, подъ звуки нестройной туземной музыки, весьма оригинальное шествіе. Впереди выступаютъ рабы или точнѣе военноплѣнные, а также преступники, приставленные служить слонамъ, и несутъ дорогіе подарки, пожертвованные имъ вѣрующими буддистами. Затѣмъ бредутъ четыре пестро разукрашенныхъ гиганта. Если очень напрягать зрѣніе и особенно воображеніе, то какъ-будто замѣчаешь у нихъ относительную бѣлизну кожи на плечахъ и ушахъ. Вообще же это — слоны какъ слоны . . . . . Вполнѣ понятно нежеланіе образованныхъ сіамцевъ

распространяться на тэму о культѣ этихъ животныхъ. Да и не созданы-ли басни о немъ поверхностно судящими европейцами-туристами?

Вокругъ животныхъ идутъ въ средневѣковомъ одѣяніи (съ луками и копьями) царскіе тѣлохранители. Поставленный въ паркѣ, внизу, превосходный оркестръ короля играетъ пьесу за пьесой, — пока мы любуемся бытовой картиной, выхваченной изъ яркой исторіи Сіама, — и удивительно странно вторженіе въ его древній нынѣ чисто декоративный обрядовый строй разныхъ оперныхъ мелодій и вальсовъ, — когда рядомъ, тутъ же передъ нами, стонутъ раковины и гудятъ тамъ-тамы. Конечно, встарь подобныя процессіи были куда богаче по составу и размѣрамъ. Въ гвардіи сіамскаго владыки насчитывалось, напр. въ прежнее время до 600 причудливо вооруженныхъ японскихъ бойцевъ, храбрость коихъ славилась на дальнемъ Востокѣ. Здѣсь они одно время играли роль преторіанцевъ.

Знакомясь съ перечнемъ событій изъ относительно не очень давняго прошлаго страны, наталкиваешься на совершенно неожиданные факты, которые съ поразительнымъ краснорѣчіемъ свидѣтельствуютъ, какъ мало рассовыхъ предубѣжденій питалъ умный буддійскій народъ на Менамѣ. Когда нѣкоторые внѣ закона стоявшіе (въ серединѣ XVI столѣтія) португальцы стали черезчуръ тѣснить ачинскія побережья и грозили прервать торговыя и дружественныя сношенія Суматры съ Сіамомъ, тогдашній король призвалъ къ себѣ на службу янычаръ, случайно заброшенныхъ въ его края изъ Египта кораблекрушеніями, и поручилъ имъ за дорогую плату расправиться съ европейцами-пиратами. Выходцы изъ Турціи очень цѣнились въ эту эпоху на Востокѣ за свое искусство въ ратномъ дѣлѣ. Турки обѣщали помочь и снарядились, но попали на морѣ въ засаду среди какихъ-то острововъ и почти всѣ (въ количествѣ до 300 человѣкъ) погибли. Очевидно, сіамцы не гнушались ничуть общенья даже съ самыми фанатичными мусульманами!

Среди процессіи, передъ нами, особенно выдѣляется боевой слонъ съ клыками изумительной величины. На него наброшена драгоцѣнная попона. Сверхъ «ховды» (сѣдалища) прикрѣпленъ балдахинъ. Подъ нимъ красуются знамена и хвосты яковъ, а также разнообразное холодное оружіе. Человѣкъ въ шлемѣ, — за спиною котораго (почти у хвоста животнаго) сидитъ вожакъ съ длиннымъ острымъ багромъ, — проѣзжая мимо, машетъ павлиньими перьями: въ подражанье полководцу, распоряжающемуся въ сѣчѣ. И здѣсь, въ глухомъ Сіамѣ, войска еще съ древности знали, что такое «элефантархи» (magistri elephantorum)! Сколько сраженій выиграно было исключительно благодаря имъ! Какую роль въ жизни азіатскихъ народовъ играли цѣлые отряды подобныхъ исполиновъ, рѣшавшіе участь важнѣйшихъ битвъ! На Западѣ, въ старину, эти страшилища опьянялись еще передъ боемъ пряными винами, на иранскомъ Востокѣ — питьемъ изъ пришедшихъ въ броженіе соковъ сахарнаго тростника и риса, настоенныхъ ладаномъ и миррой, на Цейлонѣ — опіумомъ. Въ станѣ Великаго Могола ихъ для свирѣпости откармливали мясомъ. Можно себѣ представить, до чего ужасны становились взбѣшенные слоны. Тотъ, который теперь парадируетъ передъ взорами Ихъ Высочествъ, и такъ уже подавляетъ величіемъ осанки. Глядя на него, понимаешь Александра Македонскаго, посвятившаго небу лучшее изъ взятыхъ на бранномъ полѣ животныхъ. Завоеватель приказалъ убрать четвероногаго гиганта златомъ и сребромъ, надѣть ему кольца на клыки съ надписью: «сынъ Зевса жертвуетъ этого слона Солнцу». По аналогичной причинѣ на эллинскихъ монетахъ впослѣдствіе изображались слоны съ факеломъ въ хоботѣ, — слоны, раздавливающіе змѣя и т. п.

Августѣйшіе путешественники спускаются съ террассы, чтобы поближе взглянуть на сіамскихъ боевыхъ исполиновъ, и затѣмъ проходятъ на уставленную стульями лужайку,

ГЛАВНЫЙ ДВОРЕЦЪ.

ПАРКЪ У ДВОРЦА САРАНРОМЪ.

гдѣ Имъ предстоитъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ характеромъ иныхъ національныхъ игръ и забавъ. На арену выходятъ борцы (сіамцы и малайцы). Раньше чѣмъ схватиться они молитвенно подносятъ руки къ челу и кланяются Высокимъ Гостямъ. Способы единоборства — тѣ же, что и повсюду на Востокѣ.

Изъ-за деревьевъ парка выѣзжаютъ на маленькихъ огневыхъ коняхъ оригинальные всадники въ средневѣковой одеждѣ. Фигуры словно выхвачены изъ полуфантастическихъ лѣтописей страны, когда Индо-Китай разрывался внутренними смутами и братоубійственными войнами. На витязяхъ — кольчуги, у пояса — ятаганы. Явились эти отошедшіе въ область преданій бойцы, чтобы показать примѣрное сраженіе на копьяхъ. Какъ-то въ старину, на войнѣ, одинъ изъ царей Сіама умертвилъ въ такомъ поединкѣ владыку Бирмы и заставилъ испуганное войско его бѣжать. Нѣкоторые изъ сіамскихъ рыцарей, на импровизированномъ турнирѣ, держатъ маленькіе деревянные щиты, обтянутые тигровыми шкурами. Лошади красиво убраны драгоцѣнными металлами и шелками. Благородныя животныя — изъ сѣверныхъ «лаосскихъ»

областей, славятся красотой и бѣгомъ, никогда не ходятъ въ упряжи. Три экземпляра ихъ еще покойнымъ королемъ присланы были въ парижское «Société d'acclimatation».

Вслѣдъ за блестящими вершниками ристалище занимаютъ искуснѣйшіе игроки въ мячъ, — люди, доведшіе этотъ спортъ въ Бирмѣ и Сіамѣ до высшей степени совершенства.

Мячики сплетены изъ тростника и легки какъ пухъ. Подброшенные на воздухъ ногой, они уже не должны коснуться земли, пока хватаетъ умѣнія у играющихъ, которые однако не смѣютъ ловить и отбрасывать мячъ рукой. Послѣдніе дѣйствительно съ поражающимъ проворствомъ и уморительными ужимками подставляютъ ему локоть, плечо, макушку головы, лобъ, колѣно, пятку, спину, — снова подбрасываютъ и безъ отдыха мечутся за взлетающимъ и падающимъ мячикомъ, щеголяя другъ передъ другомъ плавностью движеній. Въ свѣтлошелковыхъ, плотно облекающихъ тканяхъ, съ маленькими повязками на головѣ, сіамскіе спортсмены производятъ крайне забавное и симпатичное впечатлѣніе.

Покидая паркъ, Ихъ Высочества идутъ подъ сводами бамбуковыхъ аллей обратно въ свои покои. Почти совсѣмъ стемнѣло. Статуи, вывезенныя изъ Европы, бѣлѣютъ вдоль дорожекъ, ведущихъ къ выходу. Превосходный хоръ военной музыки, весь составленный изъ сіамцевъ, провожаетъ насъ восхитительными созвучіями, уносящими воображеніе домой: далеко отъ этого окружающаго экзотическаго міра и его красотъ . . . . . Сладостно дышешь и надышаться не можешь послѣ дневной духоты бальзамическимъ вечернимъ воздухомъ, живительною прохладой.

Суббота, 9 (21) марта.

Вчера былъ парадный обѣдъ во дворцѣ «Чакра-Кри» и король пилъ здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ свою очередь отвѣчалъ тостами за августѣйшаго хозяина и сіамскую королеву.

За столомъ присутствовали почти исключительно ближайшіе родственники его, поражавшіе (какъ напр. молодой принцъ Свасти) глубиной образованія, ума и такта. Европа ихъ видимо не поработила въ духовномъ отношеніи, а только плодотворно воздѣйствовала на природныя способности и благородный характеръ членовъ туземной царской семьи. Это и не удивительно! Уже отецъ его величества, короля Чулалонкорна, справедливо считался замѣчательнымъ человѣкомъ. Устраненный смолоду отъ престолонаслѣдія онъ предался монашеской жизни, достигъ глубокой учености, изучилъ кромѣ священнаго для южныхъ буддистовъ языка пали и санскрита главныя индо-китайскія нарѣчія, сносно ознакомился черезъ моряковъ съ англійскимъ и черезъ миссіонеровъ съ латинскимъ. Корона досталась ему почти на склонѣ лѣтъ, но онъ (прямо изъ монастыря!) бодро и съ гуманными чувствами взялся за реформы, созналъ необходимость усвоенія важнѣйшихъ матеріальныхъ формъ западной цивилизаціи, стяжалъ себѣ почетное имя въ качествѣ ревнителя знанія и просвѣщенія. Le Verrier, директоръ парижской обсерваторіи, передъ цѣлымъ образованнымъ міромъ удостовѣрилъ, что этотъ повелитель Сіама безвременно скончался въ 1868 г. изъ-за того, что отправился въ лихорадочныя мѣстности на полуостровѣ Малаккѣ лично помогать успѣхамъ французской астрономической экспедиціи, посланной наблюдать оттуда солнечныя затмѣнія. Престарѣлый монархъ не вынесъ климата и угасъ. Какъ-бы онъ радовался, видя послѣдующіе успѣхи своего потомства и цѣлой страны на стезѣ медленнаго нормальнаго прогресса!

Чертогъ, въ которомъ король чествуетъ Высокаго Гостя, богаче и роскошнѣе всего остальнаго въ «Чакра-Кри». Толко одно черезчуръ утомляетъ взоры и противъ воли омрачаетъ настроеніе: повсюду — красный цвѣтъ, стѣны и потолокъ изъ-за этого производятъ мало-по-малу зловѣщее впечатлѣніе, европейцу подъ конецъ невыносима такая обстановка.

Вечеромъ въ залахъ, вмѣщающихъ сокровищницу его величества (между прочимъ, рѣдчайшій китайскій и японскій фарфоръ), наши взоры плѣнены появленіемъ самой свѣтлоликой королевы Savangwadhanâ, удивительно изящной по фигурѣ и крайне моложавой на видъ, хотя ей — 28 лѣтъ, а женщины въ тропикахъ старятся рано. Въ лентѣ, орденахъ и алмазахъ, въ парчевомъ одѣяніи и «панунгѣ», съ высокими бѣлыми чулками и пряжками на башмакахъ, царица Савангвадана вышла изъ внутреннихъ покоевъ привѣтствовать Августѣйшихъ путешественниковъ и затѣмъ милостиво разрѣшила представить себѣ свиту Цесаревича.

Не въ примѣръ большинству восточныхъ народовъ туземцы обходятся, въ строгомъ смыслѣ слова, безъ теремовъ: потому-то напр. на выставку при Наполеонѣ III сіамскій посолъ могъ привезти съ собою свою жену.

Сегодня намъ предстоитъ осмотръ достопримѣчательностей Бангкока. Въ виду жары это далеко не кажется столь пріятнымъ во время экскурсій, какъ послѣ нихъ, — когда впечатлѣнія отрицательнаго характера понемногу сгладились. Обозрѣніе столицы начнется съ королевскихъ пагодъ. Буддизмъ играетъ первенствующую роль въ жизни страны. Можно безъ преувеличенія сказать, что на немъ зиждется все самое гуманное и хорошее въ народѣ. Широта взглядовъ, радушіе относительно иноземцевъ, уваженіе къ ихъ мыслямъ и чувствамъ высшаго порядка, — таковы качества, привитыя туземцамъ принципами ученія Шакья-муни.

Однако христіанская Церковь почему-то насчитываетъ мучениковъ за вѣру даже среди религіозно-терпимаго Сіама. Въ исходѣ XVI вѣка тамъ почему-то казнили приведеннаго плѣнникомъ изъ Камбоджіи доминиканца Фонсеку. Впрочемъ, это не удержало вскорѣ вслѣдъ затѣмъ многихъ христіанъ, гонимыхъ въ Японіи, искать убѣжища въ Индо-Китаѣ и до сихъ поръ на Менамѣ живутъ потомки ихъ, сохранившіе обликъ изгнанниковъ съ береговъ «страны восходящаго солнца».

Направляясь изъ Парижа въ порученную ему Кохинхину, одинъ въ высокой степени самоотверженный французъ-епископъ (Mgr. de Bérythe), въ міру Pierre de la Motte Lambert, призналъ вполнѣ цѣлесообразнымъ воздѣйствовать на царство аннамитовъ изъ тогдашней сіамской столицы Аюдіи, куда и прибылъ въ 1662 г. послѣ двадцатипятимѣсячнаго странствованія, пройдя пѣшкомъ со своими миссіонерами опасную глухую дорогу отъ Сурата къ Бенгальскому заливу и отъ Тенассерима къ менамскимъ струямъ. Будь здѣсь тогда развитъ среди туземцевъ безпричинный слѣпой фанатизмъ, ихъ главный городъ не избирался бы исходнымъ пунктомъ западнаго просвѣтительнаго вліянія на смежные имъ языческіе края. Буддисты выказывали чужому іерарху какъ духовному лицу знаки глубокаго уваженія. Но торговавшіе съ Сіамомъ португальцы (особенно, конечно, монахи) заподозрили въ пришельцѣ политическаго врага, потому что не хотѣли имѣть на дальнемъ Востокѣ помощниковъ-единовѣрцевъ съ болѣе широкимъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи. За бѣднаго епископа пришлось заступиться индо-китайцамъ и

голландцамъ: иначе его бы насильно схватили и увезли въ Гоа. Когда, семнадцать лѣтъ спустя, измученный постоянными разъѣздами по аннамитскимъ общинамъ, онъ почилъ на Менамѣ, — то всѣ находившіеся тутъ европейцы (и протестанты, и католики), и армяне, и японскіе выходцы (между прочимъ, некрещеные наемники въ стражѣ короля) собрались на погребеніе столь достойнаго проповѣдника.

Если бы индо-китайскіе правители не относились съ полною вѣротерпимостью и гуманностью къ христіанству, развѣ они принимали бы въ торжественныхъ аудіенціяхъ (какъ напр. въ Сіамѣ, въ 1675 г.) епископовъ съ Запада, чествуя въ ихъ лицѣ посланцевъ Папы? Мѣстный царь даже нàстрого приказалъ своимъ духовнымъ обучать іезуитовъ туземному языку и знакомить ихъ съ обширною палійскою литературою. Во всякомъ случаѣ была явная возможность соприкоснуться съ этимъ инородческимъ міромъ въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ и разъ навсегда убѣдиться, почему религія Шакья-муни такъ прочно пустила корни въ сердца населенія. Буддійскіе монахи юго-западнаго Индо-Китая въ большинствѣ отнюдь не должны считаться тунеядцами, паразитами общества (какъ это принято говорить со словъ досужихъ туристовъ). Центры религіознаго знанія служили и служатъ заразъ разсадниками добронравія и трудолюбія. Заботясь о культурѣ своихъ земельныхъ участковъ, врачуя населеніе, воспитывая дѣтей, заботясь о неимущихъ, мѣстныя духовныя лица, право же, не совсѣмъ безпричинно пользуются народной любовью и уваженіемъ.

ЯПОНСКІЕ БРОНЗОВЫЕ БУДДЫ.

Передъ нами — Ватъ Пра Кэо («ватами» называются здѣсь большія кумирни, монастыри). Около теремовъ дворца «Чакра-Кри», за особыми оградами, высится цѣлая группа молитвенныхъ сооруженій самого царя. Все въ нихъ извнѣ и все между ними оригинально до послѣдней степени. Во-первыхъ нѣжатъ глазъ пирамидальныя изразцевыя верхушки храмовъ и часовенъ, периливающія цвѣтами радуги на солнцѣ. Кромѣ того, съ непривычки совершенно ставятъ втупикъ каменныя и металлическія изваянія, расположенныя по гладко вымощеннымъ дворамъ и дворикамъ вокругъ.

Уже у входа туда привлекли наше вниманіе два чудовищныхъ гиганта съ палицами въ рукахъ. Дальше сверкнули, на крышѣ впереди, золоченыя черепицы и вступилъ въ свои права архитектурный стиль космополитическаго характера (смѣсь Индіи, Европы,

Китая!) . . . . . недвижныя же фигуры изъ бронзы и мрамора на помостѣ у капищъ оказались на половину животными (притомъ очень прозаическими: напр. коровами, столь чтимыми въ браминскомъ мірѣ), на половину какими-то неопредѣленными европейцами неважной италіанской работы (генералами, адмиралами, матросами, обыкновенными джентльменами, дамами и т. п.). Какая цѣль ставить здѣсь эти изображенія, насколько они соотвѣтствуютъ мѣсту, — никто мнѣ не могъ объяснить. Едва-ли однако имѣетъ даже долю правды толкованіе, будто означенныя скульптурныя произведенія должны играть роль внимающихъ «вѣроученію Будды», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Переступаешь порогъ центральнаго капища, и дивишься . . . Лакированныя и чернаго дерева двери съ перламутровыми инкрустаціями, пестрыя стекла, почетные зонты, кумиры, жертвенники, вазы, различнѣйшія приношенія (начиная отъ настоящихъ, а также искусственныхъ восковыхъ цвѣтовъ и риса, — до курительныхъ свѣчей, драгоцѣнныхъ камней и тканей включительно), лампы, люстры, массивные часы, золотыя деревья, зеркально отполированный полъ . . . . что̀ за сочетаніе сказочнаго великолѣпія съ ультра-современной потребностью украшать внутренность зданій предметами новомодной безвкусной роскоши, да притомъ еще убирать ими предѣлы алтаря! Тамъ, высоко надъ нимъ, прячется въ тѣни одно изъ досточтимѣйшихъ туземныхъ олицетвореній «бога-учителя». Оно, по преданію, въ видѣ матеріала дано художнику небожителемъ Индрой. Приблизительно аршинное изваяніе — изъ одного куска. «Изумрудный» (точнѣе яшмовый) Шакья-муни знатоками оцѣнивается по крайней мѣрѣ въ 350,000 рублей. На челѣ у него — корона изъ сапфировъ и опаловъ. Такія статуи искони славились на Востокѣ. Въ pendant къ бангкокской (изъ того же вещества) можно назвать хотя-бы знаменитую нанкинскую, привезенную будто-бы въ Китай, полторы тысячи лѣтъ назадъ, посольствомъ съ Цейлона. Ватъ Пра Кэо строился въ теченіе нѣсколькихъ царствованій и законченъ недавно, благодаря особому вниманію его величества и подъ личнымъ надзоромъ принцевъ: въ память ихъ отца, благочестиваго и ученаго царя Монгкута.

Августѣйшіе путешественники продолжаютъ обходъ королевскихъ святилищъ Сіама, изрѣдка медля передъ наиболѣе любопытными подробностями стиля или орнамента. Причудливый изгибъ и узоръ кровель, изящная отдѣлка «прачеди» (подобія древнихъ индійскихъ «ступъ» и «дагобъ», памятниковъ въ честь основателя религіи и надъ частицами его мощей), мозаика золотомъ на стеклѣ, уродливые фигуры звѣрей и грозныхъ исполиновъ на стражѣ у нѣкоторыхъ капищъ, сребротканые ковры на помостѣ внутри одного живописнѣйшаго по убранству святилища съ голубыми стѣнами (въ мелкихъ блесткахъ) и съ тусклыми фресками безъ перспективы въ глубинѣ сводовъ, картины изъ Рамаяны и съ буддійскими мотивами среди примыкающихъ къ иной кумирнѣ открытыхъ галлерей, — всевозможныя диковины по очереди очаровываютъ вниманіе. Видишь шкафы съ книгами «закона», по странной судьбѣ называемаго тутъ «намо» (какъ у монголовъ «номъ») — точно есть и можетъ быть связь съ древнегреческимъ! На довольно грубой стѣнописи различаешь обезьянъ, строющихъ знаменитый въ эпосѣ мостъ на Ланку изъ камней, подаваемыхъ имъ рыбами, — и вдругъ рядомъ нарисованъ приземистой толстый голландецъ въ одеждѣ XVII вѣка, съ подзорной трубой! Вдобавокъ, намалевано это въ чертѣ небраминскаго храма, а прямо ему противуположнаго: правда, и въ старыхъ италіанскихъ монастыряхъ нерѣдко смущаетъ вторгнувшееся въ ихъ величавую замкнутость искусство живописцевъ, избиравшихъ себѣ сюжеты изъ классической миѳологіи.

Мы покидаемъ пустынный Ватъ Пра Кэо, не встрѣтивъ и не замѣтивъ въ немъ ни единаго духовнаго лица. Тихо звенятъ намъ вслѣдъ звуками нѣжныхъ колокольчиковъ. бронзовые листья, украшающіе внѣшность одной изъ па̀годъ.

Ихъ Высочество осматриваютъ затѣмъ тронные залы дворца «Чакра-Кри» и драгоцѣнности короля, лишь мимоходомъ видѣнныя вчера послѣ обѣда. Сокровищница его величества, какъ говорятъ, оцѣнена свыше чѣмъ въ 10 милліоновъ рублей. Горками сложенные или же артистически разставленные вѣнцы, кольца, цѣпи, запястья, табакерки, сосуды засыпаны самоцвѣтными камнями, жарко горятъ и переливаютъ радугой въ отраженіи витринъ. Большинство вещей — работы мѣстныхъ искусныхъ мастеровъ и по истинѣ заслуживаетъ вниманія. Алмазы — преимущественно привозные: съ Явы и Борнео, или же отъ парижскихъ ювелировъ.

Изъ центральныхъ царскихъ палатъ мы въ экипажахъ направляемся въ такъ-называемый музей. Путь туда длиннѣе чѣмъ въ Саранромъ, но одинаково малоинтересенъ. Помимо колоссальныхъ кумиренъ и зубчатыхъ крѣпостныхъ валовъ, опоясывающихъ резиденцію государя, въ Бангкокѣ нѣтъ сколько-нибудь замѣчательныхъ по величинѣ сооруженій. Нѣсколько новыхъ казенныхъ зданій, конечно, не могутъ идти въ счетъ. Почти все остальное состоитъ изъ одноэтажныхъ кирпичныхъ строеній или мазанокъ, хижинъ на сваяхъ и т. п.

Когда ѣдешь по широкимъ отороченнымъ гранитными плитами улицамъ и вдоль площадей собственно «королевскаго» города, какъ-то странно рѣжетъ ухо и скрипъ неуклюжихъ телѣгъ, запряженныхъ быками, и трубные звуки конки, оживляющей движеніе.

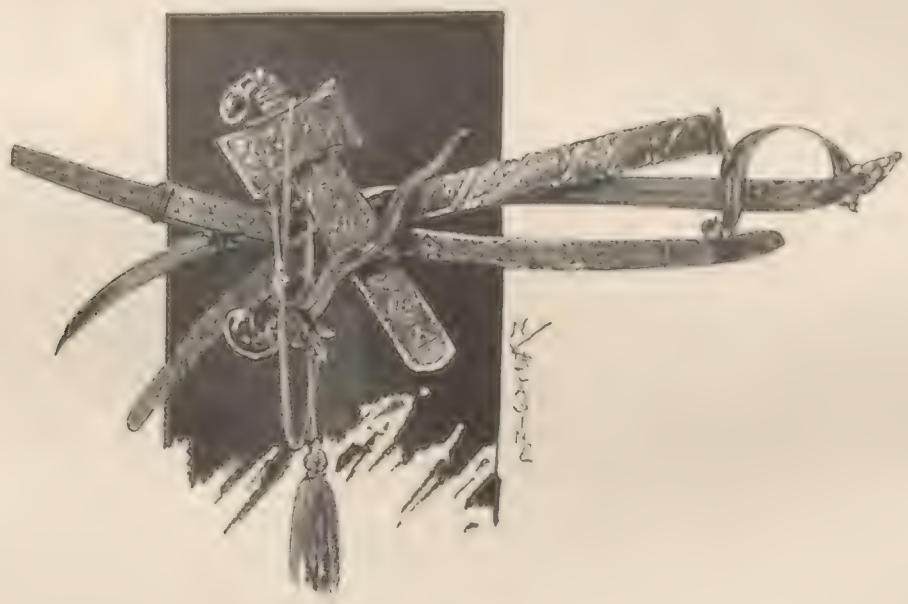
Намъ показываютъ запущенное жилье существовавшаго прежде «втораго царя», т. е. ближайшаго родственника и правой руки старшаго правителя. Этотъ санъ нынѣ упраздненъ, и окружающіе образованные сіамцы столь же неохотно отвѣчаютъ на вопросы о томъ, зачѣмъ онъ былъ нуженъ, какъ на любопытныя мысли вслухъ о «бѣломъ» слонѣ. Послѣдній разъ постъ занималъ дядя короля, считавшійся одно время его опекуномъ, вообще же командующимъ войсками par excellence и своего рода сіамскимъ генералъ-адмираломъ. Покойный страстно любилъ коллекціонировать: немного въ качествѣ археолога, но особенно въ качествѣ натуралиста. Послѣ смерти его хоромы и сгруппированные въ нихъ предметы (точнѣе говоря, всякій bric-à-brac!) обратились въ бангкокскую кунсткамеру, гдѣ теперь начинаютъ воцаряться порядокъ и классификація. Наиболѣе цѣнная часть (національный этнографическій отдѣлъ) помѣщается по настоящему въ маленькомъ опустѣломъ капищѣ, а не въ простомъ домѣ. На первыхъ порахъ чувствуешь себя здѣсь точно въ храминахъ Ватъ Пра Кэо: такое сочетаніе красокъ, — такое изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ, кристалловъ и рѣдкихъ самоцвѣтныхъ камней, кости и фарфора! Богатѣйшія слоновыя сидѣнія, цѣлый рядъ крупныхъ клыковъ (бивней) на подборъ, туземные музыкальные инструменты, поднесенныя инородцами-васаллами деревья (съ золотыми стволами и вѣтвями, съ листьями изъ посеребренной жести), разнаго цвѣта зонты (пятиэтажные на длинномъ древкѣ-стержнѣ, въ отличіе отъ семиэтажныхъ, присвоенныхъ одному верховному монарху), изукрашенныя художественными инкрустаціями носилки, — все это занимаетъ сравнительно тѣсное пространство среди стѣнъ, испещренныхъ живописью браминскаго миѳологическаго характера, — и это въ предѣлахъ буддійской кумирни! Дѣло въ томъ, что терпимѣе религіи Шакья-муни нѣтъ на свѣтѣ: она готова воспринимать и впитывать въ свои формы культа какіе угодно образы и даже обряды, но несогласна поступиться лишь главнѣйшимъ — идеей о самомъ «богѣ-учителѣ» и завѣщанныхъ имъ путяхъ къ самоусовершенствованію, въ связи съ оказываніемъ помощи всѣмъ тварямъ и людямъ, дабы достигнуть конечной свободы отъ перерожденій и зла.

Какъ это ни странно, брамины играютъ въ Сіамѣ извѣстную роль. Выходцы съ запада, они живутъ обособленно среди иновѣрческаго населенія, считаясь тѣмъ не менѣе

жрецами въ глазахъ его. Въ опредѣленные дни, для служенія при иныхъ торжествахъ и празднествахъ (напр. съ цѣлью освященія орудій земледѣлія, при достиженіи принцами отроческаго возраста и т. п.) благочестивый буддійскій дворъ Бангкока призываетъ не бонзъ, а именно адептовъ Шивы и Вишну, даритъ ихъ за участіе въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ, видимо дорожитъ ими отъ души. Чѣмъ объяснить подобное внутреннее противорѣчіе?

Въ музеѣ есть удивительный по красотѣ исполненія бронзовый Шива, съ котораго сдѣлана копія для Берлина. «British Museum» безуспѣшно предлагалъ правительству 100,000 рублей за оригиналъ. Въ древнемъ царскомъ одѣяніи, съ митрой на головѣ, великій индійскій богъ стоитъ, поднявъ благословляющія руки: очи у него выложены перламутромъ, всѣ пальцы (и на ногахъ) убраны колечками. Вокругъ туловища увиваются три пятиглавыхъ змѣя. Ликъ дышетъ гармоніей очертаній. А подумаешь, сколько еще такихъ замѣчательныхъ изваяній таитъ въ своихъ дебряхъ неизслѣдованный археологами языческій Востокъ!

Продолжая бѣглый обзоръ сокровищницы «втораго короля», Ихъ Высочества проходятъ въ отдѣлъ естествовѣдныхъ коллекцій, гдѣ — масса чучелъ и первосходные образцы свинцовой и мѣдной руды, а также въ первобытномъ видѣ туземные сапфиры и рубины, которыхъ сіамцы добываютъ въ необъятномъ количествѣ и баснословно дешево продаютъ китайцамъ на вѣсъ. Отъѣзжая отъ бангкокской кунсткамеры, замѣчаешь подъ высокимъ открытымъ навѣсомъ огромныя и тяжелыя царскія колесницы, нынѣ окончательно вышедшія изъ употребленія или же употребляющіяся только во время похоронныхъ процессій, когда тѣла владыкъ готовятся всенародно предать огню.



ВЪ ЦАРСТВѢ СЛОНОВЪ.

Раньше чѣмъ покинуть столицу (мы завтра подымемся немного вверхъ по рѣкѣ, во внутрь страны) Августѣйшіе путешественники посѣщаютъ еще искусственный насыпной холмъ («Золотую гору»), сооруженный въ видѣ крѣпостцы на окраинѣ города, порядкомъ обросшій деревьями и увѣнчанный пагодой съ обычными изображеніями въ нишахъ по сторонамъ. Дорога туда ведетъ относительно бѣдными и невзрачными кварталами. Среди привѣтствующихъ массъ преобладаютъ китайцы, составляющіе въ общемъ чуть-ли не треть всего населенія въ государствѣ. Они обыкновенно во второмъ поколѣніи сливаются съ Сіамцами, а не наоборотъ, — что представляетъ весьма характерный и исключительный фактъ. Изъ числа ихъ вышло не мало именитыхъ дѣятелей.

Туземцы сидятъ на корточкахъ въ своихъ лавченкахъ, жуя бетель (ароматичные пряные листья, отъ которыхъ губы, вся полость рта и особенно зубная эмаль окрашиваются въ кровавый цвѣтъ и чернѣютъ). Прическа у женщинъ и мужчинъ — одинаковая: волосы подстрижены и взъерошены ежомъ.

Выставленные товары не отличаются ничѣмъ особеннымъ: обыкновенный азіатскій базаръ, пополамъ съ европейскими издѣліями . . . . Если чего есть порядочное количество, такъ это буддійскихъ божковъ разнороднаго качества и величины.

. . . . . На вершину храма-холма ведутъ широкія ступенчатыя тропы. Съ окружающей же его, тамъ, галлереи развертывается дивная панорама на изрѣзанный водяными нитями Бангкокъ съ его моремъ сѣрыхъ черепичныхъ кровель, на широкую серебряную ленту Менама, извивающуюся по направленію къ заливу, на громады капищъ, стремящихся въ лазурь остріями памятниковъ-пирамидъ.

Жарко. Намъ предлагаютъ въ качествѣ лучшаго освѣжающаго напитка воду изъ кокосовыхъ орѣховъ. Рѣзкій сладко-соленый вкусъ прохладной похожей на молоко жидкости, содержащей въ себѣ безвредный для желудка растворъ бѣлка и сахара, далеко не противенъ.

У подножія нашего холма сгруппировано нѣсколько приходящихъ въ разрушеніе кумиренныхъ зданій: въ Сіамѣ принято воздвигать ихъ безъ счета и мѣры во спасеніе

души сооружающихъ, но излишнимъ считается поддерживать ветшающія постройки, ибо только первый актъ благочестія предписанъ собственно самой религіей.

Въ монастырской оградѣ, подъ нами, происходитъ обычное въ краю сжиганіе отпѣтыхъ бонзами труповъ. Конечно, сюда приносятъ однихъ бѣдняковъ или людей со среднимъ достаткомъ. Царей и главныхъ жрецовъ, принцевъ и вельможъ «хоронятъ въ пламени» съ несказаннымъ великолѣпіемъ, которое, пожалуй, граничитъ съ безумной расточительностью. Костеръ ихъ постепенно обращается въ настоящій пригорокъ изъ пахучаго дерева, тканей, украшеній.

Простыхъ смертныхъ, здѣсь внизу, ждетъ въ эстетическомъ отношеніи совершенно иная участь. Зачастую, еще до того что огонь лизнетъ мертвеца, туча хищныхъ птицъ и голодныхъ псовъ кидается на него и въ мгновеніе ока раздираетъ на части: точь въ точь какъ въ ламайскихъ земляхъ, напр. въ близкой нашему Забайкалью Ургѣ, гдѣ собаки иногда затаскиваютъ кости съ такой пирушки въ домъ русскаго консульства! Востокъ крайне равнодушенъ къ подобнымъ явленіямъ, которыя намъ кажутся послѣднимъ словомъ чудовищности. Жизнь и смерть въ глазахъ тамошнихъ народовъ — безразличныя звенья въ тягостной цѣпи нескончаемыхъ перевоплощеній: чѣмъ быстрѣе уничтожается всякій разъ обременительная для духа тѣлесная оболочка, тѣмъ легче отстрадавшему въ ней разумному существу. Сама природа окрестъ словно гармонируетъ съ этимъ міросозерцаніемъ. Глубокая тишина объемлетъ прилегающее «campo santo» Бангкока. Зловѣщими силуэтами чернѣютъ въ ближайшей листвѣ отвратительные сытые коршуны. Желтые тощіе псы спятъ по сосѣдству съ ними у стѣнъ кумирни. Мечтательно зыблются въ лучахъ вечера золотисто-зеленые листья исполинскихъ бамбуковъ.

НА СІАМСКОМЪ БАЗАРѢ

Дворецъ Саранромъ, отведенный Августѣйшимъ путешественникамъ и куда пріѣзжали къ Цесаревичу братья его величества и дипломатическіе представители иностранныхъ государствъ, не великъ по размѣрамъ и состоитъ почти весь изъ ряда комнатъ, расположенныхъ во второмъ этажѣ вдоль галлереи, опоясывающей глухой дворикъ. Наши спальни убраны съ изысканной роскошью, — но на первыхъ порахъ слегка поражаетъ изобиліе плевальницъ (тутъ такъ много жуютъ бетеля, что онѣ являются предметомъ необходимости) и карандашей отъ головной боли на туалетномъ столѣ. Послѣдними вскорѣ привыкаешь пользоваться съ благодарностью, ибо середина марта необычайно знойна въ Сіамѣ и европейцу положительно нестерпима: раскисаешь и дурѣешь въ относительно сухой и удушливой атмосферѣ, голова тяжелѣетъ и болитъ, наконецъ наблюдательность притупляется. Всѣхъ

НА МЕНАМѢ.

тяжелѣе приходится здѣсь само собой, какъ почти и вездѣ, Е. И. Высочеству: отъ постоянной оффиціальной напряженности, въ особенности же отъ массы благовонныхъ цвѣточныхъ гирляндъ, которыя Ему (согласно туземному обычаю) то и дѣло присылаетъ ея величество королева. Украшать ими покои Августѣйшаго путешественника требуется по этикету, и этого трудно избѣжать: удушливый запахъ до такой степени наполняетъ однако все вокругъ и энервируетъ, что нѣтъ мочи . . . . .

Послѣ обѣда, запросто у себя дома, — обѣда, great attraction котораго были замѣчательно вкусные мѣстные фрукты и бѣготня крупныхъ ящерицъ по потолку, мы ѣдемъ на рѣку и въ лодкахъ направляемся къ театру («лаконъ»), составляющему интересное pendant яванскимъ «ваянгамъ». Сіамцы тоже тѣшатся одинаковыми маріонетками, наслаждаются отчасти однородною мелодичною музыкой, способны просиживать многіе часы при исполненіи фантастически-монотонныхъ пьесъ; тѣмъ не менѣе представленія тутъ гораздо ярче отмѣчены духомъ Индіи, съ ея миѳологическими воззрѣніями.

Наши гондолы стрѣлой разсѣкаютъ струи Менама, усыпаннаго разноцвѣтными огоньками-фонариками пловучихъ жилищъ и несчетныхъ судовъ всевозможной величины.

Зданіе бангкокской «оперы» (если позволительно такъ выразиться) не слишкомъ просторно, и скорѣе похоже на циркъ. Прямо противъ бель-этажа, балюстрады съ царскими и почетными сидѣніями, почти на уровнѣ съ партеромъ находится сцена: сюда ведутъ два выхода изъ-за кулисъ, занавѣса нѣтъ, неизмѣнная декорація изображаетъ какой-то неясный ландшафтъ (подножіе легендарной горы Крайласъ или точнѣе Кайласа въ Гималаяхъ), сбоку отъ нея помѣщается пестро инструментированный народный оркестръ, публика (преимущественно туземный прекрасный полъ и голенькіе ребятишки въ цѣнныхъ запястьяхъ и съ папиросами изъ банановыхъ листьевъ во рту) оригинально и забавно смѣшана съ русскими матросиками, присланными на спектакль съ эскадры. Сюжетъ фееріи очень туманенъ. Она носитъ названіе «Ангелы», т. е. жители буддійскихъ небесныхъ сферъ съ ихъ богинями. Имена безсловесныхъ дѣйствующихъ лицъ, обозначенныя на данной намъ афишѣ, не лишены благозвучности: Devaputr Debprajunh, Devadhita Manimekhala, Asura Ramasura. Собственно все должно происходить не то на воздухѣ, не то на снѣжныхъ и недосягаемыхъ смертнымъ вершинахъ. Тѣмъ страннѣе видѣть эти существа высшаго порядка исполняющими попеременно то какую-то старинную китайскую пляску, то «Ecossaise». Право, подобные контрасты мыслимы только въ Сіамѣ!

У ТУЗЕМНАГО ЖИЛЬЯ.

Выступающія двумя рядами, набѣленыя танцовщицы, съ остроконечными пагодоподобными касками и финифтяными ожерельями представляютъ изъ себя сплошную массу шелка, серебряныхъ украшеній и позолоты. Глядя на развертывающійся ослѣпительный балетъ, невольно вспоминаешь олицетворенія бурнаго воздуха въ Ведахъ. Сіамская пляска какъ и сопровождающая музыка не похожи ни на индійскую, ни на египесткую. Есть что-то очень граціозное, не восточное (хотя и однообразное) въ довольно быстрыхъ движеніяхъ: разыгрывая безконечную пантомиму изъ жизни блаженныхъ небожителей, дѣвушки съ замѣчательной гибкостью принимаютъ какую-угодно трудную позу.

У актрисъ — странные когти на рукахъ (по индо-китайскому обычаю непомѣрно длинные, до уродства отпущенные ногти — признакъ аристократическаго положенія): плясуньи по временамъ начинаютъ сами себѣ подпѣвать, на босыхъ ногахъ у нихъ звенятъ драгоцѣнные обручи, кастаньеты ударяютъ въ тактъ сіяющему хороводу..... И красиво, и утомительно смотрѣть!

За фееріей слѣдуетъ драматическая пьеса «Phra Abhaimani» (приключенія одного героя и красавицы, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе у необитаемаго острова, куда приходятъ со злыми намѣреніями морскіе разбойники); но поздній часъ, жара и усталость вынуждаютъ насъ до конца покинуть представленіе.

Воскресенье, 10 (22) марта.

Ихъ Высочества утромъ отправляются на пароходѣ въ довольно отдаленный отъ столицы Банг-па-инъ, загородную резиденцію его величества. Король уже раньше отбылъ туда встрѣтить Царственнаго Гостя. Въ моментъ приближенія къ ней, по маленькому притоку Менама, на берегу выростаетъ изъ-за деревьевъ готическій храмъ, привѣтствующій колокольнымъ звономъ. Это — придворная кумирня повелителя страны, выстроенная и отдѣланная въ западномъ вкусѣ: говорятъ, внутри естъ каѳедра, скамьи и органъ, у алтаря же болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производятъ фигуры рыцарей.

При ней проходятъ монашескій искусъ сіамскіе великіе князья, наравнѣ съ прочими подданными поступающіе, согласно исконному обычаю, на извѣстное время въ монастырь, чтобы научиться смиренію и вообще всякимъ буддійскимъ добродѣтелямъ. Самъ владыка края не избавляется отъ этой религіозной обязанности и ходитъ или ѣздитъ въ лодкѣ по утрамъ, въ желтой убогой тогѣ, отъ жилья къ жилью, отъ богача къ бѣдняку собирать подаянія, которыя съ любовью и вѣрой жертвуетъ жречеству народъ: духовное лицо, милосердно принимающее приношенія мірянина, дѣлаетъ этимъ добро дающему, озабоченному совершенствованіемъ и спасеніемъ собственной души путемъ служенія «сангѣ», братству Будды — завѣщанному людямъ въ качествѣ наивысшей драгоцѣнности наравнѣ съ двумя другими: изваяніями «учителя» и его ученіемъ.

Мѣсто, выбранное для царскихъ палатъ или вѣрнѣе для вереницы дворцевъ и домиковъ въ оградѣ благоустроеннаго парка и въ оправѣ изъ маленькихъ свѣтлыхъ запрудъ, издавна служитъ временному уединенію и отдыху туземныхъ владыкъ, — съ тѣхъ поръ что по близости возникъ важный средневѣковой центръ страны — Аюдія. Крошечное искусственное озеро, вырытое еще въ ту пору, окаймлено парадными павильонами и кіосками европейскаго типа, а также однимъ страннымъ зданіемъ (платформой-колоннадой на сваяхъ) съ художественно изогнутой заостренной кровлей въ 4 яруса, которая при всей своей китайской причудливости очертаній удивительно напоминаетъ, какъ и многое въ смѣломъ архитектурномъ стилѣ Сіама, гребни старинѣйшихъ норвежскихъ построекъ (Stavekirker) съ ихъ чешуйчатыми скатами крышъ и древнерусскіе коньки. Мраморныя лѣстницы спускаются къ зеркальной влагѣ. Изящные мостики соединяютъ островокъ за островкомъ, образующій банг-па-инскій элизіумъ. Всюду — тѣнь и прохлада, фонтаны и статуи, клѣтки съ бѣлыми обезьянами и птицами.

Королъ и принцы ведутъ Августѣйшихъ путешественниковъ отъ пристани къ Ихъ покоямъ. Цесаревичу приготовленъ восхитительный шалэ, роскошно убранный съ утонченнымъ вкусомъ и комфортомъ. Намъ тоже отведены игрушечные уютные коттэджи, въ которыхъ есть все, — начиная съ японскихъ bibelots и до знатной молодежи — пажей, заботящихся о гостяхъ. Даже вѣстовые обоихъ сопутствующихъ адмираловъ, командировъ «Мономаха» и «Нахимова», доктора Рамбаха, — и тѣ снабжаются на своихъ квартирахъ флаконами лучшихъ духовъ и самымъ нѣжнымъ мыломъ. Легендарное гостепріимство сіамскаго двора издавна, хотя и смутно, намъ было извѣстно по книгамъ; но то, что приходится видѣть и испытывать, превосходитъ всякія описанія. Кого-кого только изъ именитыхъ особъ и выдающихся иностранцевъ здѣсь не принимали за послѣднее время съ непринужденной любезностью и почетомъ, съ полной готовностью показать край въ его симпатичнѣйшихъ особенностяхъ, — однако почти ни одного слова о томъ не находишь въ европейской литературѣ и печати: кромѣ неправдоподобныхъ анекдотовъ или прямо-таки вымысловъ очень мало напечатано о Сіамѣ образованными представителями Запада, весьма

странно отплатившими туземцамъ за ихъ радушіе и ласку. Конечно, трудно иноземцу въ короткій срокъ настолько освоиться съ наблюдаемой дѣйствительностью, чтобы судить о ней вполнѣ здраво и компетентно; однако простое приличіе требовало бы уже, по видимому, молчать хотя-бы о томъ, чего не знаешь или не въ состояніи понять, вмѣсто изданія bona fide пасквилей и каррикатуръ на цѣлое царство. Интеллигентные сіамцы не могутъ равнодушно говорить о подобныхъ писателяхъ, бравшихся ознакомить съ ними Европу и Америку.

Банг-па-инскимъ пріемомъ съ примѣрнымъ умѣніемъ завѣдуетъ братъ короля, принцъ Сонабантидъ (въ чинѣ полковника).

Около пяти часовъ Ихъ Высочества выходятъ съ его величествомъ, всѣмъ его штабомъ и свитой на широкое крыльце терассы передъ однимъ изъ главныхъ павильоновъ, гдѣ на просторной площадкѣ собирается привѣтствовать Сѣвернаго Гостя окрестный народъ. Чествованіе будетъ имѣть самый простой и задушевный характеръ, являясь исключительно выраженіемъ чувствъ массы, которая не въ политику играетъ, а живетъ искренними симпатіями къ тому, что ей сродно по духу и не грозитъ такими выгодами общенія, такими благами цивилизаціи, какія вообще склоненъ насаждать на Востокѣ «бѣлый» человѣкъ. У Россіи нѣтъ или точнѣе не должно быть солидарности жизненныхъ интересовъ въ Азіи съ державами, питающимися ея потомъ и кровью. Коренное населеніе обширнѣйшаго по культурѣ материка, инстинктивно сознаетъ этотъ важный фактъ, и потому радуется (какъ было въ Индіи, какъ безъ сомнѣнія произойдетъ далѣе) случаю обнажить свое кроткое сердце передъ Первенцемъ Бѣлаго Царя . . . Картина банг-па-инской дружелюбной встрѣчи Е. И. Высочества съ безхитростными поселянами у Менама останется надолго памятна и имъ, и намъ. Экзотическія краски, почившія на ней, гармонировали какъ нельзя лучше съ нашимъ благодушно-восторженнымъ настроеніемъ. Но, чѣмъ начинать съ размышленій и синтеза, вѣрнѣе перейдти къ ея любопытнымъ деталямъ . . . . . .

На видномъ мѣстѣ сѣлъ рядомъ съ Цесаревичемъ король Чулалонкорнъ, окруживъ себя потомствомъ, изъ котораго одинъ ребенокъ изящнѣе и милѣе другаго.

Сіамскій наслѣдный принцъ, Чау-Фа-Махаваджирунитъ, красивый мальчикъ тринадцати лѣтъ, съ замѣчательнымъ достоинствомъ держится среди группы дѣтей въ своемъ военномъ мундирѣ и кажется совершенно взрослымъ на взглядъ. Только миніатюрность фигуры выдаетъ его года. Бритые маленькіе братья королевича увѣнчаны гирляндочками бѣлыхъ цвѣтовъ («мали») на макушкѣ головы, гдѣ свернуты и закрѣплены золотой булавкой въ одну прядь волосы, вообще подстригаемые у мелюзги до достиженія отроческаго возраста.

На площадку внесли и водрузили шестъ съ красной привѣтственной надписью въ честь Великаго Князя. Затѣмъ безконечною вереницей потянулись обоего пола туземцы всякаго возраста, съ жертвуемыми отъ чистаго сердца приношеніями въ рукахъ. Кто тащитъ клѣтку съ какимъ-нибудь животнымъ или птицей, кто фрукты или овощи, кто свертокъ ткани или пирамидальную подушечку мѣстнаго образца. Двухтысячная толпа чинно и безшумно наполняетъ мало-по-малу пространство передъ нами, благоговѣйно кланяется, разставляетъ свои скромные дары и садится на корточки въ созерцательномъ ожиданіи, пока запоздавшіе торопятся сдѣлать свой вкладъ. Стоитъ Е. И. Высочеству внимательнѣе взглянуть на любой предметъ или тварь, — по знаку его величества, таковой или таковую немедленно подносятъ поближе къ Нему. Вещи, что и говорить, самыя

заурядныя; но именно это ничтожество и составляетъ ихъ невѣсомую цѣнность. Среди моря цвѣтныхъ шалей и панунговъ, среди этихъ добродушно улыбающихся румяныхъ лицъ, особенно выдѣляются живыя существа: въ числѣ подарковъ пестрыя птички нестройно перекликаются на разные лады, въ лукошечкѣ испуганно замерла крошечная безхвостая по породѣ крыса, упорно и незамѣтно освобождается изъ неволи уморительный зеленый попугайчикъ съ полосками у клюва точно черные усы, почти уже вылетѣла барахтающаяся сова, — а кругомъ въ безмолвіи застываетъ преданный народъ . . . . . Что за умиляющее и что за незабвенное зрѣлище! Правительство ничего не устраивало нарочно, ограничившись оповѣщеніемъ: «вашего царя посѣщаетъ Рѣдкій Гость: почтите его, чѣмъ знаете и какъ умѣете». Милый Сіамъ!

ИЗЪ ПОДАРКОВЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ.

На банг-па-инскомъ побережьи рукава рѣки воздвигнута длинная эстрада, откуда Августѣйшіе путешественники, подъ звуки придворнаго хора музыки, любуются интересными гонками тузсмныхъ лодокъ всевозможной величины. Сначала выходятъ на состязаніе и буквально летятъ съ поражающей быстротой двадцативесельныя пирóги съ гребцами, сильно наклонившими корпусъ впередъ и въ столь неловкой позѣ загребающими воду. Стремительность ихъ движенія, ихъ мощь и проворство почти невѣроятны: за большими ладьями выѣзжаютъ на борьбу меньшія и меньшія. Между тѣмъ наступилъ часъ заката. Солнце поглощено какою-то золотистою мглою. Лишь изрѣдка мелькаетъ еще на противуположномъ намъ берегу его туманный дискъ, но заслоненный деревьями прячется за каждую пальму, опускается ниже и ниже. Сейчасъ стемнѣетъ. Оркестръ приступаетъ къ исполненію тоскливо-тихой мелодіи.

Однако на рѣчкѣ внизу не прекращается оживленіе. Побѣдившія лодки скучились невдалекѣ отъ эстрады. Особые ловкачи, въ тончайшихъ и легчайшихъ байдаркахъ, проявляютъ необыкновенное искусство эквилибристики, двигаясь и жонглируя въ нихъ съ такою же увѣренностью и граціей какъ акробаты на твердой землѣ. Стоя и лежа, они чувствуютъ себя совершенно уравновѣшенными на зыбкомъ лонѣ и свободно вертятъ кружки на длинномъ шестѣ. Съ одинаковой бдительностью продѣлываютъ однородные отчаянные кунстштюки четырехлѣтніе мальчики, помогающіе и подражающіе отцамъ. По всему видно, что вода — ихъ стихія и перекувырнуться вмѣстѣ съ челнокомъ имъ ровно ничего не значитъ.

Августѣйшіе путешественники приглашены на обѣдъ въ такъ-называемый «китайскій» двухъэтажный дворецъ, построенный въ даръ королю однимъ изъ разбогатѣвшихъ здѣсь уроженцевъ Небесной имперіи. Это — настоящій сказочный чертогъ: узорчатые изразцевые полы, массивная мебель чернаго дерева съ инкрустаціями, щедрою рукой пріуроченные въ качествѣ украшеній благородные металлы и фарфоръ, ажурная тонкая рѣзьба

на колоннахъ и окнахъ . . . . очевидно, мы имѣемъ передъ собою главную достопримѣчательность Банг-па-ина. Врядъ-ли даже у богдыхана есть палаты, во многомъ превосходящія ее!

Одинъ изъ полумиѳическихъ царей Сіама (Phra Ruang) былъ великимъ чародѣемъ и ѣздилъ по морю за невѣстой въ Китай, гдѣ императоръ женилъ смѣлаго пришельца на собственной дочери и снарядилъ въ обратный путь съ царевной пятьсотъ человѣкъ своихъ подданныхъ. Если бы всемогущій когда-то Фра-Руангъ захотѣлъ себя потѣшить сооруженіемъ магически роскошнаго дворца, — и чары этого властелина не создали бы ничего краше того, чѣмъ мы въ данную минуту любуемся.

Въ фантастически пестрой обстановкѣ чрезвычайно выпукло сіяетъ буддійскій алтарь съ безмятежнымъ Шакья-муни. Неестественно длинныя уши кумира, — съ умысломъ изображеннаго въ мертвенно-недвижной позѣ, чтобы показать крайнюю степень сосредоточенности въ чистыхъ радостяхъ Нирваны, — обозначаютъ мудрость и силу.

Послѣ обѣда Августѣйшій хозяинъ любезно проситъ Дорогаго Гостя принять на память нѣкоторые предметы, которые безъ сомнѣнія займутъ видное мѣсто въ коллекціи восточныхъ рѣдкостей Великаго Князя. Вещи художественно сгруппированы за особымъ столомъ, и положительно трогательно радостное чувство царя при вручении ихъ Е. И. Высочеству.

Главные подарки Наслѣднику Цесаревичу отъ королевской четы заключаются въ слѣдующемъ:

1) два фотографическихъ портрета его и ея величествъ въ массивныхъ серебряныхъ, позолоченныхъ рамкахъ, съ коронами надъ ними, —
2) пара огромныхъ слоновыхъ клыковъ, принесенныхъ въ дань туземному повелителю лаосами области Нау, —
3) сіамская сабля въ золотыхъ ножнахъ, —
4) лаосская сабля въ дорогой оправѣ изъ области Чіэнгмай, —
5) малайскій крисъ (кинжалъ), въ оправѣ, съ полуострова Малакки: изъ области Патани, —
6) металлическія канделябры въ формѣ птицъ на пьедесталѣ и поддерживаемая тремя такими же птицами тоже металлическая ваза, —
7) нѣсколько фарфоровыхъ монетъ съ надписями, —
8) двѣ эмалированныя цвѣтныя вазочки, съ нефритовыми на нихъ букетиками цвѣтовъ, —
9) сервизъ изъ двухъ чайниковъ и двѣнадцати коричневыхъ чашечекъ китайской глины, на золоченомъ подносѣ, —
10) множество фотографическихъ видовъ Сіама, и т. д.

Вечеромъ мы садимся въ утлыя лодочки, на внутреннемъ каналѣ у дворца, и плывемъ изъ канала въ каналъ до огороженнаго мрачными затворами широкаго водоема, гдѣ ожидаетъ любопытное зрѣлище. Сюда прибыли показать себя и свой талантъ многіе некоренные подданные его величества, а именно: малайцы съ близкаго полуострова, которому грозитъ судьба стать добычей Альбіона, — переселенцы изъ отнятой французами у относительно слабаго Сіама Камбоджіи и лаосы изъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей государства. Вассалы короля изъ джонглей Малакки, пользующіеся широкими правами самоуправленія, представляютъ помѣсь кореннаго населенія съ завоевателями, нисходящее отъ которыхъ по прямой линіи потомство отчасти исповѣдуетъ буддійскую вѣру,

не исламъ. Впрочемъ, много есть и мусульманъ: это — такъ-называемые «самъ-самъ» (сокращенное Siam-islam?). За послѣднее время англичане, видящіе каждый сучекъ въ глазу ближняго, черезчуръ что-то часто наѣзжаютъ на сіамскую территорію, смежную со «Straits-Settlements». Тамъ, между прочимъ, недавно оффиціально былъ (въ Сингорѣ, Патани, Трангѣ) не столько съ визитомъ, сколько для болѣе чѣмъ оригинальной инспекціи, никто иной какъ сингапурскій губернаторъ. Любознательность его совершенно соотвѣтствовала-бы напр. посѣщенію Мешхеда или Герата съ отрядомъ войскъ начальникомъ Закаспійской области или торжественной поѣздкѣ Приамурскаго генералъ-губернатора въ Гиринъ. До чего вѣжливы и предупредительны по отношенію сосѣдей-азіатовъ энергичные колонизаторы изъ-за Ламанша! Для характеристики положенія не слѣдуетъ забывать, что малайскій полуостровъ — давнее пріобрѣтеніе Сіама. Еще въ самомъ началѣ XVI вѣка португальцы посылали черезъ него, какъ черезъ сіамскую землю, свои посольства на Менамъ. Это не помѣшало части ея подпасть уже подъ власть сначала индійскаго правительства, а потомъ Сингапура. Бангкокъ, конечно, не имѣлъ и не имѣетъ реальной силы противодѣйствовать грубымъ захватамъ.

Наши лодочки, замедляя ходъ, движутся по блистающей огнями и слегка растревоженной поверхности небольшаго искусственнаго озера.

Туманная луна въ бѣгущихъ облакахъ,
На всемъ кругомъ скользятъ причудливыя тѣни:
Какой-то странный свѣтъ играетъ на волнахъ,
Гдѣ чуть видны крыльца надводныя ступени.

Темное зданіе высится за нимъ. Около же берега стоятъ барки съ туземной заунывной музыкой и толпятся инородцы (мужчины и женщины), которыхъ его величество хочетъ показать Высокому Гостю. При фантастическомъ освѣщеніи крайне типична, своеобразна внѣшность этихъ людей. Въ нихъ, право, есть немало общаго съ уроженцами восточнорусскихъ окраинъ. Оно и не мудрено, если знаешь, изъ чего, собственно говоря, мы и слагались исторически и продолжаемъ съ упорствомъ слагаться. Отчего-бы сѣверянамъ Сіама не быть замѣтно сродни инымъ характернымъ элементамъ русской державы?

Нѣтъ возможности разобраться въ этногенической пестротѣ полунезависимыхъ и лишь на половину культурныхъ племенъ Индо-Китая. Насколько въ низовьяхъ Менама сильна еще малайская кровь, настолько среди лаосскихъ областей преобладаетъ монгольская. Изъ Юннана и Сычуаня пришли предки этихъ инородцевъ, — тамъ на сѣверѣ существуютъ однородные имъ и понынѣ не окитаянные элементы. Если же пристальнѣе всмотрѣться въ рѣзко очерченный обликъ и въ туманное историческое прошлое большинства сѣверныхъ вассаловъ сіамскаго двора, — русскому уху и глазу сразу становится видна связь иныхъ (не только почти одинаковыми наименованіями «камукъ», «качинъ», но и глубже) съ калмыцкими средневѣковыми ордами, съ качинскими татарами Енисейской губерніи и т. п. Часть насельниковъ этого полуденнаго края ясно опредѣленнымъ преданіемъ указываетъ на путь, которымъ они шли на югъ со своей первоначальной родины: они прикочевали изъ страны Тунгу (необъятнаго сибирско-манджурскаго раіона, гдѣ бродили и бродятъ вымирающіе тунгузскіе народы) безводными ужасающими песками, т. е. Гобью въ предѣлы Индо-Китая.

Зависимость жителей Лаоса отъ царя на Менамѣ не обременительна для нихъ. Ими правятъ мѣстные князья («фія»), столь же многочисленные какъ титулованные дворяне

Кавказа или представители обрусѣвшихъ мусульманскихъ родовъ въ московскій періодъ. Въ знакъ покорности инородцы посылаютъ въ Бангкокъ дары, — вѣроятно не менѣе поэтичные въ символическомъ отношеніи чѣмъ «золотая роза» (дунга масъ), которую туда отправляютъ каждое трехлѣтіе подвластные малайскіе центры полуострова Малакки.

Что это за типичные люди мелькаютъ передъ нами, пока мы плывемъ отъ барки къ баркѣ, отъ плота къ плоту — гдѣ постъ, хлопаетъ въ ладоши и приплясываетъ болѣе свѣтлый чѣмъ сіамцы, но всетаки очень смуглый народъ! Темносиняя хлопчатобумажная одежда, — вродѣ той, что носятъ крестьяне Южнаго Китая (блуза, кушакъ и короткіе штаны), — облекаетъ стройныя и крѣпкія фигуры мужчинъ. Изрѣдка, впрочемъ, виднѣются ткани коричневаго, шоколаднаго и оранжеваго цвѣта. Красивыя дѣвушки (съ длинными убранными цвѣтами косами, уложенными вѣнцемъ, въ красныхъ узорчатыхъ накидкахъ изъ шелка и полосатыхъ юбкахъ) образуютъ среди молодежи выразительно яркую группу. Подъ чарами грустныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дико-порывистыхъ напѣвовъ и оригинальной музыки (лаосскаго бамбуковаго органа: длиною въ двѣ-три сажени) дѣйствительность вокругъ пріобрѣтаетъ особую прелесть. Бассовыя ноты его, перемежаясь съ голосами дудочекъ и флейтъ, торжественно звучатъ въ блескѣ сегоднишняго празднества, подъ лучами тропической лунной ночи. Что за жалоба слышится въ симпатичныхъ мелодіяхъ этого страннаго инородческаго оркестра и хора? Оплакиваютъ-ли музыканты и пѣвцы родную старину, когда сѣверяне Сіама не служили менамскимъ владыкамъ, не принимали съ покорствомъ судьбѣ бангкокскихъ «воеводъ», присылаемыхъ «на кормленіе», не терпѣли притѣсненій со стороны Аннама и Бирмы, сами ходили на подвиги въ далекій Тонкинъ? Вѣетъ-ли отъ этой оживленно жестикулирующей молодежи удалью племенъ, проникнувшихъ сюда чрезъ пустыню Гоби на благословенный югъ?

Судя по отрывочнымъ распроснымъ свѣдѣніямъ о лаосахъ, они — буддисты, скорѣе близкіе къ ламаизму чѣмъ къ цейлонскому и сіамо-бирманскому вѣропониманію. Доказательствъ тому — множество: они воздвигаютъ и чтутъ «обоны», т. е. груды камней на возвышенностяхъ съ цѣлью жертвовать здѣсь при проѣздѣ геніямъ мѣстности, — они устраиваютъ (точь въ точь какъ тибетцы и монголы) магическіе танцы костюмированныхъ грозными божествами бонзъ для устраненія духовъ зла, — каждая семья старается посвятить въ духовное званіе по крайней мѣрѣ одного мальчика, духовенство имѣетъ право владѣть частной собственностью, ученѣйшіе монахи кажутся народу воплощеніями всесовершенныхъ верховныхъ существъ (Буддъ) и т. д.

Наши лодочки продолжаютъ скользить отъ группы къ группѣ, отъ хора къ хору. Барабаны и рога оглашаютъ воздухъ хотя и странной, но пріятной гармоніей. Инородцы пестрыми тѣнями выростаютъ и таютъ въ багровой мглѣ озаряющихъ сцену костровъ, — а когда мы наконецъ удаляемся отъ нея обратно, домой, — вдругъ изъ темноты, словно на прощанье, рѣзче прочихъ фигуръ выдѣляется нѣсколько словно отлитыхъ изъ бронзы малайцевъ съ такими лицами, что и не забыть ихъ никогда: столько рѣшимости, столько презрѣнія къ смерти, столько фатализма во вспыхивающихъ зловѣщими отблесками неподвижныхъ чертахъ! Когда эти фанатики ислама встарь возмущались противъ сіамскаго правительства, никакая казнь не могла испугать строптивыхъ: напр. ихъ привязывали нагихъ, въ особой оградѣ, къ столбамъ и выпускали туда голодныхъ тигровъ . . . звѣри отъѣдали имъ оконечности, дробили кости, лизали кровь на челѣ, и ни одинъ изъ осужденныхъ не испускалъ болѣзненнаго вопля, не отвращалъ взора отъ четвероногаго мучителя. Вообще умирать такъ, какъ восточный человѣкъ, едва-ли кто гдѣ-либо — въ состояніи. Одинъ англичанинъ видѣлъ въ Бирмѣ преступника, которому вспороли животъ

и выпустили часть кишекъ: онъ, несмотря на близость агоніи, потянулся за бананомъ и сталъ ѣсть, — приговоренная же за убійство женщина добровольно вползла въ клѣтку приготовленнаго для казнимыхъ тигра и низко поклонилась звѣрю въ ожиданіи удара его лапы.

Понедѣльникъ, 11 (23) марта.

Утромъ отъѣздъ по Менаму въ Аюдію на паровыхъ катерахъ. Тамъ ожидаетъ насъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: загонъ 287 слоновъ, отбитыхъ отъ лѣснаго стада въ 2000 го-

ЦАРСКАЯ ПИРОГА.

ловъ. Вотъ что за диковины заурядъ встрѣчаются въ Сіамѣ! Приближаясь къ Аюдіи (она состоитъ почти исключительно изъ пловучихъ жилищъ, образующихъ цѣлыя улицы и базаръ вдоль рукава рѣки), мы снова имѣемъ случай полюбоваться царскими пирогами съ алыми молодцеватыми гребцами-воинами. Все въ нихъ необычно, — начиная отъ архаически-маскарадиаго костюма и положенныхъ около каждой уключины винтовокъ: и до мѣрныхъ весельныхъ движеній въ тактъ напѣва и возгласовъ («уа!») вродѣ крика нубійцевъ, подвозившихъ Цесаревича къ порогамъ Нила.

Модели королевскихъ лодокъ были на парижской выставкѣ при Наполеонѣ III и на выставкѣ въ Гаврѣ.

Ayodhya (т. е. то, противъ чего не слѣдуетъ вести войны, иными словами «непобѣдимое», «неприступное») назывался по санскритски въ глубокой древности и въ первые вѣка нашей эры огромный индійскій центръ въ предѣлахъ нынѣшняго Оуда, — откуда въ разную пору вышли многіе раджпутскіе витязи (напр. князья Джодпура), а кромѣ того проповѣдники буддизма и джайнизма. Овѣянный сказаніями городъ за благочестіе его жителей трижды былъ цѣликомъ поднятъ на небо и снова отражался на землѣ, сохраняя однако общенье съ нагорными сферами и потоками духовнаго свѣта озаряя полъ Азіи. Сіамцы изъ благоговѣнія къ тамошнимъ стародавнимъ святынямъ своей религіи и къ минувшему блеску полулегендарной Айодіи (Аютіи) произвольно наименовали одинаковымъ образомъ возникшую на Менамѣ въ XIV вѣкѣ столицу, вводя тѣмъ самымъ въ не малое затрудненіе и ошибки послѣдующихъ археологовъ, которые бы склонны были выдѣть въ однородности названій какую-нибудь историческую племенную связь. Таковой нѣтъ, — да ея незачѣмъ и доискиваться. Народы Востока живутъ фантазіей, и миѳы безпрерывно претворяютъ дѣйствительность въ любую желаемую форму. Здѣшнимъ передовымъ туземцамъ, знакомымъ съ прошедшимъ Индіи, пришла мысль создать изъ воскрешаемаго при новыхъ условіяхъ великаго города знаменитый по своему центръ (какъ напр. въ смежной Камбоджіи основалось второе Дэли, Indra prestha) и они этого до извѣстной степени достигли. Теперь остаются развалины, но и отъ нихъ вѣетъ сладостью славнаго преданья. Изъ густаго джонгля подаютъ о себѣ вѣстъ опустѣлыя кумирни, разрушенные дворцы, невыдержавшія вражьяго натиска твердыни.

Пребываніе Августѣйшихъ путешественниковъ въ Бангъ-па-инѣ настолько кратковременно, что намъ не придется осмотрѣть этихъ останковъ прежняго величія страны. Но уже достаточно видѣть издали съ рѣки тотъ или иной памятникъ, выглядывающій изъ чащи, чтобы судить о томъ, сколько въ ней таится.

Исторія названнаго города любопытна и поучительна, такъ какъ съ одной стороны отражаетъ политическую жизнь и творческія наклонности мѣстнаго населенія, съ другой же стороны даетъ понятіе о нѣкоторыхъ причинахъ постепеннаго упадка индо-китайскихъ государствъ. Не враждуй они вѣчно изъ-за ничтожныхъ предлоговъ другъ съ другомъ, судьба загангетической Индіи (а, пожалуй, и Бенгаліи съ прилегающими областями) могла сложиться совершенно иначе. Къ чему послужили напр. неоднократныя и кровопролитныя войны здѣшнихъ правителей съ чрезвычайно задорною Бирмой?

Однимъ изъ безцѣльнѣйшихъ слѣдуетъ считать, между прочимъ, походъ бирманской арміи на Аюдію въ 1548 г. Осадившими ее командовалъ португалецъ Ліэго Суарецъ де Альбергаріа: впрочемъ, и самъ царь принималъ участіе въ начавшихся приступахъ и даже получилъ тяжкія раны. Артиллерія жестоко обстрѣливала стѣны города со слоновъ. Въ жаждѣ наживы кидались на крѣпость наемные турки. По совѣту какого-то грека, инструктора и техника, бирманцы соорудили 26 деревянныхъ башенъ и, воспламенивъ, прикатили ихъ на колесахъ къ обороняющейся твердынѣ, чтобы усилить ужасы боя.

Сіамцы защищались съ поразительнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, при помощи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ отборнаго войска, набраннаго на Явѣ и Борнео. Узнавъ о томъ, что правителемъ Бирмы назначена очень большая награда тѣмъ, кто откроетъ главныя ворота столицы, — осажденные сами ихъ распахнули и со смѣхомъ требовали себѣ обѣщанной пени. Въ концѣ концевъ враги отступили.

Двумя столѣтіями позже злополучный городъ всетаки палъ послѣ ожесточеннѣйшаго сопротивленья и былъ разграбленъ бирманцами. Они однако не удержались въ странѣ и ушли. На Менамѣ воцарилась новая династія, справедливо признавшая цѣлесообразнымъ

перенести центръ административной и торговой жизни ближе къ морю, въ Бангкокъ. Легенда, конечно, не замедлила разукрасить это событіе, говоря, что правившему тогда королю во снѣ явились прежніе повелители Сіама и просили не тревожить ихъ тѣней возсозданіемъ дворцевъ и храмовъ на старомъ пепелищѣ. Вереница усопшихъ царей предписала такъ-сказать своему преемнику не идти противъ рока и навсегда покинуть мѣсто, гдѣ народъ вынесъ столько горя въ историческомъ поединкѣ съ суровыми сосѣдами.

Ореолъ чего-то поэтическаго и таинственнаго съ тѣхъ поръ почилъ надъ развѣнчанною столицею. Любителямъ древностей открыта возможность находить въ ней постепенно неисчерпаемый художественно-бытовой матеріалъ. Среди развалинъ Аюдіи схоронено, говорятъ, видимо-невидимо сокровищъ, которыми послѣ бирманскаго разгрома не успѣли воспользоваться ни владѣльцы, ни самъ непріятель. Огромные металлическіе кумиры постепенно извлекаются на поверхность земли. По свидѣтельству голландца Шоутена, завѣдывавшаго въ 1836 г. факторіей соотечественниковъ на Менамѣ, здѣсь было тогда 300 капищъ. Въ виду доброкачественности старинныхъ построекъ (зодчими являлись главнымъ образомъ рабы изъ лаосскихъ областей и Камбоджіи, гдѣ еще живѣе сохранялись традиціи великаго искусства «хмеровъ») и въ виду сравнительно высшихъ эстетическихъ потребностей населенія въ ту эпоху, тамошнія сооруженія несомнѣнно представляли гораздо больше въ общечеловѣческомъ культурномъ смыслѣ чѣмъ все позднѣйшее, возникшее уже въ бангкокскій періодъ. Тѣмъ важнѣе для изслѣдователей это когда-нибудь выяснить.

Вражда и борьба Бирмы съ Сіамомъ встарь носила отчасти тотъ же характеръ, какъ отношенія Польши къ намъ. Въ результатѣ оба болѣе западныя государства, вмѣсто того чтобы сплотиться боевою мощью противъ натиска чужой рассы, предпочли братоубійственную распрю и политически перестали существовать.

Если еще бирманцы вначалѣ не довѣряли европейцамъ, — въ особенности англичанамъ, — то благодаря армянскимъ купцамъ, которые издавна проникали въ Индо-Китай и своевременно предупреждали туземцевъ относительно вліянія этихъ искусныхъ колонизаторовъ. Теперь послѣдніе безъ особыхъ затрудненій овладѣли Бирмой и завистливымъ окомъ смотрятъ на Менамъ, куда тоже шагнули бы съ обычной быстротой и откровенностью, — не стой имъ тамъ на пути, на стражѣ своихъ интересовъ, лучше ихъ подготовленная къ сухопутной войнѣ и свыкающаяся съ этими краями Франція. Столкновеніе державъ близится, но нельзя въ полномъ объемѣ предугадать развязки.

Средневѣковая сіамская Аюдія собственно возникла въ 1351 г. при знаменитомъ царѣ Раматибоди I-омъ изъ-за какой-то эпидеміи, вынудившей перемѣстить тогдашній правительственный центръ значительно на югъ. Въ это время сіамцы еще владѣли Тенассеримомъ и Малаккой, создавали на своихъ окраинахъ сторожевые города «со стѣнами крѣпкими какъ алмазъ»: оттого-то напр. и король, ходившій въ 1344 г. побѣдной войной на малайцевъ, справедливо величалъ себя «золотымъ царемъ».

Чѣмъ больше я здѣсь вижу и слышу о странѣ, тѣмъ непонятнѣе мнѣ кажется почти полное молчаніе о ней ученаго или даже просто любопытнаго Запада. Врядъ-ли это есть просто пренебрежительное игнорированіе. Причины коренятся глубже. Онъ видимо чего-то не понимаетъ въ Сіамѣ, вродѣ того какъ и въ насъ. Нѣмецъ, французъ, англичанинъ изслѣдуютъ и знаютъ относительно хорошо Азію, создали спеціально для нея

колоссальную литературу, — Россіи же, которая есть ключъ къ пониманію Востока и составляетъ главную его часть, они до сихъ поръ не постигли, до сихъ поръ силятся истолковать и опредѣлить. На Менамѣ бывали и сравнительно долго оставались выдающіеся по наблюдательности и подготовкѣ путешественники, подобные Адольфу Бастіану, — Бангкокъ посѣщали, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, образованные представители культурнѣйшихъ государствъ (въ 1879 г. американскій эксъ-президентъ Грантъ, въ 1881 г. его королевское высочество герцогъ Генуэзскій, въ 1888 г. герцогъ Сэфферландскій и т. д.), — сюда пріѣзжали художники съ именемъ (знаменитый акварелистъ Эдуардъ Хильдебрандтъ) и политическіе авантюристы безъ числа: однако никто изъ нихъ не отнесся съ искренней симпатіей къ сіамской жизни и ея правамъ на будущее, никто не схватилъ и не выразилъ идеи, чѣмъ могло бы стать царство дома Чакра-Кри: очагомъ воздѣйствія независимыхъ, непорабощенныхъ Европою элементовъ азіатскаго материка на подавленную британскимъ владычествомъ Бирму, на изнывающую подъ нимъ Индію. Послѣднее обстоятельство было аксіомой для самихъ туземцевъ этой первой страны, пока ее не погромили «бѣлые» враги. Оттуда посылались еще въ наше столѣтіе эмиссары въ Оудъ, Дэли, Пэнджабъ, Кашмиръ, маратскія земли: поднять и организовать населеніе къ борьбѣ противъ пришельцевъ-колонизаторовъ. То, что не удалось тогда бирманцамъ исторически завѣщано Сіаму. Помочь ему въ осуществленіи задачъ, клонящихся къ благу многихъ милліоновъ соотечественниковъ (въ обширномъ смыслѣ слова) способенъ Китай и жаль, если сношенія между обоими правительствами, когда-то дружественныя и взаимнополезныя, въ данную минуту порваны и сведены на нѣтъ. Пекинъ (кто-бы въ немъ ни царилъ), какъ центръ тяжести смутныхъ интересовъ половины Востока, еще далеко не отжилъ свой вѣкъ.

Бангкокскій дворъ, послѣ постепеннаго паденія бирманской династіи, очутился такъ-сказать на порогѣ индійскаго міра и сразу пріобрѣлъ выдающееся международное значеніе въ глазахъ прозорливой западной дипломатіи. Оттого французы и стараются опутать сіамцевъ за ихъ мнимую непочтительность къ территоріи Камбоджіи. Оттого и германское око чаще и чаще смотритъ на Менамъ. Недаромъ, въ Берлинѣ съ недавнихъ поръ поселился даже дипломатическій представитель изъ Бангкока. Нѣмцы незамѣтно изучаютъ край въ качествѣ туристовъ. Интересъ къ нему настолько великъ, что герцогъ Іоаннъ Альбрехтъ Мекленбургскій четыре недѣли прогостилъ у короля, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пока совершенно чуждый политики въ тихо-океанскихъ водахъ австрійскій военный флотъ тоже облюбовалъ своими посѣщеніями безбрежный менамскій рейдъ. Незадолго передъ нами тутъ находился корветъ «Фазана» съ юнымъ эрцгерцогомъ Леопольдомъ Фердинандомъ, старшимъ сыномъ Великаго герцога Фердинанда IV Тосканскаго.

Русскаго флага, кажется, не видно было въ Сіамскомъ заливѣ съ февраля 1874 г. когда въ столицу на Менамѣ прибылъ контръ-адмиралъ Брюммеръ съ корвета «Аскольдъ». Король привѣтствовалъ нашихъ моряковъ выраженіемъ пожеланій, чтобы у Россіи поскорѣе установились связи съ Сіамомъ. Конечно, все ограничилось платоническими чувствами. Сознаніе необходимости мысленно сближаться и практически знакомиться съ нимъ, хотябы ради будущаго, не проникало и не увлекало до сихъ поръ никого изъ русскихъ путешественниковъ. Впрочемъ, ошибаюсь: одинъ нашелся. За полтора года до нашего пріѣзда, въ сѣверномъ Сіамѣ скончался отъ дорожныхъ лишеній и лихорадокъ никому не извѣстный въ Россіи (хотя онъ ея уроженецъ), но оцѣненный нѣмцами ученый изслѣдователь: остзейскій графъ Анрепъ-Эльмптъ.

Такое отношеніе крайне странно. Мы нерѣдко жаждемъ приключеній, въ силу особенностей своего національнаго характера, ищемъ случая предпринимать зачастую всякія

дикія «хожденія за три моря», украшаемъ свои и чужіе музеи результатами экспедицій въ такіе края, гдѣ русскому піонеру положительно нечего дѣлать, и наряду съ тѣмъ равнодушны къ осуществленію прямыхъ и непосредственныхъ государственныхъ задачъ въ предѣлахъ Азіи, которая вѣдь, строго говоря, въ полномъ объемѣ есть та же Россія, но только удостоивающаяся еще меньшаго вниманія со стороны русскихъ образованныхъ людей и дѣятелей вообще чѣмъ многія внутреннія области и довольно глухія окраины нашего неоглядnаго отечества. Между тѣмъ неотложно приходитъ пора иначе взирать на вещи, глубже всматриваться въ Востокъ, считать изученіе его дѣломъ первостепенной важности и необходимости.

На Менамѣ туземцы изстари непрочь были отъ общенья и союза съ «бѣлыми» пришельцами. До сихъ поръ, къ несчастью, идеальная потребность эта не находила пищи и удовлетворенія. Сіамцы, всегда относившіеся съ пріязнью къ чужестранцамъ, особенно благоволили напр. когда-то къ голландцамъ и въ 1624 г. даже, въ защиту ихъ интересовъ, запутались въ весьма убыточную войну съ испанцами Филиппинскихъ острововъ. Нидерландскіе колонизаторы условно цѣнили эту дружбу и, не отказывая помогать Сіаму въ моменты его случайной борьбы съ мятежниками на Малакскомъ полуостровѣ, тѣмъ не менѣе плохо снабжали туземцевъ просимыми пушками, — вѣроятно, боясь усилить самобытное по духу царство въ ущербъ себѣ. Въ томъ же вѣкѣ, но позже, аналогично хотѣли поступать и потерпѣли фіаско французы. Будь замыслы иностранцевъ съ Запада честнѣе, они давно бы въ лучшемъ смыслѣ слова пріобщили край цивилизаціи. Мѣстные жители стремились въ лицѣ правителей принять участіе въ событіяхъ міровой жизни. Когда сюда явился современникомъ Людовика XIV одинъ политически мудрый выходецъ со Средиземнаго моря, тогдашній царь, цѣня его совѣты возвысилъ этого иноземца до самыхъ высокихъ должностей, поставилъ его надъ принцами и сановниками. Этотъ родившійся подъ счастливой звѣздою человѣкъ былъ родомъ грекъ: Константинъ Фоконъ (Constance Faulcon) съ острова Кефалоніи, признававшей въ ту пору власть Венеціи. Если уже оттуда, изъ-за тридевяти земель, могли съ успѣхомъ проникать въ Индо-Китай XVII столѣтія эгоистически предпріимчивые люди безъ патріотическихъ интересовъ и стремленій, то въ данную минуту, понятно, почва въ Сіамѣ еще благопріятнѣе почтеннымъ дѣятелямъ, вродѣ коммодоре де-Ришелье, для постепеннаго созданія на ней прочно обоснованнаго противодѣйствія хищнымъ вожделѣніямъ передовыхъ европейскихъ націй.

Особое пространство отведено въ Аюдіи ловлѣ лѣсныхъ слоновъ. Сооружена гигантская изгородь, куда ихъ вгоняютъ цѣлыми сотнями. Съ одного боку построена довольно высокая и длинная крытая эстрада для короля и его многочисленной свиты, а также для толпы избранныхъ зрителей, собирающихся полюбоваться рѣдкой картиной. Народъ тѣснится вокругъ загона, глядитъ на нее сквозь массивный тынъ, взлѣзаетъ мѣстами на толстые саженные столбы, сдерживающіе напоръ и смятеніе попавшагося въ западню стада исполиновъ. Отчаяніе и безпокойство послѣднихъ не поддаются описанію. На аренѣ передъ нами — цѣлый адъ, бездна мученій и стоновъ: безъисходное горе самокъ, потерявшихъ дѣтенышей, и безсильное бѣшенство самцевъ, которые чуютъ превосходство надъ ними умнаго «двуногаго» врага. Бѣдныя животныя ревутъ и мычатъ, мечутся вдоль тына, — откуда ихъ пиками отгоняютъ загонщики, — или же топчутся на мѣстѣ, посыпая себя прахомъ. Грозная жалоба стоитъ въ воздухѣ надъ стадомъ, представляющимъ одну

Слоны въ загонѣ

чудовищную грязно-сѣрую массу страдающихъ существъ. Европейцу съ непривычки можетъ казаться, что она только временно не сознаетъ своей мощи и не разрушаетъ преградъ, за которыми люди смотрятъ на плѣнныхъ исполиновъ, — но туземцамъ и въ голову не приходятъ подобныя мысли: сбитые въ безпорядочную кучу слоны при облавѣ совершенно теряются. Безумный страхъ охватываетъ затворниковъ и затворницъ. Они даже не ждутъ освобожденія, а просто стонутъ и трубятъ отъ тревоги.

Среди скопища ихъ есть рѣдкіе по внѣшности экземпляры. Недаромъ, здѣшній край всегда славился обиліемъ и величиной лѣсныхъ гигантовъ. Правитель Голконды (во внутренней Индіи) въ качествѣ наиболѣе цѣнныхъ даровъ посылалъ Моголу Аурангзебу замѣчательныхъ по качествамъ слоновъ съ Цейлона, а по размѣрамъ изъ Сіама. Англичане въ данное время утилизируютъ не меньше прежнихъ дворовъ способности и грубую силу этихъ довольно добродушныхъ тварей. Въ Ассамѣ британскимъ правительствомъ ежегодно устраиваются систематическія ловли и прирученіе, для обозной службы и общественныхъ работъ, столь полезныхъ животныхъ. До сихъ поръ нѣтъ установившагося мнѣнія, умны и добры-ли они по природѣ. Существуютъ авторитетные голоса за и противъ. Судя по безпомощности 287 бѣднягъ въ данный моментъ, — ихъ, пожалуй, дѣйствительно можно признать обладающими вторымъ качествомъ, но наврядъ-ли первымъ; однако отрицать въ нихъ тонкое и даже извѣстнаго рода разумное чувство тоже нельзя на основаніи множества фактовъ. Иногда разсвирѣпѣвшему слону достаточно убить человѣка, чтобы тотчасъ успокоиться. Это случилось напр. съ однимъ изъ Моголовъ, когда онъ катался на ручномъ гигантѣ. Послѣдній вдругъ сталь неукротимъ. Вожакъ рѣшилъ принести себя въ жертву и спасти царя, умоляя лишь его позаботиться о будущихъ сиротахъ. Затѣмъ вѣрный слуга кинулся подъ ноги четвероногому титану и былъ имъ яростно растоптанъ, послѣ чего онъ сразу какъ-то устыдился своего поступка и присмирѣлъ. Владыка Индостана, въ благодарность небу за чудесное спасеніе, тотчасъ роздалъ 200,000 рублей нищимъ и приблизилъ ко двору сыновей погибшаго.

Востокъ совсѣмъ иначе относится къ слонамъ, чѣмъ относилась классическая древность. Здѣсь ихъ почитали и до сихъ поръ до нѣкоторой степени холятъ. На Западѣ же они служили всегда или для смертоносныхъ походовъ, или по́просту для потѣхи. Въ римскомъ циркѣ заставляли драться двадцать такихъ гигантовъ противъ отряда изъ пятисотъ пѣхотинцевъ. Особые гладіаторы (бестіаріи) выходили на эту безсмысленную борьбу. Императоръ Коммодій, — возвысившійся до престола изъ ряда подобныхъ атлетовъ, — успѣшно испробовавъ силу надъ гиппопотамомъ и тигромъ, рѣшилъ сойдтись въ поединкѣ и со слономъ, причемъ убилъ послѣдняго.

Въ ту пору ручныхъ исполиновъ принято было впрягать при торжествахъ въ колесницы царей или предъ кумирами боговъ. Обычай этотъ привился съ дней Августа. Послушныя животныя выводились кромѣ того на игрища, гдѣ требовалось ихъ участіе въ сложныхъ пантомимахъ: иныхъ уморительно одѣвали настоящими драматическими актерами, заставляли таскать на носилкахъ мнимобольнаго товарища, съ ужимками садиться за столы съ яствами на дорогихъ блюдахъ, взлѣзать съ арены по двумъ туго натянутымъ канатамъ на возвышенныя мѣста и т. д. Еще при турецкомъ господствѣ въ Царьградѣ держали слоновъ, умѣвшихъ плясать и потѣшать зрителей игрой въ мячъ.

Можно почти по пальцамъ перечесть четвероногихъ страшилищъ, приведенныхъ въ средніе вѣка въ глубь Европы. Одного доставили на показъ въ Венгрію могущественнѣйшему Аварскому хану, правившему тогдашними южно-русскими степями. Другаго привели около 800 года, въ Аахенъ, Карлу Великому въ даръ отъ халифа Гарунъ-аръ-Рашида. Саксонскій лѣтописецъ, восхвалявшій славу своего государя, говоритъ по поводу прибытія азіата-гиганта: «mira spectacula regno Francorum dederat». Крестоносцы взяли съ собой на родину двухъ-трехъ диковинныхъ для сѣвера слоновъ: вывезенный Святымъ Людовикомъ попалъ потомъ въ Англію. Португальцы прислали изъ Индіи Папѣ въ 1514 г. забавнаго слоненка, трижды преклонившаго передъ нимъ колѣни при первой встрѣчѣ. Извѣстенъ такой же экземпляръ, подаренный въ 1562 г. германскому императору Филиппомъ II Испанскимъ. Слѣдующаго слона нѣмцы увидѣли въ 1629 г. во Франкфуртѣ и Нюрнбергѣ.

На Востокѣ исполинскія твари, въ качествѣ явленія сравнительно заурядняго, нерѣдко имѣли большую цѣну (порой въ десятки тысячъ рублей) и восхищали размѣрами народъ, но отнюдь не играли жалкой роли, выпадавшей имъ на Западѣ. Здѣсь, въ отечествѣ и такъ-сказать царствѣ лѣсныхъ титановъ, къ нимъ примѣняется болѣе симпатичная точка зрѣнія. Ихъ, что всего важнѣе, не истребляютъ въ безмѣрномъ количествѣ исключительно ради клыковъ (какъ напр. въ предѣлахъ «чернаго» материка), а по возможности только приручаютъ въ помощь человѣку. Слоновая кость, съ незапамятныхъ временъ цѣнившаяся даже у Средиземнаго моря (не говоря объ искусномъ на ручныя подѣлки Китаѣ), не разожгла корыстолюбія «восточныхъ варваровъ» до забвенія чувствъ сострадація къ другу полуденной азіатской культуры: слону. Стоимость бивней послѣдняго, положимъ, опредѣляется не по блеску и величинѣ, а по внутреннему содержанію, т. е. мягкой прогрессирующей отъ заботливаго ухода бѣлизнѣ (при этомъ африканская добыча чуть-ли не доброкачественнѣе азіатской), — однако соблазнъ получить за нихъ уйму денегъ видимо не настолько увлекалъ индо-китайскаго туземца, чтобы онъ рѣшился повести противъ слоновъ безпощадную войну. Они были и остались для него чѣмъ-то чрезвычайно близкимъ по существу и способнымъ внушать поклоненіе: населеніе Азіи вообще не знаетъ утрированно-хищныхъ инстинктовъ по отношенію къ тому, что живетъ и движется среди него на всевозможныхъ ступеняхъ бытія. Для восточныхъ народовъ гигантскія животныя всегда были олицетвореніями власти царей, рычагами грозной правительственной силы, авторитета и престижа. Казнить преступниковъ, сокрушать врага, являть толпѣ небороднаго владыку споконъ вѣка считался призваннымъ обученный этому слонъ. Насколько подобное воззрѣніе повсюду коренилось глубоко, свидѣтельствуетъ хотя-бы слѣдующій историческій фактъ: воинственные жители Турфана (въ Туркестанѣ) потребовали въ XV столѣтіи отъ Сына Неба въ Пекинѣ, чтобы имъ отправили въ даръ слоновъ, составлявшихъ тогда осязательную принадлежность императорскаго кортежа.

Загнанное въ ограду стадо цѣликомъ не представляетъ интереса для занимающихся ловлей и приученіемъ экземпляровъ, годныхъ для службы человѣку. Поэтому большинство матокъ и дѣтенышей, а также неважныхъ по внѣшности самцевъ безъ клыковъ, постепенно выпускается на свободу черезъ особый очень тѣсный проходъ. Иные изъ узниковъ до крови разбиты борьбою. Вышедшіе на волю не обращаются однако въ неистовое бѣгство, а спускаются къ ближайшему водоему, чтобы освѣжиться. Насъ тѣмъ

временемъ приглашаютъ позавтракать на огромной по объему эстрадѣ, смежной съ мѣстами для зрителей. Даже меню изображаютъ слона съ вожакомъ у головы.

По приглашенію короля сюда прибыло изъ Бангкока много нашихъ офицеровъ. Тамъ для нихъ нанято большое помѣщеніе въ лучшемъ отелѣ и всѣмъ оказывается отъ имени двора самое широкое гостепріимство. Стоитъ кому-нибудь написать депешу въ Россію (куда каждое слово обходится по телеграфу нѣсколько долларовъ, — и она посылается на казенный счетъ, за нее запрещено брать плату). По приказанію его величества на эскадру ежедневно доставляется всякая живность, всякіе припасы. Такіе порядки по отношенію къ наѣзжающимъ посольствамъ и вообще знатнымъ иностранцамъ издавна водились въ Сіамѣ, — но число гостей никогда еще не достигало такой цифры какъ въ данное время. Подъ стройную музыку и клики народа, любующагося картиной грандіознаго загона, при оглушительномъ ревѣ оторванныхъ отъ стада лѣсныхъ титановъ, правитель Сіама радостно чествуетъ въ предѣлахъ славной Аюдіи Русскаго Престолонаслѣдника и Его свиту, чествуетъ русскихъ моряковъ.

Послѣ завтрака все въ затворѣ и вокругъ него опять усиленно оживляется. Несвязанныхъ еще плѣнниковъ рѣшено окончательно смирить, что совсѣмъ не легко. На пыльную значительно опустѣлую арену къ нимъ въѣзжаютъ на девяти ручныхъ слонахъ искусные ловцы (въ синихъ курткахъ и круглыхъ бѣлыхъ шляпахъ), по два на животномъ: у правящаго имъ въ рукахъ — копье, — другой, сидящій у хвоста, держится за толстенныя веревки, обматывающія туловище послушнаго исполина. Цѣль появленія этихъ дѣйствующихъ лицъ въ чертѣ незыблемаго заплота сводится къ тому, чтобы набросить путы на черезчуръ бѣснующихся огромныхъ тварей. Подступиться же къ нимъ весьма опасно. Только-что, какъ слышно, одинъ великанъ почти убилъ ударомъ хобота отстранявшаго его отъ изгороди пѣшаго копѣйщика: несчастнаго едва успѣли замертво оттащить за сваи. Рискующимъ вплотную приблизиться къ дикимъ слонамъ, хотя бы на спинѣ ихъ прекрасно выдрессированныхъ сотоварищей, грозитъ вѣрная смерть при малѣйшемъ промахѣ или несохраненіи должнаго равновѣсія. Четвероногія громады сталкиваются тутъ и тамъ точно каменныя глыбы непомѣрной величины: усидѣть на хребтѣ гигантовъ требуетъ не меньше мужества и хладнокровія чѣмъ ловкости. Видя себя такъ-сказать въ засадномъ положеніи, лѣсные слоны, несмотря на малочисленность противниковъ, первые приходятъ въ еще бо́льшее смятеніе и страшнымъ напоромъ ломятся въ проходъ. Люди, взобравшіеся на образующіе его столбы, пиками пытаются отогнать животныхъ, — преграждаютъ имъ дорогу, спуская бревна вродѣ шлагбаума . . . . . но ничто не помогаетъ и часть измученныхъ голодныхъ плѣнниковъ прорывается наружу. Нѣкоторыхъ однако преслѣдователи ловятъ, искусно набросивъ имъ въ суматохѣ петлю на заднюю ногу. Продолженіе каната отчасти волочится за бѣглецомъ по землѣ, отчасти остается въ качествѣ крѣпчайшей подпруги на туловищѣ ручнаго исполина. Захваченный веревкой дикарь, оступаясь, торопится на просторъ: его и безъ того затрудненныя движенія на каждомъ шагу стѣсняются испуганными сосѣдями, — погоня рысью идетъ за ними, умышленно заставляетъ ищущихъ спасенья обѣгать на окрестной полянѣ спеціально для ловитвы вбитыя сваи. Въ концѣ концевъ слонъ закручивается на какомъ-нибудь мѣстѣ до полной безпомощности, тщетно пытается разрушить оковы, сердито начинаетъ вертѣть хвостомъ и съ угрозой высоко подымаетъ хоботъ. Напрасно! Ловчіе осторожно надѣваютъ на него здоровый плетеный ошейникъ. Опытные въ дѣлѣ прирученія товарищи забираютъ надъ пойманнымъ власть. Четыре изъ нихъ берутъ его спереди и съ боковъ, чтобы тащить въ стойла. Одинъ клыками подпираетъ строптиваго сзади. До глубины

души возмущенный такимъ предательствомъ обезсиливший звѣрь ревetъ и рвется, барахтается и падаетъ. Бываютъ случаи, что онъ и не хочетъ, и не можетъ отъ усталости встать, — предпочитая смерть неволѣ. Поэтому лежачаго тотчасъ принимаются обильно поливать водою изъ бамбуковыхъ трубъ.

Плѣнника на первыхъ порахъ морятъ голодомъ и жаждой, чтобы онъ смирился. Трогательно то обстоятельство, что при этомъ, ручные великаны утѣшаютъ страдающаго сотоварища нѣжными ласками. Индо-китайскіе слоны вообще считаются строптивѣе и неукротимѣе индійскихъ. Нерѣдки случаи, когда они въ раздраженіи бросаются на человѣка.

Августѣйшіе путешественники возвращаются къ обѣду въ Банг-па-инъ. Вечеромъ весь паркъ иллюминованъ. Кіоски съ прохладительными напитками открыты среди сумрачной тропической ночи, среди благоухающей листвы. Блестящій праздникъ организованъ королемъ въ честь Избраннаго Гостя и кончается фантастическимъ шествіемъ, — мимо шалэ-дворца, — цѣлой маленькой арміи людей, костюмированныхъ отчасти въ старогол-ландскомъ и древнеяпонскомъ вкусѣ, отчасти же дѣйствующими лицами изъ популярной въ Сіамѣ Рамаяны. При этомъ поражаетъ «бѣлолицый» Хануманъ, владыка обезьянъ, всегда рисующійся въ Индіи краснорожимъ.

Занося въ дневникъ массу неизгладимыхъ впечатлѣній, само собой какъ-то записываешь малоизвѣстныя въ Европѣ свѣдѣнія о прежней условно исторической роли края среди индо-китайскихъ государствъ. Эти данныя необходимы для оцѣнки болѣе современныхъ событій, которыхъ послѣдствія еще не сказались въ полной мѣрѣ. Отношенія его къ Бирмѣ уже характеризовались мною, когда шла рѣчь о средневѣковой Аюдіи. Связи же съ другими ближайшими правительствами, пожалуй, гораздо любопытнѣе и важнѣе съ точки зрѣнія недалекаго будущаго.

Аннамъ и Сіамъ издавна вступали между собою косвеннымъ образомъ въ борьбу, при упорныхъ попыткахъ перваго окончательно себѣ подчинить сначала царство Ціампу (т. е. Кохинхину), а затѣмъ и Камбоджію. На Менамѣ, положимъ, тоже не дремали: напр. въ 1313 г. на сѣверъ послана была оттуда могучая рать (изъ теперешнихъ воинственныхъ лаосскихъ областей) для утвержденія сіамской власти среди развалинъ «хмерскаго» строя. Аннамиты олицетворяли такъ-сказать авангардъ стремящагося южнѣе Китая. Ихъ антагонисты представляли тамъ въ нѣкоторомъ родѣ протестъ двинувшагося за море и вообще за предѣлы родины мягкаго по природѣ, но крайне цѣпкаго индуизма. Онъ колонизировалъ и претворилъ въ своемъ духѣ Яву и часть съ нею смежныхъ малайскихъ земель, перекинулся на индо-китайскія побережья, заставилъ прозаическую Небесную имперію испытать чары его таинственнаго міровоззрѣнія, понесъ свѣтъ своего знанія въ глубь азіатскаго материка. Если бы соотечественникамъ браминскихъ «святыхъ» и Будды удалось шире и глубже насадить въ немъ зерна арійскаго генія, — онъ навѣрно плодотворнѣе бы повліялъ на дальнѣйшее развитіе даровитыхъ народовъ смѣшанной монголо-малайской рассы чѣмъ методично все и всѣхъ нивеллирующая цивилизація преемниковъ Конфуція.

Въ 1780 г. воцарился вліятельный сіамскій полководецъ Чатри или Чакра: прежній король снарядилъ его въ походъ противъ Камбоджіи, склонявшейся на сторону аннамитовъ, и, пользуясь отсутствіемъ политически опаснаго сановника, захватилъ въ свою власть его семью. Параллельно однако въ странѣ вспыхнули смуты, — и Чатри, наскоро

заключивъ миръ съ непріятелемъ, вернулся на погибель обидчику, коего престолъ ему тотчасъ же достался.

Съ тѣхъ поръ стародавнія дурныя отношенія къ коренному сѣверному Аннаму немного улучшились. Въ 1783 г. возмутившіеся противъ царя Камбоджіи солдаты-малайцы вынудили его бѣжать въ Бангкокъ, куда также вскорѣ прибылъ за помощью правитель Кохинхины Nguyen Anh, болѣе извѣстный въ исторіи Индо-Китая подъ именемъ Гіалонга (что собственно значитъ «царственное распространеніе»), вытѣсненный изъ роднаго края враждебными единоплеменниками съ сѣверо-запада. Неодно-

БАШНЯ НАДЪ ПАРКОМЪ БАНГ-ПА-ИНА.

кратно выступалъ изгнанникъ затѣмъ изъ Бангкока, въ сопровожденіи значительныхъ вспомогательныхъ отрядовъ и сіамской флотиліи, отвоевать свою землю у Сайгона, — но долгое время безуспѣшно, хотя сохранявшіе вѣрность побѣжденному князю южные аннамиты всячески оказывали ему посильную поддержку, и онъ наконецъ могъ восторжествовать. Сіамцы, вмѣшивавшіеся въ эти такъ-сказать внутреннія распри, нерѣдко безчинствовали въ чужой странѣ и вызывали неудовольствіе мѣстнаго населенія. Пока длилась преисполненная случайностей борьба, выходцы изъ Кохинхины занимались у Бангкока разными ремеслами и, между прочимъ, съ успѣхомъ помогали туземцамъ во-первыхъ въ войнѣ съ Бирмою, а кромѣ того въ преслѣдованіи малайскихъ разбойниковъ, опустошавшихъ побережья Сіама.

Узнавъ о неудачахъ Гіалонга, португальцы предложили ему свое вооруженное вмѣшательство въ судьбу его народа, съ намѣреніемъ параллельно пустить корни въ заманчивой Камбоджіи, — но, руководясь съ одной стороны осторожностью, съ другой же настойчивыми совѣтами бангкокскаго двора, царственный изгнанникъ отвергнулъ предлагаемое изъ Гоа содѣйствіе . . . . . и затѣмъ всетаки не замедлилъ, тайно отъ сіамцевъ, отплыть на родину, такъ какъ почетный плѣнъ на Менамѣ становился и безцѣльнымъ, и невыносимымъ. Впрочемъ, связи съ Сіамомъ не были порваны окончательно, и впослѣдствіе туда еще въ 1797 г. посылалась изъ Сайгона не подоспѣвшая во-время 10-тысячная армія противъ бирманцевъ. Годомъ позже Бангкокъ помогъ Гіалонгу въ его борьбѣ съ сѣверными сосѣдями, отправивъ войско на нихъ черезъ дружественныя лаосскія области.

Въ XIX столѣтіи Камбоджія, къ великому огорченію сіамцевъ, — почти подпала подъ исключительное главенство Аннама, гдѣ начинали даже лелѣять мысль о распространеніи однороднаго вліянія и на нихъ, прежнихъ соратниковъ и чуть-что не союзниковъ. Когда французы завоевали Кохинхину и взяли подъ свой протекторатъ смежный съ нею на югѣ край, они не вникли въ чисто домашній характеръ распри изъ-за него владыкъ на Менамѣ съ аннамитами и почему-то нашли цѣлесообразнымъ взять на себя исторически болѣе чѣмъ спорныя притязанія послѣднихъ на разные пограничные пункты и даже нѣкоторые богатые округа сіамскаго царства. Право сильнаго, конечно, было за наступающими европейцами, — но еще вопросъ, не требовала-ли политическая прозорливость радикально инаго отношенія къ нынѣшнимъ, хотя-бы и слабымъ соперникамъ. Индо-китайскія колоніи, имѣющія центромъ Сайгонъ, не для того создавались, чтобы враждовать съ пиратами, съ Небесной имперіей и Бангкокомъ, — а главнымъ образомъ дабы пріобрѣсти Франціи престижъ и могущество за моремъ, — особенно въ сферахъ Азіи, гдѣ ея исконный врагъ во всѣхъ частяхъ свѣта — Англія уязвима какъ нельзя болѣе въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ, куда кромѣ нашихъ среднеазіатскихъ областей стратегически лучшій путь ведетъ сквозь Сіамъ на Бирму. Если французское правительство захочетъ играть на дальнемъ Востокѣ подобающую ему роль великой державы, оно можетъ сразу пріобрѣсти выдающееся вліяніе, не давая сіамцамъ задохнуться въ объятьяхъ Альбіона. Но самимъ тѣснить или обижать почти беззащитный народъ положительно не слѣдъ: хотя бы во имя славнаго будущаго индо-французскаго государства, которое не должно тамъ расти на насиліяхъ и крови, какъ это любо нѣкоторымъ другимъ націямъ! Только обаяніемъ разумнаго безкорыстія въ области политики западный человѣкъ можетъ привлечь восточнаго на свою сторону и совершить съ нимъ рука объ руку плодотворно-знаменательныя дѣла. Встань сайгонская центральная власть на эту точку зрѣнія, она получила бы сразу огромнѣйшую популярность среди весьма обширнаго раіона: Сіамъ тогда, очевидно, предпочелъ бы довѣриться рыцарской поддержкѣ французовъ чѣмъ сдѣлаться рано или поздно буферною игрушкой въ рукахъ англичанъ.

Вторникъ, 12 (24) марта.

Сегодня съ утра продолжается зрѣлище загона и ловли въ чертѣ Аюдіи. Ему даже не особенно помѣшала страшная гроза съ ураганомъ и ливнемъ, пронесшаяся послѣ полудня надъ мѣстностью: въ этихъ краяхъ, гдѣ населеніе вѣчно живетъ на свѣжемъ воздухѣ, въ сущности очень мало вниманія обращаютъ на непогоду. Тѣмъ болѣе равнодушна къ ней толпа въ данную минуту, когда король устраиваетъ празднество въ честь Сѣвернаго Гостя.

Прирученіе дикихъ дается далеко не безъ труда. Нѣкоторые легко разрываютъ свои путы. Одна самка хоботомъ освобождаетъ застрявшаго въ нихъ дѣтеныша. Крупнѣйшій изъ самцевъ свирѣпо защищается, захваченный канатомъ встаетъ на дыбы, съ храпомъ колеблетъ затворы, ожесточенно трубитъ и обороняется. Наконецъ его хитростью заманиваютъ къ выходу подъ шлагбаумъ, выдвигаютъ спереди и сзади бревна, — чтобы парализовать ему движенія, — снова пытаются связать гиганта: но онъ упорно сопротивляется, снимаетъ съ пути препятствія, прячется среди роднаго стада, — куда ловчимъ опаснѣе пробраться. Сила четвероногаго страшилища такъ непомѣрна, что людямъ, набрасывающимъ на него петли, иногда грозитъ гибель отъ однихъ его бѣшеныхъ размаховъ на аренѣ. Хитрое животное провидитъ теперь на каждомъ шагу замыслы человѣка. Въ результатѣ послѣдній, само собой, оказывается коварнѣе и, давая убѣжать изъ ограды нѣсколькимъ неинтереснымъ слонамъ, хватаетъ главнаго среди свай, — въ моментъ, когда онъ хотѣлъ незамѣтно пристать къ своимъ, — и сдавливаетъ его толстѣйшими перекладинами: великанъ задыхается въ болѣе чѣмъ тѣсномъ пространствѣ и, парализованный имъ, тщетно напрягаетъ всю мощь, которой негдѣ развернуться: дерево трещитъ, но выдерживаетъ . . . . ушаты воды выливаются на бѣшенаго узника . . . . ему кидаютъ бананы и сахарный тростникъ, — но онъ отворачивается отъ лакомства . . . кто-то изъ загонщиковъ близко подходитъ къ нему съ пикою: она стремительно схвачена и сломана какъ спичка. Съ крайнею осторожностью набрасываютъ на звѣря опытные люди рядъ скрученныхъ ремней изъ буйволовой кожи, искусно обвязываютъ всего его ими точно сѣтью. Въ такомъ видѣ бѣднягу выпускаютъ обратно на арену. Ноги его постепенно притягиваются восемью пятисаженными канатами къ крѣпчайшимъ столбамъ: двигаться межъ нихъ мучительно, на шею накинутъ столь же неразрывный какъ и прочія путы арканъ, веревка отъ нея передается обматываемому ею ручному слону, и вотъ они оба . . . на свободѣ. Неукрощенный гигантъ только сейчасъ созналъ безвыходность своего положенія и невозможность разбить оковы. Добрыхъ четверть часа мечется и борется онъ еще, а затѣмъ ослабѣваетъ. Надо подойдти къ нему, и вести его въ стойло: но кто на это рѣшится? Медленно направляется къ дикарю ручной гигантъ съ вожатымъ и долженъ отступить: связанное животное такъ сильно стукнуло непрошеннаго ментора головою въ лобъ, что тотъ почти валится наземь, всадникъ же летитъ и едва ухватывается за подпругу. Очевидно, приходится имѣть дѣло съ животнымъ, которое нельзя смирить. Въ подобныхъ случаяхъ принято безпощадно оставлять его на привязи, гдѣ оно и погибаетъ обыкновенно отъ изнеможенія и изнуренія. Зачѣмъ?

Параллельно съ суровостью относительно иныхъ тварей, кроткіе въ душѣ сіамцы (если вѣрить разсказамъ туристовъ) любовно принимаютъ порой представителей той же рассы, когда они свѣтлѣе соплеменниковъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, причисленный къ французскому консульству въ Бангкокѣ г. Лоржо (Lorgeau) напечаталъ въ «Mémoires de la Société Académique Indo-Chinoise de France» оригинальную «Пѣсню бѣлому слону», будто-бы исполняемую передъ нимъ въ первый періодъ послѣ его плѣненія: съ цѣлью смягчить и утолить его тоску. Культъ исполинскихъ существъ, безъ различія ихъ цвѣта, навѣянъ браманизмомъ, который въ «шастрахъ» (по-здѣшнему satr) дѣлитъ слоновую породу на 4 совершенно разныхъ вѣтви: одна обязана происхожденіемъ Шивѣ, вторая Вишну, третья Брамѣ, послѣдняя Агни (богу огня). Отъ созданныхъ ими чудесныхъ паръ расплодилось огромнѣйшее потомство, населяющее небесныя сферы и землю. Нѣкоторые слоны въ силу прирожденныхъ имъ свойствъ приносятъ несчастіе, другіе — наоборотъ. «Бѣлые» экземпляры принадлежатъ къ «огневымъ» твореніямъ и обладаніе ими

связано съ высшимъ матеріальнымъ благополучіемъ. Праотцемъ ихъ считается таинственное существо съ трехглавымъ слоновымъ обликомъ, явившееся изъ пламеннаго взора Агни. Происшедшіе отъ него четвероногіе исполины-албиносы призваны принадлежать царямъ, поддерживающимъ ревность къ религіи и милосердіе. Между этими исключительными животными, конечно, есть не мало такихъ, что цвѣтомъ похожи на увядшій лотосъ или изсохшій банановый листъ, точнѣе назвать ихъ окраску блѣднокирпичной, — и то, если столь рѣдкихъ слоновъ хорошо мыть и оттирать.

Порода Шивы обезпечиваетъ за хозяевами экземпляровъ изъ ея числа богатство и положеніе, вишнуитская даруетъ побѣды и плодородіе, созданная Брамою — долголѣтіе и знаніе, «огневая» обезпечиваетъ отъ голодной нужды и споспѣшествуетъ предотвращенію бѣдствій, несправедливостей и войнъ. Благо народовъ требуетъ поэтому вниманія ко всѣмъ четыремъ рассамъ.

Полоненные въ лѣсахъ божественные по качествамъ гиганты нуждаются въ утѣшеніи. Приставленные служить напѣваютъ имъ ласковыя увѣщанія забыть родную глушь и родное стадо: «вѣдь здѣсь въ сладкой неволѣ столько заботы о васъ, столько попеченія!»

Завтра намъ предстоитъ проститься съ лучезарной страной на Менамѣ. Фантастическая панорама вспыхнула и гаснетъ, раньше чѣмъ мы еще успѣли насладиться ею. Съ Сіамомъ разстаешься, какъ съ чѣмъ-то давно близкимъ и дорогимъ.

Вечеромъ король приглашаетъ Гостей на концертъ въ туземномъ вкусѣ. Кто въ Европѣ знаетъ что-нибудь о сіамской музыкѣ? Я встрѣчалъ профессоровъ консерваторіи, которые о ней и не слыхали. Между тѣмъ, почти единогласный отзывъ путешественниковъ похвально характеризуетъ и ее, и мѣстныхъ виртуозовъ, и находящіеся въ ихъ распоряженіи довольно первобытные инструменты, отчасти едва-ли болѣе совершенные чѣмъ тѣ, что существовали при Псалмопѣвцѣ Давидѣ. Оригинальный оркестръ (по сіамски «махори») собрался въ особой палатѣ. Намъ даютъ любопытную программу, гдѣ поименованы исполнители (преимущественно солисты): гг. Синъ, Нуанъ, Феунъ, Сангвалъ, Ой, баронъ де Самъ Ангъ, Іимъ, Луамъ, Плакъ, Іамъ, Фанъ, Сакъ.

Подобно тому какъ на Явѣ нѣжный «гамелангъ» встрѣтилъ однажды Наслѣдника Цесаревича звуками русскаго гимна, и здѣсь Е. И. Высочество привѣтствуется сегодня сладкогласнымъ, по мелодичности выполненія, и стройно льющимся «Боже, Царя Храни!» Мѣстные даровитые музыканты съ дѣтства посвящаютъ себя своему весьма почитаемому въ странѣ искусству и, обладая кромѣ превосходнаго слуха примѣрнымъ прилежаніемъ, до тонкости умѣютъ передавать любую пьесу. Недаромъ, бангкокскій дворъ, покровительствующій роднымъ артистамъ, счелъ своевременнымъ и возможнымъ послать даже въ Англію, шесть лѣтъ тому назадъ, цѣлую группу сіамскихъ виртуозовъ. Инструменты еще ранѣе были выставлены въ Парижѣ при «второй имперіи». Но и тамъ, конечно, никто не имѣлъ случая видѣть столь замѣчательно полную коллекцію ихъ, какъ мы сейчасъ видимъ и могли замѣтить эти послѣдніе дни: во время игръ въ паркѣ у дворца Саранромъ и въ театрѣ.

Первое мѣсто занимаютъ бамбуковые «ранатъ экъ» и «ранатъ тумъ» (трубочки, бережно скрѣпленные другъ съ другомъ и подвѣшенные надъ подобьемъ люльки, по которымъ искусно ударяютъ молоточками). Это, такъ сказать, — рояль сіамцевъ и бирманцевъ, требующій отъ нихъ положительно изумительной техники. Затѣмъ идетъ «khong

yai», состоящій изъ 16 гонговъ, обладающихъ каждый особымъ отзвукомъ, похожимъ на звонъ колокола. Они образуютъ почти замыкающійся кругъ въ видѣ плетенки, куда въ середину садится музыкантъ, легче доставая каждую нужную ему такимъ путемъ помощью своего била, чѣмъ это удавалось бы, будь онѣ вытянуты въ одну линію. Дальше слѣдуетъ «takhay» (т. е. «ящерица»), отчасти напоминающій внѣшностью огромную гитару, но имѣющій тонъ віолончеля. Кузовъ страннаго инструмента, похожій на модель китайскаго судна, украшенъ пастью аллигатора и снабженъ шелковыми струнами. Кромѣ того обращаютъ на себя вниманіе: 1) маленькая сердцевидная скрипка «saw tay» съ необыкновенно длинною ручкою, изящно выложенною инкрустаціями (изъ перламутра, слоновой кости) и со смычкомъ большаго размѣра, 2) флейты различной величины, раковины, трубы, барабаны, гармоника и т. п. Всего не перечесть, да и дать о нихъ наглядное понятіе очень трудно: артисты-исполнители то подражаютъ, дуя въ тростникъ, звукамъ органа, то эоловымъ арфамъ. Что-то нѣжное и грустное, жалобное и безплотное рѣетъ надъ оркестромъ. Ритмъ сіамской музыки будитъ мечты и словно убаюкиваетъ, наполняя однако душу торжественнымъ настроеніемъ. Въ «гамеланѣ» духовно олицетворялось прошедшее и настоящее Явы, въ болѣе сложномъ «махори» сказывается вся таинственная красота и прелесть страны на Менамѣ.

САЙГОНЪ И ЧОЛОНЪ.

Эскадра, въ составѣ 3 фрегатовъ, совершаетъ 12-ти узловой переходъ къ Сайгону. На «Азовѣ» — цѣлый звѣринецъ. Первое мѣсто занимаютъ два маленькихъ слона, служащихъ утѣхой экипажу. Ихъ протяжный ревъ слышится почти безпрерывно, хотя имъ даютъ свободу гулять по палубѣ. Какъ-то они вынесутъ плаваніе! Если бы путь лежалъ къ Европѣ, то можно было бы смѣло утверждать, что животныя туда прибудутъ благополучно. Въ данномъ случаѣ, направляясь на Владивостокъ, трудно быть въ этомъ увѣреннымъ. Положимъ, слоны издавна выживали на дальнихъ и бурныхъ морскихъ переходахъ, а римлянами съ успѣхомъ перевозились для войны даже на туманные и холодные берега Темзы, но вопросъ: выживутъ-ли огромные четвероногіе сосунки. Когда карѳагеняне во множествѣ доставляли боевыхъ гигантовъ на Сицилію и въ Испанію, то и самыя суда приспособлены были конструкціей для этого; на «Азовѣ» же бѣднымъ слоненкамъ неразъ придется не по себѣ. Гораздо лучше чувствуетъ себя любимица матросовъ — молодая пантера. Она ласкается какъ кошка, играетъ со смѣльчаками, спитъ рядомъ съ людьми, съ удивительнымъ постоянствомъ выражаетъ непріязнь только по отношенію къ туземцамъ. Никогда не бросаясь на русскихъ, звѣрь мѣняется и становится опаснымъ при посѣщеніи фрегата инородцами, которыхъ онъ такъ и норовитъ зацѣпить лапою. Черные малакскіе тигры на одной изъ нашихъ канонерокъ гораздо упорнѣе въ своей ненависти къ людямъ и каждую минуту команда должна быть на сторожѣ, проходя мимо рѣшетокъ, за которыми горятъ взоры хищниковъ.

У насъ на бакѣ — цѣлый рядъ птичьихъ клѣтокъ большой величины, гдѣ красуются лучшія породы пестроцвѣтныхъ пернатыхъ съ Мекама. Бѣдныя затворницы недолго вынесутъ морской воздухъ и непривычную пищу. Особенно грустна отличающаяся шутовскою осанкою туземная цапля («птица-дипломатъ», какъ ее прозвали нѣоторые наши остряки): держится она бочкомъ, голова у нея глубокомысленно склонена на сторону, крылья безпомощно повисли, одно даже изогнуто на подобіе руки, небрежно опущенной въ карманъ.

Въ числѣ диковинъ едва-ли не первое мѣсто занимаютъ двѣ бѣлыя обезьяны. Эти довольно красивыя и крупныя животныя весьма цѣнятся сіамцами, почему-то считаясь, наравнѣ съ другими альбиносами, залогомъ благополучія. Недаромъ пословица гласитъ: «если бѣлая обезьяна приблизится только къ твоему жилищу, — жертвуй отъ радостнаго сердца золотомъ, и серебромъ, и бѣлыми тканями, ибо безконечно будетъ твое счастье». Народъ суевѣрно думаетъ, что этотъ родъ тварей не умираетъ, а таинственно исчезаетъ, вслѣдъ богу Хануману.

Весьма разнится отъ нихъ вѣчно сонный въ теченіе дня, крошечный, невзрачный, отчасти напоминающій ползающаго щенка «Nicticebus gracilis» или «Stenops tardigradus» (обезьянка-лѣнивецъ, питающаяся на волѣ птичьими яйцами и мозгами, — здѣсь же медленно умирающая, потому что ее кормятъ только фруктами). Въ случаѣ его потревожишь до темноты, звѣрекъ съ жалобнымъ пискомъ и зловѣщимъ крикомъ мучительно открываетъ мутные стеклянные глаза (словно двѣ желтыхъ пуговицы пришитые къ его острой симпатично-угрюмой мордочкѣ!) и тотчасъ конвульсивно ихъ щуритъ: солнечный свѣтъ его давитъ и слѣпитъ. За то ночью «Антошка-марсовой» (какъ его прозвали матросы) преображается: беззвучно движется и лазаетъ, насколько ему позволяетъ привязь, облегчая свою агонію иллюзіей, что онъ — въ родномъ лѣсу, среди исполиновъ, на которыхъ свиты многія насиженныя гнѣзда.

Маленькіе слоны простираютъ свои странствованія по фрегату до юта. Они совершенно безобидны и даже не шаловливы: не то, что слоненокъ, оставленный въ Коломбо на попеченіе консула Фриша, при его виллѣ «Ялта», въ ожиданіи прибытія одного изъ пароходовъ добровольнаго флота. Вскорѣ послѣ ухода нашихъ судовъ свободолюбивое животное искусно раскрутило ночью крѣпчайшую веревку, наброшенную на него, и стало бѣгать по саду, все ломая и топча, — вдобавокъ, преслѣдуемое и пугаемое большою собакою. Хозяинъ выскочилъ ловить мятежника въ ночномъ дезабилье и туфляхъ, но послѣдній выдавилъ ворота, дважды уронилъ г. Фриша и кинулся прямо въ пригородній джонгль: въ топь и терновникъ. Г. Фришъ, потерявъ обувь, самоотверженно бросился босикомъ въ сопровожденіи слугъ въ безпощадную погоню. Юный слонъ тѣмъ временемъ опять выбрался къ человѣческому жилью, опять началъ проказничать въ стихійныхъ размѣрахъ, съ наслажденіемъ выкупался въ чьемъ-то пруду, откинулъ на нѣсколько шаговъ отдыхавшаго у себя на верандѣ коммерсанта изъ голландцевъ, попортилъ тамъ мебель и затѣмъ выбѣжалъ на приморскую дорогу къ «Mount Lavinia». Нашъ консулъ наконецъ отсталъ и поспѣшилъ домой за лошадью, предупредивъ кромѣ того полицію о приключившейся бѣдѣ. Блюстители порядка съ факелами въ рукахъ настигли и окружили слоненка, улепетнувшаго уже за 3—4 версты. Въ него начали стрѣлять холостыми зарядами, напугали бѣднягу и оцѣпили у дерева, на которое влѣзъ ловецъ-сингалезъ съ петлей, чтобы набросить ее на бѣглеца. Только на зарѣ двѣнадцати полицейскимъ удалось притащить его на канатахъ домой.

Консульство уплатило убытки и вознагражденія разнымъ лицамъ послѣ трагикомическаго инцидента. О поимкѣ животнаго цейлонская печать помѣстила особую рубрику «The Cesarewitch's calf elephant runs amuck»: подъ выраженіемъ «to run amuck», какъ извѣстно, подразумѣвается бѣшеное состояніе иныхъ малайцевъ, когда они хватаются за ножъ и безсмысленно устремляются впередъ, убивая — кого попало — по дорогѣ, причемъ толпѣ разрѣшается въ свою очередь поскорѣе прикончить такого изступленнаго человѣка.

Разъ зашла рѣчь о «Львиномъ островѣ» и «краалѣ», гдѣ попалось въ плѣнъ четвероногое существо, причинившее столько хлопотъ г. Фришу, я на пути изъ Сіама не

могу не замѣтить, что по настоящему нельзя провести никакой параллели между загономъ у Лабугамы и грандіознымъ зрѣлищемъ въ Аюдіи: тамъ — на Цейлонѣ — были моменты ожиданія и томленія, пока немногочисленные слоны входили въ засаду и отступали, пока лѣсная чаща оживлялась окрестъ отъ движенія титановъ и т. п. Здѣсь же мы любовались исключительно картиною открытой борьбы и первенства «царя творенія» надъ стадами гигантскихъ тварей. Въ послѣдней не проявлялось ровно ничего заманчиваго и таинственнаго, ничего неожиданнаго; но за то положительно захватывало духъ видѣть сотни великановъ, оторванныхъ отъ роднаго джонгля, запертыхъ на забаву сіамскому двору, буквально плачущихъ по волѣ.

На Менамѣ не впервые дарятъ иностраннымъ Августѣйшимъ Особамъ слонятъ: король Фра Нараи послалъ въ 80-хъ годахъ XVII вѣка двухъ таковыхъ герцогамъ Бургондскому и Анжуйскому (deux éléphants, qualifiés d'éléphants de poche, хотя вѣсъ каждаго равнялся полдюжинѣ быковъ). Одинаковый подарокъ (изъ молоденькой самки и самца) сдѣланъ былъ, между прочимъ, изъ Сіама и Наполеону III.

Суббота, 16 (28) марта.

Утро. Русская эскадра вошла во французскія воды. Мы въ такъ-называемомъ «заливѣ кокосовыхъ пальмъ», имѣющемъ форму подковы. Сюда проложены подводные кабели на Сингапуръ и на Китай. Чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ тусклаго невзрачнаго побережья у холмистаго и поросшаго лѣсомъ мыса Св. Якова, гдѣ среди горько-соленыхъ болотъ впадаетъ въ море одна изъ оплодотворяющихъ Кохинхину рѣкъ и находятся бѣлый маякъ, телеграфная станція и семафоръ, къ которому приставлены туземцы. Наши моряки говорятъ, что угрюмая мѣстность окрестъ (къ тому же еще изобилующая тиграми) положительно напоминаетъ входъ во Владивостокъ. Двѣ политически тяготѣющія другъ къ другу державы точно сговорились tacito consensu почти одновременно стать твердою ногой на сходныхъ отчасти, по внѣшности, прибрежныхъ пунктахъ Восточной Азіи. Разница однако въ томъ, что здѣсь море вѣчно открыто и близь маяка, постоянно овѣваемаго живительнымъ вѣтромъ, легко устроить на пригоркахъ хорошую лѣчебную станцію. Наконецъ и оборона рѣчнаго устья не требуетъ особенно большихъ затратъ.

Дождавшись прилива и принявъ лоцмановъ, «Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ» направляются въ узкое русло глубокаго извилистаго Доннаи (Dong-naï), куда уже раньше вошли посланные съ бангкокскаго рейда впередъ конвоиры «Манджуръ» и «Кореецъ». «Адмиралъ Нахимовъ» остается на внѣшнемъ рейдѣ. Съ обѣихъ сторонъ вокругъ насъ сдвигаются монотонныя топь и глушь. Среди низкой, но густой растительности изрѣдка угадывается туземное жилье. Съ медленнымъ вздохомъ и плескомъ расходится потревоженная рѣчная волна. Предстоитъ пройдти, излучинами, около ста верстъ до Сайгона. Трудно выбрать базу неприступнѣе главнаго города индо-китайской имперіи. Сингапуръ передъ нимъ ничтоженъ въ военномъ отношеніи.

Кохинхина открыта португальцемъ Андрада въ 1516 г. Столѣтіемъ позже миссіонеръ Carvalho, того же происхожденія, впервые началъ здѣсь распространять христіанство, преимущественно вліяя на пріѣзжавшихъ сюда японскихъ купцевъ и рабочихъ: какъ разъ въ ту пору «страна восходящаго солнца» изгнала католическихъ проповѣдниковъ и жестоко расправлялась съ ихъ послѣдователями. Враждовавшіе другъ съ другомъ европейцы-колонизаторы поочередно пытались завязать сношенія съ цвѣтущими областями,

лежащими между Аннамомъ (собственно «успокоеннымъ югомъ» съ пекинской точки зрѣнія) и жаждавшимъ расширенной сферы вліянія Сіамомъ. Наиболѣе успѣшно воздѣйствовали, однако, на нихъ изъ королевскаго Парижа и, не нагрянь революція, эти связи навѣрно дали бы блестящій результатъ еще въ XVIII в. Событія въ Европѣ только отсрочили неминуемое: Сайгонъ сталъ французскимъ съ 1859 г., когда Наполеонъ III въ союзѣ съ испанскимъ правительствомъ приказалъ учинить нѣчто вродѣ крестоваго похода на языческій Индо-Китай, гдѣ подъ «желтымъ» аннамскимъ знаменемъ «дѣтей небеснаго царя» (какъ себя величали аннамиты) по временамъ очень плохо жилось туземнымъ христіанамъ. Борьба велась далеко не безъ значительныхъ жертвъ: въ виду храбрости и стойкости мѣстныхъ войскъ, оборонявшихся къ тому же позади

ПРІЕМЪ ВЪ САЙГОНѢ.

укрѣпленій, возведенныхъ десятки лѣтъ назадъ приглашенными сюда на службу инженерами-французами. Побѣдивъ сообща съ Испаніей, Франція предложила послѣдней покинуть Кохинхину, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что союзникамъ впереди улыбаются «Слава» и «Тонкинъ». Перваго бѣдные испанцы и такъ уже достигли, а тратиться на дальнѣйшія сложныя экспедиціи они, очевидно, не были въ силахъ.

Въ Парижѣ пока не въ достаточной мѣрѣ сознаютъ, что̀ за пріобрѣтеніе для него представляютъ индо-китайскія земли. Есть даже немало голосовъ, осуждающихъ колоніальную политику правительства. Между тѣмъ, французы могли бы при желаніи, — будь у нихъ прозорливѣе государственные дѣятели, — играть гораздо бо́льшую роль въ Тихомъ океанѣ и вообще въ полуденной Азіи, чѣмъ на долю великаго народа выпадало до сихъ поръ. Уже въ 1682 г. его энергичные сыны указывали на экономическое и стратегическое значеніе Малакскаго пролива, близь нынѣшняго Сингапура, — до котораго англичане додумались лишь въ нашъ вѣкъ, — но никто не взялся осуществить эту блестящую

идею. Вмѣсто того, чтобы праздно возить сіамское посольство 1686 г. по всей Франціи (до Фландріи включительно) и заставлять его любезничать съ придворными дамами, надо было вникнуть въ характеръ возможныхъ и желательныхъ отношеній къ Азіи и войдти въ настоящую дружбу съ тамошними народами. Этого не съумѣли сдѣлать. Полезную «Compagnie des Indes» погубили. Цѣлымъ рядомъ ошибокъ вынудили тогда же народъ на Менамѣ напасть на посланный туда для почетной оккупаціи Бангкока французскій отрядъ. Въ результатѣ, командированный при Наполеонѣ III въ Сіамъ искусный дипломатъ Монтиньи получилъ отъ англичанъ «рекомендательное письмо» къ королю Монгкуту!

Вотъ уже по крайней мѣрѣ три-четыре часа, что мы тихо идемъ изгибами Доннаи. Плаваніе по немъ не безопасно изъ-за мелей, которыя давно пора и технически возможно уничтожить.

Кирпичнаго цвѣта вода озарена металлическимъ блескомъ. Монотонный горизонтъ — безъ границъ или точнѣе безъ очертаній. Нити неисчислимыхъ каналовъ-арыковъ (arroyos) изрѣзываютъ окружающую болотообразную равнину. Въ данную пору царитъ засуха, и растительность имѣетъ крайне печальный видъ. Пальмы и банановыя деревья сравнительно рѣдко красятъ скучный ландшафтъ. Желтосѣрыя хижины виднѣются за тыномъ изъ кустарника. Уродливые темные буйволы по временамъ бредутъ отъ нихъ и съ наслажденіемъ погружаются въ прибрежный илъ. Жаръ такъ и пышетъ: насыщенная испареніями атмосфера, при недостаткѣ въ ней кислорода, точно давитъ непривычнаго человѣка. То прямо впереди, то справа, то слѣва, то сзади (смотря по безпрестаннымъ поворотамъ фрегата) мелькаютъ неуклюжія башни далекаго сайгонскаго собора или мачты и трубы близкаго «Мономаха». Мало-по-малу начинаешь испытывать ощущеніе, какъ-будто мы собственно неподвижны, а онѣ напротивъ непонятно передвигаются вокругъ насъ.

На встрѣчу попадаются незатѣйливыя туземныя лодки, похожія на бочки (такъ-называемые «сампаны», что означаетъ «три доски» и вполнѣ соотвѣтствуетъ примитивному способу ихъ сооруженія). Обоего пола мѣднокрасные гребцы въ широкихъ соломенныхъ и лакированныхъ шляпахъ, — подъ которыми торчитъ умащенный кокосовымъ масломъ шиньонъ, — стоя и не спѣша, работаютъ вродѣ гондольеровъ. Грязнокоричневыя и синія бумажныя блузы (съ застежками) облекаютъ имъ станъ. Безбородые мужчины, уродливыя женщины съ окровавленными отъ бетеля губами и чернымъ ртомъ, мальчуганы съ чубомъ на бритой головѣ апатично смотрятъ со своего пловучаго жилья на титана-броненосца: цѣлыя семьи обитаютъ на сампанахъ, имѣя утварью всего нѣсколько цыновокъ, котелокъ, божка, гамакъ для новорожденнаго и рундучекъ.

Этотъ монголовидный народъ, въ жилахъ котораго — много примѣсей индо-малайской крови, далеко не сразу потерялъ независимость при наступленіи «бѣлаго» человѣка, но боролся, покуда хватало средствъ и силъ. Въ теченіе полугода и болѣе туземцы отстаивали каждую близкую къ морю пядь земли, мужественно переходили въ наступленіе и даже бились въ рукопашныхъ схваткахъ, осязательно доказывая предпочтеніе плохому родному управленію передъ искуснымъ и справедливымъ чужимъ: таковъ инстинктъ людей индивидуализироваться хотя-бы въ лицѣ чего-то массоваго и безформеннаго, но не терять присущаго облика, не выносить духовнаго порабощенія. Одинъ аннамитскій мандаринъ, не будучи въ состояніи оборонить ввѣренныя ему области, пренебрегъ великодушными предложеніями французскаго главнокомандующаго и принялъ ядъ!

. . . . Пятый часъ. Передъ нами яснѣе вырисовываются зданія Сайгона: надъ розовыми крышами, утопающими въ зелени, блѣдною бирюзой отсвѣчиваетъ слегка заволакиваемое облаками небо.

Выкрашенныя въ бѣлый цвѣтъ канонерки гремятъ салютъ. За ними, лѣвѣе, замѣтна декорированная пристань и толпы, наводнившія набережную. Звуки русскаго привѣтственнаго гимна мѣшаются съ марсельезой, льющейся имъ въ отвѣтъ съ нашей стороны. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ парадной формѣ, стоя надъ кормовой рубкой «Азова», отдаетъ при салютѣ съ него честь французскому флагу.

Мы быстро проходимъ мимо собравшихся для пріема пестрыхъ массъ, чтобы повернуть. Фрегатъ прямо упирается носомъ въ мягкій глубоко-отвѣсный берегъ, таранитъ листву и останавливается. Тѣмъ временемъ теченіе овладѣваетъ корпусомъ крейсера и кружитъ его, послѣ чего машина даетъ задній ходъ и снова начинаетъ работать: насъ тихо несетъ къ принаряженному Сайгону, частицѣ дружественнаго государства, уголку

ВЪ КОХИНХИНѢ.

симпатичнаго славянскому сердцу романскаго Запада, рыцарски насаждающаго въ Азіи цивилизацію въ нашемъ духѣ. Говорятъ, что матеріальные результаты республиканскаго режима здѣсь еще слабы, — но дѣло не въ нихъ, а въ способности удержать за собой пріобрѣтенное узами взаимной пріязни и простотой отношенія: повидимому, французы на это мастера. Если такъ, будущее на Востокѣ за ними и за нами. Единственное, что нравственно вредитъ имъ, — вражда съ могущимъ оказать громадныя политическія услуги слабымъ Сіамомъ, — такое легко поправимое зло! Вѣдь съумѣли же колонизаторы Кохинхины поладить съ камбоджійскимъ королемъ Нородомомъ, — вѣдь не рѣжетъ же уха никому, когда бравые роялистически настроенные матросы кричатъ на половину развѣнчанному азіатскому монарху: «vive le roi!» — а воспитанные въ преданіяхъ самодержавной власти камбоджійцы отвѣчаютъ: «vive la république!»? Гораздо лучшій modus vivendi возможно и необходимо придумать съ Бангкокомъ: тамъ бы сохранили независимость, не имѣли споровъ и столкновеній на франко-аннамитской границѣ, видѣли врага лишь въ лицѣ поработителей Бирмы, но не съ сѣверо-запада, гдѣ правящимъ пора отождествлять свои интересы съ истинными нуждами восточныхъ народовъ и русско-китайскаго міра. Только въ этомъ кроется залогъ силы и преуспѣянья.

Въ половинѣ шестаго, послѣ торжественнаго съѣзда на берегъ (при пушечныхъ выстрѣлахъ, музыкѣ и кликахъ экипажей: оглушительный салютъ съ близкихъ къ берегу судовъ на первыхъ порахъ заглушалъ восторженные возгласы «vive la Russie!» «vive le Czarewitch!»), Августѣйшіе путешественники, — встрѣченные на декорированной пристани властями (генералъ-губернаторъ, г. Жюль-Жоржъ Пикэ, бывшій до 1889 года администраторомъ въ Индіи, еще непосредственно передъ съѣздомъ пріѣхалъ представиться на «Азовъ»), — подъ эффектною большою аркою (съ надписью «Сайгонъ Цесаревичу») вступаютъ въ столицу французскаго Индо-Китая. Ландо Великаго Князя запряжено шестью бѣлыми мулами. Въ толпахъ азіатовъ (въ томъ числѣ: индусовъ изъ Пондишери и малайцевъ) на широкихъ тѣнистыхъ бульварахъ, прямыми линіями пересѣкающихъ пространство (гдѣ сравнительно недавно лежалъ неопрятный и вродѣ Бангкока изрѣзанный водяными артеріями туземный городъ) мало видишь европейскихъ лицъ. Число «бѣлыхъ» здѣсь крайне ничтожно, хотя санитарныя условія жизни въ Кохинхинѣ годъ отъ году дѣлаются лучше и лучше. Прежде царила ужасающая смертность: разновидныя лихорадки, гастрическія разстройства подкашивали очень быстро самые выносливые организмы. Между прочимъ, наблюдался странный фактъ, что отъ климата болѣе страдали уроженцы французскихъ колоній въ жаркомъ поясѣ (даже люди съ примѣсью негритянской крови) чѣмъ сѣверяне. Теперь центръ Кохинхины, напротивъ, сталъ, однимъ изъ наиболѣе здоровыхъ. Однако отдаленность ея, въ связи съ нежеланіемъ населенія метрополіи искать счастья за моремъ, до сихъ поръ привлекала сюда довольно незначительное количество колонизаторовъ. Благоустройству своему она пока обязана главнымъ образомъ, — если не всецѣло, — первоначальному хозяйничанью въ ней морскаго начальства. Рядъ адмираловъ (до двадцати) разумно управлялъ ею до передачи края въ руки гражданскихъ чиновниковъ и, несмотря на безпощадныя нападки радикально мыслящихъ публицистовъ, навѣрно принесъ ему не меньше реальной пользы, чѣмъ военный элементъ далъ и даетъ у насъ въ Средней Азіи. Примѣненіе къ здѣшнему и тамошнему коренному строю иныхъ понятій и пріемовъ только можетъ служить во вредъ и престижу опекающихъ, и покореннымъ.

Ихъ Высочествамъ отведены покои въ мѣстномъ европейскомъ дворцѣ. Расположенная близь бульвара Нородомъ довольно обширная и внушительная съ виду генералъ-губернаторская резиденція, обнесена оградой и своимъ паркомъ, прилегаетъ къ общественному парку весьма значительныхъ размѣровъ, — гдѣ, какъ намъ говорятъ, организуется народное гулянье въ честь Дорогаго Гостя. Зданіе — двухъэтажное, украшено куполомъ, стоило 12,000,000 франковъ, должно нравиться инородцамъ хотя-бы изъ-за его внушительной внѣшности и нѣкотораго рода обособленности отъ городскаго движенія. Начальникъ края получаетъ 180,000 франковъ въ годъ (жалованьемъ и на представительство). Жизнь вообще дешева въ Индо-Китаѣ. Французамъ поэтому нетрудно, при относительно скромныхъ издержкахъ на центральную правительственную власть, держать ее на одинаковой высотѣ съ тратящими милліоны туземныхъ денегъ англичанами.

За парадnымъ обѣдомъ у г. Пикэ хоръ музыки съ военнаго судна «Торжествующая» исполняетъ мазурку Глинки, фантазіи изъ «Карменъ» и «Гугенотовъ». Морской элементъ, присутствующій за столомъ, производитъ чарующее впечатлѣніе: вѣдь ими, этими витязями новой Франціи, за послѣднее время создано цѣлое царство на дальнемъ Востокѣ, обслѣдованъ для науки и культуры гигантскій раіонъ, кровью куплено положеніе на границахъ Небесной имперіи! Въ Тихомъ океанѣ, у республики есть такъ-называемая «Division navale de l'Extrême Orient», которою въ данное время командуетъ контръ-

ЯПОНСКІЙ ХРАМЪ.

адмиралъ Besnard. Флагманскимъ судномъ является двухбашенный панцырный крейсеръ «Triomphante», входившій въ составъ славной эскадры покойнаго Курбэ.

Генералъ-губернаторъ провозглашаетъ тостъ за Государя Императора. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчаетъ словами благодарности за радушный пріемъ и подымаетъ бокалъ за французскую націю и ея президента, г. Карно.

Вечеромъ Августѣйшіе путешественники со свитой и прочіе приглашенные направляются изъ столовой полюбоваться великолѣпнымъ фейерверкомъ, заказаннымъ администраціею батавскому пиротехнику Gors. Температура стала немного сноснѣе: въ воздухѣ какъ-будто меньше электричества.

Пышная бѣломраморная лѣстница ведетъ изъ атріума на верхнюю веранду, откуда открывается слабо освѣщенный Сайгонъ. Зажженный передъ нами «праздникъ огня» тѣмъ эффектнѣе выдѣляется на этомъ почти безпредметномъ фонѣ. Европейская колонія рѣшила отъ себя еще устроить факельное шествіе, и оно необыкновенно торжественно проходитъ у дворцоваго крыльца, при восторженныхъ привѣтственныхъ кликахъ участвующаго въ немъ «бѣлаго» населенія.

ЯПОНСКІЙ БУДДА.

Попозже Ихъ Высочества посѣщаютъ маленькій городской театръ, гдѣ недурная труппа, — щедро субсидируемая въ новомъ краю отъ правительства, — пресимпатично исполняетъ оперетку «Giroflé Girofla».

При входѣ Великаго Князя раздается «Боже, Царя храни!» Вокругъ зданія, гдѣ дается «spectacle de gala», иллюминованы бульвары и кофейни, жизнерадостно движется веселая толпа, съ самыхъ выгодныхъ сторонъ ласкаетъ туриста пересаженный въ индокитайскую глушь уголокъ колоніальнаго Парижа.

Воскресенье, 17 (29) марта.

Второй часъ ночи. Мы ѣдемъ обратно, къ дворцу, съ тѣмъ чтобы взглянуть на поставленную по сосѣдству съ нимъ китайскую пьесу. Отъ искрящагося остроуміемъ изящнаго сюжета и нѣжной музыки приходится сразу перенестись въ совершенно иной міръ чего-то антихудожественнаго и какой-то чисто восточной какофоніи.

Театръ, куда мы вошли, не заслуживаетъ такого названія. Это — просто огромный балаганъ съ длинной открытой эстрадой для зрителей и другой — для актеровъ, причемъ въ серединѣ остается довольно большое незанятое пространство. Сцены — въ сущности нѣтъ. На мѣстѣ, гдѣ идетъ представленіе, лишь стѣны задрапированы яркими матеріями, —

играющіе же ходятъ, бѣгаютъ и прыгаютъ среди безпорядочно разставленныхъ столовъ и сидѣній. Всѣ роли исполняются мужчинами. Женоподобные юноши, въ женской одеждѣ, стараются говорить и кричать не иначе какъ тоненькимъ голоскомъ, подражая кромѣ того безпомощно-медленной походкѣ женщинъ съ испорченными ногами.

Въ театрѣ царятъ невообразимые шумъ и гамъ. Оркестръ въ глубинѣ состоитъ изъ тамъ-тамовъ, пискливыхъ скрипокъ и трубъ. Актеры пестро наряжены и до безобразія набѣлены; у мужчинъ привѣшены фальшивыя бороды изрядной величины; искусство игры заключается чуть-ли не единственно въ умѣніи кривляться, кувыркаться, рычать, бѣсноваться, грозно таращить глаза и т. п. Они появляются на сценѣ изъ-за перегородокъ съ занавѣсками и за ними же исчезаютъ по временамъ, преспокойно оставляя ее пустой.

ГРОЗНЫЙ ДУХЪ, ИЗОБРАЖАЕМЫЙ НА ПОРОГѢ ЯПОНСКИХЪ СВЯТИЛИЩЪ.

Способы увеселять публику крайне примитивны. Сперва кто-нибудь изъ играющихъ громко оповѣщаетъ, что̀ будетъ означать грубая мимика и гдѣ происходитъ дѣйствіе. Затѣмъ другіе начинаютъ взлѣзать на баррикады изъ стульевъ, изображая хожденіе по горамъ; шмыганіе вокругъ мебели должно уподобляться передвиженіямъ отдѣльныхъ частей на войнѣ. Любой клоунъ позавидовалъ бы безстрашію китайскихъ актеровъ, съ которымъ они валятся наземь, вспрыгиваютъ другъ другу на брюхо или на голову, колотятся искусственными мечами и т. д.

Презирая ремесло и сословіе лицедѣевъ и гаеровъ, восточный людъ обладаетъ однако необычайною выдержкою и терпѣніемъ въ дѣлѣ посѣщенія такихъ зрѣлищъ и наслажденія ими, охотно просиживаетъ ночи и дни напролетъ въ созерцаніи почти безсодержательныхъ на нашъ взглядъ сюжетовъ, по дѣтски радуется незатѣйливымъ вымысламъ своихъ актеровъ. Востокъ не удивишь никакими длиннотами, никакими трилогіями: онъ бы безъ колебаній принялъ Вагнера какъ нѣчто вполнѣ нормальное.

Въ сайгонскомъ «Jardin de ville» все приготовлено, съ исключительно французскимъ вкусомъ и умѣніемъ, для встрѣчи Великаго Князя и желанныхъ русскихъ гостей.

Для чая и ужина сооруженъ (отъ города и головы) элегантно убранный павильонъ. Среди листвы импровизирована на подмосткахъ, подъ особымъ навѣсомъ цѣлая бальная зала. Мѣстные европейцы-коммерсанты разбили повсюду шатры-рестораны, сколотили лавочки-бары, стрѣльбища и т. п. Паркъ наводненъ праздничной толпой. Ихъ Высочества остаются среди нея до третьяго часа пополуночи и, объѣхавъ въ экипажѣ всѣ аллеи, удаляются наконецъ на отдыхъ.

Сегодня днемъ предстоитъ интересное зрѣлище: смотръ войскамъ на бульварѣ Боннаръ, названномъ такъ въ память одного адмирала-губернатора Кохинхины.

Морская пѣхота съ артиллеріей и стрѣлки-аннамиты, — между коими замѣчается извѣстный процентъ европейцевъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, — стройно проходятъ передъ особой эстрадой, воздвигнутой для Именитыхъ Гостей. Парадъ, которымъ командуетъ начальникъ немногочисленнаго кохинхинскаго отряда — полковникъ Ортюсъ, удается на славу. Черезчуръ пылкіе патріоты колоніи недовольны лишь тѣмъ, что солдаты не произвели торжественной манифестаціи, дефилируя передъ Первенцемъ Державнаго Вождя Россіи. Но въ основу пріема, по заранѣе установленному плану, легли задушевность и сдержанность: заниматься высшей политикой, здѣсь, понятно было бы неумѣстно.

Весьма любопытно видѣть, какъ быстро французы воспользовались кореннымъ жителями въ качествѣ превосходнаго боеваго элемента, — легко поддающагося дисциплинѣ, беззавѣтно храбраго и преданнаго своимъ инструкторамъ, отлично приспособленнаго къ тяжелымъ условіямъ войны въ глуши Индо-Китая и, вдобавокъ, вдвое-втрое дешевле обходящагося чѣмъ содержаніе нижнихъ чиновъ изъ метрополіи. Конечно, странное впечатлѣніе производятъ на первыхъ порахъ низкорослые женоподобные воины, монгольскаго типа, съ шиньонами (обучающіе «бѣлые» одѣты въ обыкновенную военно-морскую форму, инородцы же въ синіе мундиры-блузы съ кушакомъ и бѣлые штаны; верхушка соломенной шляпы обита мѣдью); но въ сущности только такими они могутъ сохранить племенную индивидуальность, столь важную для дальнѣйшей борьбы въ Азіи, гдѣ кровью сипаевъ, гдѣ мужествомъ денаціонализированныхъ наемниковъ-туземцевъ колонизирующія государства спаиваютъ себѣ экономически цѣнныя владѣнія. Подобно тому какъ въ Алжирѣ съ пользой создались кадры изъ арабовъ, — аннамитскіе полки, обученные на западный ладъ, обѣщаютъ дать и уже неразъ дали блестящее доказательство своей пригодности. Безъ сомнѣнія, подъ опытнымъ руководствомъ, они съумѣли бы постоять за честь французскаго знамени и противъ горкинцевъ, и противъ сикховъ (въ случаѣ всегда возможныхъ осложненій на бирманскомъ рубежѣ). Одно обстоятельство этимъ солдатамъ, — стремящимся усвоивать языкъ своего начальства и подольше оставаться въ симпатичномъ имъ строю, — ставится въ упрекъ: они скоро балуются отъ хорошей жизни на службѣ, получая «огромныя для нихъ» деньги (по луидору въ мѣсяцъ!) и, если получаютъ отставку, то неспособны болѣе къ мирному труду, а поступаютъ въ ряды пиратовъ. Послѣдніе, въ лицѣ китайскихъ выходцевъ (такъ-называемыхъ «черныхъ» и «желтыхъ» флаговъ) съ радостью вербуютъ людей, хоть смутно знакомыхъ съ военно-европейскимъ искусствомъ, и затѣмъ, опираясь на недовольныхъ въ числѣ кореннаго населенія, ведутъ безсмысленную и раззорительную для молодой заморской имперіи нескончаемую партизанскую войну: Тонкинъ въ короткій срокъ уже стоилъ побѣдителямъ свыше 700,000,000 франковъ, при чемъ крупная доля ежегодно извлекалась и до сихъ поръ извлекается изъ доходовъ съ Кохинхины, житницы сѣвернаго Индо-Китая. Тѣмъ не менѣе всетаки лучше вооружать и дисциплинировать инородцевъ (даже образуя, пожалуй, отдѣльныя части изъ тагаловъ съ Филиппинскихъ острововъ, изъ бирманцевъ

и японцевъ или зулусовъ, — какъ это совѣтуютъ нѣкоторые), чѣмъ опираться въ значительной степени на пользующійся печальною извѣстностью иностранный легіонъ, куда принимаются самые подозрительные и ненадежные безпаспортные элементы Европы и Америки. Ему, насчитывающему въ своемъ составѣ до $^3/_5$—$^4/_5$ нѣмцевъ, поручаются оборона и усмиреніе границъ! Между тѣмъ Германія съ 1871 г. внимательно всматривающаяся въ положеніе французовъ на тихо-океанскомъ побережьи и мечтающая при новыхъ боевыхъ успѣхахъ принять въ лакомое наслѣдье именно эти владѣнія противниковъ, не

У ЯПОНСКОЙ КУМИРНИ.

можетъ не брать въ разсчетъ, изъ кого комплектуются легіонеры, отъ которыхъ требуется только физическая выносливость и чье темное прошлое сознательно игнорируется нанимающими ихъ властями.

По европейски отстроенный Сайгонъ (на мѣстѣ спаленныхъ самими защищающимися туземцами жилищъ) не представляетъ особыхъ достопримѣчательностей. Характерны только обошедшійся въ милліонъ рублей соборъ, матеріалъ для котораго отчасти привезенъ былъ изъ каменоломенъ около Парижа, и воздвигнутые въ молодомъ городѣ мону-

менты (работы Falguière, Noël) въ память лицъ, составляющихъ національную гордость. Таковы статуи въ честь завоевавшаго край доблестнаго адмирала Rigault de Genouilly и пламеннаго сторонника смѣлой колоніальной политики — Гамбетты, а также въ честь начальника меконгской экспедиціи, сражавшагося противъ насъ въ крымскую кампанію Doudart de Lagrée (воочію изслѣдовавшаго древности хмерскаго періода и проникшаго изъ Индо-Китая въ Юннанъ) и въ честь убитаго въ цвѣтѣ лѣтъ пиратами даровитаго путешественника Francis Garnier.

Сердце радуется, видя какъ здѣсь умѣютъ цѣнить и, при поддержкѣ изъ Парижа, сразу обрекать на безсмертіе выдающихся дѣятелей на поприщѣ научно-политическаго характера, лишь только созданное ими уже успѣло принести плоды. Столь поспѣшное признаніе ихъ заслугъ передъ отечествомъ свидѣтельствуетъ о проницательности и твердости духа тѣхъ лицъ, чьихъ попеченію главнымъ образомъ ввѣрены интересы индокитайской Франціи.

Съ наступленіемъ вечера на прогулку въ окрестности выѣзжаетъ весь Сайгонъ. Отъ шести часовъ, по опоясывающимъ его прекраснымъ дорогамъ вереницею тянутся одноконныя и двуконныя коляски (isidores) съ кучерами-малайцами. Генералъ-губернаторъ приглашаетъ Ихъ Высочества также подышать въ предъобѣденное время свѣжимъ загороднымъ воздухомъ. Часть нашего пути пролегаетъ при этомъ черезъ такъ-называемую «равнину могилъ», гдѣ давно уже туземцами хоронятся какъ въ особо священной землѣ и нерѣдко привозятся издалека ихъ дорогіе усопшіе (культъ предковъ и мертвыхъ вообще очень сильно привитъ въ странѣ). Нѣкоторыя гробницы, — насколько можно судить по бѣглому впечатлѣнію при проѣздѣ, — отличаются архитектурнымъ изяществомъ и похожи на миніатюрныя пагоды. Китайскіе надгробные памятники, разсѣянные среди нихъ, гораздо проще: по очертаніямъ многіе изображаютъ подкову. Аннамиты охотно кладутъ надъ прахомъ своихъ усопшихъ грубо изваянныя фигуры осѣдланныхъ коней: почему? я не могъ добиться.

Наиболѣе замѣчателенъ на этомъ пространствѣ, благоговѣйно отданномъ смерти (чтутся даже плиты, поставленныя надъ ямами, куда магическими способами призванъ обитать духъ инаго умершаго), мѣсто успокоенія просвѣщеннаго Pigneau de Béhaine (XVIII вѣка), самоотверженно посвятившаго себя миссіонерскому служенію въ предѣлахъ Аннама и весьма искусно пытавшагося, — притомъ не безъ успѣха, — сблизить правителей края съ христіанской цивилизаціей и политически связать ихъ съ Парижемъ.

Наши экипажи проѣзжаютъ около мавзолея, воздвигнутаго въ честь этого проповѣдника.

Между личностью и дѣятельностью упомянутаго французскаго іерарха и южноиндійскаго миссіонера Шварца, о которомъ я говорилъ въ главѣ о Танджорѣ, положительно есть что-то общее.

Кончина благочестиваго епископа была цѣлымъ событіемъ въ исторіи Кохинхины. Самъ царь навѣщалъ умирающаго, посылалъ ему лучшихъ туземныхъ врачей, приказалъ убрать его тѣло шелковыми тканями и торжественно вынести на поклоненіе народу (въ теченіе двухъ мѣсяцевъ). Царевичъ Канхъ облекся въ глубочайшій трауръ по своему наставнику, началъ денно и нощно дежурить при гробѣ. Мандарины отовсюду пріѣзжали проститься съ усопшимъ. При похоронахъ, во главѣ шествія оказались водруженными большой крестъ и шесть художественно сдѣланныхъ рѣзныхъ нишъ съ изображеніями Богоматери, Апостоловъ Петра и Павла, съ перечнемъ почетныхъ наименованій покойника и т. п. Носилки подъ золотою парчей подняло восемьдесятъ человѣкъ. По обѣ

стороны процессіи двинулось 120 придворныхъ боевыхъ слоновъ. Вся царская семья провожала преосвященнаго къ могилѣ. Тысячи свѣточей фантастически освѣщали путь. Подъ конецъ Гіалонгъ произнесъ надъ прахомъ глубоко трогательную рѣчь. У памятника нарядили постоянный почетный караулъ. Очевидно, эти азіаты-язычники умѣли и хотѣли быть вѣротерпимыми и благодарными! Достаточно добавить, что на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ для туземныхъ стрѣлковъ въ Сайгонѣ прежде находилась особая пагода, пантеонъ съ именными таблицами въ память полезнѣйшихъ гражданъ: въ числѣ ихъ красовались имена служившихъ здѣсь французовъ.

Прямо противъ параднаго крыльца — къ атріуму, гдѣ устроенъ буфетъ, примыкаетъ величественная бальная зала, могущая вмѣстить по крайней мѣрѣ тысячу человѣкъ. Сегодня тамъ дается блестящій вечеръ. Танцы начинаются въ 10 ч.

КОХИНХИНСКІЕ ТИПЫ

Среди столь знакомаго блеска и оживленія взоръ невольно медлитъ на странной неподвижной инородческой фигурѣ у одной изъ колоннъ: это — въ своемъ родѣ знаменитый бирманскій принцъ (несчастный изгнанникъ и законный претендентъ на престолъ) Myn-goon-min.

Вотъ уже четверть вѣка, что онъ ведетъ самый тревожный образъ жизни: сначала въ качествѣ врага вредныхъ совѣтниковъ своего слабохарактернаго отца-царя, затѣмъ гостемъ и вскорѣ (безъ всякаго повода) плѣнникомъ англичанъ (съ заключеніемъ его въ клѣтку, точно звѣря). Изъ Бенареса онъ бѣжалъ къ французамъ въ Чандернагоръ, съ величайшей опасностью пробрался черезъ Калькутту на пароходъ «Messageries maritimes» и въ Пондишери, пережилъ массу острыхъ впечатлѣній отъ вѣчно надъ нимъ висѣвшаго Дамоклова меча, наконецъ нашелъ пристанище и маленькую матеріальную поддержку въ Индо-Китаѣ. Власти терпятъ князя, при обязательствѣ не заниматься политикой, — но его ждетъ изнывающая Бирма, ему тотчасъ готовы были бы присягнуть тамошніе патріоты (даконты), въ главѣ коихъ стоитъ вооруженное изъ любви къ отчизнѣ буддійское духовенство. Каждый день въ странѣ вспыхиваютъ искры мятежа. Храбрые бирманцы, сдающіеся иногда на честное слово послѣ неравной борьбы, безпощадно и вѣроломно растрѣливаются англійскими должностными лицами. По слухамъ, еще на дняхъ, грозное по единодушію возстаніе загорѣлось въ полубраминскомъ Манипурѣ на бирмано-индійской границѣ (за предательское отношеніе къ туземной княжеской фамиліи).

Насколько положеніе пришельцевъ нравственно шатко въ этомъ раіонѣ доказывается хотя-бы напр. тѣмъ, что они согласились «въ видѣ дружественныхъ подарковъ», но въ сущности какъ традиціонную дань (разъ въ 10 лѣтъ) платить, владѣя Бирмой, отступное богдыхану. Туземный элементъ не можетъ не причинять безпокойства «бѣлымъ» владыкамъ уже по тому равнодушію къ смерти, которое онъ всегда проявлялъ и проявляетъ. Чѣмъ устрашить людей, когда они — приговоренные къ казни — совершенно апатично смотрятъ на разстрѣливаніе товарищей и вдругъ, замѣтивъ случайно, что одному изъ нихъ зарядъ какъ-то неестественно снесъ часть черепа, начинаютъ неудержимо смѣяться и смѣются даже въ моментъ, что имъ самимъ пора стать подъ выстрѣлы?

Одинаковой чисто стихійной рѣшимостью дышутъ малайско-китайскія черты лица у сосредоточенно-молчаливаго принца Мингунмина. Въ оранжевой повязкѣ, съ драгоцѣнными кольцами на рукахъ, въ шелковомъ изящномъ одѣяніи (вродѣ принятаго въ Сіамѣ) онъ «съ иною думой на челѣ» озираетъ бальную залу, лѣниво опахиваясь цвѣтнымъ платкомъ: кто знаетъ, какое будущее предстоитъ этому настрадавшемуся человѣку?

Понедѣльникъ, 18 (30) марта.

Неоффиціальная сайгонская печать, привѣтствуя Высокаго Гостя, заговорила сегодня совершенно особеннымъ языкомъ. Безъ лести, безъ пустыхъ вѣжливыхъ фразъ она съ достоинствомъ подняла вопросъ о значеніи франко-русской дружбы, обязательной и для колонизирующихъ элементовъ Кохинхины съ точки зрѣнія долга и патріотизма, — особенно подчеркивая важный государственный смыслъ обозрѣнія нашимъ Престолонаслѣдникомъ Азіи, гдѣ у величайшей сѣверной державы есть жизненныя задачи не только за такъ-называемой «научной границей» безпокоющаго Англію туркестанско-афганскаго раіона, но и за Гималаями.

A SON ALTESSE IMPÉRIALE LE TZAREWITCH.

MONSEIGNEUR,

Les sentiments qui animent nos frères de la Métropole à l'égard de la Russie se retrouvent dans les cœurs des Français que le devoir et le patriotisme ont conduit en Indo-Chine. Comme eux, nous sommes sensibles à la noblesse des sentiments et à la loyauté du caractère; comme eux, nous avons le culte du souvenir et des services rendus. C'est assez vous dire, Monseigneur, que le fils de Sa Majesté l'Empereur Alexandre sera toujours le bienvenu parmi des Français.

Nous espérons, Monseigneur, que le voyage entrepris par Votre Altesse Impériale ne contribuera pas peu à resserrer les liens d'amitié qu'ont fait naître entre la France et la Russie une estime mutuelle, et des intérêts communs.

S'il appartient à Sa Majesté l'Empereur de Russie de rester en Europe l'arbitre respecté de la paix, il vous appartient à vous, Monseigneur, qui êtes venu visiter les limites extrêmes de votre immense Empire, de seconder l'œuvre de votre auguste père en constatant qu'au delà de *la frontière scientifique* et de *la chaîne de l'Himalaya,* il y a une autre œuvre non moins patriotique et non moins grande à entreprendre pour la Russie.

Dans cette œuvre encore, les sympathies et les intérêts feront, des Russes et des Français, des alliés naturels.

Au nom de tous les Français de l'Indo-Chine, nous prions Votre Altesse Impériale de daigner agréer l'hommage de notre plus profond respect et les souhaits que nous faisons pour la prospérité de la Russie.

Que Dieu prête longue vie et bonheur à Leurs Majestés, l'Empereur et l'Impératrice de Russie.

Vive la Russie! Vive la France!

Третій день среди радушнаго мѣстнаго общества обѣщаетъ быть еще интереснѣе предъидущихъ. Утромъ мы въ экипажахъ ѣдемъ за шесть верстъ, въ сосѣдній городъ Чолонъ, присутствовать при одномъ очень оригинальномъ зрѣлищѣ, какъ туземцы и китайцы носятъ и чествуютъ въ торжественной процессіи морскаго единорога (эмблему мира) и дракона (олицетвореніе верховнаго земнаго владыки).

Драконы, олицетворяющіе небесную премудрость, считаются предками аннамитовъ. Останки колоссальнѣйшихъ диковинныхъ тварей, согласно народнымъ вѣрованіямъ, покоятся въ нѣдрахъ земли: иногда близко къ поверхности. Кто строитъ жилище подлѣ нихъ, можетъ обрѣсти много благополучія: надо однако знать, гдѣ — спина невидимаго сверхъестественнаго существа, гдѣ — лапы, гдѣ — чешуя, опасаясь только очутиться около когтей какого-нибудь легендарнаго прародителя туземной рассы. Въ Индо-Китаѣ есть рѣка, именуемая Красной: названіе получилось будто-бы отъ того, что въ одномъ мѣстѣ, — гдѣ скалы мѣшали теченію, — нѣкій правитель ихъ велѣлъ взорвать, и вдругъ... вода окрасилась кровью скрытаго подъ ними дракона.

Сайгономъ прежде называлась вообще окружающая мѣстность съ туземнымъ центромъ, нынѣ именуемымъ Чолонъ (что значитъ «большой рынокъ»). Первое названіе до сихъ поръ неопредѣленно. Иные расчленяютъ слово на китайское «сай» — дерево и аннамитское «гонъ» — хлопокъ (такъ какъ встарь жители Камбоджіи обсаживали свои укрѣпленія хлопчатникомъ), но это толкованіе болѣе чѣмъ гадательно. До Гіалонга здѣсь просто находилась деревня, хотя въ 1680 г. она временно и пользовалась нѣкоторымъ административнымъ значеніемъ. Въ ту пору край постепенно наводнялся сѣверянами: потомки или точнѣе преемники «хмеровъ» вытѣснялись изъ Кохинхины. Китайскіе военачальники, приверженцы побѣжденной маньчжурами миньской династіи, уходили сюда же съ остаткомъ арміи. Тѣмъ не менѣе до 1789 г. Сайгонъ не былъ стратегически важнымъ пунктомъ. Только тогдашній правитель его поднялъ и возвелъ на степень операціоннаго базиса.

Чолонская дорога, — вдоль пресловутой «равнины могилъ», по которой мы направляемся, — стала военной дорогой для экспедиціи противъ непріятеля съ суши, олицетворявшагося главнымъ образомъ въ лицѣ постоянно надвигавшихся суровыхъ пришельцевъ изъ кореннаго Аннама. Французское правительство улучшило этотъ ближайшій отъ центра путь, расширивъ его и утрамбовавъ камнемъ: замѣчательно, что самый трасъ дороги намѣтилъ, еще въ прошломъ столѣтіи, приглашенный сюда въ качествѣ инструктора инженеръ Оливье.

Чолонъ, — куда мы прибыли, — представляетъ изъ себя относительно благоустроенный городъ, многолюднѣе Сайгона, при нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ населенія. Приведено туть все въ порядокъ, — по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, — попеченіями бывшаго короткое время здѣшнимъ администраторомъ, прославившагося впослѣдствіе въ путешествіяхъ Ф. Гарнье.

Жители — почти исключительно выходцы изъ предѣловъ Небесной имперіи. Они бойко торгуютъ; ежегодно черезъ ихъ руки проходятъ милліоны пудовъ риса; настроеніе горожанъ скорѣе спокойное нежели строптивое, — но извѣстнаго рода національная тенденція въ нихъ всетаки держится и дѣлаетъ не совсѣмъ безопаснымъ положеніе новаго правительства въ краю.

Чего ожидать въ будущемъ отъ этого несклоннаго ни къ какой ассимиляціи желтолицаго элемента съ косами, трудно сказать; но иные факты, понятно, должны наводить на размышленіе. Незадолго передъ посѣщеніемъ нашей эскадры, въ Сайгонъ пришелъ

адмиралъ Тингъ съ четырьмя судами. Китайскіе купцы и рабочіе пришли въ такой восторгъ при видѣ роднаго флага, что чувства недовѣрія невольно проснулись въ сердцѣ зрителей-французовъ, — особенно если припомнить, какъ стойко бѣдняки-поденщики (куліи) въ Гонгонгѣ отказывались отъ погрузки судовъ республики въ теченіе ея недавней войны противъ Китая. Въ рожденныхъ среди условій его культуры разумныхъ существахъ безспорно теплится удивительная любовь ко всему своему, къ своей родинѣ, — хотя бы и матеріалистически понимаемой, — къ своему народу какъ воплощенію патріархально-семейныхъ добродѣтелей.

Августѣйшіе путешественники слѣдятъ съ высоты веранды одного изъ европейскихъ зданій Чолона на приближающуюся съ неистовымъ шумомъ и взрывами петардъ извилистую процессію дракона. Она растянулась на значительномъ разстояніи, состоитъ изъ знаменъ и оружія, изъ музыкальныхъ инструментовъ и огромныхъ манекеновъ, которыхъ съ маленькими принаряженными дѣтьми на престолахъ несутъ участвующіе въ ней. Во главѣ бредутъ старцы въ удивительныхъ узорчатыхъ шапкахъ, совершенно закрывающихъ затылокъ. Дальше идутъ женщины въ красныхъ и зеленыхъ, темно-фіолетовыхъ и черныхъ шелковыхъ платьяхъ. Какіе-то странные люди, одѣтые словно чертями, забавляютъ глазѣющую на пестрое зрѣлище толпу. Согласно толкованію, въ одной изъ искусственныхъ несомыхъ башенокъ (незначительной величины) сидитъ дѣвочка, олицетворяющая сказочную плѣнную змѣю Bach-ха, ставшую на извѣстное время женщиной, на берегахъ полуденнаго моря. Она до того, въ теченіе 500 лѣтъ, стремилась къ совершенству и побѣждала въ себѣ природу чудовища, — перевоплотившись же, вышла замужъ за студента и была счастлива, пока онъ не узналъ, кто его жена, и не умеръ отъ страха. Злополучная вдова умолила небо воскресить ей супруга и вскорѣ родила мальчика, призваннаго достигнуть высшихъ степеней учености. Пока онъ ихъ добивался, духи вручили его матери волшебный напитокъ, отъ котораго вокругъ нея образовалась большая желѣзная клѣтка: тамъ узницу проморили до того дня, что сынъ ея прославился.

Идущее мимо насъ шествіе (съ молодежью, у которой крестъ на крестъ наброшены на грудь жасминовыя гирлянды) должно, какъ говорятъ, дать понятіе объ иныхъ фазисахъ этой легенды; но убѣждаешься въ томъ лишь крайне смутно. Гамъ и трескъ усиливаются. Цѣлая группа людей тащитъ десятисаженнаго уродливо изгибающагося дракона (фантастическую ящерицу изъ цвѣтныхъ матерій, бамбуковыхъ палокъ и бумаги). Пасть отверзта, языкъ и челюсти шевелятся, чешуйчатая спина порывисто волнуется, отвратительная рогатая голова со щупальцами дико качается изъ стороны въ сторону, потому что снизу поддерживаетъ страшилище прыгающій человѣкъ: оно точно собирается ринуться и поглотить врага, въ данную минуту изображаемаго шаромъ (свѣтовымъ дискомъ), которымъ какой-то китаецъ дразнитъ змѣя съ конца палки, забѣгая впередъ.

Цѣлью процессій считается, между прочимъ, умилостивленіе и устраненіе морскихъ и другаго рода чудищъ: подобный весенній обычай существуетъ съ давнихъ поръ, когда послѣднія жестоко нападали на жившихъ рыбачьими промыслами обитателей Кохинхины. Въ ту миѳическую эпоху туземцы надумали строить себѣ суда въ формѣ драконовъ, чтобы обмануть эту нечисть океана, и привыкли снабжать ихъ, — что водится и понынѣ, — нарисованными на носу глазами, сами же начали татуироваться ради приданія своимъ тѣламъ сходства съ подводными дивами.

Покидаешь Чолонъ безъ особеннаго удовлетворенія: характеръ шествія черезчуръ мало поясняетъ нашему воображенію. Въ гости сюда были званы сегодня многіе русскіе

офицеры съ эскадры, прибывшіе изъ Сайгона по рельсовому пути (соединившій оба города трамвай, перевозящій въ годъ до милліона инородцевъ, именуется ими «огненный конь»).

Днемъ (около пяти) приходится смотрѣть, за городомъ, скачки, — конхъ главный интересъ заключается въ бѣгѣ «рысистыхъ» быковъ, помѣси домашняго скота съ пойманными. Она тщательно воспитывается и запряженная въ повозки не уступаетъ по быстротѣ и силѣ туземнымъ пони, — притомъ на какихъ-угодно плохихъ дорогахъ.

Трибуна для Ихъ Высочествъ и для избранной публики красиво декорирована. Сперва состязаются на трехверстномъ разстояніи мѣстныя лошади мелкой, но весьма выносливой породы. Часть изъ нихъ (какъ и забавные «boeufs trotteurs») въ упряжи. Скакуновъ ведутъ пестрые жокеи. Призы назначены городскими обществами, банками, рѣчнымъ пароходствомъ, генералъ-губернаторомъ. Наибольшую рѣзвость выказываютъ два коня (Kim и Dam-gay) изъ пункта Hoc-mon, въ 9 верстахъ отъ столицы.

Прощальный вечеръ обѣщаетъ быть особенно радушнымъ и блестящимъ. Повсюду распространено анонимное печатное воззваніе (въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ) къ «бѣлому» населенію о необходимости въ послѣдній разъ дружно почтить Высокаго Гостя, собравшись передъ дворцемъ въ 10 ч. съ цѣлью сопровождать Его экипажъ до набережной, къ балу на кораблѣ «Луара». «Пусть отъ глубины сердца идущее проявленіе чувствъ», гласитъ циркуляръ: «въ тактичной формѣ засвидѣтельствуетъ Е. И. Высочеству нашу признательность за посѣщеніе Кохинхины, т. е. Франціи».

> Nous nous permettons de faire appel à la population Française de Saigon pour lui demander l'exécution du programme suivant, et cela dans le but de manifester à S. A. I. le Grand Duc Héritier de Russie la reconnaissance que nous éprouvons de l'honneur qu'il veut bien nous faire en visitant la Cochinchine et par suite la France.
>
> Le Grand Duc partira du Gouvernement, à 10 heurs du soir, pour aller au Bal donné à bord de la *Loire* par les Officiers de terre et de mer. Nous serions tous rangés près de sa voiture et nous l'accompagnerions jusqu'à l'appontement de la *Loire.* Cela nous procurerait l'occasion de lui manifester, avec toute la chaleur que nous avons dans nos cœurs, *nos sentiments de profonde et respectueuse reconnaissance et surtout de respectueuse sympathie.*
>
> *Cette manifestation, calme, correcte, comme il convient en pareille circonstance, nous permettra toutefois de démontrer à Son Altesse Impériale ce qu'il y a dans le fond de nos cœurs.*
>
> *Rendez-vous devant le Gouvernement général, à 10 heurs moins en quart.*

Параллельно съ тѣмъ изданъ написанный г. Рикебуръ (Ricquebourg) длинный стихотворный діалогъ между моряками двухъ исполненныхъ другъ къ другу пріязни народовъ. Онъ начинается словами:

> Nous voici tous les deux loin du pays natal.
> En frère, reçois donc mon salut amical, и т. д.

(русское міросозерцаніе въ послѣдующихъ строфахъ, конечно, — какъ и подобаетъ западнику-иностранцу, — обрисовано до невѣроятности неточно; но въ основу положено столько искренней симпатіи и желанія насъ идеализировать, что только читаешь и улыбаешься безобидному искаженію дѣйствительности).

Множество лицъ отозвалось на приглашеніе проводить Наслѣдника Цесаревича. Шествіе тронулось иллюминованными улицами, подъ тріумфальныя арки. Отвѣчая на горячія привѣтствія обступившей Его коляску толпы, Великій Князь привсталъ около собора въ экипажѣ и воскликнулъ: «да здравствуетъ Франція!»

Вторникъ, 19 (31) марта.

Офицеры колоніи превзошли себя вчера въ искусствѣ гостепріимнаго пріема и чествованія. Ошвартованное у берега, — рядомъ съ «Азовомъ» — старое транспортное судно-гигантъ «Loire» убрано было съ рѣдкимъ вкусомъ и, скажу болѣе, великолѣпіемъ. Внутренняя палуба обращена въ обширнѣйшую бальную залу. Танцы затянулись, — въ Августѣйшемъ присутствіи, при участіи Е. И. Высочества, — до пяти утра. Положительно нигдѣ еще не встрѣчалось такого бьющаго ключемъ веселья и непринужденнаго оживленія, такого жизнерадостнаго восторженнаго entrain. Иниціаторомъ его и творцемъ успѣха оказался даровитѣйшій дирижеръ, полуфранцузъ по рожденію, мичманъ — князь Андрей Августиновичъ Голицынъ. Царицами бала явились жена одного капитана (морской пѣхоты) г-жа Bauche (чуть не пострадавшая вчера вечеромъ, ѣдучи на «Loire», изъ-за всбѣсившихся въ ея колескѣ лошадей) и четырнадцатилѣтняя барышня m-lle Revilliod. Долго не забыть сайгонцамъ этого праздника, этой ночи, нашего братскаго обмѣна мыслей и благопожеланій!

Значеніе Кохинхины и административно ей подчиненныхъ краевъ чрезвычайно наглядно выяснилось всѣмъ тѣмъ изъ насъ, кто въ бесѣдахъ интересовался новѣйшими данными объ ихъ экономическомъ и политическомъ строѣ. Лучшіе отзывы приходилось слышать о способностяхъ и покорности аннамитовъ, самыя утѣшительныя свѣдѣнія сообщались о неисчерпаемомъ богатствѣ страны, о предстоящемъ молодой имперіи свѣтломъ будущемъ.

На первомъ планѣ выставлялись ея природные рессурсы. Они равны прославившимъ Египетъ, Месопотамію и Бенгалію. Европейскіе злаки и фруктовыя деревья прививаются на здѣшней почвѣ. Наивысшаго качества рисъ, — экспортомъ коего занимаются пока не французскіе капиталисты, а извѣстнѣйшая нѣмецкая фирма Рикмерсъ изъ Бремена, — маисъ, хлопокъ, индиго, бетель, табакъ, фіолетовый сахарный тростникъ, кофе, чай, всякіе плоды и овощи (особенно дыни), разныя пряности и продукты фармацевтической флоры, драгоцѣнное для прочныхъ подѣлокъ желѣзное и черное дерево, лѣсъ вообще, шелкъ, слоновая кость, буйволовые рога, бычачьи кожи, соль, рыба и т. д. и т. д. на сотни милліоновъ франковъ вывозятся изъ Сайгона. Кохинхинскія произведенія сгруппированы въ парижскихъ и главныхъ провинціальныхъ коммерческихъ музеяхъ Франціи. На кохинхинскихъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ выставкахъ, — починъ которымъ положенъ уже въ 1866 г. — туземцамъ присуждено немало золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей за превосходные экспонаты. «Société d'acclimatation de Paris» присудила высшую награду колоніальному правительству за его труды на этомъ поприщѣ. Они награждены также и Амстердамомъ, и Калькуттой. Могучій толчекъ для развитія данъ. Результаты не замедлятъ сказаться, разъ полноправными хозяевами дѣлаются такіе практическіе люди какъ французы.

Рабочая сила (даже въ самомъ Сайгонѣ) довольно дешева. Изъ туземцевъ выходятъ сносные мастеровые. Постепенно ввозятся машины. Въ случаѣ усилится притокъ смышленныхъ эмигрантовъ изъ Китая и они надумаютъ прочнѣе осѣдать въ краю, —

тѣмъ лучше для послѣдняго. Какой-то остроумный писатель о Дальнемъ Востокѣ выразился, что колонизаторы тамъ имѣютъ всегда именно тѣхъ китайцевъ, какихъ заслуживаютъ имѣть. Если съ ними умѣло обращаться, — не давая имъ напр. сплочиваться въ секретныя общества съ агрессивнымъ характеромъ, — трудно найдти подданныхъ покладистѣе и полезнѣе. Установить modus vivendi тѣмъ необходимѣе и своевременнѣе, что изъ южныхъ провинцій Небесной имперіи зачастую переселяются элементы, склонные возмущать противъ европейскаго владычества аннамитское населеніе. Негласно поддерживаемый ими вождь пограничныхъ (тонкинскихъ) борцевъ за независимость (отважный doc Ngu) на дняхъ выдержалъ, во главѣ незначительной шайки (въ теченіе семи часовъ) сраженіе съ регулярнымъ отрядомъ войскъ республики и отступилъ, — упорно отстаивая каждую пядь земли, унося съ собою раненыхъ и убитыхъ. Такихъ героевъ національной самообороны разбросано по сѣверу колоніи — ничтожное число. Между тѣмъ, устраиваемая на нихъ облава стоитъ безумныхъ денегъ и ни къ чему не приводитъ. Нѣтъ-ли средствъ избѣжать и ея, и напрасныхъ затратъ?

Вмѣсто веденія убыточной и жестокой борьбы съ единично непокорными туземцами, — которые въ отчаяніи иногда способны возбуждаться до утонченно-звѣрскаго состоянiи (при плѣненіи въ лѣсу одного французскаго офицера, ему связанному распороли животъ и осторожно вынули внутренности, затѣмъ несчастнаго обмазали медомъ для приманки муравьевъ и предоставили медленной агоніи) — благоразуміе требуетъ разъ навсегда уничтожить поводъ къ подобному антагонизму. Достигнуть же этого относительно легко, живя въ добромъ согласіи съ китайцами и привлекая ихъ лаской въ свои владѣнія. И такъ уже теперь длиннокосые чолонцы навѣкъ, — а не временно, — пускаютъ корни въ Кохинхинѣ, записываясь французскими гражданами, заводятъ тѣсныя торговыя сношенія съ другими французскими колоніями, необыкновенно быстро свыкаются съ французскими законами, порядками, языкомъ и нравами. При мудрой попыткѣ (по мысли глубоко знающихъ и развитыхъ католическихъ миссіонеровъ) упростить туземную идеографическую грамоту (результатъ подавляющаго вліянія цивилизаціи Китая) введеніемъ въ преподаваніе латинской транскрипціи, — что косвенно служитъ путемъ къ незамѣтному усвоенію подростающимъ поколѣніемъ западной письменности и шутя ему дающейся французской рѣчи, — открывается новая эра въ духовной жизни края. Патріоты-проповѣдники изъ Франціи, — еще въ прошломъ столѣтіи радѣвшіе о возрожденіи Аннама (проложеніемъ хорошихъ дорогъ, поощреніемъ промышленности, изготовленіемъ домашними средствами фитильныхъ ружей, созданіемъ умѣющаго искусно маневрировать обширнаго мелкаго флота, изданіемъ удобопонятныхъ данныхъ о тактикѣ для туземныхъ военачальниковъ и т. п.) — и впредь, надо предполагать, постараются быть на высотѣ призванія не только просвѣщать Истиной, но и всесторонне учить темное коренное населеніе. Всматриваясь въ лѣчебныя средства страны, отцы-монахи открыли ядовитую ліану hoang-nan (strychnos gautheriana), которою можно изцѣлять почти недоступную нашему врачеванію проказу и бѣшенство. Тѣ-же хаотически опасныя качества таятся въ сердцѣ индо-китайца. Если овладѣть ихъ сущностью и обезвредить ея проявленія, въ концѣ концевъ она сдѣлается источникомъ блага. Дай-то Богъ, чтобы подвижникамъ съ Запада удалось поскорѣе смягчить и облагородить христіанскимъ міропониманіемъ воспріимчивую къ добру природу здѣшняго инородца!

Нерѣдко приходится слышать вопросъ, есть-ли вѣроятіе, что Франція удержитъ за собою à la longue столь далекую колонію. Въ данное время получается утвердительный отвѣтъ, ибо внѣшнія условія этому вполнѣ соотвѣтствуютъ.

Базисъ ея обезпеченъ отъ всякаго нападенія извнѣ и случайныхъ возстаній по сосѣдству. Въ Сайгонѣ находится отличный арсеналъ съ пловучимъ докомъ и двумя сухими, изъ коихъ одинъ представляетъ копію съ тулонскаго. Залежи превосходнаго тонкинскаго угля, — способнаго подорвать въ Тихомъ океанѣ сбытъ кардифскаго и нью-кастльскаго, австралійскаго и японскаго, — по отзыву компетентнѣйшихъ инженеровъ необъятны. Опираясь на собственныя сокровищницы съ «чернымъ алмазомъ», французскій Индо-Китай рано или поздно станетъ неуязвимъ, — напротивъ, на очень большемъ раіонѣ представитъ серьезнѣйшую угрозу Англіи. Между тѣмъ, ироніей судьбы успѣшная разработка этихъ угольныхъ минъ совершилась при помощи гонконгскихъ капиталистовъ! Теперь французамъ остается только энергично дѣйствовать для завоеванія себѣ новыхъ рынковъ въ относительно близкомъ, цвѣтущемъ Юннанѣ, что нанесетъ огромный ущербъ проникающей туда окольными путями британской торговлѣ.

САЙГОНЪ СЪ РѢКИ.

Е. И. Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ пригласить сегодня на завтракъ къ себѣ на «Азовъ» представителей мѣстной власти (г. Пикэ и кохинхинскаго губернатора, адмирала Бенара и полковника Артюса). Августѣйшій путешественникъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ просилъ передать свою благодарность жителямъ Сайгона за радушный пріемъ, во время котораго русскіе чувствовали себя въ колоніи точно дома. Начальникъ края поспѣшилъ отвѣтить, что столь милостивый и высоко лестный отзывъ Великаго Князя немедленно будетъ переданъ населенію оффиціальнымъ органомъ. Гости уѣхали съ фрегата въ два часа.

Вслѣдъ затѣмъ Е. И. Высочеству доложили о неожиданномъ прибытіи маленькой туземной депутаціи съ дарами изъ близкой деревни Фукеу округа Тудаумотъ. Тамъ по программѣ предполагалось показать намъ охоту на звѣрей въ чисто аннамитскомъ вкусѣ (здѣшніе крестьяне — очень отважный народъ, дружно выходящій на бой противъ тигровъ съ одними пиками въ рукахъ). Въ смежномъ съ этимъ мѣстечкомъ лѣсу все было роскошно приготовлено для достойной встрѣчи Первенца Бѣлаго Царя. Когда до бѣдныхъ поселянъ дошла вѣсть, что посѣщеніе ихъ дебри отмѣнено за недостаткомъ времени, они очень опечалились и снарядили нѣсколькихъ бонзъ (отъ кумирни Балуа) и старѣйшинъ справить Пришельцу съ Державнаго Сѣвера (волшебной области «чернаго тигра») — только что ознакомившемуся со священною буддистамъ Индіею, — глубокій искренній поклонъ. Инородцы явились въ сопровожденіи управляющаго ими симпатичнаго молодаго чиновника Outrey (administrateur des affaires indigènes) и привезли двухъ живыхъ пантеръ, красный лакированный престолъ (ngai long) небольшихъ размѣровъ, со скульптурными драконовыми эмблемами золотомъ на пóручняхъ и самомъ сидѣніи (подобное почетное сѣдалище обыкновенно предназначается въ аннамскихъ храмахъ звѣзднымъ божествамъ) и невѣроятно уродливаго громаднаго истукана (генія облавы изъ дерева: весь онъ полосатый, — съ изогнутымъ станомъ, — спина и брюхо обтянуты шкурами хищниковъ, одна нога — слоновая, другая — носорога, лапы снабжены различнаго рода когтями, отвратительная раскрашенная харя увѣнчана двумя парами сверхъестественныхъ роговъ, ужасная пасть зіяетъ оскаленными зубами, кромѣ того отъ нея идутъ еще клыки . . . . Чудище, — олицетворяющее собой послѣднее слово безобразія и съумасшедшей фантазіи, — опирается на богатырское копье. Изъ-подъ звѣринаго плаща торчитъ хвостъ съ цвѣткомъ на концѣ.

ПОДНЕСЕННОЕ АННАМИТАМИ СИДѢНІЕ.

По своему любопытны и туземцы, прибывшіе для привѣтствія на фрегатъ. Надъ челомъ нарядныхъ бонзъ, именуемыхъ въ Кохинхинѣ «luc sang» (господа священнослужители) — тіара (му); желтое узорчатое платье — въ отличіе отъ одежды мірянъ — имѣетъ широкія длинныя рукава и не застегнуто. Старики, сопутствующіе типичнымъ духовнымъ (буддизмъ сильнѣе конфуціанства и даосизма въ предѣлахъ французскаго Индо-Китая) съ благоговѣніемъ смотрятъ на вышедшаго принять ихъ привѣтъ Великаго Князя. Депутація принята Имъ на шканцахъ, въ присутствіи офицеровъ и команды.

Согласно древнему завѣтно сохраняемому обычаю инородцы четырежды падаютъ ницъ передъ Е. И. Высочествомъ: сложивъ руки и поднявъ ихъ къ челу, медленно опускаясь на колѣни, степенно вставая, съ достоинствомъ совершая «поклонъ-обрядъ» по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета (такимъ-же способомъ долженъ молиться Небу владыка Аннама).

У пришедшихъ для привѣтствія — столь-же черные зубы какъ у простонародья, видѣннаго нами повсюду послѣ Сингапура. У аннамитовъ это — не отъ бетеля, а отъ особеннаго средства, употребляемаго во-первыхъ красоты-ради («мы не собаки», говорятъ они, — «чтобы имѣть бѣлые зубы»), а кромѣ того съ цѣлью сохранить ихъ отъ порчи, — для чего въ ротъ набираютъ составъ изъ какой-то ѣдкой кислоты съ медомъ

У РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ.

и запихиваютъ пригоршню листьевъ банана, дабы процессу связаннаго съ этимъ умащенія и укрѣпленія челюсти отнюдь не мѣшалъ притокъ свѣжаго воздуха.

Добродушныя лица бонзъ ясно свидѣтельствуютъ о безобидности присущаго имъ міросозерцанія. Въ этихъ людяхъ нѣтъ фанатизма: кровавыя страницы прошедшаго страны отчасти созданы малайскимъ мусульманскимъ элементомъ. Противъ христіанства буддійское жречество само по себѣ не ополчалось. Всякія гоненія проистекали прямо отъ правительства, — изъ вражды къ пришлымъ съ опаснаго Запада подозрительнымъ проповѣдникамъ. И въ Сіамѣ, и здѣсь (подъ страхомъ суровой расправы) служителямъ Будды воспрещено было злословить чужую «заморскую» вѣру и возмущать свою паству.

Ласковыхъ аннамитовъ отпускаютъ съ «Азова», щедро одаривъ деньгами.

Передъ нашимъ отъѣздомъ генеральный секретарь Fourès съ рѣдкой любезностью и вниманіемъ снабжаетъ меня необходимѣйшими справками, книгами и брошюрами о французскихъ владѣніяхъ въ этой полосѣ земнаго шара. Въ грудѣ печатнаго матеріала наибольшую цѣнность представляютъ тщательно изданныя сочиненія археологическаго характера, сообщающія объ артистическихъ и религіозныхъ сторонахъ прежней культурной жизни въ краю, — когда надъ ней царили Шива и Вишну. На сѣверный Индо-Китай, при царяхъ-браманистахъ, неоднократно нападали малайцы и яванцы. Сами тамошніе владыки, — длани коихъ (по образному выраженію лѣтописи) солнцеподобно палили китайское войско, — вѣроятно, были выходцами той-же смѣлой рассы полуденныхъ островитянъ par excellence. Разобраться въ хаосѣ интереснѣйшихъ данныхъ о тогдашней богатой значеніемъ эпохи — благодарная задача недалекаго отъ насъ будущаго.

Четыре часа пополудни. Мы покидаемъ Сайгонъ. Взоры въ послѣдній разъ медлятъ на зданіяхъ миніатюрнаго индо-китайскаго Парижа, гдѣ мы въ короткій срокъ испытали столько гостепріимства и дружественнаго выраженія чувствъ. Густыми толпами сходятся зрители (слѣва отъ насъ) проститься съ изготовившейся къ плаванію эскадрой. Весь городъ собственно всегда лежалъ и теперь лежитъ только на правомъ берегу рѣки: напротивъ, въ царствованіе Гіалонга помѣщался такъ-называемый «Xóm-tàu-ô», кварталъ «черныхъ джонокъ», гдѣ жили наемные китайскіе пираты, охранявшіе Кохинхину съ моря. Въ данную минуту тамъ почти не замѣтно жилья.

Неуклюжія лодки (сампаны) перерѣзаютъ намъ дорогу, чтобы безъ задержки проскользнуть къ набережной. Крохотныя женскія руки въ браслетахъ изъ плохаго янтаря или каменнаго угля ретиво налегаютъ на весло. Подъ синими хлопчатобумажными повязками и плоско-коническими шляпами изъ рисовой соломы рѣзко вырисовываются приплюснутыя тусклоглазыя лица темно-коричневыхъ мужчинъ съ красными и опухшими отъ жвачки губами, въ длинныхъ коленкоровыхъ рубахахъ съ косымъ воротомъ. Особенно поражаетъ въ этихъ людяхъ ихъ страсть имѣть при себѣ зонтики: еще недавно таковые считались здѣсь аттрибутомъ и привиллегіей власти, нынѣ-же всякій въ правѣ пользоваться ими невозбранно, что весьма тѣшитъ простодушный народъ. Онъ вообще отличается (какъ большинство нетронутыхъ западною цивилизаціей азіатовъ) дѣтской наивностью и прелестью міровоззрѣнія. При мощныхъ звукахъ русскаго гимна «Азовъ» идетъ мимо провожающей его имъ «Triomphante». На гротъ-мачтѣ нашего крейсера взвивается французскій флагъ. Съ палубы отъ насъ гремитъ въ отвѣтъ бурная марсельеза. Прости, Сайгонъ!

. . . . Путешествіе вступаетъ въ новый чрезвычайно любопытный фазисъ. Меньше чѣмъ черезъ недѣлю передъ нами откроется Китай. До сихъ поръ приходилось созерцать относительно чужую сторону, отвлеченно судить о сравнительно извѣстныхъ въ политическомъ отношеніи величинахъ, дѣлать выводы о предметахъ, лишь косвенно затрогивающихъ насущнѣйшіе интересы нашего государства . . . Съ приближеніемъ къ раіону самой Небесной Имперіи точка зрѣнія радикально мѣняется. При посѣщеніи Греціи душа отдыхала преимущественно надъ божественною красотою останковъ античнаго искусства. Въ дни чествованій «русскаго имени и русской хоругви» на Нилѣ громко и побѣдно сказывался протестъ греческаго, коптскаго и арабско-феллахскаго Востока (а также и французскихъ славныхъ традицій) противъ грубаго англо-саксонскаго эгоизма и стремленія господствовать надъ слабѣйшими элементами. Индія вставала чарующими картинами внутренней гармоніи частей, уцѣлѣвшей пока несмотря на крайне тяжелыя условія существованія. Духовное сродство съ нами, извѣстнаго рода общность нашихъ историческихъ судебъ, несомнѣнное пробужденіе и свѣтлое будущее, — котораго можно ждать отъ несчастной самобытно культурной страны, — все это привлекало и наводило на раздумье. Ознакомленіе съ малайскимъ и сіамскимъ міромъ въ свою очередь обогатило насъ неожиданно яркими впечатлѣніями и понятіями о жизненной силѣ тѣхъ краевъ, — но куда важнѣе и оригинальнѣе въ смыслѣ поучительности должна являться каждая малѣйшая подробность китайскаго Ding an sich, тѣсно связанная съ вопросами предстоящаго Россіи величія и благополучія въ предѣлахъ необъятной Азіи. Съ попадавшимися ранѣе на пути колоніями и царствами мы, по правдѣ сказать, мало чѣмъ скрѣплены и естественнымъ образомъ не можемъ ими черезчуръ интересоваться. Одна лишь индійская имперія въ совокупности возбуждаетъ, помимо своего поэтическаго ореола, особенное вниманіе изъ-за необходимости повсюду считаться на пространствѣ земнаго шара съ безпокойнымъ и подозрительнымъ британскимъ львомъ. Въ Англіи укоренилось ни на чемъ не основанное убѣжденіе, будто русскихъ сознательно притягиваютъ Индъ и Гангъ, будто казачки убаюкиваютъ дѣтей пѣвучими сказками объ Агрѣ и Декканѣ. То, что въ насъ вызываетъ улыбку, представляется реальною угрозой Альбіону и отчасти служитъ въ нашу пользу: конечно, намъ не нужна симпатичная пестротканная Индія съ ея конгломератомъ племенъ и вѣрованій, — но намъ въ помощь возникла идея-миѳъ о вѣчно возможномъ наступленіи за Гиндукушъ неотразимаго Сѣвера. Какъ искусно и прозорливо ни пытаются доказывать дипломаты и стратеги изъ-за Ламанша, насколько подобное движеніе неосуществимо, — исторія гласитъ противное, «бѣлый» пришлый элементъ самъ убѣжденъ въ неминуемости такого похода, въ концѣ концевъ на ту-же тэму любитъ ткать узорчатую повѣсть тысячеустая базарная молва. Тѣмъ хуже для имѣющихъ причину опасаться!

Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ китайцамъ. Этотъ великій по труду и терпѣнію народъ, — создавшій государственно мудраго Конфуція и пересозданный послѣднимъ, давшій въ области глубокихъ умозрѣній мыслителя вродѣ Лао-цзы, доведшій до высшей степени высоты и простоты культъ монарха и культъ безсмертія достойныхъ передъ отечествомъ предковъ, — нашъ лучшій по уживчивости и удобнѣйшій по консервативнымъ качествамъ сосѣдъ. Первобытный характеръ сношеній съ нимъ и взглядовъ на него до того очевиденъ, что мы, заставляющіе себя болѣе или менѣе опредѣленно говорить о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или инымъ державамъ, въ сущности теряемся, когда рѣчь заходитъ о Китаѣ. Повидимому непроницаемое четырехсотмилліонное цѣлое заразъ кажется намъ живой угрозою будущаго и въ тоже время какою-то безусловною quantité negligeable. Каждый русскій апріорно согласенъ съ мнѣніемъ Пржеваль-

скаго, что достаточно горсти нашего войска для покоренія всей имперіи богдыхана, но параллельно страшитъ самая мысль глубже врѣзаться въ тину жизненнаго строя желтой рассы, гдѣ сравнительную молодость и энергію, идеалы и творчество Россіи, быть можетъ, ждетъ медленная смерть. Еще зловѣщее однако представляется гипотеза скораго хотя-бы и внѣшняго господства западныхъ началъ надъ доисторическимъ по складу Китаемъ. Одинъ фактъ признанія имъ права за иноземцами («заморскими чертями») проникать къ сердцу страны, хозяйничать (при лучшихъ намѣреніяхъ!) во внутреннихъ непомѣрно богатыхъ областяхъ ея, будить и подымать на безпощаднѣйшую struggle for life (по наиновѣй-

ВЪ КИТАЙСКОМЪ СУДИЛИЩѢ.

шимъ научнымъ даннымъ) столь долго каменѣвшія среди естественныхъ сокровищъ своей родины несмѣтныя общинныя единицы гигантскаго спящаго государства, — одинъ только этотъ фактъ долженъ быть чреватѣе послѣдствіями чѣмъ десятикратный добродушный погромъ китайцевъ нашимъ оружіемъ, чѣмъ даже небрежное управленіе ими съ нашей стороны. Если европейцы (я особенно имѣю въ виду англичанъ) твердо установятъ свою власть надъ политически дряхлымъ, экономически юнымъ царствомъ богдыхановъ, — они легко способны пересоздать его во «вторую» гораздо болѣе пригодную къ эксплуатаціи неистощимую по рессурсамъ Индію. Желтолицему туземцу, по характеру презирающему узы земной жизни, нѣтъ причинъ не сдѣлаться такимъ же полезнымъ для колонизаторовъ

солдатомъ, слѣпымъ исполнителемъ ихъ холодной воли, какимъ служатъ самоотверженные и преданные полковому знамени сипаи. То, чѣмъ на бѣду соотечественникамъ въ южной Азіи сталъ послушный военнымъ инструкторамъ «black man», — не менѣе скоро будетъ и «yellow man». Наша главная задача на «желтомъ» Востокѣ преимущественно должна заключаться въ огражденіи себя отъ подобныхъ случайностей, дабы не лить потомъ напрасно драгоцѣнной русской крови и не тратить огромныхъ денегъ въ борьбѣ съ надвинувшимися напастями, которыя всегда нужно предвидѣть и предотвращать.

ДОНСКОЙ ЛАМА.

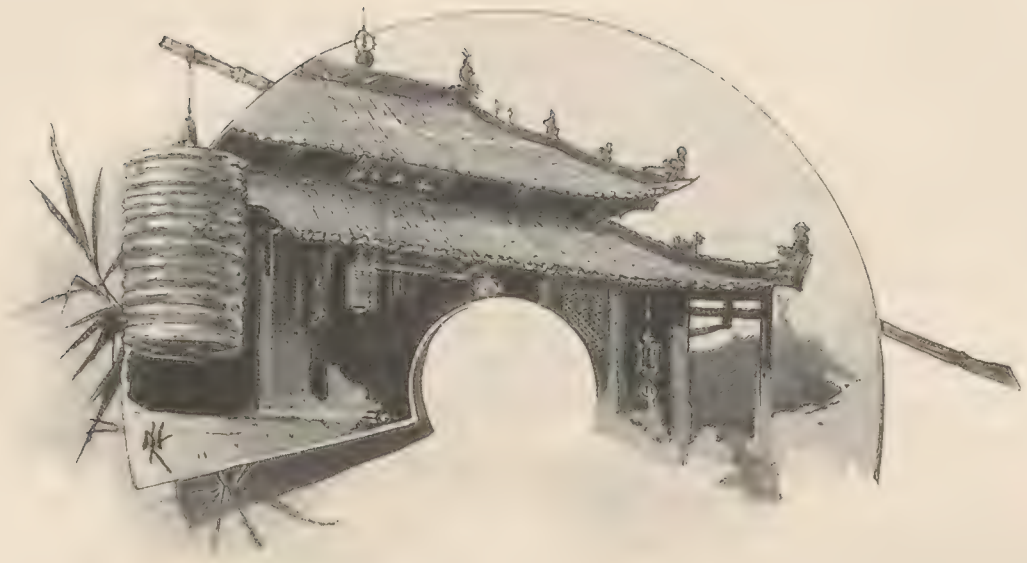
Для того чтобы сознательнѣе дѣйствовать въ восточно-азіатскихъ предѣлахъ, слѣдуетъ уяснить себѣ наше историческое и, смѣло скажу, «предвѣчное» положеніе на граняхъ противуположнѣйшихъ культуръ. Западъ насъ умственно дисциплинируетъ, но въ общемъ лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все подъ нею и въ нѣдрахъ народнаго быта проникнуто и дышетъ глубоко восточными умозрѣніями и вѣрованіями, овѣяно жаждою высшихъ формъ бытія и широкими человѣчными стремленіями совершенно инаго вида чѣмъ въ корнѣ убиваемое матеріализмомъ міросозерцаніе современныхъ европейцевъ средняго уровня. Азія безчисленное число разъ затопляла Русь своими ордами, крушила своимъ натискомъ, претворяла въ нѣчто однородное съ Персіей и Туркестаномъ, съ Индіей и Китаемъ. Мы до сихъ поръ не имѣемъ, да и не можемъ найдти за Каспіемъ, Алтаемъ и Байкаломъ ясно очерченнаго рубежа, естественно точной демаркаціонной линіи, за которой бы кончалось собственно «наше». Оттѣнки перехода, особенно отъ русскихъ владѣній къ китайскимъ, столь неуловимы, что и выразить нельзя. У насъ напр. въ центральныхъ областяхъ (среди Войска Донскаго и Уральскаго) есть казаки-буддисты, единоплеменные давнимъ кочевымъ данникамъ Пекина. На рѣкѣ Манычѣ встрѣчаешь ламъ въ одинаковомъ облаченіи съ принятымъ на крутизнахъ Тибета. Сѣверно-буддійскія духовныя лица свободно переѣзжаютъ отъ Калькутты до Сибири и даже до столицы. Грандіозная панорама, представляемая природою нашихъ старинныхъ восточныхъ окраинъ, совершенно соотвѣтствуетъ той, среди коей складывались характеры недостаточно истолкованнаго историками «*забайкальца*» Чингисъ-хана, выдающихся созерцателей и аскетовъ монгольской крови, но съ чисто индійскимъ міровоззрѣніемъ, наконецъ также олицетворявшихъ собою «русско-инородческую удаль и мощь» казаковъ-завоевателей Востока. Кто видѣлъ и знаетъ тамошнюю угрюмо-величественную пустыню, сторожащую нѣдра земли съ непочатыми безмѣрными богатствами, — долженъ понять съ одного взгляда, какимъ образомъ духъ человѣческій тутъ вѣчно искалъ или крайняго самоуглубленія, или богатырскаго порыва развернуться въ ширь, сдвинуть съ пути непреодолимѣйшія преграды, успокоиться лишь при достиженіи невозможнаго, удовлетвориться лишь при осуществленіи неисполнимаго . . . Въ насъ воплощенъ и боевой и мирный отпоръ христіанскаго Запада хаотическимъ азіатскимъ

НА РОДИНѢ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

мірамъ съ несомнѣннымъ культурнымъ прошлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одряхленіемъ отъ недостатка внутренней творческой работы, обусловить которую можетъ исключительно «дѣятельная» вѣра. На примѣрѣ Россіи восточные народы научатся понимать и цѣнить такую «вѣру», дающую сердцамъ умиротвореніе (не меньшее чѣмъ даетъ усыпляющій мятежную волю буддизмъ) и жизнерадостный возрождающій человѣка разсвѣтъ, — чего нѣтъ или, точнѣе, что слишкомъ затаенно въ скорбномъ культѣ-царевича-мудреца», въ узкомъ раціонализмѣ Конфуція, въ сухомъ отраженіи монотеистическихъ истинъ ислама. Вотъ разгадка нашего по масштабу единственнаго въ исторіи успѣха покорять себѣ царство за царствомъ не только открытой враждой и военною доблестью, но и тайными силами пріязненныхъ чувствъ, неискоренимой потребностью находить въ каждомъ разумномъ существѣ любой религіи, любой рассы равноправнаго передъ Богомъ и Царемъ «меньшаго товарища и брата».

РУССКІЙ ПРИКАЩИКЪ СРЕДИ МОНГОЛОВЪ-РАБОЧИХЪ.

Переходная ступень между нами и китайцами — монголы убѣжденно и безповоротно усвоили этотъ взглядъ на Россію и ея Верховнаго Вождя, являющагося для нихъ воплощеніемъ милосердой Цаганъ-Дара-эхэ (одной изъ лучезарныхъ манифестацій самого Будды). Тибетцы, поддерживающіе весьма тѣсную связь съ нашими бурятами, мало по малу глубоко проникаются тождественными мыслями. Остальные подданные богдыхана — инертная масса, дорожащая прежде всего своимъ спокойствіемъ, своими зарытыми отъ хищничества сбереженіями, своимъ полемъ и огородомъ, подъ которыми истлѣли кости отцевъ и дѣдовъ. Ей нужны правители, собою утверждающіе и оправдывающіе законъ, — ей желателенъ такой порядокъ вещей, гдѣ бы ремесленникъ и пахарь мирно предавались традиціоннымъ занятіямъ, не терпя отъ тягостей ратнаго строя. Можетъ-ли искусственное пробужденіе Небесной имперіи, ввергая ее въ страшнѣйшій водоворотъ міровыхъ событій, даровать ея сынамъ подобные идиллическіе идеалы? Не внесетъ-ли разнуздывающая людей западная культура холодъ жестокаго разлада и муки въ душу автохтона-китайца, благополучно не знавшаго въ теченіе тысячелѣтій, каковъ такъ-называемый матеріальный прогрессъ?



ГОНКОНГЪ И КАНТОНЪ.

Суббота, 23 марта (4 апрѣля).

Отъ Сайгона пройдено приблизительно 900 миль (эта цифра пріобрѣтаетъ болѣе краснорѣчиваго значенія, когда знаешь, что отсюда до Бангкока — 1454, до Владивостока же — 1670: какъ мы въ сущности близки къ дому!). Атмосфера значительно посвѣжѣла. Тропическое одѣяніе уже кажется подчасъ совсѣмъ некстати. Сѣверный воздухъ заразъ вызываетъ легкій ознобъ и осязательно живитъ послѣ чрезмѣрно долгаго пребыванія въ знойной зонѣ, при утомительныхъ условіяхъ не имѣтъ отдыха днемъ, столь необходимаго европейцамъ въ тамошнемъ климатѣ.

Въ виду пасмурнаго утра приближеніе къ острову Гонконгу эстетически не представляетъ интереса. Скалистые желтовато-сѣрые берега довольно узкаго канала, которымъ мы подходимъ, пустынно-унылы. Самаго города (Викторіи) еще не видно, но уже вдали курится дымъ отъ заводовъ. Окружающихъ ее горъ (съ главнымъ пикомъ, гдѣ вѣетъ британскій флагъ и откуда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣщается о каждомъ пароходѣ, показывающемся на горизонтѣ) пока не различить за туманомъ. Окрестная панорама при тусклости освѣщенія прекрасно гармонируетъ съ тѣмъ, что извѣстно о данной мѣстности какъ стародавнемъ убѣжищѣ всякой вольницы.

Южно-китайскія воды исконно пользовались дурною славой изъ-за разбойничьихъ флотилій. Въ прежнее время звѣрскія нападенія бывали постоянно. Европейцамъ стоило большаго труда побороть хотя отчасти это зло. Около Гонконга однако море до сихъ поръ не безопасно отъ пиратовъ. Нерѣдки случаи, когда они садятся на пароходы въ качествѣ простыхъ пассажировъ и въ дорогѣ внезапно нападаютъ: преимущественно на «бѣлый» элементъ. Нѣтъ трехъ мѣсяцевъ, что разбойники такимъ образомъ ограбили, убивъ капитана и еще нѣсколько человѣкъ, англійское судно «Намоа», — а затѣмъ обмѣнялись сигналами съ какими-то крейсировавшими у мѣста преступленія джонками, перегрузили на нихъ добычу и скрылись.

. . . Вотъ и городъ яснѣе ростетъ вдали. Громъ отъ салютовъ колеблетъ утренній воздухъ. На встрѣчу быстро идетъ и привѣтствуетъ нашу эскадру японская канонерская лодка весьма внушительныхъ размѣровъ. Суда на рейдѣ разцвѣтились флагами. Кромѣ представителей англійской военно-морской силы видны французскіе, германскіе, китайскіе. Если къ этому прибавить пять нашихъ вымпеловъ, то Гонконгъ можетъ показаться на первый взглядъ совсѣмъ военнымъ портомъ.

На «Азовъ» являются три лица, назначенныя сопровождать Наслѣдника Цесаревича въ предѣлахъ Китая: генеральнаго штаба полковникъ Дмитрій Васильевичъ Путята (нашъ военный агентъ, превосходно освѣдомленный относительно мнимо-босваго могущества

ЗНАМЕНИТЫЙ ЛИ-ХУН-ЧЖАНЪ.

Небесной имперіи: онъ — туркестанецъ по службѣ, ergo прошелъ великолѣпную школу, знаетъ и понимаетъ Азію, живя обыкновенно въ Тянь-цзинѣ, — гдѣ сосредоточено управленіе краемъ на прогрессивныхъ началахъ подъ руководствомъ Ли-хун-чжана, — при всякой возможности разъѣзжаетъ по странѣ), кромѣ того въ качествѣ драгомановъ молодые синологи Александръ Степановичъ Ваховичъ и Дмитрій Дмитріевичъ Покотиловъ, состоящіе при Императорской миссіи въ Пекинѣ.

Созданіе энергіи западнаго человѣка на моряхъ дальняго Востока — Гонконгъ представляетъ собою сочетаніе роскоши на берегу съ необычайнымъ оживленіемъ на рейдѣ. На протяженіи семи верстъ тянется линія величественныхъ гранитныхъ палатъ и складовъ: надъ ними виднѣются въ густой зелени изрѣзанныхъ дорогами нагорныхъ склоновъ живописно расположенныя комфортабельныя виллы, — а собственно въ чертѣ самого

города, среди амфитеатра поднимающихся вверхъ улицъ, кипитъ разнообразнѣйшее движеніе. За банками и лавками европейскаго характера начинается туземный кварталъ, гдѣ ютится длиннокосый людъ, отовсюду стекающійся сюда за наживой. Десятки броненосцевъ и громадныхъ пароходовъ, сотни паровыхъ катеровъ и тысячи лодокъ, населенныхъ китайскою бѣднотой, покрываютъ водное пространство гавани. Противъ острова, на вдающемся въ нее каменистымъ мысомъ материкѣ лежитъ (на разстояніи не болѣе полуверсты) предмѣстье Kowloon или Kaulung («9 драконовъ»), — тоже съ доками, тоже съ безчисленными домами. Достаточно сказать, что ежегодный торговый оборотъ достигаетъ 450,000,000 рублей: доходы геніально задуманной колоніи ростутъ не по днямъ, а по часамъ.

Полъ вѣка назадъ скалистый Гонконгъ мало посѣщался европейскими судами и насчитывалъ лишь двѣ-три деревушки съ рыбаками и работниками въ каменоломняхъ. Число жителей его съ 1841 г. возросло отъ пяти тысячъ до двухсотъ двадцати слишкомъ. Подавляющее большинство состоитъ изъ китайцевъ, которые сначала устремлялись сюда исключительно съ цѣлями избѣжанія кары отъ своего правительства за содѣянныя преступленія или ради новаго разбойничьяго замысла. Европейцы тогда спали въ городѣ не иначе какъ вооруженные, товары поцѣннѣе и деньги къ ночи переправлялись для бо́льшей сохранности на суда подъ охрану военныхъ командъ: даже туземцы боялись привозить съ собою на островъ женщинъ и дѣтей . . . Но чего не видоизмѣнятъ время, сноровка и привычка?

китайскій простолюдинъ.

Съ пробужденіемъ Небесной имперіи тѣсное общеніе ея съ иностранными государствами стало необходимостью. Немудрено, что энергичная промышленная Англія первая присосалась къ Китаю для его многосторонней эксплоатаціи. Ей помогли также ея относительно давнія связи съ главными коммерческими народами Востока. Въ числѣ именитыхъ гражданъ колоніи встрѣчаются крёзы изъ багдадскихъ евреевъ, изъ калькутскихъ армянъ, изъ парсійской общины Бомбея.

Хотя Гонконгъ и открытъ дѣятельности торговыхъ фирмъ цѣлаго свѣта, но экономически господствуютъ въ немъ en grand лишь его хитроумные властолюбивые основатели. Если не считать китайскаго судоходства, то подъ однимъ британскимъ флагомъ сюда ежегодно ввозится и вывозится вчетверо больше чѣмъ подъ флагами всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ (т. е. около 8,000,000 тонъ «своихъ» противъ 2,000,000 чужихъ: на суммы въ сотни милліоновъ).

Въ виду того, что оживленіе на этихъ моряхъ теперь еще довольно ничтожно, сравнительно съ тѣмъ, что должно быть и что скоро разовьется, — удивительно, почему колоніальныя власти французскаго Индо-Китая не позаботятся извлечь побольше выгодъ отъ необъятнаго спроса на уголь, — спроса, который все будетъ расти и расти. Въ Оксфордѣ подвергнутъ былъ обстоятельному изслѣдованію вопросъ о преимуществѣ тонкинскаго «чернаго алмаза» надъ японскимъ и установлено почти полное тождество качествъ перваго съ кардифскимъ. Отъ одного умѣнія французовъ зависитъ завоевать своему топливу рынокъ между Коломбо и Шанхаемъ. Кто захватитъ и поставитъ отъ себя въ зависимость угольными запасами этотъ политически необыкновенно важный раіонъ, — de facto получитъ первенствующее значеніе въ юго-западныхъ предѣлахъ Великаго океана. Почему-бы Франціи къ этому не стремиться?

Англичане сильно озабочены вопросомъ обороны Гонконга (своего восточнаго Гибралтара), гдѣ одинъ гарнизонъ состоитъ изъ 3—4000 человѣкъ. На нее израсходовано за послѣднія нѣсколько лѣтъ около четырехъ милліоновъ рублей, — что въ сущности не особенно много, если принять въ разсчетъ, сколько торговаго и политическаго значенія имѣетъ центръ, прилѣпившійся къ важнѣйшимъ областямъ южнаго Китая. Главная надежда отстояться здѣсь въ случаѣ войны справедливо возлагается на могучую эскадру. Британскія военныя суда во всякое время могутъ разсчитывать на спеціально для нихъ созданный гонконгскій «Naval yard» (съ образцевой верфью и арсеналомъ). Входъ въ гавань считается неприступнымъ, но съ юга ей до сихъ поръ весьма опасенъ непріятельскій дессантъ. Еще грознѣе представляется властямъ мысль о массовомъ возстаніи или нападеніи китайцевъ: захоти они только, и населяющій Викторію «бѣлый» элементъ легко можно было-бы отравить или уморить голодомъ. Вѣроятно, такъ рано или поздно и случится. Попытки принадлежатъ къ области чего-то весьма реальнаго. Близость Небесной имперіи дала много выгодъ англичанамъ, однако способна стать и роковою. Китайцы Гонконга — народъ далеко неподатливый желаніямъ колоніальнаго начальства. Въ составъ туземнаго элемента въ значительной степени входятъ бродяги и преступники, нашедшіе для себя удобнымъ временно укрыться отъ преслѣдованія, на родной почвѣ, подъ сѣнь либеральнаго чужаго законодательства. Когда угрожаетъ опасность быть всетаки розысканнымъ и выданнымъ, иной изъ нихъ немедленно совершаетъ какой-нибудь легкій проступокъ и попадаетъ здѣсь на короткій срокъ въ тюрьму, гдѣ его никакой погонѣ не настичь. Выдача бѣглыхъ на материкъ вообще сопряжена съ формальностями: зная жестокость мандариновъ при расправѣ съ кантонской чернью, гонконгскіе чиновники обыкновенно требуютъ передъ тѣмъ, чтобы prima facie была доказана виновность и установлена личность преслѣдуемаго. Очевидно, это крайне трудно сдѣлать и «администраторы съ косами» предпочитаютъ въ подобныхъ случаяхъ махать на искомую жертву рукой. Пригрѣтые строгими «бѣлыми» желтолицые «outlaws» быстро свыкаются съ прелестями свободнаго гражданскаго существованія и нерѣдко начинаютъ пошаливать — раньше потери стараго навыка къ «художествамъ» кроваваго свойства. Оттого ночью полиція напр. зорко слѣдитъ за рейдомъ, чтобы ни одна лодка (сампанъ) не брала пассажировъ, пока не покажетъ номера и примѣтъ: слишкомъ часты внезапныя нападенія и звѣрскія убійства

СТАТСЪ-ДАМА МАНЬЧЖУРСКАГО ДВОРА.

съ цѣлью ограбленія, при доставкѣ безпечныхъ иностранцевъ на пароходы! Стражники-сикхи вооружаются карабинами (чуть стемнѣетъ) и сурово допрашиваютъ каждаго встрѣчнаго китайца, кто и откуда онъ. Открытыя кровопролитныя столкновенія туземцевъ съ полицейскими на улицахъ Викторіи уже давно перестали повторяться, но пламя тлѣетъ подъ горячими угольями и легко можетъ разгорѣться. Недаромъ, войска вѣчно стоятъ наготовѣ въ самомъ далеко не гигіеничномъ городѣ, а не на возвышенностяхъ.

Непріязнь между китайцами, подстрекаемыми самими властями Кантона, и «бѣлымъ» элементомъ колоніи прежде неоднократно выражалась въ крайне рѣзкой формѣ. Отчасти этому, конечно, способствовало бѣдственное положеніе куліевъ, безжалостно увозившихся отсюда въ Америку. Свою долю вліянія имѣло, вѣроятно, плохое состояніе дисциплины въ рядахъ гонконгскихъ войскъ, при безчинствѣ не задумывавшихся вступать въ бой съ англійскою же полиціей и во множествѣ дезертировать на китобойныхъ судахъ. Въ 1859 г. британскому правительству пришлось казнить двухъ европейцевъ въ Гонконгѣ за возмутительное убійство китайца-слуги. Немудрено, если туземный элементъ платилъ ненавистнымъ пришельцамъ одинаковою монетой и въ одно прекрасное утро булочники начинили имъ хлѣбъ мышьякомъ. Кантонцы (народъ) безпрестанно съ угрозою отзывали своихъ изъ «чужаго» города, подсылали въ него поджигателей и грабителей, дерзко нападали на иностранцевъ даже на рейдѣ, искусно подкапывались подъ «индійскій банкъ» и т. д. Къ счастью, явилась мысль вызвать на помощь администраціи нѣсколько сотъ бодрыхъ и преданныхъ пэнджабцевъ, завести такъ-называемыя «police boats» для преслѣдованія злоумышленниковъ и контрабандистовъ на водѣ. Власти Небесной имперіи въ свою очередь стараются усиливать надзоръ надъ послѣдними: но что значитъ бдительность немногихъ единицъ при упорствѣ многихъ тысячъ противниковъ?

На «Азовъ» пріѣзжаютъ съ визитомъ гонконгскій губернаторъ (Sir George William Des Voeux) и командующій войсками генералъ-маіоръ Дигби Баркеръ. Кромѣ того являются (въ своей національной одеждѣ) командиры двухъ канонерскихъ лодокъ, присланныхъ съ сѣвера (отъ эскадры Ли-хун-чжана) конвоировать Высокаго Гостя.

Команда на китайскія военныя суда, набирающаяся изъ природныхъ моряковъ на островахъ или побережьяхъ материка (особенно изъ провинціи Фу-цзянь и съ Чусанскаго архипелага), представляетъ превосходный сырой матеріалъ. Вся бѣда въ отсутствіи спеціально морскаго вѣдомства для всей имперіи, въ раздробленности силъ по рукамъ ничѣмъ между собою не связанныхъ четырехъ вице-королей, въ незнакомствѣ командировъ съ европейской тактикой и научными требованіями времени.

Хотя матросы отлично маневрируютъ, проявляютъ много искусства въ парусномъ дѣлѣ и стрѣльбѣ изъ орудій, хорошо содержатъ машины и необыкновенно выносливы какъ кочегары, — флоту богдыхана не хватаетъ чего-то высшаго, чтобы стать на одинъ уровень по качествамъ и составу съ флотами другихъ даже менѣе выдающихся государствъ, — нѣтъ офицеровъ, нѣтъ боевыхъ традицій и военнаго духа! . . . . .

Въ Небесной имперіи теперь есть уже нѣсколько арсеналовъ (напр. въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ, Нанкинѣ, Кантонѣ): пушечные и ружейные, пороховые и патронные заводы начинаютъ работать съ каждымъ годомъ оживленнѣе (правда, подъ руководствомъ иностранцевъ!), — тысячи китайцевъ искусно и прилежно занимаются и тамъ, и на верфяхъ, гдѣ они привыкаютъ сооружать собственныя военныя суда; но, странно сказать, толчекъ къ

застою и реакціи въ этомъ направленіи временно дали столкновеніе съ Франціей и понесенный отъ нея уронъ: ультра-консерваторы заключили, что безполезно совершенствоваться по европейскому образцу, если все равно бьютъ, и едва-ли не предпочтительнѣе соблюденіе ратнаго дѣла по старинному доисторическому строю.

Неисчислимое какъ песокъ морской населеніе Небесной имперіи въ культурно-историческомъ отношеніи представляетъ собою величайшую загадку. Это — въ полномъ смыслѣ слова «народъ-сфинксъ», ярко отразившій и до сихъ поръ невозмутимо отражающій всѣми формами своего бытія государственную жизнь древнѣйшаго Египта, ассиро-вавилонской цивилизаціи, вообще типичнѣйшихъ монархій восточнаго міра. Что̀ «Сыну Неба» такъ-называемый «западный» въ корнѣ анархическій прогрессъ, когда передъ его духовнымъ окомъ вѣчно встаютъ величественно-мудрые образы преемственно въ нимъ связанныхъ, архаически настроенныхъ правителей-самодержцевъ, у которыхъ идеи о народномъ благѣ тѣсно обусловлены были возможностью ихъ осуществлять и всему, нуждающемуся въ помощи, ее оказывать? Какой смыслъ для богдыхановъ имѣетъ или имѣла бы погоня за современностью и популярностью (въ широкомъ смыслѣ слова), какъ ее понимаютъ и какъ ея жадно доискиваются руководящія западно-европейскія сферы? Цари Китая искони стоятъ такъ близко къ толпѣ и заразъ такъ недосягаемо высоко надъ нею, что однородность положенія создалась и донынѣ сохранилась лишь въ Россіи. Благодаря выгодному географическому положенію, Небесной имперіи до извѣстной степени легко далось первенство въ предѣлахъ омываемой Тихимъ океаномъ Азіи и (на порогѣ XIX-го столѣтія) она стала засыпать сномъ миролюбиваго застоя: «желтый человѣкъ», на материкѣ, по природѣ не любитъ кровавой борьбы и кипучаго напряженія; отвращеніе къ войнѣ въ немъ существуетъ инстинктивно и, конечно, развилось (въ связи съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ къ

КИТАЙСКІЙ ВОЛХВЪ.

военному дѣлу) подъ вліяніемъ сознанія какъ безпомощны противъ него даже самые мужественные и безпокойные его сосѣди. Народъ-гигантъ или искоренялъ ихъ въ качествѣ «мятежниковъ», или еще чаще съ незамѣтною нравственною мощью ассимилировалъ. Когда пришлось познать новыхъ и на этотъ разъ крайне опасныхъ враговъ (европейцевъ), дряблое состояніе воли и чувствъ у самодовольнаго китайскаго правительства помѣшало ему уяснить себѣ правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжаетъ смотрѣть на себя какъ на центръ земли, неподготовленное понести кару за столь трогательное самоослѣпленье.

Богдыханъ возсѣдаетъ на «драконовомъ» престолѣ. Лицезрѣть владыку значитъ увидѣть самого «дракона». Прежде, во дни могущества, «верховный отецъ и вождь» Китая былъ доступнѣе и своимъ, и данникамъ, и посламъ съ невѣдомой чужбины; теперь, при полномъ политическомъ упадкѣ государства, строгій этикетъ окружаетъ повелителя большею тайною и скрываетъ его все тщательнѣе отъ нескромнаго взора «бѣлыхъ» иноземцевъ. Фотографы не смѣютъ снимать «Сына Неба». Изображеній его величества, нынѣшняго богдыхана, нигдѣ не достанешь. Единственный портретъ его (въ младенческомъ возрастѣ, пока еще неизвѣстно было, кто будетъ престолонаслѣдникомъ бездѣтнаго послѣдняго императора) мнѣ доставленъ случайно.

Нѣтъ сомнѣнія, — если-бы Е. И. Высочество пожелалъ осмотрѣть Пекинъ, — китайскій дворъ убѣдился бы путемъ дипломатическихъ переговоровъ въ пользѣ свиданія «юнаго маньчжурскаго монарха» съ Великимъ Княземъ (ибо между нами и Китаемъ не должно быть преградъ узко-формальнаго характера); но въ виду тамошнихъ предразсудковъ и ограниченности времени въ нашихъ маршрутахъ такая комбинація отходитъ въ область мечтаній. Царству Конфуція надо еще многому научиться, раньше чѣмъ въ его «полуоткрытыя» врата глянетъ день.

Воскресенье, 24 марта (5 апрѣля).

Вчера, послѣ утренней грозы (наканунѣ отъѣзда въ Кантонъ) Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи свиты ѣздилъ, несмотря на дожливую погоду, около 12 часовъ съ визитомъ къ губернатору. При громѣ салюта съ судовъ и береговыхъ орудій, при кликѣ командъ Ихъ Высочества на катерѣ «Азова» направились къ пристани (Murray Pier или Wharf), гдѣ Великаго Князя ожидали власти (съ начальникомъ острова во главѣ) и г. Михельсенъ, исправляющій здѣсь должность русскаго консула. Отъ «91 Princess Louise Argyll and Sutherland Highlanders» выставленъ былъ длинный почетный караулъ со знаменемъ и музыкой. Пока Цесаревичъ обходилъ его фронтъ, по набережной торжественно раздавался нашъ гимнъ. Небо слегка прояснилось. Цесаревичъ сѣлъ въ фаэтонъ сэра Des Voeux, конвоируемый сикхскими вершниками (для свиты стояли приготовленными носилки съ китайскими куліями, одѣтыми въ красное) и отправился по «Albert Road» къ «Government House»: на холмъ, расположенный среди тропической растительности такъ-называемыхъ «общественныхъ садовъ», влѣво отъ коммерческаго центра колоніи. По пути въ губернаторскую резиденцію шпалерами расположились солдаты-шотландцы. Визитъ продолжался около получаса. При возвращеніи, съ однородными почестями, рейдъ снова окутался мглою пушечныхъ выстрѣловъ, гремѣвшихъ Великому Князю привѣтъ.

Сегодня утромъ (до восьми) мы переправляемся на огромный американской конструкціи колесный пароходъ «Kiang-Kwan» («рѣчная ширь») товарищества China Merchant

Steam Navigation (китайцы теперь не на шутку забираютъ по возможности и на сушѣ, и на морѣ у своихъ границъ всю торговлю въ свои цѣпкія руки). Съ нашей эскадры взятъ съ собою дессантъ, которымъ командуетъ флагъ-капитанъ, капитанъ 1-го ранга С. Ѳ. Бауэръ, и хоръ музыки съ «Азова».

День обѣщаетъ быть безоблачнымъ, но довольно прохладнымъ. «Кіангъ-кванъ» начинастъ разгребать лѣнивую волну похожаго на озеро залива: наконецъ-то удастся намъ, минуя «англійскія преддверія», взглянутъ на почти нетронутый вѣкомъ китайскій міръ!

ЦАРСТВУЮЩІЙ БОГДЫХАНЪ (ВЪ БЫТНОСТЬ ЕГО РЕБЕНКОМЪ, НА КРЕСЛѢ СЪ ОТЦЕМЪ).

Скалистые островки встаютъ на встрѣчу изъ голубыхъ водъ и опять тонутъ въ отдаленіи. Солнце все ярче и краше золотитъ очаровательную окрестность. Неуклюжія колеса парохода шибко стучатъ, разсѣкая ласковую морскую ширь. Любуясь сю, отдаешь себѣ отчетъ, почему Камоэнсъ именно здѣсь пережилъ вдохновеніе нѣкоторыми изъ своихъ лучшихъ строфъ.

Немного въ сторону отсюда лежитъ Макао, — лузитанская колонія на китайскомъ побережьѣ, до сихъ поръ не имѣющая территоріальныхъ правъ. Кантонскія власти, конечно, въ данную минуту безсильны выдворить хотя бы горсть европейцевъ изъ предѣловъ провинціи; но фактъ остается фактомъ, что послѣдніе съ юридической точки зрѣнія только по милости правительства Небесной имперіи занимаютъ отведенный имъ раіонъ.

Доказательствомъ служитъ необходимость, въ которую съ XVII столѣтія были поставлены португальцы: безъ вражды принимать у себя въ гавани, по желанію богдыхановъ, суда ненавистныхъ соперниковъ изъ Европы и не иначе какъ съ позволенія мандариновъ снаряжать корабли для торговыхъ цѣлей, напр. во враждебную къ иноземцамъ Японію. Въ 1802 г. англичане послали въ Макао горожанамъ вспомогательный отрядъ противъ французовъ. Китайцы тотчасъ настояли на его удаленіи.

Еще при значеніи Гоа въ Индіи, португальскій флагъ не пользовался престижемъ на Дальнемъ Востокѣ: молва о насиліяхъ, чинимыхъ піонерами западнаго вліянія въ южной Азіи, окрыленной поступью шла впереди ихъ предпріимчивыхъ моряковъ и воеводъ. Люди «желтой рассы» прямо-таки не желали на первыхъ порахъ ни подъ какимъ предлогомъ вступать съ ними въ общеніе: нарушавшихъ запретъ португальцевъ морили голодомъ въ Кантонѣ и четвертовали, суда ихъ подвергались уничтоженію, даже туземныя джонки съ товарами изъ покоренной лузитанцами Малакки конфисковались длиннокосыми властями.

Онѣ, очевидно, долгое время вполнѣ имѣли поводъ опасаться искателей приключеній съ береговъ Португаліи: пришельцы оттуда представляли собою настоящій злокачественный сбродъ, выпущенный за границу изъ тюремъ; потомство его отъ браковъ съ малайками, китаянками и японками (тоже, навѣрно, худшаго разбора) отличалось одинаковыми достоинствами. Ростъ и разцвѣтъ Макао подъ бокомъ у богатѣйшаго южнаго центра имперіи могъ справедливо внушать немало безпокойства ея правителямъ. Столь же пессимистически смотрѣли на это арабы, персіяне и гуджератцы (не говоря о болѣе восточныхъ азіатахъ), — страшившіеся пиратства европейцевъ на главныхъ путяхъ въ Кантонъ. Лишь около 1660 г. сіамцы рѣшились отправить товаръ на продажу въ здѣшнія португальскія факторіи.

Зная подобныя историческія детали, положительно нельзя строго относиться къ такъ-называемому китайскому «варварству и застою». Разъ европейцы сами внесли и вносятъ разладъ въ жизнь политически существующихъ государствъ Азіи, ихъ немыслимо безпристрастно судить съ чисто западной прогрессивной точки зрѣнія. И въ прежнія времена Небесная имперія дивила иноземцевъ съ побережій Индійскаго океана, но какъ трезвые и отнюдь не заносчивые наблюдатели они не осуждали чужаго строя за несходство съ ихъ собственнымъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, у Френа въ предисловіи къ «Ibn-Fozlan's Bericht» встрѣчается достойное глубокаго вниманія древне-арабское изреченіе: «ищите знанія даже въ Китаѣ». Такъ рѣшается вслухъ думать «правовѣрный» (первоначальной экзальтированной эпохи Корана) о царствѣ ненавистнѣйшихъ языческихъ вѣрованій. Много-ли найдется даже широко образованныхъ лицъ въ наши дни, способныхъ стать на высоту столь простой истины? Народъ богдыхановъ считается какимъ-то страннымъ и апріорно достойнымъ осужденія паріемъ среди прочаго человѣчества.

Съ нами совершаютъ поѣздку въ Кантонъ два синолога и офицеры, знакомые съ державою «Сына Неба». По мѣрѣ того какъ разговоры касаются этой тэмы, мнѣ все яснѣе становится, на чьей сторонѣ въ сущности лежитъ правда.

Врядъ-ли о какой-нибудь странѣ возникали болѣе двойственныя мнѣнія чѣмъ о Китаѣ. Весь его національный складъ представляетъ для Европы живѣйшій интересъ, — особенно если принять въ разсчетъ, что на громадномъ пространствѣ Небесной имперіи гнѣздится почти треть рода человѣческаго съ отпечаткомъ крайней оригинальности: ни одинъ историкъ и моралистъ не долженъ бы игнорировать судьбу столь безчисленнаго

населенія, давнымъ давно уже выработавшаго себѣ многія условія культурной жизни, — населенія, въ характерѣ коего, вдобавокъ, уживаются самыя разительныя противорѣчія: блестящія достоинства наряду съ самыми отвратительными недостатками.

Нѣмецкіе философы, съ легкой руки Гегеля вообще презираютъ Небесную имперію, считая ее прототипомъ неподвижности. Въ лицѣ Китая, по ихъ взгляду, монгольская расса достигла высшаго возможнаго для нея уровня развитія и дальше, по самой природѣ своей, шагнуть будто-бы не можетъ, пребывая изсохшею вѣтвью на зеленѣющемъ древѣ исторіи.

Откуда создалось такое отрицательное воззрѣніе? Неужели только изъ того, что туземцы здѣсь не способны были вродѣ едва-ли искреннихъ и сознательныхъ современныхъ японцевъ сразу придти въ неописанный восторгъ отъ просвѣщеннаго состоянія Европы и Америки?

Подобно эллинамъ, для которыхъ почти все чужеземное долго было варварскимъ, китайцы какъ масса относятся къ Западу съ полнымъ пренебреженіемъ и считаютъ строй своего быта, результаты своей многовѣковой цивилизаціи за образецъ для всего міра. «*Тшункуэ*» *(Джунъ-го)* («государство середины») именуютъ они свою родину.

Такое-же, впрочемъ, названіе даютъ своей землѣ древніе индусы и іранцы.

Въ правѣ-ли мы, держась аналогично узкой точки зрѣнія, признавать лишь свою «новѣйшую» культуру единственно здравой и плодотворной? Кажется, на это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Гердеръ смотрѣлъ на Небесную имперію какъ на набальзамированную мумію, изукрашенную письменами и укутанную въ шелкъ. Другіе мыслители видѣли въ этомъ громадномъ государствѣ лишь сонъ и оцѣпенѣніе, сравнивали его съ болотомъ, предсказывали Китаю скорое разложеніе и гибель. «Надобно удивляться» — восклицаетъ въ одномъ сочиненіи оріенталистъ Васильевъ: «какъ народы Дальняго Востока, перебирающіе въ теченіе тысячелѣтій все одно и то же, не умерли отъ монотонности!» Но коснѣли-ли они дѣйствительно въ непонятномъ застоѣ или жили богатою внутреннею жизнью, ни въ чемъ не уступающею европейской? Защитникомъ Небесной имперіи выступилъ въ нашъ вѣкъ итальянскій писатель Феррари. Въ изданномъ имъ трудѣ «La Chine et l'Europe» онъ старается доказать, будто эволюція ея шла параллельно съ западной, испытывала одинаковые перевороты въ области духа. «Философы тамъ учили приблизительно во времена Пиѳагора; завоеватели прославлялись при Александрѣ Македонскомъ и римлянахъ; варвары нападали тогда же, когда ими громилась кесарская цивилизація; императорская власть облекалась саномъ первосвященниковъ при папѣ Григоріи Великомъ; китайская ученость процвѣтала въ эпоху Абеляра и Ѳомы Аквината; театральное искусство достигло извѣстной степени совершенства, когда въ Италіи создалась Божественная комедія; лучшіе поэты Небесной имперіи, ея вѣкъ возрожденія и изученія своей древности близки къ временамъ Петрарки и Бокаччіо, соотвѣтствуютъ пробужденію классическаго міра. Вестфальскій договоръ, французская революція имѣютъ аналогичные примѣры въ исторіи Китая. Въ продолженіе первыхъ двухъ третей своего фактическаго существованія онъ цѣлымъ поколѣніемъ опережаетъ Европу. Въ средневѣковой періодъ и тамъ, и тутъ знаменательнѣйшіе годы совпадаютъ съ такою изумительною точностью, что это граничитъ съ чудомъ. Съ 1400 г. Китай отстаетъ, быть можетъ, лѣтъ на тридцать». Иными словами, между отдаленнѣйшими другъ отъ друга странами какъ-бы есть таинственная связь, въ нѣдрахъ человѣчества какъ-бы производится однородная по напряженію психическая работа. Поэтому поспѣшный выводъ, будто родина Конфуція населена (по опредѣленію Токвиля)

слабоумно-варварскимъ народомъ, совершенно несправедливъ, также какъ и самодовольное убѣжденіе въ нашемъ несомнѣнномъ всестороннемъ превосходствѣ надъ нимъ. Китайцы и жили и живутъ весьма нормально, — руководствуясь твердыми, стародавными принципами, которые одухотворяютъ весь ихъ государственный организмъ: никакихъ признаковъ упадка, дряхлости не замѣчается. Соприкоснувшись съ Западомъ, Китай сначала пришелъ въ смущеніе при видѣ его матеріальнаго могущества, но такъ какъ и самъ онъ издавна устремлялъ свои взоры едва-ли не исключительно на все земное, заботится особенно о благоденствіи въ «этой» жизни, воспитываетъ многіе милліоны позитивистовъ, держится строго-утилитарнаго взгляда на вещи, — то сыны Небесной имперіи, не умаляя и не превознося достоинствъ чужой культуры, постепенно стали усваивать ее, насколько она способна разнообразить удобства ихъ существованія и примѣнима къ естественнымъ условіямъ края. Частности западнаго быта для китайцевъ безразличны: они слишкомъ гордятся своей цивилизаціей, чтобы безъ разбора, слѣпо хвататься за все иноземное, но въ тоже время и слишкомъ практичны, чтобы не заимствовать оттуда все пригоднѣйшее. Первое, что они съ успѣхомъ сдѣлали для реакціи, это — слѣдующее: стали необходимыми пришельцамъ, съумѣли связать ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ. Ни одинъ дѣятель съ Запада не въ силахъ обойдтись безъ помощи и посредства туземцевъ, значитъ и не бываетъ de facto полнымъ хозяиномъ какого бы то ни было предпріятія. Они являются на мѣстѣ лучшими поварами, составляютъ весь штатъ домашней прислуги, становятся искусными ремесленниками на западный ладъ, выдѣляются какъ музыканты, фотографы и т. п. Образцовая гостиница на островѣ Гонконгѣ содержится китайцами. Розничною торговлей европейскими и американскими товарами завладѣли коренные жители. Стоитъ пойдти по улицамъ благоустроенныхъ приморскихъ городовъ въ западной части Тихаго океана, и видишь, что магазины съ привозными вещами принадлежатъ туземцамъ. Въ Шанхаѣ, говорятъ, сходнѣе можно купить кусокъ манчестерской матеріи у китайца чѣмъ у англичанина.

КИТАЕЦЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ ОДѢЯНІИ.

Не имѣя себѣ соперниковъ въ области коммерческой сообразительности, мѣстные купцы понемногу вытѣсняютъ иностранцевъ со своей территоріи и едва-ли очень далеко то время, когда весь импортъ и даже экспортъ перейдетъ къ китайцамъ. Уже въ 1881 г. корабль «Мѣй-фу» отвезъ въ Англію грузъ чая (32,500 ящиковъ) и соломенныхъ издѣлій. Если сынамъ Небесной имперіи не чужда мысль самимъ доставлять на европейскіе рынки произведенія своей родины, то вскорѣ они сами будутъ закупать на чужбинѣ, что̀ нужно. Для этого найдутся и энергія, и сноровка, и капиталы. До 1873 г. туземцы не владѣли ни однимъ пароходомъ, а теперь распоряжаются десятками, почти совершенно устранили иностранцевъ отъ перевозки грузовъ между портами Китая, стремятся на свой счетъ завести товаро-пассажирское сообщеніе съ Европой и Соединенными Штатами. Дабы не быть въ зависимости отъ заморскихъ державъ, подданные богдыхана осторожно заводятъ у себя заводы, фабрики, — зная, что родина изобилуетъ шелкомъ, хлопкомъ, шерстью, желѣзомъ, каменнымъ углемъ. Вскорѣ западной промышленности придется сократить свои операціи и уступить значительную долю получаемыхъ выгодъ китайцамъ, которые примѣрно трудолюбивы, легко всему учатся и дѣлаются мастерами всякаго дѣла.

Телеграфъ заводится по иниціативѣ правительства. Въ принципѣ оно рѣшило обзавестись и рельсовыми путями, но медлитъ, не располагая достаточнымъ количествомъ собственныхъ инженеровъ и не желая отдавать эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ пришельцамъ. Но черезъ 15 лѣтъ первое затрудненіе неминуемо упразднится. Много туземныхъ юношей старательно знакомится съ реальными знаніями. Синологъ Эдкинсъ непрерывно переводитъ на китайскій языкъ европейскія естествовѣдныя книги. Умственныя силы страны крѣпнутъ и растутъ съ каждымъ годомъ. Избытокъ ихъ невольно подталкиваетъ къ колонизаціи. Она направляется и въ Центральную, и въ Южную Америку, и на острова Тихаго океана, и въ Сингапуръ, и въ Уссурійскій край. Конфуціанскій принципъ глубокаго уваженія къ наукѣ, привычка народа трудиться надъ усвоеніемъ премудрости, не стѣсняясь числомъ лѣтъ, служитъ отчасти ручательствомъ, что въ восточной Азіи со временемъ можетъ народиться просвѣщеннѣйшая нація.

КИТАЕЦЪ ВЪ ЛѢТНЕЙ ОДЕЖДѢ.

Для иронизирующаго европейца китайская жизнь извнѣ можетъ представляться каррикатурной, китайцевъ можно съ пренебреженіемъ называть «фанатиками порядка» и видѣть въ нихъ чуть-ли не подобіе маленькихъ бездѣлушекъ изъ слоновой кости туземнаго производства, — но, съ критической точки зрѣнія, такое высокомѣріе не оправдывается и когда-нибудь жестоко отомститъ опрометчивымъ отрицателямъ чужой духовной мощи.

Въ виду поражающей вѣротерпимости китайскаго правительства и вообще всего народа, иные поверхностные наблюдатели склонны предполагать, будто туземцы равнодушно относятся къ религіи и въ сущности никакимъ культомъ не дорожатъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Главную роль въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и среди общественнаго строя искони играло почитаніе усопшихъ родителей и предковъ. Никакія философскія разрушительныя теоріи не въ силахъ были поколебать его или разрушить характеръ связанной съ нимъ обрядности. Покидая бренную тѣлесную оболочку, человѣкъ, — по мнѣнію китайцевъ, — продолжалъ жить по прежнему, обычными радостями и горестями, нуждался въ любви и заботѣ ближнихъ, томился одиночествомъ. Неудовлетворенно-скорбное состояніе духа отошедшихъ въ загробный міръ неблагопріятно отражалось на быту живущихъ, повергало послѣднихъ въ тревогу. Поэтому надо было угождать покойникамъ, заручаться ихъ расположеніемъ, поклоняться имъ. Сначала почитаніе совершалось на могилахъ, но потомъ обстоятельства заставили устроить для этого культа домашнія кумирни и помѣстить тамъ въ особыхъ шкафахъ таблички съ именами незабвенныхъ и дорогихъ усопшихъ. Ежедневно глава семьи отправлялся туда на поклонъ, возжигалъ куренья, приносилъ, когда слѣдовало, жертвы, сообщалъ незримымъ хранителямъ своего очага обо всѣхъ мелочахъ, касающихся семейнаго благополучія и т. д. Для полноты связи съ невидимымъ міромъ, живущіе прибѣгали къ гаданіямъ, медіумизму и прочему. Воля предковъ руководила дѣйствіями благоговѣвшаго потомства, которое само по себѣ и не хотѣло, и не рѣшалось жить безъ сознанія, чему учитъ прошлое. Оно же давало только хорошіе совѣты, облагороживало перечисленіемъ яркихъ примѣровъ

БОЖЕСТВО КИТАЙСКИХЪ БУДДИСТОВЪ.

добродѣтели, грозило суровою карою за уклоненіе отъ завѣтной старины. Культъ усопшихъ родственниковъ тѣмъ успѣшнѣе могъ процвѣтать въ Китаѣ, что нигдѣ отцы и матери такъ не уважались дѣтьми, какъ здѣсь. Молодое поколѣніе положительно выростаетъ съ мыслью о томъ почтеніи, которое надо оказывать старшимъ; стараясь съ дѣтства пріучить всѣхъ къ исполненію того, что въ принципѣ признано должнымъ, тамъ не смотрятъ снисходительно на капризы, своенравность, упрямство, непослушаніе, эгоизмъ и фальшивость, но искореняютъ (пока не поздно) или заглушаютъ дурныя качества; направлять желаніе малолѣтнихъ на то или другое помощью лакомствъ или невиннаго будто-бы обмана считается непозволительнымъ. Родители требуютъ не теоретическаго только знанія этики, но и постояннаго практическаго ея примѣненія. При этомъ они обходятся безъ наказаній, съ пеленокъ внушая дѣтямъ послушаніе и умѣніе ограничивать себя. Близкія по крови семьи сплочены бываютъ въ цѣлое и ради общей пользы устраиваютъ собранія, гдѣ молодежь читаетъ вслухъ полезныя книги, а затѣмъ каждый изъ присутствующихъ приглашается къ чистосердечному признанію, нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь житейскихъ затрудненій, долговъ, недоимокъ, тяжбъ; всякое дѣло сообща обсуждается, каждому положенію пріискивается исходъ, въ случаѣ возможности бѣдѣ помогаютъ сборомъ денегъ для родича. Такой порядокъ вещей во-первыхъ препятствуетъ размноженію нищихъ (ихъ мало въ Китаѣ и стать настоящимъ пролетаріемъ трудно, если человѣкъ окончательно не оттолкнулъ отъ себя кровныхъ близкихъ), а во-вторыхъ удерживаетъ нерѣдко отъ преступленій.

Женщина поставлена высоко какъ мать и жена, но семейный бытъ огражденъ отъ посторонняго вліянія и соблазновъ. Браки заключаются по усмотрѣнію родителей и совѣщанію съ предками: романы внѣ этого не санкціонируются обычаями, и тѣмъ не менѣе молодые нерѣдко находятъ счастье. Нашъ извѣстный синологъ Георгіевскій приравниваетъ подобныя явленія къ супружеству нашего духовенства, по видимому не имѣющаго данныхъ непремѣнно найдти въ случайныхъ невѣстахъ истинное благополучіе и взаимное пониманіе, но обыкновенно находящаго и то, и другое. Апріорныя чувства до совмѣстнаго житья слишкомъ мало говорятъ въ пользу будущаго: лишь время можетъ скрѣплять отношенія и развивать сознательную любовь.

Отъ простолюдина до монарха, всѣ проникнуты стремленіемъ памятовать дѣянія предковъ и служить имъ, ежеминутно ощущая свою зависимость отъ духовъ. Въ древности жертвенные предметы не покупались, но приготовлялись самими чествующими усопшихъ. Впослѣдствіе это стало неисполнимымъ, но выдающіяся въ имперіи лица доселѣ въ видѣ обряда придерживаются сѣдой старины. Каждогодно богдыханъ лично пашетъ землю въ столицѣ, важнѣйшіе чиновники — въ провинціи, а царица кормитъ шелковичныхъ червей. Въ Европѣ думаютъ, будто такимъ путемъ власти желаютъ пріохотить населеніе къ работѣ. Это не вполнѣ справедливо; императоръ и императрица дѣйствительно показываютъ примѣръ, но не трудолюбія самого но себѣ, а сыновняго почтенія, которое требуется культомъ предковъ и результатомъ котораго является трудолюбіе.

Утрированная забота о благоденствіи существъ въ загробномъ мірѣ, конечно, иногда граничитъ съ областью комическаго. Положимъ, умираетъ мальчикъ — нельзя его оставить навсегда холостымъ, онъ соскучился бы: родители пріискиваютъ имя дѣвочки, день рожденія и смерти которой соотвѣтствуетъ дню рожденія и смерти ихъ сына. Устраивается такъ-сказать посмертный бракъ. Въ назначенное время куклу, изображающую жениха, несутъ въ домъ фиктивной невѣсты, откуда эта кукла возвращается уже въ сопровожденіи другой, изображающей просватанную дѣвочку и съ ея кумиренной табдичкой. Свадьба празднуется, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ два человѣка соединялись тѣсными узами, и затѣмъ табличка новобрачной помѣщается въ храмѣ жениховыхъ предковъ. Дѣти при жизни родителей дарятъ имъ прочные гробы въ знакъ любви и преданности и т. д.

Всюду сыны Небесной имперіи склонны замѣчать присутствіе и воздѣйствіе духовъ. Объ успокоеніи многихъ изъ нихъ пекутся потомки и для этого стараются, чтобы родъ не угасалъ, — но затѣмъ еще остается несмѣтное количество давно забытыхъ, безсемейно скончавшихся, казненныхъ людей. Изъ опасенія, какъ-бы они не вздумали насылать несчастіе, весь Китай разъ въ годъ чествуетъ ихъ. Въ даръ душамъ обездоленныхъ сожигаются бумажныя одѣянія, золотыя и серебряныя бумажки, изображающія деньги. Вечеромъ по рѣкамъ ѣздятъ лодки, съ которыхъ такіе же воспламененные предметы бросаются въ воду, а также овощи и рисъ: въ жертву утопленникамъ. Дабы они, блуждая во тьмѣ, легче находили приношенія, на волны спускаются тысячи лампадокъ, помѣщенныхъ въ глиняные горшечки. При этомъ далеко кругомъ въ ночной тишинѣ раздаются заунывные звуки тамтамовъ и молитвенное пѣніе объ усопшихъ.

Отъ Гонконга до Кантона — 85 морскихъ миль. Скоро полдень. Теченіе окрашивается глинисто-бурымъ цвѣтомъ. Передъ входомъ въ «Жемчужную» рѣку (Чжу-цзянъ), на которой послѣдній расположенъ, лежитъ такъ-называемая «Пасть тигра» (или точнѣе «Тигровыя ворота»), португальская Boca tigris, исковерканная англичанами въ Bogue, — китайское Ху-мынь. Наименованіе произошло отчасти изъ-за того, что суда здѣсь идутъ узкимъ проливомъ, огибающимъ «Тигровый островъ» у начала рѣчной дельты, очертаніями слегка напоминающій голову хищнаго звѣря — но главнымъ образомъ, вѣроятно, и оттого, что встарь мѣстныя укрѣпленія по сторонамъ считались донельзя грозными и непреодолимыми. Европейскія орудія въ серединѣ нынѣшняго столѣтія причинили имъ однако неразъ жесточайшій уронъ. Особенно поусердствовали въ этомъ отношеніи британскіе моряки, изучивъ предварительно рукава Чжу-цзяна и слабыя стороны ихъ обороны.

Окрестность начинаетъ принимать болѣе величественный характеръ, благодаря сравнительной близости высокихъ береговъ, по которымъ звѣздообразнымъ узоромъ тянутся новоотстроенные форты и откуда гремитъ салютъ. Широкая рѣка (съ островками, засаженными рисомъ) принимаетъ видъ озера. На самыхъ видныхъ пунктахъ и по склонамъ холмовъ разставлены солдаты съ развѣвающимися по вѣтру знаменами. Сопровождающій Е. И. Высочество отъ Гонконга (согласно предписанію Ли-хун-чжана) инспекторъ тяньцзиньской военной школы Lien-Shing поясняетъ, что правительствомъ приняты всѣ мѣры, чтобы не только радушно, но и торжественно встрѣтить Русскаго Престолонаслѣдника на китайской территоріи, почтить въ Его лицѣ своего давняго и лучшаго друга — Россію, краснорѣчиво доказать свою готовность впредь еще тѣснѣе упрочить съ нею добрыя сосѣдскія связи.

ТИПЫ СЪ ЖЕМЧУЖНОЙ РѢКИ.

На каменныхъ уступахъ побережья рѣчной тѣснины замѣчаются батареи: и сюда проникли Армстронги съ Круппами! Смѣло стремится въ высь, на горизонтѣ, первая семиэтажная пагода. Это уже осязательно свидѣтельствуетъ, что начался Китай: подобныя сооруженія должны, по народному вѣрованію, приносить благополучіе осѣняемому ими краю.

На встрѣчу намъ попадаются небольшія суда подъ военнымъ флагомъ. Кантонская эскадра состоитъ изъ 17 канонерокъ, задача которыхъ заключается главнымъ образомъ въ преслѣдованіи пиратовъ, укрывающихся среди многочисленныхъ острововъ южно-китайскаго моря. На Жемчужной рѣкѣ находится, кромѣ того, флотилія изъ 20 миноносокъ.

Живительный воздухъ придаетъ нашему переходу сюда отъ города Викторіи необыкновенную прелесть. Все кругомъ дышетъ для насъ интересомъ новизны: въ рамкахъ живописнаго, почти грандіознаго пейзажа со строго выдержаннымъ колоритомъ.

Любоваться подобнымъ исторически важнымъ пріемомъ едва-ли кому-нибудь вскорѣ доведется опять! Чей флагъ, кромѣ русскаго, могъ бы столь же дружественно импонировать Китаю, добровольно вызывая его къ вѣжливому и подобающему чествованію Августѣйшаго Гостя?

Свѣтлолиловыя укрѣпленныя возвышенности (безъ признаковъ растительности) — близъ устья — смѣняются полями съ рѣдкими купами бамбуковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Всюду по сторонамъ мелькаютъ каналы. Пароходъ минуетъ свайныя загражденія русла,

которыми китайцы наивно надѣются (при помощи имѣющихъ быть погруженныхъ между ними лодокъ съ пескомъ и камнями) совершенно обезопасить отъ иностранныхъ флотовъ въ сущности нетрудный доступъ къ Кантону, — стоитъ только нападающему войску высадиться въ любомъ незащищенномъ пунктѣ побережья и обойдти несложныя препятствія. Другой народъ, конечно, примѣнилъ бы на защиту «Тигровой пасти» всѣ данныя современнаго военнаго искусства, — но жители Небесной имперіи въ простотѣ души не находятъ пока еще нужнымъ тратить золото на столь по ихъ мнѣнію праздную затѣю. Рано или поздно кантонцы могутъ изъ-за этого порадкомъ пострадать.

У мѣстечка Вампоа Наслѣдника Цесаревича встрѣчаетъ съ привѣтствіями отправленный впередъ адъютантъ вице-короля и представляется откомандированный въ распоряженіе Великаго Князя французскій консулъ, выдающійся синологъ (ученикъ извѣстнаго оріенталиста графа Клечковскаго) Camille Imbault-Huart.

ПАРАДНО ОДѢТЫЙ ЧИНОВНИКЪ

. . . Вотъ показались вдали верхушки городскихъ стѣнъ и пагодъ. По мѣрѣ того какъ обрисовывается Кантонъ, впечатлѣніе отъ этой безформенно-сѣрой сплошной массы низкихъ невзрачныхъ жилищъ со многими башнями надъ нею, — гдѣ горожане хранятъ, отдавая въ залогъ, ненужное имъ въ данную минуту имущество, — по правдѣ сказать, довольно отрицательнаго свойства. Если бы не бѣлый фасадъ недостроеннаго католическаго собора (въ готическомъ стилѣ), подымающагося изъ одноцвѣтно-безотраднаго сонмища какъ-бы не связанныхъ даже улицами домовъ, впечатлѣніе было бы еще хуже. Высокая церковь маленькой общины обращенныхъ туземцевъ отчасти воздвигнута на средства изъ контрибуціи, наложенной на китайцевъ англо-французскими силами тридцать лѣтъ тому назадъ, и, конечно (наряду съ питаемымъ туземцами сусвѣрнымъ страхомъ передъ колоссальными сооруженіями), не можетъ нравиться въ сущности вѣротерпимому, но консервативно и патріотично настроенному народу. Храмъ построенъ на мѣстѣ резиденціи тогдашняго плѣненнаго британцами вице-короля и при постройкѣ получалъ значительную денежную помощь отъ императрицы Евгеніи.

Гуанъ-чжоу-фу (Kwang-tschou-fu), искаженное европейцами въ Кантонъ, есть столица двухъ громаднѣйшихъ провинцій Гуанъ-дуна и Гуанъ-си съ населеніемъ свыше чѣмъ въ 50,000,000 душъ. Нѣкогда она являлась пышнымъ центромъ міровой торговли, средоточіемъ общенія имперіи съ Западомъ, главнымъ и такъ-сказать единственнымъ пунктомъ сбыта заморскихъ товаровъ въ Китай. Это и понятно въ виду развитія сосѣдней береговой линіи съ моря и въ виду развѣтвленія водныхъ артерій въ дельтѣ Чжу-цзяна, коего бассейнъ простирается на сѣверъ до горъ, составляющихъ водораздѣльную линію Янъ-цзы-цзяна, а на западъ до возвышенностей Юннана. Въ этомъ цвѣтущемъ раіонѣ ключемъ бьетъ энергія трудолюбиваго народа. Найденные тутъ уголь и желѣзо сулятъ краю интересную промышленную будущность: одна бѣда, сами туземцы слишкомъ медленно берутся за умъ!

Историческая жизнь Кантона ведетъ свое начало (согласно лѣтописанью туземцевъ) отъ IV вѣка до Р. Хр., когда какой-то городъ въ этой мѣстности уже являлся значительнымъ укрѣпленнымъ центромъ юга имперіи, неоднократно перемѣщавшимся въ здѣшнемъ раіонѣ и мѣнявшимъ наименованіе. Тогда еще край, населенный инородцами-автохтонами, далеко не составлялъ органической части китайскаго міра и нерѣдко даже вставалъ противъ него кровавымъ мятежемъ. Параллельно съ тѣмъ царями Индо-Китая предпринимались сюда походы съ цѣлью подчинить себѣ дельту Чжу-цзяна или, по крайней мѣрѣ, отвлечь торговлю къ берегамъ Кохинхины. Древніе кантонцы, положимъ, при случаѣ жестоко платили ей одинаковыми нападеніями. Населеніе тутъ вообще издревле отличалось крутымъ нравомъ и всякому правительству (даже кипятившему строптивыхъ въ котлѣ или жарившему ихъ на медленномъ огнѣ) трудно было обуздывать массы черни. Привычка къ безумной роскоши, строго преслѣдовавшейся властями по приказанію изъ столицы, — въ связи съ племеннымъ антагонизмомъ южанъ и сѣверянъ, — вызывали на Жемчужной рѣкѣ неоднократныя упорныя возстанія. Въ послѣдній разъ ожесточеннѣйшая борьба разгорѣлась при воцареніи маньчжурской династіи. Области, смежныя съ Индо-Китаемъ, ни за что не хотѣли ей покориться. Новые владыки государства съ бою взяли Кантонъ послѣ одинадцатимѣсячной обороны, затопили его кровью, почти разрушили, пощадили изъ эгоистической цѣли лишь часть искуснѣйшихъ мѣстныхъ ремесленниковъ, — слава о которыхъ наполняла собою Азію и Европу. До 700,000 труповъ осталось въ день расправы среди стѣнъ злополучнаго города. Жители его, — хотя прошло $2^1/_2$ вѣка, — не забыли страшной кары и ненадежно настроены по отношенію къ пекинскому двору. Туземный легко воспламеняющійся элементъ всегда причинялъ и до сихъ поръ причиняетъ не мало хлопотъ, не мало огорченій столичнымъ сановникамъ. Главнѣйшія печально кончавшіяся войны Небесной имперіи съ державами имѣли всегдашнимъ поводомъ вспышки народнаго гнѣва на берегахъ Жемчужной рѣки. За то и натѣшились же европейцы надъ населяющимъ ихъ беззащитнымъ или точнѣе безпомощнымъ въ ратномъ дѣлѣ людомъ!

МАЛЕНЬКІЙ КАНТОНЕЦЪ.

Кантонъ по прежнему враждебно относится къ представителямъ Запада. Встрѣчать ихъ съ почетомъ по правиламъ гостепріимства, оказывать ненавистнымъ иноземцамъ учтиво-радушный пріемъ здѣсь (въ городѣ, столь много отъ нихъ пострадавшемъ!) почти немыслимо для китайца-патріота. Принцъ Бонапартъ, посѣтившій недавно дельту Чжу-цзяна, не добился простой аудіенціи у вице-короля. Англійскій вице-адмиралъ Гамильтонъ почти одновременно съ этимъ получилъ такой же отказъ. Командиръ австрійскаго военнаго судна «Наутилусъ» (въ апрѣлѣ 1886 г.) попытался видѣть правителя окрестныхъ областей, — зная, что послѣдній не можетъ питать дурныхъ чувствъ къ флагу его родины, — но подъ предлогомъ недосуга замѣститель богдыхана въ краю съ извиненіемъ уклонился. Какого же рода встрѣча ожидаетъ тутъ Государя Наслѣдника Цесаревича?

Столица Гуанъ-Дуна насчитываетъ, по мнѣнію знающихъ ее, около 1½ милліона жителей, изъ коихъ по крайней мѣрѣ четверть вѣчно живетъ на водѣ, — устроившись столь же первобытно, какъ и «рѣчные бангкокцы». Цѣлыя поколѣнія родятся и умираютъ на зыбкой почвѣ пловучихъ жилищъ, — кибитокъ, сплетенныхъ изъ тростника и покрытыхъ рогожкой, передъ которыми на кормѣ приготовляется варево, играютъ ребятишки и сушится тряпье, — а иногда еще чуть-ли не разводится маленькій огородъ. По рѣкѣ поминутно шныряютъ эти лодки, похожія на огромный двухсаженный башмакъ. Мускулистыя бабы (съ высокими намазанными жиромъ прическами и въ оригинальныхъ сережкахъ изъ серебра) работаютъ на нихъ могучимъ кормовымъ весломъ и, несмотря на скученность судовъ, — при значительной быстротѣ теченія, — смѣло правятъ. На легкихъ челнокахъ граціозно гребутъ миловидныя дѣвушки съ распущенной косой. Кипучее оживленіе вокругъ не поддается описанію. А еще принято говорить о сонливости азіатовъ! Только дивишься, какъ при безпрерывныхъ сигнальныхъ свисткахъ и звонкахъ съ нашего парохода тормозящій свободу его движеній суетливый рѣчной людъ не подвергается потопленію и гибели. Несчастья, впрочемъ, — говорятъ, — не рѣдки . . . . . и тогда потерпѣвшіе (исключительно по своей винѣ!) немедленно предъявляютъ искъ въ контору общества, которое ихъ обыкновенно и вознаграждаетъ. Особенно опасно въ этой адской сумятицѣ положеніе обитающихъ на водѣ и въ сущности лишенныхъ всякаго присмотра маленькихъ дѣтей, когда они уже миновали возрастъ, чтобы висѣть на привязи за спиною матерей. Съ цѣлью хоть сколько-нибудь уменьшить шансы смерти малютокъ въ рѣкѣ, имъ зачастую прикрѣпляютъ къ туловищу широкіе куски легкаго дерева, приспособленные замѣнять въ первый моментъ паденія плавательные пояса.

КИТАЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Глядя на эти добродушныя лица извѣстной цѣлому міру за «буйный нравъ» кантонской черни (здѣсь же на Чжу-цзянѣ вертится именно самая «озлобленная» противъ «бѣлаго» элемента голодная и жалкая бѣднота!) невольно задаешь себѣ вопросъ, не преувеличена-ли съ явно тенденціозными намѣреніями басня-быль о далеко не такъ страшныхъ вспышкахъ неудовольствія въ туземной средѣ? Не китайцы нуждаются въ заморскихъ пришельцахъ, а послѣдніе — въ естественныхъ богатствахъ Небесной имперіи. Мѣстнымъ жителямъ нѣтъ повода дорожить авантюристами, признающими главнымъ образомъ одну угрозу и насиліе. Имъ же положительно не мѣшаетъ иногда напоминать, что они — на чужой землѣ, между тѣмъ хозяйничаютъ куда безцеремоннѣе, чѣмъ имъ позволительно было бы даже дома.

Починъ непосредственнымъ сношеніямъ сравнительно далекаго Запада съ «желтымъ» Востокомъ положенъ богатыми сирійскими купцами. Возникшія вслѣдъ затѣмъ средневѣковыя арабскія факторіи въ Кантонѣ, вѣроятно, походили во многихъ отношеніяхъ на тѣ, что въ немъ были гораздо позднѣе заведены европейцами. Пришельцы добились тутъ одинаковыхъ правъ экстерриторіальности и при случаѣ дерзко вступали въ борьбу съ туземцами: напр. въ 758 г. мореплаватели съ береговъ Персидскаго залива преспокойно подожгли дружелюбно съ ними торговавшій Кантонъ и бѣжали на быстроходныхъ судахъ. Потерпѣвшіе горожане тогда еще могли уразумѣть истину классическаго: timeo Danaos. Подобныя дикія столкновенія навѣрно повторялись и потомъ; но наиболѣе, должно быть, насолили населенію Гуанъ-дуна представители германской рассы: иначе нельзя объяснить, почему слово «красноволосый дьяволъ» стало излюбленнымъ опредѣленіемъ иностранца. Сначала сюда явились брюнеты-португальцы,— молодцы, тоже не стѣснявшіеся ни передъ чѣмъ. Однако не имъ досталась пальма первенства, — однако не они ухитрились произвести наихудшее впечатлѣніе на вовсе не чувствительнаго и не избалованнаго судьбой китайца-простолюдина! Развѣ это не характерно? Стоитъ припомнить, что въ 1816 г. англійскій фрегатъ «Alceste» былъ встрѣченъ у «Тигровой пасти» салютомъ (такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли потомъ мандарины!) и отвѣчалъ на него ядрами.

ИЗЪ КИТАЙСКАГО ПАНТЕОНА.

Первый желѣзный пароходъ, обогнувшій Мысъ Доброй Надежды («Немезида») былъ подъ британскимъ флагомъ и особенно посодѣйствовалъ погрому Китая въ 1841 г. Туземцы ее за то прозвали «чертовымъ судномъ». До настоящаго открытія Кантона міровой торговлѣ иноземные коммерсанты нерѣдки осѣдали въ его предмѣстьяхъ или значительно ближе къ устью: на длинномъ островѣ Вампоа или Вампу (откуда считался родомъ присвоившій себѣ это же имя извѣстнѣйшій сингапурскій китаецъ-крёзъ, о которомъ я уже упоминалъ со словъ Гончарова). Теперь, благодаря пушкамъ и штыкамъ, европеецъ владѣетъ особымъ комфортабельнымъ кварталомъ въ богатѣйшемъ центрѣ на Чжу-цзянѣ: тѣмъ не менѣе причиной послѣдняго возбужденія мѣстной толпы лѣтъ семь тому назадъ послужилъ выстрѣлъ изъ револьвера, сдѣланный однимъ пьянымъ англичаниномъ на улицѣ города и ранившій ребенка. Идея культурнаго превосходства по видимому весьма странно понимается и примѣняется на дѣлѣ современными цивилизованными народами!

На Западѣ мало кто знаетъ (хотя слѣдовало бы знать ради принциповъ высшей справедливости!), какъ Индія платитъ англійскому правительству даже за то, что и косвенно не связано съ ея насущными интересами: напримѣръ, 60—70,000 рублей въ годъ на

персидскую дипломатическую миссію, а кромѣ того значительно больше 100,000 рублей на тотъ-же предметъ и на свои консульства въ Китаѣ. Если въ предѣлахъ собственной имперіи колонизирующіе Азію британцы рѣшаются отбирать деньги у безропотныхъ тощихъ индусовъ для содержанія своихъ чиновниковъ на берегахъ Тихаго океана, — то еще меньше можетъ быть стѣсненія съ китайцами какъ объектами эксплоатаціи. На какомъ основаніи ожидать и требовать со стороны подданныхъ богдыхана пріязни и довѣрія по отношенію къ давнему сурово настроенному врагу?

Когда кантонскія власти, повинуясь необходимости исполнить волю сильнѣйшаго, уступили англичанамъ Гонконгъ, — богдыханъ гнѣвался и не хотѣлъ признавать договора. Съ тѣхъ поръ безпомощность центральнаго правительства въ гигантской странѣ еще замѣтнѣе обнаружилась, — что видно изъ всякаго столкновенія или просто-напросто спора съ державами. Западная Европа пробила страшнѣйшую брешь въ идеально разсматриваемой Великой стѣнѣ: кто и что спасетъ Китай какъ цѣлое отъ распаденія и чужаго ига? Ммѣ думается: только Россія!

ГЕНІЙ-ХРАНИТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ПАГОДЫ.

Четыре часа пополудни. Нашъ бѣлый громадный плоскодонный пароходъ подходитъ къ причудливо изукрашенной въ китайскомъ вкусѣ такъ-называемой мандаринской пристани, — куда сейчасъ явится съ визитомъ давно уже ожидающій, по близости, прибытія Е. И. Высочества престарѣлый вице-король или точнѣе генералъ-губернаторъ Цзунъ-ду (Tsung-tu или Chih-t'ai) Ли-ханъ-чжанъ, старшій братъ знаменитаго Лу-хунъ-чжана.

Съ мѣстныхъ военныхъ судовъ гремитъ салютъ. Нестройная оглушительно-одуряющая музыка возвѣщаетъ о томъ, что начальникъ края садится въ паланкинъ для слѣдованія къ набережной. Вся она, — насколько доступно взору, — усѣяна, наводнена, запружена загорѣлымъ черноволосымъ народомъ съ обнаженной головой. Сплошнымъ толпамъ зрителей положительно ни счету, ни мѣры нѣтъ! Эта любопытная и на европейскій взглядъ полудикая масса тихо между собою переговаривающихся человѣческихъ

существъ до такой степени безподобно дисциплинирована, что не нуждается въ строгомъ полицейскомъ контролѣ или какихъ-нибудь грубыхъ репрессаліяхъ за необузданность. Напротивъ: поведеніе собравшихся насладиться невиданнымъ и неслыханнымъ зрѣлищемъ вполнѣ тактично, могло-бы служить образцемъ любой городской черни на Западѣ и наводитъ на совершенно неожиданныя отрадныя мысли. Если народная громада въ центрѣ вражды ко всему европейскому способна выказывать столько сдержанности и приличія, то развѣ это не есть залогъ ея внутренней крѣпости и силы, развѣ это не есть неопровержимѣйшее свидѣтельство вѣковой привычки туземцевъ слѣпо повиноваться властямъ и съ глубокимъ почтеніемъ относиться ко всякому авторитету, хотя-бы даже чужеземнаго происхожденія, когда онъ признанъ за таковой правительствомъ богдыхана? Въ Небесной имперіи каждый гражданинъ интересуется вопросами соціальнаго характера и ревниво стремится къ охранѣ стародавнихъ освященныхъ благими послѣдствіями началъ, положенныхъ въ основу жизни государства. Высшей политикой, въ нашемъ смыслѣ слова, не занятъ никто: равнодушію китайца въ этомъ направленіи, право, позавидовали бы наиболѣе завзятые современные космополиты!

По пристани расхаживаютъ, — но только для виду, а не ради реальной пользы, — нѣсколько «блюстителей тишины и порядка» съ палочками въ рукахъ. Двинься нечаянно, по инерціи, впередъ необозримое сонмище народа, — и они тотчасъ же попадали бы въ воду. Но послѣднее невозмутимо спокойно, не требуетъ никакихъ плотинъ, само себя ограничиваетъ и уряжаетъ.

. . . . . Передъ появленіемъ вице-короля, на «Kiang-Kwan» согласно этикету препровождается его длинная и широкая визитная карточка краснаго цвѣта. Затѣмъ приближается и возвѣщенная музыкой процессія. На глазъ европейца, отчасти развращеннаго съ дѣтства опереточнымъ взглядомъ на вещи, внѣшность китайскаго торжественнаго шествія недостаточно серьезна. Тѣлохранители напр. имѣютъ кромѣ оружія зонтики и вѣера, наконецъ надписи на спинѣ объ ихъ воинской доблести.

Ли-ханъ-чжана (въ расшитой шелками парадной одеждѣ, — соотвѣствующей нашему большему придворному мундиру, — и въ черныхъ атласныхъ сапогахъ на толстой подошвѣ, съ важнѣйшимъ знакомъ отличія: краснымъ шарикомъ на головѣ) свита бережно приводитъ почти подъ руки на пароходъ, въ сопровожденіи завѣдующаго мѣстными финансами (Wong-Tsz-chun) — какъ англичане его величаютъ «provincial treasurer» (Pucheng-shih или Fan-tai). Губернаторъ по болѣзни отсутствуетъ. За вице-королемъ слѣдуетъ цѣлый штатъ чиновниковъ различнаго ранга.

Послѣ кратковременнаго визита, — въ теченіе котораго гостямъ у насъ предлагались вино и сласти, — «Kiang Kwan» отвалилъ отъ пристани, при сочувственныхъ возгласахъ народа, и сталъ на якорѣ (значительно дальше, вверхъ по рѣкѣ) у острова Шаминъ, служащаго европейцамъ за послѣднія тридцать лѣтъ совершенно отдѣльнымъ кварталомъ. Хотя его соединяютъ съ городомъ два каменныхъ моста, но по ночьямъ эти пути отрѣзаются спеціально наряженной стражей (у крѣпкихъ воротъ), — чтобы не пропускать туземныхъ злоумышленниковъ; однако запретъ выходить и входить въ эту пору распространяется, между прочимъ, и на самихъ иностранцевъ. Точно такимъ же способомъ оберегались съ 1573 г. португальцы въ Макао, когда кантонскія власти имѣли полное основаніе бояться за безопасность ихъ имущества и жизни.

День близится къ вечеру. Передъ обѣдомъ Ихъ Высочества инкогнито переѣзжаютъ на лодкѣ съ парохода къ «южному» предмѣстью города, острову Хонамъ, для осмотра достопримѣчательностей тамошняго буддійскаго монастыря Hai-chwang-sze («Океанскій

стягъ»), неизвѣстно въ точности когда основаннаго, но во всякомъ случаѣ довольно древняго, — хотя относительно обширнымъ и славнымъ онъ сталъ лишь со второй половины XVII вѣка, когда одно выдающееся духовное лице заново воздвигло главныя кумиренныя зданія на пространствѣ существовавшаго здѣсь прежде огромнаго цвѣтущаго сада. Мѣстные монахи оказали немало благодѣяній окрестному населенію, чудесно спасли его, между прочимъ, отъ мести воцарявшихся «огнемъ и мечемъ» маньчжуръ.

Съ убогой и грязной пристани мы идемъ къ невзрачнымъ и узкимъ воротамъ, за которыми открывается обнесенный высокою оградой длинный дворъ. По обѣимъ сторонамъ тянущейся черезъ него гладко вымощенной каменной тропы разсажены вѣчно зеленыя и вѣтвистыя баніановыя деревья. Сладостною тишиной вѣетъ на встрѣчу переступившимъ порогъ «дома Будды».

ВЪ ОГРАДѢ ХОНАМСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Уже у входа (за желѣзными рѣшетками, въ нишахъ) приковываютъ вниманіе посѣтителя двѣ ярко размалеванныхъ глиняныхъ фигуры внушительныхъ размѣровъ: это — «китайскіе генералы», охраняющіе доступъ къ храмамъ отъ нечистыхъ силъ и долженствующіе внушать всѣмъ, кто идетъ мимо, чувства благоговѣнія къ святынямъ.

Подъ входнымъ портикомъ, сбоку, находятся (какъ намъ говорятъ) пустые гробы, заготовленные состоятельными горожанами для старшихъ членовъ семьи; подобные предметы сыновняго почтенія подносятся обыкновенно въ даръ въ день рожденія родителей, когда послѣдніе достигаютъ преклоннаго возраста. Дабы не держать дома столь вещественныя memento mori, иные ихъ отдаютъ до времени подъ сѣни капища. Дальше бѣлѣютъ надписи, проповѣдующія на понятномъ для сердца китайца языкѣ великое значеніе заповѣди: «чти отца твоего и матерь твою».

Передъ приближеніемъ къ первой «настоящей» кумирнѣ въ предѣлахъ Небесной имперіи, мы видимъ вдоль стѣнъ другаго портика 4 трехсаженныхъ изображенія «алмазныхъ небесныхъ махараджей», — вождей сонмища сверхъестественныхъ существъ, владыкъ вселенной, являющихъ собой отраженіе индуизма. У одного (зеленаго цвѣта!) въ качествѣ аттрибута — мечъ, за который онъ словно берется съ нѣмою угрозой (этотъ царственный духъ, хранитель восточныхъ странъ, повелѣвастъ по ученію жрецевъ черными молніеносными вихрями). У втораго «красноликаго» — лютня, для плѣненія стихій. Самъ онъ олицетворяетъ элементъ огня и считается хозяиномъ юга. У осѣняющаго Западъ третьяго (съ бѣлымъ лицемъ) — зонтикъ съ жемчугами: захочетъ могущественный геній, и ниспошлетъ въ урочный часъ дожди, — прогнѣвается, и быть засухѣ, — распуститъ надъ

міромъ свой дивный балдахинъ, и прикроетъ людей отъ несчастій, — опуститъ его въ сердцахъ, и быть необычайной бѣдѣ: затменію, трусу, пробужденію хаоса! . . . Темноцвѣтный четвертый махараджа, правитель загадочнаго полуночнаго края, держитъ въ лѣвой длани какое-то непонятное животное (вродѣ змѣи), способное по убѣжденію вѣрующихъ развиться въ непобѣдимаго дракона. Сколько сокровеннаго смысла и поэзіи въ этихъ образахъ, еще въ доисторическую пору созданныхъ фантазіей прозрѣвавшаго будущее азіата! Любопытно, что китаянки, толпой стекающіяся сюда поклоняться четыремъ «властнымъ» кумирамъ и прикрѣплять къ ихъ подножію полоски изъ красной бумаги съ мольбами о ниспосланіи благополучія дѣтямъ, по отзыву компетентныхъ наблюдателей, всего чаще изливаютъ душу передъ «сѣвернымъ» царемъ. Востокъ вообще проникнутъ и живетъ поражающими и смущающими западный умъ предчувствіями, такъ-сказать «вѣщими» идеями. Я помню напр. разсказъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова о томъ, какъ онъ допрашивалъ европейски образованнаго, киргизскаго султана Валиханова, — имя котораго хорошо извѣстно слѣдящимъ за новой жизнью въ нашей Азіи, — что̀ у него за философія исторіи. Сынъ Турана лишь на минуту задумался и съ одушевленіемъ изрекъ: «Всемогущій Богъ даровалъ міровое владычество моему предку Чингисъ-хану: за грѣхи оно отнято у его потомства и передано Бѣлому Царю. Вотъ вамъ моя философія исторіи!»

БУДДІЙСКІЕ ВОЛХВЫ-ПРОПОВѢДНИКИ.

Августѣйшіе путешественники подходятъ къ центральному хонамскому храму, съ изогнутою въ видѣ пресмыкающихся крышею изъ зеленыхъ глазурныхъ черепицъ и съ красными стѣнами, что свидѣтельствуетъ о сооруженіи его съ разрѣшенія бохдыхана. Внутри кумирни тоже прежде всего бросаются въ глаза такого же цвѣта стройные кедровые столбы, крытые лакомъ.

Въ таинственной полумглѣ возсѣдаютъ надъ деревяннымъ алтаремъ Будды настоящаго, прошедшаго и будущаго съ 16-ью такъ-называемыми «лоханами» (великими «святыми чудодѣями») вдоль боковыхъ частей зданія. Фигуры этихъ распространителей вѣры «царевича-мудреца» по необъятному раіону азіатскаго міра (отъ принильскихъ краевъ до Японіи) дышутъ какой-то безмятежной радостью и покоемъ. У каждаго проповѣдника и волхва — своя крайне типичная физіогномія, свой ореолъ легендъ, свое чтимое традиціями наименованіе. Одинъ, напримѣръ (Нагасена), сидитъ на обломкѣ скалы, со сложенными въ молитвѣ руками: у него — уродливая голова, большой ротъ, густыя брови, длинные усы и борода, сережки въ ушахъ . . . Изъ-за далекаго

Гиндукуша принесли многіе изъ подобныхъ ему ревнителей «свѣтлую буддійскую вѣсть» въ нѣдра Китая!

Если подумать о разстояніяхъ, отдѣляющихъ его отъ Индіи, — невольно проникаешься удивленіемъ къ этимъ послѣдователямъ возвышеннѣйшаго изъ возникавшихъ на Гангѣ ученій, ощутившимъ въ себѣ тогда твердую рѣшимость выйдти въ опасную и почти безвѣстную дорогу (сквозь Авганистанъ, Памиры и бассейнъ Тарима) для обращенія на «путь истины» совершенно иначе настроенныхъ иноплеменныхъ народовъ, которымъ буддизмъ въ сущности долженъ былъ показаться на первый взглядъ чѣмъ-то безпочвеннымъ, фантастическимъ и безполезнымъ.

Религія Шакья-муни высоко ставитъ культъ монарха. Чтить владыкъ народа и князей-милостынедателей издревле входитъ въ обязанность исповѣдующаго ее монашества. Китайскіе императоры, — по временамъ уклонявшіеся отъ началъ строгой вѣротерпимости и даже преслѣдовавшіе его за черезчуръ пассивное отношеніе къ узко-практическимъ интересамъ государства, — въ общемъ потворствовали ученію и жречеству Будды съ того самаго момента, когда одинъ богдыханъ увидѣлъ какого-то «дивнаго западнаго мужа» во снѣ и когда съ Запада (изъ Кабула) дѣйствительно прибыли въ предѣлы Небесной имперіи мудрые, облеченные сверхъестественными свойствами индійскіе проповѣдники на «бѣлыхъ» коняхъ.

Въ хонамскомъ храмѣ, по серединѣ алтаря, гдѣ впереди трехъ большихъ кумировъ красуется еще маленькій четвертый, — среди вазочекъ съ искусственными цвѣтами, среди разныхъ жертвоприношеній (преимущественно освященнаго риса, отдаваемаго потомъ на съѣденье пичугамъ) и курительныхъ свѣчечекъ, — высится красная дощечка, на которой крупными золотыми буквами начертано: «да продлится царствованіе государя десять тысячъ разъ десять тысячъ лѣтъ!» Не такъ-ли въ древнемъ Иранѣ вѣрноподданные привѣтствовали правителя возгласами: «живи вѣчно, о царь!»? Китайца, не симпатизирующаго бурному проявленію чувствъ, удовлетворяетъ и надпись съ искренними пожеланіями долгоденствія монарху, въ числѣ титуловъ котораго есть и «Wan Sui Yeh», владыка періода въ 10,000 лѣтъ. Въ данную пору императоръ принимается за нетлѣнный отблескъ Маньчжушири, бога мудрости. Одинаковую, но «зеленую» дощечку обязаны имѣть въ мечети туземцы-мусульмане, хотя это сильно идетъ въ разрѣзъ съ принципами ислама, — особенно негодующаго на всякія антрополатрическія тенденціи.

Въ центральной кумирнѣ намъ показываютъ еще барабанъ, употребляемый при шумныхъ молитвословіяхъ и необыкновенно сладкозвучный колоколъ, принесенный въ даръ частными лицами въ 1662 году: жрецы ежедневно звонятъ въ него на зарѣ, по утрамъ и вечерамъ, 108 разъ (число «108» въ глазахъ буддиста священно: извѣстныя молитвы читаются именно столько разъ, драгоцѣннѣйшія четки состоятъ изъ 108 корольковъ, число покаянныхъ земныхъ поклоновъ зачастую равняется ста восьми и т. д.).

Мы покидаемъ главный храмъ черезъ другую дверь: прямо противъ нея, спиной къ перегородкѣ, отдѣляющей трехъ Буддъ отъ остальной части капища, находится статуя Амитабы (О-ми-то-фо или Амида), «безконечный свѣтъ», царствующаго надъ райскими обителями (изъ серебра и коралловъ, изъ янтаря и бирюзы) въ невѣдомыхъ странахъ заката. Тамъ алкавшіе истины праведные люди послѣ смерти обрѣтаютъ неизсякающее блаженство, мѣняютъ бренную оболочку на лучезарное тѣло, погружаются въ восторженное созерцаніе божествъ, возсѣдающихъ на престолахъ изъ лотосовъ и льющихъ на свое царство ласково-мягкіе лучи, между тѣмъ какъ длани этихъ верховныхъ небожителей простерты къ недостигнувшимъ совершенства существамъ, страдающимъ и молящимся.

Надо сказать, буддизмъ отчасти потому-то и отпраздновалъ во многихъ краяхъ восточной Азіи побѣду надъ враждебными языческими вѣрованіями, что ввелъ кромѣ абстрактныхъ идей объ успокоеніи въ Нирванѣ яркіе образы о волшебномъ мірѣ Амитабы. Чувственная фантазія народовъ Востока требуетъ пищи, нуждается въ конкретныхъ понятіяхъ и не терпитъ отвлеченностей. Успѣху пришлой индійской вѣры въ значительной степени содѣйствовало развитіе относительно пышной обрядности и ввозъ въ Китай, несмотря на отдаленность, вмѣстѣ съ книгами «закона» рѣдкихъ по исполненію кумировъ работы иноземныхъ художниковъ. Истинные буддисты недаромъ молятся, чтобы воплощенія «учителя» или ему подобныхъ постепенно, для распространенія религіи по всему міру, явились повсюду, гдѣ ея еще нѣтъ. Вслѣдъ за изваяніями пришли настоящіе «перерожденцы», олицетворенія и отраженія всевѣдущихъ Буддъ: въ VI вѣкѣ нашей эры въ Небесную имперію моремъ прибылъ изъ южной Индіи великій мистикъ и проповѣдникъ (по счету 28-ой патріархъ) «браминъ» Бодидарма. Западъ издревле считался и считается китайцами за родину ихъ предковъ, постепенно передвигавшихся оттуда на востокъ черезъ Тибетъ (чуть-ли не изъ Месопотаміи или Халдеи какъ теперь догадываются синологи!), съ цѣлью привить культурныя начала дѣвственной странѣ, прилегавшей къ Великому океану.

ГУАНЬ-ИНЬ.

Въ концѣ монастырскаго двора высится такъ-называемый «чертогъ» небожительницы Гуань-инь (Kwan-yin), генія кротости и милосердія (по санскритски Авалокитесвара). Чисто восточная легенда о немъ полна умилительныхъ подробностей, заслуживающихъ быть переданными хотя-бы въ двухъ словахъ. У одного стараго жестокаго правителя (въ маленькомъ княжествѣ, смежномъ съ сѣверной частью Индостана) на слезныя мольбы его бездѣтной жены родилась дочь, изумившая міръ добродѣтельными качествами. Родители не дозволяли ей стать монахиней, — она ихъ убѣдила внять голосу ея сердца. Въ монастырѣ ее сдѣлали чернорабочей, — но она нашла неожиданныхъ помощниковъ: при собираніи овощей ей начали пособлять обезьяны, при сборѣ чайныхъ листьевъ — птички, «бѣлый» тигръ при ношеніи вязанокъ съ дровами изъ лѣсу. Отецъ

княжны, разгнѣванный ея благочестіемъ, велѣлъ поджечь принявшій ее женскій монастырь: она чудесно запретила пламени. Извергъ приказалъ казнить мнимо-непокорную дочь. Послѣдняя же предпочла на себя принять грѣхъ и удавилась. Тогда во дворецъ явился хищный звѣрь и унесъ ея трупъ въ горы, гдѣ Гуань-инь (Kwan-yin) воскресла.

Небесные духи свели ее въ адъ показать мученія нечестивыхъ. Идеально настроенная дѣвушка ужаснулась ихъ пыткамъ, но особенно ихъ невѣдѣнію добра. Сила ея любви и состраданія въ эту минуту была такъ глубока, что на нее саму посыпался дождь цвѣтовъ, а ввергнутые во адъ вдругъ почувствовали себя въ раю Амиды.

БОГИНЯ МИЛОСЕРДІЯ.

Гуань-инь поселилась или точнѣе признала своимъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ островъ Путо Чусаньскаго архипелага (Поталу индусовъ и тибетцевъ: для первыхъ это — или миѳическій островъ полуденнаго моря, или древняя гавань въ устьяхъ Инда, или часть горъ Нильгири въ мадрасскомъ президентствѣ; для вторыхъ это — главная святыня Лхассы, гдѣ обитаетъ Далай-лама). Гуань-инь можетъ по волѣ принимать любой образъ съ цѣлью благодѣтельствовать людямъ: между прочимъ, она явилась разъ на землю китайскою царевною. Ея изображаютъ иногда или вѣрнѣе изображали мужчиной; однако чаще она представляется богиней съ тысячью рукъ или съ младенцемъ на рукахъ, - что нерѣдко побуждало европейцевъ сравнивать ее съ Мадонной: наибольшее поклоненіе воздается ей матерями и моряками. Богомольцы стекаются на ея островъ издалека, порою изъ Тибета. Ей посвящено еще немало мѣстъ: напр. одна величественная пещера (въ 170 верстъ отъ Кантона), гдѣ въ связи съ культомъ богини вѣрующіе кормятъ бѣлыхъ голубей.

Вотъ она сама, — громадная, стройная, позолоченная, загадочно улыбающаяся надъ простенькимъ деревяннымъ алтаремъ, задрапированнымъ красной матеріей! На покровѣ вышиты атласомъ имена женщинъ изъ фамиліи вліятельныхъ мѣстныхъ богачей Ховква, игравшей трудную роль въ исторіи Кантона, пока онъ еще былъ почти замкнутъ иностранцамъ. Прямое общенье между ними и туземцами не допускалось. Посредничествомъ въ торговомъ и многихъ иныхъ отношеніяхъ занимались назначаемые властями китайцы-купцы (hong merchants), отвѣтственные передъ своимъ правительствомъ даже за дурное поведеніе пришлаго элемента съ Запада. Они непомѣрно обогащались, благодаря исклю-

чительности своего положенія, кромѣ того становились необходимыми соотечественникамъ и «бѣлымъ» коммерсантамъ. Дабы угодить своимъ, они щедро жертвовали на оборону роднаго города (напр. цѣлый фортъ у Вампоа построенъ былъ на ихъ деньги). Съ другой стороны эти же посредники дорожили связями съ европейскимъ міромъ: Ховква, во главѣ прочихъ торговыхъ посредниковъ, пріѣзжали во время нападенія англичанъ на эскадру вести мирные переговоры, выяснять недоразумѣнія, предупреждать наконецъ иногда о намѣреніяхъ разъяренной черни. Когда легко торжествовавшіе надъ безоружнымъ врагомъ британцы захватили резиденцію вице-короля, поселились въ ней (на гнѣвъ народа!) и вздумали въ знакъ издѣвательства рѣзать у плѣнныхъ косички, украшая ими свои лодки съ военныхъ судовъ, — кантонцы замыслили отравить ѣду и пищу «заморскихъ варваровъ»: Ховква почли долгомъ сообщить имъ о грозящей опасности.

Не странно-ли говорить объ этомъ у подножія статуи Гуань-иня? Острый запахъ куреній кружитъ голову и уноситъ въ область мечты. Внутренность пагоды словно расширяется мглою синеватыхъ струй аромата. Изваяніе богини какъ-бы ростетъ на пьедесталѣ.

Свѣчи, возжигаемыя вѣрующими передъ «олицетвореніемъ милосердія», уносятся ими потомъ на домашніе алтари. Принято душить въ дыму этихъ благовоній щепотки чая, завернутыя въ бумагу: послѣдними пользуются иногда въ качествѣ лѣкарствъ.

Передъ тѣмъ какъ намъ уйдти изъ хонамскаго монастыря, Ихъ Высочества осматриваютъ еще одно зданіе въ его оградѣ, — вмѣщающее великолѣпную четыреугольную «дагобу», буддійскій памятникъ съ изящнымъ семиэтажнымъ зонтомъ (или точнѣе шпилемъ) надъ нимъ и рѣдкой работы скульптурными изображеніями Будды по бокамъ: на львѣ, на слонѣ съ шестью клыками и въ одеждѣ китаянки на другомъ какомъ-то фантастическомъ животномъ, — наконецъ на лотосѣ, замѣняющемъ престолъ. Подъ бѣломраморнымъ монументомъ хранятся останки «святаго». Около каждой тщательно изваянной фигуры «учителя» поставлены чаши со свѣжей водой, служащей эмблемою чистоты достигнувшихъ высшаго совершенства существъ.

Монаховъ мы нигдѣ не видимъ: въ противуположность ламамъ, занимающимъ довольно привиллегированное положеніе въ самомъ Китаѣ, туземные духовные (хэшаны), — ближе подходящіе по особенностямъ обряда и быта къ японскимъ и аннамскимъ единовѣрцамъ чѣмъ къ тибетцамъ и монголамъ, — играютъ весьма второстепенную роль среди роднаго населенія. Очень можетъ быть, что они отчасти оттого и не показываются намъ на глаза сегодня. Мѣстныя власти съ ними вообще мало стѣсняются: напр. при проѣздѣ посольства лорда Амхерста въ 1816 г. ему и свитѣ отвели хонамскій храмъ, отправивъ главные кумиры за рѣку. Въ 50-хъ годахъ тутъ устроили разъ въ смутное время постой китайскимъ солдатамъ.

Только-что осмотрѣнныя молитвенныя сооруженія тождественны по типу со множествомъ другихъ буддійскихъ святилищъ въ предѣлахъ имперіи и даютъ сравнительно ясное представленіе о культѣ Фо (Шакья-муни) въ странѣ богдыхана. Августѣйшіе путешественники тѣмъ болѣе въ состояніи были ознакомиться съ характернѣйшими деталями, что обходили монастырь въ сопровожденіи г. Покотилова, спеціально занимающагося буддійскою религіей съ точки зрѣнія синологіи: онъ еще недавно (въ маѣ 1889 г.) совершилъ любопытнѣйшую ученую экскурсію изъ Пекина въ довольно близкій отъ него У-тай, на чтимую милліонами людей «свѣтлую и прохладную» гору, ставшую однимъ изъ выдающихся центровъ поклоненія Буддѣ въ восточной Азіи. Нашъ молодой оріенталистъ такъ хорошо подготовился къ своей задачѣ, что быстро собралъ свѣдѣнія, дополняющія ранѣе

изданный объ этомъ предметѣ матеріалъ столь вѣскихъ знатоковъ края какъ Эдкинсъ и Гильмоуръ, какъ Рокхиль и Рихтгофенъ.

Въ предмѣстьѣ Хонамъ, рядомъ съ капищами, находятся жилища кантонскихъ богачей Ховква. Ихъ Высочества удостоиваютъ посѣтить послѣднія, чтобы получить понятіе хотя съ внѣшней стороны о жизни состоятельнаго китайца въ стѣнахъ роднаго дома. Входъ туда узокъ и непригляденъ: переступаешь порогъ обнесеннаго крѣпкою оградою обиталища крёзовъ, точно за нею — мѣсто тоскливаго заключенія. Ни оконъ, ни дверей не замѣтно сначала у фасада: это — съ умысломъ, дабы мертвенно-пустымъ угрюмымъ видомъ отпугнуть взоры недобрыхъ духовъ, заглядывающихъ въ калитку. Искусство ихъ отвращать составляетъ для населенія предметъ цѣлой отрасли знанья.

Мы огибаемъ углы довольно запущеннаго, постепенно расширяющагося двора и передъ нами открывается — слѣва — мощеная камнемъ дорожка вдоль пруда, составляющаго принадлежность всякой резиденціи съ претензіями на роскошь. Направо расположена пріемная комната или точнѣе веранда, откуда можно любоваться оригинальной и даже, пожалуй, забавной имитаціей природы на туземный ладъ. Надъ влагой подымаются соединенныя между собой крошечными выгнутыми мостиками нагія скалы игрушечныхъ размѣровъ съ деревцами-карликами тутъ и тамъ. По серединѣ «романтическаго» ландшафта красуется на небольшой насыпи подходящая по величинѣ стекляная бесѣдочка, откуда хозяева и гости — любители кейфа вольны созерцать водную поверхность у своихъ ногъ, подъ которой сверкаютъ пестрою чешуей рѣзвыя рыбки.

Убранство такъ-сказать параднаго зала, — гдѣ представитель рода Ховква (маленькій скромный человѣчекъ) въ восхищеніи привѣтствуетъ Августѣйшихъ путешественниковъ, — не отличается ровно ничѣмъ особеннымъ. Именитѣйшіе граждане имперіи не гонятся за показною пышностью: возможная простота во всемъ глубоко проникаетъ нравы среднихъ и высшихъ слоевъ населенія.

Рѣзная мебель — чернаго дерева. Неуклюжіе табуреты (въ отличіе отъ прочихъ азіатовъ китайцы признаютъ пользу имѣть сидѣнія), а также два-три массивныхъ стола и поставца для нѣсколькихъ старыхъ фарфоровыхъ вазъ и бронзы крыты пластинками кантонскаго или юннанскаго мрамора. Сѣсть на него и холодно, и неудобно. Стѣны гостиной — синій изразецъ съ бѣлымъ бордюромъ.

Намъ подносятъ неподслащенный душистый чай, съ плавающими въ немъ листиками: блюдечки положены на чашки, чтобы удерживать нѣжный ароматъ. Пьешь несравненный по качествамъ туземный напитокъ, слегка отодвигая крышечку. Разговора нѣтъ: благовоспитанные люди «желтой» рассы, согласно обычаю, молча встрѣчаютъ и угощаютъ Высокихъ посѣтителей.

Женскій семейный элементъ незримъ: на дорожкѣ извнѣ стоитъ лишь группа страшно размалеванныхъ молодыхъ служанокъ или рабынь (положительно съ масками вмѣсто лицъ).

. . . Во второмъ внутреннемъ дворѣ, — ближе къ выходу, — Ховква отворяетъ намъ двери домашней кумирни, «святаго святыхъ» безусловно всякаго болѣе или менѣе обширнаго китайскаго обиталища; надо замѣтить, что въ чертѣ комплекса жилыхъ зданій туземцы-родственники въ количествѣ сотенъ душъ (съ чадами и домочадцами) образуютъ иногда какъ-бы одно неразрывное цѣлое, на подобіе клана.

Передъ алтаремъ пенатовъ (съ вертикально поставленными деревянымии табличками въ память усопшихъ, — на которыхъ начертано ихъ имя, званіе, время рожденія и смерти, — а также со свѣтильниками, зажигаемыми въ торжественные дни) связанные узами крови

мужи собираются по временамъ для рѣшенія на совѣтѣ вопросовъ, затрогивающихъ общую честь или благополучіе, для смягченія ссоръ, для строгаго суда надъ непочтительными невѣстками, для развода (невѣрныхъ женъ по закону безжалостно гонятъ отъ оскверненнаго ими очага, — супруговъ же, противящихся наказанію прелюбодѣекъ, бьютъ бамбуками), для раздѣла имуществъ и т. п. Подобныя судилища въ практическомъ отношеніи дѣйствительнѣе правительственныхъ мѣропріятій и каръ.

Словно осѣняя незримымъ присутствіемъ дѣятельную мысль и разумную волю живыхъ, со стѣнъ глядятъ изображенія иныхъ почившихъ, тогда какъ изъ-подъ потолка перпендикулярно спускаются надписи золотомъ, на красномъ фонѣ, о литературныхъ и государственныхъ заслугахъ извѣстной категоріи достойнѣйшихъ членовъ семьи. Прямо противъ входа въ кумирню провожающій насъ Ховква показываетъ Ихъ Высочествамъ поясной портретъ своей недавно скончавшейся и горько оплакиваемой старушки-матери. Подобные объекты культа, въ которые по стародавнему вѣрованію китайца охотно вселяются духи мертвецовъ, принято имѣть въ добропорядочныхъ домахъ. Исполняющіе заказъ художники (порою еще при жизни слѣпо уважаемаго младшими лица) чрезвычайно заботятся о сходствѣ картины съ оригиналомъ. Ее рисуютъ непремѣнно en face, а не въ профиль. Она съ почетомъ несется въ погребальной процессіи и затѣмъ уже занимаетъ мѣсто въ семейномъ храмѣ: аналогично поступали въ древнемъ Римѣ съ такъ-называемыми imagines majorum.

Благодаря любезности прекрасно освѣдомленнаго французскаго консула Эмбо-Хюара, мнѣ удается сгруппировать нѣкоторыя данныя о Кантонѣ, отчасти не лишенныя для русскаго общества интереса новизны: мы такъ мало знаемъ до сихъ поръ о величайшемъ изъ смежныхъ намъ государствъ! Синологи съ широкимъ кругозоромъ, вродѣ С. М. Георгіевскаго, съ весьма небольшимъ успѣхомъ разъясняли до послѣдняго времени своей немногочисленной аудиторіи, почему Россіи необходимо разносторонне изучать Китай. Конечно, теперь (съ посѣщеніемъ его Престолонаслѣдникомъ и въ связи съ намѣченнымъ рельсовымъ путемъ черезъ Сибирь на Дальній Востокъ) положеніе вещей должно измѣниться, и наше самосознаніе естественно возростетъ.

Издревле важный коммерческій центръ на Чжу-цзянѣ теряетъ прежнее значеніе, передающееся Гонконгу. Англичане начинаютъ торжествовать надъ кантонцами въ ихъ собственной сферѣ, однако по цифрамъ «Bulletin consulaire» (въ отдѣлѣ «Commerce de Canton») ввозъ и вывозъ отсюда равны пока четверти милліарда франковъ. Европейцы, живущіе здѣсь на островкѣ Шаминѣ, не могутъ похвалиться размѣромъ денежныхъ оборотовъ. Послѣдній скорѣе выпадаетъ на долю города Викторіи. На первомъ мѣстѣ однако все еще надо ставить экспортъ шелка и чая изъ сосѣдней дельты, столь богатой дарами природы! Тамъ, на небольшомъ пространствѣ (по направленію къ Макао), среди лабиринта водныхъ артерій ютится трудолюбивѣйшее населеніе, производящее въ очень значительномъ количествѣ лучшій сырецъ. Въ томъ же округѣ живутъ искусные ткачи, изъ-подъ рукъ которыхъ на міровой рынокъ идутъ безподобнѣйшія шелковыя ткани съ узорочьемъ. Расшитая одежда мандариновъ считается спеціальностью мѣстныхъ фабрикъ.

Когда подумаешь, что этотъ предметъ торговли съ незапамятныхъ временъ оказывался звеномъ, косвенно объединявшимъ царство «Сына Неба» съ Индіей и Малой Азіей, съ «застѣнными» варварами любаго племени и культурными чужими государствами, — то понятно чувство китайцевъ, усматривающихъ въ шелковичномъ червѣ нѣчто чудодѣй-

ственное. Выматываемыя имъ нити, — цѣнившіяся напр. въ Римѣ (около Р. Хр.) на вѣсъ золота, — словно служили мистическими узами дружбы и взаимопознаванія для разобщенныхъ разстояніемъ и судьбой передовыхъ народовъ древности. Озабоченное сбытомъ шелка на Западъ населеніе сѣверныхъ областей Небесной имперіи въ началѣ нашей эры хоть и смутно, но представляло себѣ пути туда, — особенно по-суху: къ Аму-Дарьѣ, въ землю парѳянъ при династіи Арсакидовъ, на Мервъ (по-китайски Мулу) и т. д. до Чернаго моря и Антіохіи Сирійской. Востокъ въ ту отдаленную пору вовсе не дробился на ненавистныя другъ другу политическія единицы. Напротивъ, человѣчество тогда еще не додумалось до утонченно-безпощадныхъ принциповъ возводимаго нынѣ въ культъ національстическаго эгоизма и гораздо радушнѣе относилось повсюду (несмотря на исторически слагавшуюся замкнутость многихъ жизненныхъ формъ) къ притокамъ свѣжаго воздуха извнѣ, съ инокровно-иновѣрной и странной по духу чужбины. Кто скажетъ, сколько творческихъ идей приносили съ дороги домой китайскіе богомольцы-купцы, ѣздившіе до нашей эры на Гангъ, или христіанскіе монахи изъ Ирана, познакомившіе Византію съ культурой шелковичнаго червя?

Въ Китаѣ на немъ въ нашъ вѣкъ какъ и въ Европѣ обнаружилась болѣзнь. Когда тоже случилось недавно у японцевъ, они ее живо локализировали. Между тѣмъ подданные богдыхана равнодушно или точнѣе безпомощно относятся къ бѣдѣ и, конечно, теряютъ отъ этого немало выгодъ въ виду естественно увеличивающагося спроса на шелкъ изъ «страны восходящаго солнца», хотя послѣдній хуже по достоинству.

Здѣшнимъ властямъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на опасность, которая грозитъ драгоцѣннѣйшему промыслу: изъ имперіи ежегодно вывозится одного сырца и тканей приблизительно на 70—75,000,000 рублей. Только чайное дѣло поставлено лучше, стоимость же всѣхъ прочихъ экспортируемымъ товаровъ въ совокупности ниже, составляя какихъ-нибудь пятьдесятъ милліоновъ. И вдругъ китайцы дадутъ болѣзни развиться! Въ прошломъ году вывозъ шелка уменьшился противъ 1889 г. на 90,000 пудовъ.

Провинція Гуанъ-дунъ производитъ непомѣрное количество хлѣба, риса и сахарнаго тростника. Однако продуктовъ едва хватастъ на нужды туземцевъ. Китайцы фабрикуютъ для вывоза отсюда въ Англію лишь консервы изъ фруктовъ: наиболѣе славится приготовленіе въ сиропѣ или уксусѣ имбирнаго корня, ананасовъ, бамбуковыхъ ростковъ и т. п.

Почетомъ пользуется на Жемчужной рѣкѣ живопись по фарфору. Къ сожалѣнію, за послѣднее время это искусство — въ упадкѣ: мастерами-художниками утрачены нѣкоторыя тайны состава красокъ и не представляется счастливаго случая ихъ возсоздать.

Понимающіе толкъ въ старинныхъ вещахъ имѣютъ возможность отыскивать въ Кантонѣ множество рѣдкостей, которымъ (при продажѣ любителямъ на Западѣ) нѣтъ цѣны. Всего легче находить подобныя достопримѣчательности въ башняхъ, куда горожане носятъ въ залогъ все ненужное.

Шелкъ является, какъ я уже сказалъ, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ кантонской торговли. Масса его (не меньше двухъ третей) скупается для Ліона, — но по непонятной косности дѣло это (на 50 милліоновъ франковъ) ведется черезъ посредничество англичанъ и нѣмцевъ. Всего одна фирма (Cozon et Giraud) обходится безъ него. Французское правительство проявляло здѣсь до сихъ поръ такъ мало иниціативы, что даже уступленная ему на островѣ Шаминѣ земля фактически еще пустуетъ, — когда крошечная британская колонія рядомъ окрѣпла и развилась: французами ничего пока не израсходовано на необходимыя огражденія отъ наводненій, самъ консулъ не имѣлъ до послѣднихъ

мѣсяцевъ ни подходящаго жилища, ни своей полицейской охраны. Теперь, съ назначеніемъ энергичнаго Эмбо-Хюара, престижъ его родины быстро сталъ расти: въ предпрошломъ году удалось распродать всѣ земельные участки французской концессіи, съ обязательствомъ для покупавшихъ поскорѣе воздвигнуть на ней вереницу домовъ.

Понедѣльникъ, 25 марта (6 апрѣля).

Сегодня предстоитъ зрѣлище исторической важности: Е. И. Высочество, въ сопровожденіи отряда нашихъ матросовъ, прослѣдуетъ на завтракъ къ Ли-хан-чжану. Китайскія власти Кантона лишь въ знакъ чрезвычайнаго расположенія соглашаются на то, чтобы въ стѣнахъ города показывались вооруженные европейцы. Онѣ допустили это, между прочимъ, — сколько я знаю, — въ 1598 г. по отношенію къ манильской испанской экспедиціи въ здѣшній край, старавшейся вопреки злобному противодѣйствію португальцевъ разцвѣтавшаго тогда Макао завязать дружескія связи съ Небесной имперіей. Въ 1866 г. посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, полковникъ Демби, принялъ въ кварталѣ Шамина визитъ вице-короля, въ присутствіи десанта съ американскаго корвета . . . но что значатъ подобные случаи параллельно съ фактомъ отдачи неслыханныхъ почестей Престолонаслѣднику?

Для Него приготовлены носилки священнаго въ глазахъ буддистовъ «желтаго» цвѣта, составляющія принадлежность исключительно «Сына Неба» и вдовствующей императрицы, въ сущности правившей Китаемъ до настоящаго времени. Относительно всемогущимъ генералъ-губернаторамъ не присвоено это право являться народу въ ореолѣ чего-то божественнаго. Ни одного именитѣйшаго иностранца населеніе никогда не видало открыто приравненнымъ земному владыкѣ высшаго порядка. Изъ устъ въ уста пойдетъ по четырехсотмилліонному царству небывалая вѣсть о совершившемся событіи. Недаромъ въ составъ іероглифа «Hwang-ti» (Хуанъ-ди, верховный государь), т. е. въ исконный титулъ богдыхановъ, входитъ понятіе «бѣлый князь, Цаганъ-ханъ, Бѣлый Царь»! Англійскіе синологи объясняютъ это позднѣйшимъ искаженіемъ слова, первоначально означавшаго «тотъ, кто умѣетъ управлять самимъ собою». Но не все-ли равно, разъ что въ данное время смыслъ столь краснорѣчивъ?

Около полудня Августѣйшіе путешественники на особомъ пароходикѣ отправляются съ «Кіангъ-Квана» къ мандаринской пристани. Еще бо́льшее оживленіе чѣмъ вчера кипитъ на Чжу-цзянѣ. Нестройные звуки южной гортанной рѣчи сливаются въ невообразимый гамъ. Мы съ величайшимъ трудомъ лавируемъ среди рѣчнаго люда, всецѣло отдавшагося обычной суетѣ. При нѣкоторомъ безсознательномъ навыкѣ наблюдать за окружающей жизнью, послѣдняя представляется все любопытнѣе и оригинальнѣе. Сразу замѣчаешь то, на чемъ взоръ и не медлилъ до этой минуты, утомленный многообразіемъ новыхъ впечатлѣній.

Въ черныхъ баржахъ какъ въ настоящихъ складахъ везется соль. Другія представляютъ изъ себя садки. Допотопнаго типа суда съ колесами, — приводимыми въ движеніе ногами куліевъ, дружно нажимающихъ педали, — шумно идутъ намъ на встрѣчу, нагруженные доверху пассажирами, которыхъ не смущаетъ малая скорость, развиваемая силой столь нехитраго механизма, и, пожалуй, даже радуетъ отсутствіе «бѣсовскаго» пара. Слѣдомъ за подобными «ковчегами», вспѣнивающими воду среди несчетнаго пловучаго жилья, по теченью плывутъ огромныя лодки съ живностью, вмѣщающія тысячи утокъ и

ЛАМЫ, ПРИВЕТСТВУЮЩИЕ ХАДАКАМИ.

гусей. Иногда владѣльцы ихъ причаливаютъ къ берегу и даютъ имъ попастись. При скликаніи на ночлегъ хорошо вымуштрованныя птицы на перегонку торопятся взобраться по сходнямъ домой, зная, что запаздывающимъ изрядно попадаетъ отъ загонщиковъ пернатаго стада. Мелькомъ видны поодаль рѣзко отличающіяся отъ убогихъ сампановъ такъ-называемая «flower boats». Онѣ богато отдѣланы, уставлены рѣзною мебелью изъ чернаго дерева, увѣшены расшитыми занавѣсками, снабжены зеркалами и лампами. Тамъ веселится по вечерамъ состоятельный элементъ Кантона, — богачи приглашаютъ туда гостей пообѣдать и послушать пѣвицъ . . .

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ У ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ КУМИРНИ.

Подъ навѣсомъ пристани, гдѣ вчера встрѣчалъ вице-король, выстроенъ русскій дессантъ. Е. И. Высочество здоровается съ карауломъ, которымъ командуетъ лейтенантъ Н. А. Кроунъ, флагъ-офицеръ адмирала Басаргина. Цѣлый рядъ паланкиновъ, съ Великокняжескимъ во главѣ (надъ нимъ золотой шарикъ порядочныхъ размѣровъ) ожидаетъ въ немногихъ шагахъ отъ рѣки. Свитѣ приготовлены мандаринскія носилки зеленаго цвѣта.

Въ моментъ прибытія Высокаго посѣтителя Ли-хан-чжанъ спѣшитъ къ набережной, при серебристомъ звонѣ гонговъ. Неизгладимое впечатлѣніе должно остаться и у насъ,

участниковъ знаменательнаго шествія на завтракъ, и у кантонцевъ, высыпавшихъ взглянуть на Его торжественный пріемъ. Ничего подобнаго нельзя себѣ представить! Куліи такъ-сказать впряглись съ двухъ сторонъ въ бамбуковыя оглобли нашихъ безколесныхъ каретокъ съ перекладинками, за которыя они держатся. Процессія растянулась ломанною линіей на значительномъ протяженіи. Путь лежитъ не улицами (въ западномъ смыслѣ слова), а какими-то чисто восточными узкими переулками и закоулками. Музыка хора съ «Азова» то побѣдно гремитъ, то замираетъ въ зависимости отъ частыхъ поворотовъ къ средней части кортежа. Носильщики то стремительно выравниваются, чтобы не задерживать находящихся позади китайскихъ чиновниковъ, китайскихъ музыкантовъ и туземную стражу, — то едва тащатъ наши тяжелыя крытыя сидѣнья (съ окошечками по бокамъ). Все, что при этомъ замѣчаешь по дорогѣ, положительно не поддается описанію. Тутъ нѣтъ живописной распущенности мусульманскаго Востока, нѣтъ первобытнаго отпечатка полуденныхъ странъ, — гдѣ каждую неприглядную мелочь красятъ яркая природа и солнце. Здѣсь вылилась въ опредѣленныя странныя формы утонченная ритуалистически застывшая жизнь народа съ прошедшимъ въ нѣсколько тысячелѣтій. Печать его культуры почила положительно на каждомъ лицѣ, на каждомъ предметѣ вокругъ. Собственно движешься не городомъ съ милліоннымъ строптиво настроеннымъ населеніемъ, но по добродушно-удивленной, слегка лишь разступившейся безконечной толпѣ, которой родныя власти сообщили правду о Сѣверномъ Гостѣ, правду о взаимотяготѣніи Россіи и Китая, о необходимости показать именно западно-европейскому міру, кого правительство Небесной имперіи способно искренно чтить и признавать. Дни посѣщенія Цесаревичемъ Кантона пламенными начертаніями врѣжутся въ скрижали исторіи Дальняго Востока.

НА ГРАНЯХЪ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Улицъ, какъ я уже замѣтилъ, не существуетъ: лошадьми и въ благоустроенномъ Гонконгѣ почти никто не пользуется, довольствуясь мускулами куліевъ. Въ тѣсно застроенной столицѣ Гуанъ-дуна подавно! Никакой экипажъ не проѣхалъ бы среди зданій, находящіеся въ которыхъ при желаніи могли бы подать другъ другу руки, съ усиліемъ нагнувшись впередъ. Тѣмъ осязательнѣе чувство, что стоитъ обступающей невѣдомой громадѣ сомкнуться и она бы насъ задавила; но ей сказано, какъ себя держать, и внутренняя дисциплина насквозь проникаетъ зрителей . . . . .

Мостовая изъ гранитныхъ плитъ, снабженныхъ широкими отверстіями для стока дождей и нечистотъ. Низкіе кирпичные дома съ перекинутыми межъ ними (надъ головой прохожихъ) цыновками или стеклянными загражденіями (точно въ пассажахъ) и пестрыми саженными вывѣсками, изъ коихъ ни одной нѣтъ въ горизонтальномъ положеніи, а всѣ отвѣсно болтаются вмѣстѣ съ фонарями, — изображающими яркихъ бабочекъ и птицъ или ландшафты, — у входа въ лавки, гдѣ въ глубинѣ выдѣляются маленькіе алтари съ золочеными фигурами боговъ удачи. И курьезны же, по свидѣтельству синологовъ, эти надписи (наивнѣйшія рекламы хозяину и товару) надъ туземными магазинами: «нескончаемый успѣхъ», «непрерывное счастье», «небесное благополучіе»! Затѣйливостью и вычур-

У ОЧАГОВЪ ЛАМАИЗМА.

ностью наименованій съ ними могутъ поспорить лишь уличные закоулки, величаемые горожанами: «улица мира», «улица свѣтлыхъ облаковъ», «улица долголѣтія», «улица вѣчной любви», «улица тысячи внуковъ», «улица зефировъ», «улица тьмы блаженствъ», «улица отдыхающаго дракона», «улица золотыхъ прибылей» и т. п.

Мы выходимъ изъ лабиринта невзрачныхъ базаровъ и убогаго съ виду жилья. Передъ нами — оберегаемыя мѣстными воинами ворота училища «Kwong Nga», куда Ихъ Высочества удостоили принять приглашеніе генералъ-губернатора на трапезу. Народъ съ возростающимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ поближе разсмотрѣть нашихъ вооруженныхъ матросовъ и особенно одѣтаго въ красное урядника Топорченко (Собственнаго Его Величества конвоя) готовъ хлынуть за паланкинами въ предѣлы училищной ограды. По приказанію мудраго вице-короля (какъ я узнаю потомъ) доступъ за нея наглухо замы-

кается; съ цѣлью же, чтобы непонимающіе люди не вздумали перелѣзть черезъ стѣну и, обезпокоивъ гостей, нечаянно не причинили столкновенія съ ними, послѣдняя обмазывается дегтемъ. Достаточно опыта двухъ-трехъ смѣльчаковъ, которые испортили себѣ платье, для вразумленія остальной массы. Этотъ характерный случай достоинъ вниманія.

Если не ошибаюсь, — приготовленное для пріема общественное зданіе служитъ разъ въ три года сборнымъ экзаменаціоннымъ пунктомъ великаго множества провинціальныхъ учащихся, домогающихся путемъ строгаго испытанія выказать результатъ своихъ способностей и свѣдѣній. Нѣтъ государства въ мірѣ, гдѣ бы знаніе такъ высоко и свято цѣнилось какъ въ Китаѣ. Достаточно вспомнить, что Конфуцій постепенно возводился въ царскій санъ, что ему за проникновеніе родною наукой строились храмы, что получаемыми за умственный трудъ дипломами земляковъ гордятся цѣлые округа, не говоря уже о выростившихъ счастливца городахъ или весяхъ. Наиболѣе «преуспѣвшимъ» иногда возводятся арки.

МОНГОЛЬСКІЙ «СВЯТОЙ».

Уваженіе къ литературѣ и къ письменности вообще необыкновенно развито. Лица, съумѣвшія съ толкомъ вчитаться въ творенія истинныхъ мудрецовъ, мало по малу достигаютъ рѣдкаго почета. Каждый испещренный іероглифами лоскутокъ чтится китайцами. Въ Кантонѣ и въ Шанхаѣ (вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ) существуютъ общества, нанимающія рабочихъ ходить по улицамъ и отыскивать брошенныя бумажки, на которыхъ есть буквы, съ цѣлью предавать ихъ сожженію: изъ опасенія чтобы кто-нибудь не вздумалъ осквернить недостойнымъ употребленіемъ такую «святыню», какъ письмена, — да еще письмена, изобрѣтенныя выдающимися наставниками-руководителями китайскаго народа! Иные радѣтели не довольствуются и этимъ, — но глубоко зарываютъ пепелъ въ глиняныхъ горшечкахъ или опускаютъ ихъ въ рѣку. Конечно, при соприкосновеніи съ европейцами, подобный почти суевѣрный страхъ исчезаетъ, но явленіе настолько само по себѣ симпатично, что объ этомъ пока приходится только жалѣть. По словамъ одного туриста, ѣздившаго по имперіи, онъ какъ-то, сидя у дороги, читалъ англійскій романъ. Два туземныхъ «ученыхъ» подошли и безцеремонно просунули головы между лицемъ читавшаго и книгою, долго всматривались въ текстъ (кругомъ же тѣмъ временемъ столпились зрители!) и наконецъ съ комическимъ изумленіемъ заявили: «мы не можемъ распознать ни одной буквы», — на что находчивый путешественникъ спокойно имъ замѣтилъ по китайски: «значитъ, ваше знаніе весьма ограниченно!» Общій хохотъ присутствующихъ тотчасъ пристыдилъ простодушныхъ литераторовъ.

Китаецъ готовъ учиться съ неимовѣрнымъ усердіемъ до какого-угодно возраста, преодолѣвая самыя тяжкія преграды. Каждому гражданину (кромѣ актеровъ, тюремщи-

ковъ и палачей съ ихъ ближайшимъ потомствомъ) открыты государственныя должности соотвѣтственно выдержанному экзамену. Уваженіе народа и властей къ выказывающимъ особое прилежаніе и разумѣніе прочитаннаго распространяется не только на этихъ избранниковъ, но и на ихъ родителей, которые воспитали столь пригодныхъ отечеству сыновъ. По даннымъ оффиціальной «Пекинской газеты» въ 1889 г. на осеннія письменныя состязанія въ Фу-чжоу явилось 9 кандидатовъ старше 80 лѣтъ и два старше девятидесяти, причемъ работы имъ удались и почеркъ отличался твердостью: а мы еще на школьной скамьѣ дивимся мужеству Катона-старика, взявшагося изучать греческій языкъ! Бываютъ

У ЛАМАЙСКАГО ХРАМА.

будто-бы случаи, когда на одно и тоже испытаніе записываются дѣдъ и внукъ. Множество бѣдняковъ трудится, подготовляясь къ этому буквально на мѣдный грошъ: по преданію, какой-то впослѣдствіе прославившійся «ученый», не имѣя средствъ покупать себѣ освѣщеніе для ночныхъ занятій передъ экзаменомъ, ловилъ въ мѣшечекъ свѣтляковъ и озарялъ ими свои завѣтныя книги: вѣдь одно сознательное ознакомленіе съ тысячами іероглифовъ требуетъ многихъ годовъ жизни!

Запрещеніе конкуррировать на полученіе высшихъ гражданскихъ правъ относится въ Китаѣ лишь къ инородческому населенію: въ составъ таковаго включается напр. рѣчной людъ съ Жемчужной рѣки (Танка), происходящій отъ загнанныхъ когда-то китайцами на лодки туземцевъ. И то уже крошечный процентъ (не болѣе 500 человѣкъ) ежегодно

выдерживающихъ съ успѣхомъ сложное послѣднее состязаніе въ Пекинѣ не въ мѣру превышаетъ количество людей, требуемыхъ для замѣщенія чиновничьихъ вакансій! Параллельно же ростетъ раздраженіе въ средѣ голодающихъ литераторовъ. Китайская администрація состоитъ въ сущности изъ неимовѣрно малаго числа должностныхъ лицъ со сколько-нибудь значущимъ рангомъ: таковыхъ наберется на всю колоссальную имперію лишь около девяти тысячъ! У кантонскаго генералъ-губернатора ихъ всего — 430. На каждый постъ ждетъ очереди минимумъ десятокъ алчущихъ его занять и невыносимо безпокоящихъ начальство провинціи.

За границей сложилось убѣжденіе, что скудно оплачиваемые казной, но нуждающіеся въ цѣломъ штатѣ челяди мандарины — величайшіе грабители и деспоты. До извѣстной степени это весьма вѣроятно. Однако не мѣшаетъ взвѣсить и явленія обратнаго порядка. Гдѣ кромѣ Китая, въ какомъ другомъ государствѣ граничитъ съ областью чего-то уже прямо мистическаго отвѣтственность главныхъ правителей передъ нравственнымъ закономъ и обычаемъ? Временно назначаемый представитель власти до такой степени считается тождественнымъ со ввѣреннымъ ему населеніемъ, что терпитъ подчасъ тяжкое наказаніе за преступленія, совершаемыя во ввѣренномъ ему раіонѣ, вообще сплошь и рядомъ штрафуется за чужія погрѣшности: онъ виновенъ передъ богдыханомъ даже за наводненія и засуху, голодъ, пожары и бѣдствія стихійнаго характера. За побои, нанесенные матери, одного китайца высочайше повелѣно было убить, домъ, — гдѣ случилось происшествіе, — разрушить, деревню признать зачумленной, чиновниковъ округа разжаловать, мѣстныхъ студентовъ болѣе не допускать до экзамена. Усердные сановники сами молятъ «Сына Неба» не прощать имъ ошибокъ и проступковъ.

МОНГОЛО-БУРЯТЫ.

Если дѣятель на этомъ трудномъ тернистомъ поприщѣ еще вдобавокъ отличается безукоризненностью поведенія, нельзя выразить народной любви къ нему и безпредѣльной благодарности. При прощаніи съ доблестнымъ начальникомъ (администраторовъ довольно часто мѣняютъ!) ему дарятъ многоцвѣтное почетное одѣяніе и шелковые зонты, толпы народа и вереница паланкиновъ провожаютъ отъѣзжающаго, на пути разставлены столы съ явствами и дымящимися куреніями. Дорога украшается арками съ надписями: «отцу и другу», «яркой звѣздѣ области» и т. п. Обувь подобнаго лица, угоднаго согражданамъ, принято хранить послѣ него какъ драгоцѣнность.

Безпощадно суроваго вице-короля Yeh, увезеннаго англичанами въ плѣнъ, кантонцы мертваго встрѣтили съ торжественной скорбью и воздвигли ему кумирню.

Раньше чѣмъ ввести Царственнаго Гостя въ павильонъ, приготовленный для трапезы, престарѣлый Ли-хан-чжанъ, — пройдя съ нами нѣсколько покоевъ, — приглашаетъ Ихъ Высочества сѣсть и отдохнуть. Краткая бесѣда начинается вопросами, какъ проведены Августѣйшими путешественниками вчерашніе предвечерніе часы. Услыхавъ (что ему и безъ того, конечно, было извѣстно) объ осмотрѣ Хонама, генералъ-губернаторъ интересуется узнать, есть-ли въ предѣлахъ Россіи буддійская вѣра и по видимому нѣсколько изумленъ (какъ, впрочемъ, и многіе другіе образованные китайцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить), что у насъ насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ послѣдователей Шакья-муни. Безсознательность туземцевъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе странна, что правительство ихъ вообще неразъ обращало вниманіе на переселявшіяся въ наше подданство монгольскія племена ламайскаго вѣроисповѣданія, тѣсно связанныя религіозными узами съ Тибетомъ, — дорожить которымъ въ Пекинѣ принято съ давнихъ временъ, но особенно за послѣднія столѣтія. Властелиновъ Небесной имперіи крайне заботило отпаденіе духовныхъ сыновъ Далай-ламы къ иному политическому центру, т. е. Московской державѣ. Зарожденіе ея могущества на граняхъ Халхи, перекочевки калмыковъ до Яика и Дона, тяготѣніе къ русскимъ жаждавшей самостоятельнаго бытія воинственной Чжунгаріи, — все составляло предметъ смутныхъ опасеній для богдыханскаго двора. Онъ призналъ необходимымъ убить въ корнѣ (хотя-бы цѣною громадныхъ жертвъ) довольно независимыя ханства у рубежей Сибири, — сталъ добиваться посольствами, безпечно пропускавшимися изъ Петербурга въ ставки инородческихъ вождей въ нашей степи, возвращенія приволжскихъ торгоутовъ въ исконно родныя имъ страны, — воспользовался вліяніемъ Лхассы на простодушный забредшій въ Европу народъ, чтобы сманить его обратно и т. д. Китайцы могли бы послѣ этого имѣть представленіе о ламаитахъ въ Россіи! Тысячи ихъ ежегодно ходятъ на богомолье въ Монголію и къ центрамъ тибетской учености. Проводниками русской торговли и доброй славы о насъ, представителями русскаго имени въ нѣдрахъ «желтаго» Востока являются именно эти безхитростные маленькіе люди въ худыхъ халатишкахъ, на невзрачныхъ лошаденкахъ одной породы съ извѣстнымъ конемъ сотника Пѣшкова, или на уныло мычащихъ верблюдахъ типа, оказавшаго столько услугъ Пржевальскому . . . Они, безвѣстные инородцы наши, идутъ туда, — на едва доступный европейскимъ изслѣдователямъ Хуху-норъ, въ Амдо и Цайдамъ, въ таинственный Даши-лхунбо и смежные съ Индіей нагорные края, — съ такою же легкостью и бодростью, словно мы отправляемся въ неутомительныя экскурсіи по окрестностямъ столицъ. Всюду этотъ смышленный и по внутренному міру единоцвѣтный всему окружающему элементъ (какъ сходны по окраскѣ со снѣжнымъ просторомъ полярные звѣри и птицы) незамѣтно несетъ въ эту азіатскую глушь (за полуневѣдомые пустыри) жизненныя идеи о Бѣломъ Царѣ, несетъ идеи о разросшемся въ самое исполинское царство наслѣдьи благочестивой Бѣлокаменной, — привлекавшей къ себѣ инородческую братію «не жесточью, а лаской», — несетъ наконецъ неясныя пока идеи о томъ, что христіанскій Западъ естественно призванъ постепенно обновить черезъ насъ дряхлѣющую восточную культуру.

Въ Россіи никто еще почти и не догадывается, что̀ за государственно полезную работу совершаютъ скромные русскіе ламаиты на разстояніи многихъ сотенъ верстъ отъ сибирской границы. Увидятъ и оцѣнятъ это во всемъ исторически важномъ объемѣ лишь послѣдующія поколѣнія.

До меня дошла вѣсть о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ забайкальскими бурятами къ пріѣзду Обожаемаго Гостя. Они закупаютъ въ Китаѣ рѣдкости священнаго для нихъ

характера (подношеніемъ таковыхъ существу высшаго порядка очищается душа удостоеннаго столь великой чести), они съ молитвой повергнутся передъ Нимъ во прахъ, безъ различія занимаемыхъ тѣмъ или другимъ сверхъ-естественныхъ іерархическихъ степеней (у инородцевъ есть свои дальніе и близкіе «перерожденцы», отраженія Будды), они вручатъ Ему въ знакъ наисердечнѣйшаго привѣта длинныя шелковыя тканиплатки (хадаки), какими издревле по индійскимъ преданіямъ принято встрѣчать боговъ. Цѣлый степной край оживится при лицезрѣніи Первенца Цаганъ-хана. Лихими кавалькадами помчатся монгольскія наѣздницы за экипажемъ Августѣйшаго путешественника. Сладостно сложится по юртамъ вѣщая народная пѣсня о посѣщеніи Имъ забыто-глухой области . . .

ТИБЕТСКІЙ «ПЕРЕРОЖДЕНЕЦЪ», ПОСѢЩАЮЩІЙ ЗАБАЙКАЛЬЕ.

А кантонскій вице-король еще спрашиваетъ, есть-ли у насъ приверженцы «желтой» вѣры «царевича-мудреца»!

Это, впрочемъ, не единственный курьезный вопросъ. Сюда какъ-то дошло извѣстіе, что въ свитѣ Наслѣдника Цесаревича находится кн. Кочубей (потомокъ Чингисханидовъ?) и что его какъ законнаго наслѣдника сверженной 500 лѣтъ тому назадъ Юаньской династіи русская эскадра не безъ умысла доставила въ китайскія воды. Должно быть, съ цѣлью вывѣдать, монголъ-ли онъ и какого рода человѣкъ, — къ нему подходитъ одинъ изъ младшихъ мандариновъ и завязываетъ разговоръ на тэму объ одинаковомъ съ нимъ происхожденіи: «я тоже — изъ Монголіи» черезъ переводчика замѣчаетъ Кочубею чиновникъ Ли-хан-чжана.

Тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ нынѣшнимъ бѣдственнымъ положеніемъ этой богато одаренной страны, безпокойство китайцевъ не должно казаться страннымъ. Давно пора ввести въ ней лучшее управленіе, не столь раззорительное для населенія, — давно пора воспользоваться естественными ея условіями для развитія скотоводства въ обширнѣйшихъ размѣрахъ! Кочевники недовольны пекинскимъ игомъ. Каждый намекъ на броженіе съ ихъ стороны даже безъ видимаго повода вызываетъ подозрительныя чувства въ столицѣ Небесной имперіи.

Въ Пекинѣ и по прошествіи столѣтій не могутъ забыть частыхъ опустошительныхъ набѣговъ удалой монгольской конницы на «застѣнный» Китай, почти неспособный къ самообороне. Наступленіе въ глубь степей, для погони за хищниками, рѣдко сопряжено было съ безусловнымъ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ дорого обходилось правительству. Стоило какому-нибудь предпріимчивому князю разослать по ставкамъ соотечественниковъ «циркулярныя стрѣлы» съ призывомъ къ выгодной войнѣ противъ осѣдлыхъ элементовъ богдыханскаго царства, и радостная быстроконная вольница стекалась на кличъ отовсюду (отъ восточныхъ туркестанскихъ оазисовъ до рубежей Кореи). Мандарины пробовали подарками задобрить трудно уловимаго врага, — подступавшаго врасплохъ къ самому центру государства, — пробовали организовать своего рода «казачество» на степныхъ окраинахъ, — устраивали монголамъ ярмарки для сбыта лошадей и скота главнымъ образомъ за хлѣбъ и бобы (кромѣ другихъ менѣе прельщавшихъ товаровъ); но кочевникъ

ЗАБАЙКАЛЬСКІЯ АМАЗОНКИ.

бралъ жалованье и считалъ его чуть-ли не данью. Для созданія полезнаго пограничнаго войска изъ пахарей не существовало подходящей боевой силы вродѣ нашей, въ смыслѣ же экономической зависимости имперія гораздо болѣе нуждалась въ естественныхъ богатствахъ Монголіи, чѣмъ послѣдняя въ культурномъ югѣ, лежавшемъ у ея ногъ.

Августѣйшіе путешественники подъ звуки музыки съ «Азова» завтракаютъ въ особомъ павильонѣ (съ видомъ на садъ) у кантонскаго вице-короля. Богатые китайцы — тончайшіе гастрономы по призванію и учтивѣйшіе хозяева въ мірѣ. Разсказы о томъ, чѣмъ питается народъ, — описанія кантонскихъ съѣстныхъ лавокъ, гдѣ продаются совы и ящерицы (для поправляющихся больныхъ), конина и водяныя змѣи, вяленыя крысы (для роста волосъ и обостренія слуха), кошки и спеціально откармливаемая порода собакъ, жирное мясо коихъ должно предохранять отъ изнурительнаго дѣйствія жары, — ничего еще не доказываютъ. Кто можетъ, — а главное кто хочетъ, — и тамъ крайне разборчивъ въ кушаньяхъ. Поваренное искусство въ Небесной имперіи не уступаетъ европейскому. Надо только привыкнуть къ употребленію въ слишкомъ значительной дозѣ масла, лука и чеснока. Европеецъ съ самымъ прихотливымъ вкусомъ найдетъ, чѣмъ полакомиться на хорошемъ туземномъ обѣдѣ. Продукты свозятся къ столу богачей изъ Персидскаго залива и Зондскаго архипелага, изъ Индіи и Сіама. Первое мѣсто въ числѣ деликатесовъ занимаютъ соленыя цыплята, необыкновенно поджаренныя утки, рыбы подъ сладкимъ соусомъ, бомбейскіе плавники акулъ въ куриномъ супѣ, лежалыя голубиныя яйца въ крутую, разведенныя въ горячей водѣ полупрозрачныя ласточкины гнѣзда (изъ птичьей слюны, выдѣляемой птичками отъ принятія въ пищу разныхъ морскихъ зарослей), тщательно очищенныя отъ перышекъ и вываренныя до нѣжнаго нефритоваго цвѣта. Это весьма питательное блюдо на вѣсъ золота цѣнится китайцами, ибо добываніе ихъ (преимущественно малайцами въ юго-восточныхъ предѣлахъ Индійскаго океана) связано чуть-ли не съ опасностью для жизни и во всякомъ случаѣ съ огромнѣйшими трудностями. Наслѣдственно занимающіеся промысломъ смѣльчаки подымаются по крутымъ скалистымъ обрывамъ надъ клокочущей пучиной до разсѣлинъ, гдѣ бѣдныя пернатыя вьютъ себѣ жилье, опускаются въ упорнѣйшихъ поискахъ за нимъ до мрачной глубины прибрежныхъ пещеръ и т. д.

Образцы мѣстнаго лакомства подаются и сегодня за столомъ Ли-хан-чжана, хотя половина завтрака заказана на европейскій ладъ. У нашихъ приборовъ (кромѣ вилокъ, ножей и ложекъ) положены также палочки изъ слоновой кости. Престарѣлый генералъ-губернаторъ съ изысканной восточной вѣжливостью угощаетъ Ихъ Высочества. Въ типичномъ братѣ знаменитаго канцлера Небесной имперіи столько достоинства и въ тоже время умѣнья предупредительно держать себя по отношенію къ Царственному иноземцу, что можно только съ одобреніемъ отозваться о китайскомъ этикетѣ и тактѣ. Впрочемъ, въ кантонскомъ вице-королѣ навѣрно сквозятъ и рассовыя черты. Вся его семья (чисто туземнаго, не маньчжурскаго происхожденія) отличается выдающимися административными способностями. Будучи простаго званія, сыны ея самостоятельно достигли важныхъ должностей. За это высоко чтится женщинами Китая съумѣвшая хорошо ихъ направить мать!

Когда Ли-хан-чжанъ еще былъ правителемъ хубэйскаго края и жилъ на рѣкѣ Янъ-цзы, его посѣтила извѣстная тибетская экспедиція графа Бэла Сэчени и старикъ ей будто-бы высказывалъ свои чувства непріязни противъ Россіи. Если такъ, то тѣмъ

отраднѣе видѣть сегодня именно его подымающимъ обѣими руками бокалъ за здоровье Государя Императора (титулъ Его согласно трактатамъ по-китайски звучитъ одинаково съ наименованіемъ «Сына Неба» — Shêng Chu Hwang-ti, святой владыка и государь), за долгую крѣпкую дружбу двухъ великихъ смежныхъ государствъ, за процвѣтаніе нашихъ царствъ, — наконецъ въ честь принца Георгія даже за невѣдомую Дальнему Востоку маленькую Грецію и ея короля. Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчаетъ тостомъ за его вели-

ПАГОДА СТАРОКИТАЙСКОЙ ФИЛЕГРАНОВОЙ РАБОТЫ.

чество богдыхана и процвѣтаніе Небесной имперіи. Переводчикомъ рѣчей искусно служитъ А. С. Ваховичъ. Завтракъ затягивается до четырехъ часовъ.

Вторникъ, 26 марта (8 апрѣля).

Вчера вечеромъ Августѣйшіе путешественники въ сопровожденіи г. Эмбо-Хюара присутствовали на представленіи заѣзжаго японскаго цирка въ чертѣ принадлежащаго Франціи незастроеннаго Шамина. Труппа изъ императорскаго Токіо почему-то величаетъ себя «royale». Она продѣлываетъ дѣйствительно замѣчательныя штуки. Миловидныя япон-

скія дѣвушки (Садакичи и Кику) не хуже любыхъ западныхъ гимнастокъ и эквилибристокъ показываютъ свое искусство, дающее имъ тѣ средства, которыя нѣмцы справедливо характеризуютъ словами «ein schweres Geld»!

Сегодня утромъ Ихъ Высочества отправляются пѣшкомъ черезъ европейскій кварталъ въ лучшія лавки, гдѣ насъ по обычаю угощаютъ желтымъ чаемъ и показываютъ изумительный по качествамъ товаръ, среди котораго главную роль играютъ нѣжныя финифтяныя произведенія (émaux cloisonnés) съ чисто арабскимъ орнаментомъ, яркія узорчатыя ткани и фарфоръ. Степенные купцы (въ синихъ кофтахъ и бѣлыхъ шароварахъ, — съ полновѣсными косами, перевитыми шелкомъ) ни малѣйшимъ движеніемъ не подаютъ повода думать, что они заинтересованы объемомъ покупокъ.

На обратномъ пути Великій Князь удостоиваетъ принять завтракъ въ домѣ французскаго консула. При этомъ любуешься еще разъ островкомъ, уступленномъ китайцами колоніи «бѣлыхъ», съумѣвшихъ прекрасно устроиться на песчаной отмели. Тѣнистые газоны Шамина прорѣзаются дорожками, крытыми чунамомъ, подобіемъ асфальта. Церковь, домики, конторы утопаютъ въ сочной зелени. Одно горе удручаетъ иностранцевъ: глухая, непримиримая вражда кантонцевъ. Хотя послѣдніе и сдерживаются по ночамъ стражей на мостахъ, но каналы подъ ними такъ узки и до того запружены лодками, что черни ничего не стоитъ по суху перебѣжать en masse, — когда угодно, — къ жилищамъ европейцевъ.

Гостепріимная г-жа Эмбо-Хюаръ, сама уроженка Востока, выказываетъ при посѣщеніи консульскаго дома столько же обаянія какъ и ея необыкновенно симпатичный мужъ. Вотъ молодой дѣятель, которымъ Франція и синологія въ правѣ искренно гордиться! Его ученые труды (о походахъ китайскаго войска въ Бирму и Нэпаль, о китайскомъ Туркестанѣ и дунганахъ, о первомъ даосійскомъ іерархѣ, о мусульманскихъ возстаніяхъ въ предѣлахъ Китая, о туземной поэзіи съ XIV вѣка по нашъ), его учебники китайскаго и корейскаго языка, его путевыя и литературныя замѣтки стяжали ему съ двадцатилѣтняго возраста громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность. Теперь г. Эмбо-Хюаръ готовится издать (при помощи этнографа Хами и библіографа Кордье) капитальное сочиненіе о Формозѣ.

ПО РѢКѢ ЯНЪ-ЦЗЫ.

Всего полтора мѣсяца остается до вступленія въ русскія воды. Какъ незамѣтно должны промелькнуть эти недѣли при интересномъ обзорѣ à vol d'oiseau внутреннихъ областей Небесной имперіи и при очаровательнѣйшихъ экскурсіяхъ, намѣченныхъ всюду по Японіи!

Согласно желаніямъ и просьбѣ Ли-хан-чжана нашъ «Kiang-Kwan» при возвращеніи въ Гонконгъ (27-го марта) останавливается у острова Вампоа, дабы Е. И. Высочество мелькомъ взглянулъ на юныхъ китайцевъ, обучающихся тамъ искусству защищать отечество болѣе совершенными способами чѣмъ тѣ, что были пригодны при нападеніи въ средніе вѣка, при нападеніи японскихъ и зачастую дружившихъ съ ними своихъ собственныхъ пиратовъ. За недостаткомъ времени, мы къ сожалѣнію не подымемся до Чжи-фу, представляющаго отчасти средоточіе лучшихъ по организаціи войскъ (въ распоряженіи могущественнаго канцлера), и не увидимъ его внушительныхъ по размѣрамъ броненосцевъ. По кантонскимъ попыткамъ подражать созидаемому на родномъ сѣверѣ, конечно, трудно судить о достигаемыхъ богдыханскимъ правительствомъ результатахъ.

Здѣшняя военно-морская школа помѣщается, гдѣ прежде были доки одной богатой гонконгской компаніи. Инструкторами являются нѣмецкіе офицеры. Молодымъ китайцамъ преподаются тактика и минное дѣло. Близь училища находится нѣсколько торпедныхъ лодокъ (со штетинскаго завода «Вулканъ»), вооруженныхъ шварцкопфовскими снарядами. Кромѣ того воспитанники могутъ практически знакомиться съ фортификаціей въ дельтѣ и около устья рѣки. Тамъ, по мѣрѣ силъ, все приспособляется (при помощи европейскихъ инженеровъ) къ обстрѣливанью фарватера и настильной стрѣльбѣ. Благодаря упорному стремленію «заморскихъ варваровъ» ворваться въ страну, жители прониклись сознаніемъ, что надо отражать противника его же оружіемъ.

Громоздкія цѣпи запирали прежде пресловутую «Пасть тигра». Это было въ ту наивную эпоху, когда подданные богдыхана еще мнили себя образованнѣе и могущественнѣе другихъ народовъ. «Бѣлые» пришлецы, являясь сюда съ торговыми цѣлями, нисколько

не помогали престижу христіанскихъ націй. Моряки, опьяненные крѣпчайшей рисовой водкой, страшно безчинствовали тогда у Вампоа, врывались въ кумирни, издѣвались надъ идолами. Мѣстныя власти съ презрѣніемъ относились къ невѣжеству «дикихъ» людей . . . и терпѣли. Въ концѣ концевъ на Западѣ сложилось твердое убѣжденіе, что миролюбивый Китай не заслуживаетъ инаго отношенія какъ грубѣйшее насиліе. Когда онъ съ теченіемъ времени попытался стать на ноги, ему сразу дали понять, что не считаютъ или точнѣе не желаютъ считать его равноправнымъ съ политически молодыми государствами. Подобная несправедливость рѣзко бросается въ глаза. Почему напр. правительство Соединенныхъ Штатовъ отказывало ему около 1878—1881 годовъ въ пріемѣ его молодежи въ американскія военно-морскія школы, между тѣмъ какъ одновременно туда допускались японцы?

Августѣйшіе путешественники внимательно осматриваютъ зданіе училища, обходятъ классы, присутствуютъ даже при маршировкѣ «длиннокосыхъ» кадетъ. Во всемъ, что

ихъ здѣсь касается, видно много добраго намѣренія и старанія, но совершенно отсутствуетъ военный духъ. Сыны Небесной имперіи до того несклонны по природѣ и по жизненному строю къ милитаризму, что никакіе инструкторы не привьютъ имъ его въ широкихъ размѣрахъ.

Ученики военно-морской школы облечены въ синее, съ красными и зелеными продолженіями. Головной уборъ иныхъ украшенъ перьями низшаго достоинства. Званіе солдата не пользуется уваженіемъ среди китайцевъ, причисляется къ разряду низшихъ ремеслъ. Офицеры до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ получаютъ мѣста по протекціи или попросту за деньги, выказавъ тѣлесную крѣпость и ловкость. Для болѣе быстраго прохожденія чиновъ прежде всего требуется умѣніе хорошо ѣздить верхомъ, мѣтко стрѣлять изъ тугаго лука, бороться, подымать и бросать тяжелые камни. Было время, что китайскіе «богатыри» побѣдно проходили почти цѣлую Азію!

Вторичная стоянка на рейдѣ Гонконга продолжается два дня. Въ это время (29-го марта стараго стиля, въ 11 часовъ утра) Августѣйшіе путешественники предпринимаютъ поѣздку инкогнито (въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ лицъ свиты) по набережной (Praya) къ живописной «Счастливой долинѣ», смежной съ восточнымъ предмѣстьемъ города, — гдѣ нѣкогда находилась китайская деревня Wong-nei-chong, а теперь тянется арена скачекъ и бѣлѣютъ ограды нѣсколькихъ кладбищъ (христіанскихъ вѣроисповѣданій, мусульманскаго и парсійскаго, ибо огнепоклонникамъ здѣсь не дозволено выставлять мертвецовъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ).

. . . . . Мы къ катерѣ Наслѣдника Цесаревича отваливаемъ отъ «Азова». Могучіе весельные взмахи быстро рѣжутъ влагу. Молодцеватый сикхъ (въ желтоватой формѣ, съ красною чалмой) отдаетъ Ихъ Высочествамъ честь на пристани «Peddar's Wharf». Спосо-

ИЗЪ КИТАЙСКИХЪ КОЛЛЕКЦІЙ Е. И. ВЫСОЧЕСТВА.

бомъ дальнѣйшаго передвиженія выбираются заимствованныя изъ Японіи, чуть-ли не тамъ же изобрѣтенныя колясочки «джинрикши» (что буквально значитъ «сила-телѣжка-человѣкъ»), которыя неутомимо везутъ (почти бѣгомъ!) крѣпконогіе туземцы. Первое впечатлѣніе отъ своего рода «ѣзды на людяхъ» въ высшей степени странно, непріятно и даже зазорно. Положимъ, желтая расса сама примѣнила и развила этотъ промыслъ, хоть и скудно оплачивающій физическіе труды бѣдноты. Въ «странѣ восходящаго солнца» онъ еще болѣе признанъ, какъ говорятъ, желательнымъ и подходящимъ. По гонконгскимъ улицамъ, между прочимъ, постоянно видишь катающихся такимъ образомъ португалокъ, закутанныхъ въ черныя шали, и ярко разряженныхъ японокъ. Оно, можетъ быть, дѣйствительно удобно и вполнѣ соотвѣтствуетъ туземному взгляду на вещи; но привыкаешь къ нему далеко не сразу и отъ души жалѣешь китайца, замѣняющаго упряжную тварь (при скорости десяти верстъ движенія въ часъ). Участь «куліевъ» тутъ вообще не завидна. Оріенталисты спорятъ пока относительно происхожденія этого слова: одни его производятъ отъ обнищалыхъ раджпутовъ «коліевъ» (въ Гуджератѣ), другіе отъ тамиль-

ского «кули» (жалованье) въ южной Индіи, третьи наконецъ отъ однозвучнаго турецкаго «рабъ». Не проще-ли удовлетвориться сочетаніемъ краснорѣчивыхъ по значенію китайскихъ гіероглифовъ «ку» (горечь) и «ли» (сила, напряженіе)?

Золотистое шоссе вдоль берега, избранное Великимъ Княземъ для прогулки, свѣтится подъ яркими лучами точно лѣтомъ на Ривьерѣ. Тѣмъ призывнѣе зеленѣетъ надъ

ѢЗДА НА ЛЮДЯХЪ ВЪ ЯПОНІИ.

кипучимъ оживленіемъ впереди густая листва парковъ, насажденныхъ заботливыми властями. Вскорѣ открывается опоясанная бамбуками поляна у склона холмовъ, отведенная подъ скачки, на которыхъ преимущественно состязаются рѣзвыя монгольскія лошадки. Растительность вокругъ становится все пышнѣе. Гонконгъ извѣстенъ былъ прежде своею лѣсистостью, но англичане застали его замѣтно обнаженнымъ нещадными вырубками. Благопріятныя внѣшнія условія помогли колонизаторамъ устранить это несчастье: дѣло въ томъ, что предмѣстья города и гавань снабжаются отличной водой изъ спеціальныхъ

резервуаровъ (Albany tanks), находящихся на полпути къ живописнымъ высотамъ «Victoria peak». Само названіе острова по кантонскому нарѣчію (Heung-keung, т. е. благовонные источники) служитъ ручательствомъ за доброкачественность здѣшней почвенной влаги. Есть, правда, другой тоже возможный переводъ: «хорошая гавань», — но первое толкованіе, пожалуй, вѣрнѣе.

Всюду проложены образцовыя дороги. Запахъ розъ, справедливо составляющихъ гордость гонконгцевъ, нѣжитъ воздухъ. До чего искусно умѣетъ обставлять себя всѣми прелестями матеріальнаго существованія стремящійся въ экзотическія страны британскій народъ!

«Happy valley» изобилуетъ гробницами. Недаромъ колонія встарь называлась «могилою полковъ» (круглымъ счетомъ гибло чуть-ли не по одному въ три года!). Убійственный климатъ (влажный и знойный у міазмическаго побережья, сырой и холодный на возвышенностяхъ) въ связи съ холерными эпидеміями такъ и косилъ солдатъ. Не менѣе терпѣли

ПЕРЕВОЗКА РУССКИХЪ ЧАЕВЪ ПО МОНГОЛІИ.

экипажи судовъ. Въ 1843 г. полторы тысячи человѣкъ гарнизона по пяти разъ каждый перебывали въ госпиталѣ. «Бѣлое» населеніе жестоко страдало отъ лихорадокъ, вызывавшихся плохимъ устройствомъ жилья, — слишкомъ близкаго къ землѣ съ ея гнилостными испареніями отъ краснаго гранита, трескающагося подъ жгучимъ солнцемъ. Китайцы предсказывали этотъ печальный результатъ на основаніи своихъ якобы суевѣрныхъ примѣтъ.

Величавою тайною вѣетъ отъ надписи у главной кладбищенской ограды: «hodie mihi, cras tibi» (сегодня — мой чередъ, завтра — твой): довольно неутѣшительная истина для пріѣзжающихъ сюда погулять англичанъ! У входа продаются фрукты съ прохладительными напитками. Азіатамъ почему-то безусловно воспрещенъ доступъ къ надгробнымъ плитамъ европейцевъ. Птички такъ и заливаются въ цвѣтущемъ надъ могилами саду, надъ которымъ стѣной встаютъ угрюмыя скалы.

Въ данное время врачи успѣшно борются съ гонконгской маларіей, лѣча больныхъ мышьякомъ или ледяными компресами. Процентъ смертности уже не пугаетъ. Однако это еще ничего не доказываетъ: просто-напросто занемогшіе уѣзжаютъ скорѣе чѣмъ прежде домой, надорвавшихъ же себѣ здоровье навѣрно нисколько не меньше!

Изъ «Счастливой долины» Августѣйшіе путешественники возвращаются въ Викторію по иному направленію, — не вдоль залива, а по такъ-называемой «королевской улицѣ»...

Экскурсія наканунѣ (на гору, осѣняющую городъ) представляла гораздо больше интереса. Достиженіе «Victoria peak» значительно облегчается устройствомъ съ 1888 г.

РУССКАЯ ЧАЙНАЯ ФАБРИКА ВЪ ХАНЬКОУ.

узенькой цѣпной желѣзной дороги, почти отвѣсно подымающей и спускающей открытые по сторонамъ вагончики при помощи безконечнаго металлическаго каната: поѣздъ, идущій внизъ, тянетъ другой наверхъ. Ощущеніе на крутизнѣ, когда висишь надъ бездной, не изъ пріятныхъ. Подобное десятиминутное путешествіе безусловно неопасно: порвись даже канатъ, вагоны можно будто-бы затормозить безъ малѣйшаго замедленія. Гора, —

на которую совершился подъемъ, — сплошь изрѣзана рытвинами, лощинами и оврагами. По нимъ въ дождевую пору столь неистово низвергаются воды, что лишь съ трудомъ удается предотвращать ихъ разрушительное дѣйствіе.

На вершинѣ (около 2000 футовъ надъ уровнемъ моря) помѣщается первоклассный отель, — гдѣ Ихъ Высочества завтракали, любуясь безподобнымъ видомъ на городской муравейникъ внизу и на желтѣющій грудами утесовъ архипелагъ, окаймленный глубокою бирюзою волнъ и тумана. Если посмотрѣть въ бинокль, то большія грузящіяся суда на рейдѣ кажутся каждое ульемъ, облѣпленнымъ пчелами (сампанами). Мѣстами среди пустынныхъ островковъ вдали выдѣляются восхитительныя бухточки, глядя на которыя невольно повторяешь слова поэта (графа Бутурлина):

Безъ волнъ и парусовъ заливъ забылъ движенье,
Серебрянымъ щитомъ межъ синихъ скалъ горя.

ПРИМИТИВНАЯ ПРЕССОВКА ЧАЯ.

Зажиточный элементъ Гонконга часто ищетъ отдыха и прохлады на «Victoria peak». Оранжерейная температура побережья слишкомъ быстро изнуряетъ непривычныхъ. Но и наверху есть тѣневая сторона жизни. Сырость (въ связи съ густой волокнистой мглой, подолгу покрывающей пикъ) плѣсенью ложится на вещи, портитъ бумагу и платье, требуетъ постоянной просушки ихъ у камина, наводитъ на европейца нестерпимую хандру.

Столь спокойная въ данную минуту гавань періодически подвергается жесточайшимъ опустошеніямъ «тайфуновъ» (отъ «тайванъ», большой вѣтеръ), дующихъ съ Формозы. Грозное дуновеніе ихъ обрушивается преимущественно на городѣ Викторія, щадя до нѣкоторой степени смежный материкъ. Когда убогое лодочное населеніе по достовѣрнѣйшимъ примѣтамъ узнаетъ о приближеніи бѣдствія, то стремительно спасается именно туда: подъ сѣнь родной земли.

По силѣ и продолжительности ураганы превосходятъ здѣсь все, что можетъ себѣ представить воображеніе. Колонія неразъ страдала буквально какъ отъ страшнѣйшей бомбардировки.

Даже внутреннее убранство домовъ разбивалось въ дребезги. Отъ зеркалъ и картинъ оставалась безформенная груда. Ставни бывали оторваны съ самаго начала, и потому грабители свободно проникали по ночамъ въ зіяющія окнами хоромы «бѣлыхъ». Ни за какія деньги не нанять было на первыхъ порахъ ни столяра, ни каменьщика. Черепицы для крышъ продавались на вѣсъ золота. Однажды у острога и у губернаторской резиденціи на горѣ снесло кровли. Великолѣпные башенные часы ратуши (близь главной пристани) испортились. Массу деревьевъ или вырвало съ корнемъ, или совершенно изломало, обнаживъ отъ коры. Телеграфныя линіи (между прочимъ и подводный кабель) пришли въ негодность. Въ какой-то кумирнѣ рухнули стѣны и народъ ахнулъ, увидавъ, что боги недвижно усидѣли надъ алтаремъ.

Еще хуже свирѣпствовала буря въ Макао. Тысячи китайцевъ, живущихъ на водѣ, истерзанными трупами очутились на сушѣ. Цѣлый пароходъ далеко выбросило на берегъ.

При спускѣ съ горы по желѣзной дорогѣ зданія внизу представились намъ совершенно накрененными: чтобы разсѣять оптическій обманъ, приходилось сильно нагибать голову впередъ. Только тогда очертанія выпрямлялись въ прозрачно-лучезарномъ воздухѣ.

Во время второй стоянки Е. И. Высочество изволилъ посѣтить гонконгскіе магазины рѣдкостей, расположенные на главной такъ-сказать основной улицѣ города (Queen's road), вдоль которой для прохлады тянутся крытыя колоннады. Окна богатыхъ лавокъ въ противуположность кантонскимъ снабжены стеклами, ибо мѣстная чернь въ значительной степени состоитъ изъ отъявленныхъ плутовъ со всей Небесной имперіи. Они ухитряются съ рѣдкой изворотливостью доставать концемъ длинныхъ палокъ тщательно высмотрѣнные предметы, подвѣшенные ближе къ внѣшней стѣнѣ, и, нанизавъ добычу, стремительно скрываются съ нею. Сокровища, выставленныя тутъ на продажу, еще замѣчательнѣе видѣнныхъ нами на Жемчужной рѣкѣ. Правда, это объясняется громаднымъ спросомъ на вещи со стороны мимолетныхъ туристовъ!

ВЗВѢШИВАНІЕ ЧАЯ.

Испытываешь большое эстетическое наслажденіе, глядя на драгоцѣннѣйшую филиграновую работу, серебряные сервизы, вѣера изъ слоновой кости, съ узорчатой отдѣлкой, шахматы, шкафы различной величины, тонкую рѣзную мебель изъ дерева съ Борнео, изящныя корзинки для цвѣтовъ, бронзовыя курильницы, гигантскія вазы и вышивки всевозможныхъ цвѣтовъ, маленькія крайне отчетливыя модели судовъ, повозокъ, разныхъ производствъ и т. п. Многія вещи привезены изъ Японіи. Изъ мѣстныхъ украшеній (шпилекъ, булавокъ, браслетовъ, брошекъ) наиболѣе оригинальны словно эмалированныя издѣлія, въ сущности такъ-сказать засыпанныя цвѣтною пылью (со вклеенными кромѣ того въ ихъ поверхность перышками райскихъ птицъ). Къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича здѣшніе купцы естественно постарались сгруппировать побольше достопримѣчательностей туземнаго производства.

На гонконгскомъ рейдѣ намъ опять (какъ столь часто во время путешествія!) приходится видѣть однажды изумительной красоты закатъ. Магическое сочетаніе оттѣнковъ свѣта въ этотъ вечеръ неподражаемо гармонично. Небо изъ оранжеваго становится жемчужно-серебристымъ. Корабли и раскинувшія парусъ джонки на заливѣ окутываются прозрачною мглою. Горныя вершины надъ «гранитнымъ» городомъ горятъ еще нѣкоторое время въ оправѣ изъ облачковъ-рубиновъ. Затѣмъ эти тона начинаютъ меркнуть, переливаются въ фіолетовый и желтый цвѣтъ, послѣдній разъ вспыхиваютъ червленымъ золотомъ и гаснутъ . . . . .

Въ пятницу, 29-го марта (10 апрѣля) русская эскадра покидаетъ при отличной погодѣ Гонконгъ. Китайцы на джонкахъ любезно провожаютъ насъ несмолкающимъ

оглушительнымъ трескомъ петардъ, которыя должны отгонять съ пути всякую напасть, наводя страхъ на нечистыя силы. Переходъ сопровождается однако столь упорными туманами, что нашимъ судамъ нельзя идти ни строемъ клина, ни кильватерною колонной, — а приходится безопасности ради постепенно разбиться и довольно медленно слѣдовать почти совершенно врозь. Въ связи съ неровной качкой два-три дня плаванія на этотъ разъ далеко не принадлежатъ къ числу пріятныхъ. Говорятъ, впрочемъ, подобное явленіе обычно въ Формозскомъ проливѣ! Какая-то бѣлесоватая мгла постоянно вставала тутъ и тамъ надъ водой, расползалась по ней и густѣла, обращалась въ огромную клубящуюся гряду, широкимъ кольцемъ опоясывала «Азовъ», наступала все зловѣщѣе, такъ-сказать давила своею отвратительною безформенностью . . . Но вдругъ зыбкая стѣна окрестъ точно проваливалась въ море, изъ него живописно подымались на встрѣчу намъ скалистые острова съ дробящимся о камни сурово стонущимъ прибоемъ. Затѣмъ картина снова рѣзко мѣнялась: туманныя глыбы снова незамѣтно подкрадывались, стягивались, съуживали поверхность волнъ у бортовъ фрегата. Вскорѣ опять невозможно было ничего различать

ЧАЙ НА ПУТИ ВЪ КЯХТУ.

по сторонамъ. Протяжною жалобою хватая за сердце, «пѣли» или точнѣе голосили «сирены» (судовые предостерегающіе сигналы) и, когда стихалъ ихъ ревъ, подъ окружающею безцвѣтною пеленой чувствовалось тяжелое дыханье угнетеннаго океана. Изъ-за облаковъ по временамъ силилось прорваться горячее солнце, оно скользило робкими свѣтовыми полосами по сводамъ нашей темницы и не проникало ихъ . . . Удивляться надо одному, какъ не отстали отъ насъ ни на минуту оба китайскихъ конвоира, ухитрявшіеся обходиться безъ свистковъ, по трубу зарывавшіеся порою въ бурунъ и тѣмъ не менѣе исполнившіе приказанія Ли-хун-чжана.

Тридцать перваго мы приблизились къ устью рѣки Минь, въ ожиданіи депутаціи отъ двухъ русскихъ фирмъ города Фу-чжоу, занимающихся экспортомъ байховаго съ зеленымъ и приготовленіемъ кирпичнаго чая (между прочимъ онѣ еще съ убыткомъ пробуютъ сбывать сюда изъ Одессы сукно и сахаръ, крымское вино и свѣчи). Чайное дѣло у тамошнихъ купцевъ за послѣдніе годы что-то худо спорится. За пасмурностью пароходъ, нанятый бѣднягами-соотечественниками для привѣтствованія Высокаго Гостя у своего побережья, нигдѣ не находитъ насъ. Въ концѣ концовъ «Азовъ», промедливъ изъ-за нихъ немало часовъ, направляется дальше.

НА РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Среда, 3 (15) апрѣля.

Вчера мы бросили якорь на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ Шанхая, у группы «Сѣдельныхъ острововъ», посѣщенныхъ Гончаровской «Палладою». Тутъ придется на полторы недѣли проститься съ великаномъ-крейсеромъ (по случаю мелководья въ Янъ-цзы весной) и отправиться по рѣкѣ до Ханькоу на «Владивостокѣ» (Добровольнаго флота). На него уже перевозится нашъ багажъ . . . .

Сперва существовало предположеніе завернуть въ только-что упомянутый портъ, составляющій важное pendant къ Гонконгу, но въ виду крайне космополитическаго характера тамошняго населенія (городъ раздѣленъ на французскій, англійскій и американскій кварталы), въ виду господствующаго въ нихъ республиканскаго режима и отсутствія настоящихъ хозяевъ для достойнаго пріема (занятая иностранцами земля считается китайцами частью родной территоріи, — туземныя же власти слишкомъ незначительны по рангу, чтобы подобающимъ образомъ встрѣтить Царственнаго путешественника) на основаніи совѣтовъ адмирала Назимова рѣшено миновать шанхайскій рейдъ: иначе было бы трудно избѣгнуть недоразумѣній и немудрено кого-нибудь нечаянно обидѣть . . . .

Едва-ли въ Россіи извѣстно, что во время недавней беззаконной оккупаціи острова Гамильтона британскіе моряки проложили оттуда кабель къ здѣшнимъ островамъ. Онъ покоится на днѣ морскомъ и въ данную минуту. Кто-то имъ рано или поздно воспользуется?!

Угрюмые берега этихъ «Saddle Islands» служатъ исключительно рыбакамъ. Военныя суда рѣдко заглядываютъ въ такую глушь.

Вотъ мы съ грѣхомъ пополамъ размѣстились на тѣсномъ пароходѣ. Даже каюта Наслѣдника Цесаревича очень низка и мала. Неудобства плаванья развѣ только искупятся заботливымъ вниманіемъ «владивостокскихъ» офицеровъ (командира А. А. Остолопова, лейтенантовъ Трояна и Морозова, инженеръ-механика Акимова). Кромѣ свиты въ поѣздкѣ участвуютъ начальникъ эскадры со своимъ флагъ-офицеромъ Кладо и полковникъ Путята. Къ намъ переправляется хоръ музыкантовъ съ «Азова». Конвоирами назначены новоприбывшая сибирской флотиліи лодка «Бобръ» и «Кореецъ».

Сильная зыбь развивается у безбрежнаго входа въ Янъ-цзы. Желто-бурыя воды ходуномъ ходятъ и подъ «Владивостокомъ», и подъ нашими крейсерами, удаляющимися въ Японію. Ихъ точно подбрасываетъ на валахъ потемнѣвшаго простора. Тѣни титановъ довольно быстро тонутъ въ отдаленьи. Качка слабѣетъ. Низменная суша слабо обрисовывается впереди. Мутное теченіе, на разстояніи 4500 верстъ пронесшее зародыши плодородія отъ возвышенностей Тибета до Великаго океана, понемногу свѣтлѣетъ въ своемъ руслѣ и становится какъ-бы равномѣрнѣе.

Когда русскихъ пословъ въ старину снаряжали на Востокъ, имъ приказывали развѣдать въ каждой странѣ, «каковы тамъ бой и торгъ». Въ наши дни тутъ это все до мелочей извѣстно. О военномъ дѣлѣ у китайцевъ, столь тихо прогрессирующемъ въ теченіе вѣковъ, пессимистически могутъ судить даже не офицеры изъ среды европейцевъ. Ясно какъ Божій день, что народъ Конфуція не понимаетъ мудраго изреченія: «если хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ». Онъ жаждетъ перваго, но не въ состояніи твердо стремиться ко второму. Иначе обстоитъ вопросъ объ экономическомъ развитіи туземныхъ

элементовъ и о выгодахъ, представляемыхъ возможностью болѣе тѣснаго общенія Запада съ имперіей Сына Неба. Гдѣ же какъ не въ сердцѣ ея естественнѣе всего убѣдиться въ рессурсахъ гигантскаго государства?!

Многое приходится намъ узнать и замѣтить во время десятидневнаго пребыванія на могучей китайской рѣкѣ. Въ виду ея коммерческаго міроваго значенія, арена для наблюденія — гораздо шире, чѣмъ напр. на относительно уединенномъ Нилѣ. По рѣкѣ безпрестанно попадаются типичныя джонки различной формы и величины (съ пестрыми или красными вымпелами и флагами новаго четыреугольнаго или стараго треугольнаго образца, на которыхъ изображенъ синій драконъ на желтомъ полѣ). Издали онѣ положительно

КЯХТА.

кажутся иногда огромнѣйшими пловучими ящиками. Число мачтъ колеблется между одной и пятью (на судахъ такъ-называемой шанхайской конструкціи). Въ Ханькоу строятся двухмачтовыя. Наиболѣе цѣнятся здѣсь на рѣкѣ сооруженныя изъ прочнаго камфарнаго дерева, ростущаго въ южныхъ предѣлахъ имперіи.

Барочники искусно пользуются парусами, идя по Янъ-цзы вверхъ и внизъ. Даже противъ теченія онѣ при благопріятномъ вѣтрѣ движутся столь быстро, что мы ихъ на всѣхъ парахъ едва перегоняемъ. Лодки, принадлежащія казнѣ, вооружены пушками, дабы при случаѣ преслѣдовать контрабандистовъ.

Кромѣ джонокъ по рѣкѣ спускается немало лѣсоплавныхъ плотовъ (въ 50 саж. длины, при 10 саж. ширины), плывутъ комфортабельные охотничьи домики европейцевъ, — извѣстные въ краю подъ именемъ «house-boats», — свистятъ паровые катера

чиновниковъ, бороздящіе Янъ-цзы . . . . Нѣкоторыя мелкія суда входятъ въ изрѣзывающіе ся окрестность каналы и нерѣдко можно видѣть парусъ, какъ-бы бѣгущій по нивамъ и у горъ, вдали отъ рѣчнаго простора.

Сначала (около ста миль) мѣстность отличалась крайней монотонностью. Тянулись одни поля, да поля. Мало по малу, однако, вдали стали обрисовываться живописныя возвышенности. Красота природы внутренняго Китая открылась нашему взору. Причудливо-величественныя очертанія безлѣсныхъ хребтовъ гармонично дополнили панораму близкаго земледѣльческаго благополучія на равнинахъ.

ВЪ КЯХТИНСКИХЪ СКЛАДАХЪ.

На пути въ Ханькоу и обратно «Владивостокъ» слѣдовалъ извилистымъ фарватеромъ: чрезвычайно капризная рѣка, вродѣ нашей Аму-Дарьи, часто уклоняется отъ намѣченнаго русла, образуетъ неожиданныя отмели, грозитъ прибрежнымъ селеніямъ внезапностью напора. Только стройныя пагоды, на самыхъ характерныхъ пунктахъ пейзажа (нерѣдко на скалистыхъ островахъ) пребываютъ совершенно чуждыми этой вѣчной опасности опустошенія и разрушенія.

Цвѣтущія области прилегаютъ къ нашему водному пути, прославленному еще великимъ Марко Поло. Чего-чего въ нихъ только не найдешь! Съ похода Чингисъ-хана на Индію, въ Китаѣ положено напр. въ очень широкихъ размѣрахъ начало хлопководству.

Хлопокъ, обильно произрастающій въ низинахъ Янъ-цзы, порою споритъ качествами съ американскимъ. Китайскіе рабочіе быстро свыкаются съ употребленіемъ машинъ. Тѣмъ не менѣе подавляющее большинство населенія носитъ еще исключительно ткани домашняго производства. Для Запада весьма важенъ вопросъ, откроется-ли его фабрикантамъ необъятный по размѣрамъ сбытъ въ предѣлы Небесной имперіи. Между тѣмъ, тамошніе предпріимчивые горожане сознаютъ пользу самимъ монополизировать промышленность края. Несмотря на отсутствіе въ странѣ дешеваго кредита и осязательно свободныхъ капиталовъ (множество купцевъ непомѣрно богато, но прячетъ деньги) въ Шанхаѣ постепенно соста-

ОТПРАВКА СИБИРСКИХЪ ЧАЕВЪ.

вилась компанія (Cotton Cloth Company) изъ туземцевъ, съ цѣлью наводнить родной рынокъ своими собственными хлопчатобумажными издѣліями. «Техническимъ» директоромъ она взяла американца и въ теченіе года завела 21,000 прядильныхъ и 550 ткацкихъ станковъ. Мужчины нанимаются туда работать по 35 коп. въ день, бабы — по 25 коп. И то подобныя цѣны неслыханны для простонародья и объясняются лишь близостью европейскаго элемента, въ связи съ обусловливаемою этимъ развращенностью рабочаго люда!

Много китайскаго хлопка сбывается теперь въ Японію, откуда его уже въ видѣ матерій ввозятъ сюда обратно. Часть населенія внутри страны надѣется вознаградить себя путемъ такого спроса за тяжелые убытки отъ борьбы съ англичанами за чай. Послѣдніе ему измѣняютъ. Хорошими покупателями остаются преимущественно русскіе коммерсанты.

ВЪ ТАЙГѢ.

Въ разгаръ этого кризиса, для мѣстныхъ производителей еще больше значенія пріобрѣтаетъ фактъ посѣщенія Ханькоу Престолонаслѣдникомъ. Е. И. Высочество предпочелъ отказаться, за недостаткомъ времени, отъ поѣздки къ интереснымъ сѣвернымъ берегамъ Китая, чтобы воочію узрѣть и ободрить Августѣйшимъ присутствіемъ нашу крошечную колонію на Янъ-цзы, за 1200 слишкомъ верстъ отъ его устья.

Чайное дѣло въ Китаѣ наканунѣ жестокаго упадка. Нужна прямо-таки правительственная поддержка, чтобы его отсрочить или отвратить. Конкурренція Индіи и Цейлона убиваетъ экспортъ чаевъ изъ Небесной имперіи въ Лондонъ. Съ 1881 г. на 1891 г. потребность въ нихъ уменьшилась сразу втрое. Хотя знатоки и склонны думать, что это есть только временное извращеніе вкуса потребителей и что природныя достоинства здѣшняго чая (само собой, при нѣкоторомъ улучшеніи его культуры!) несомнѣнно привлекутъ къ нему вновь покупателей, — но утрата важнаго рынка пока налицо. Одна Россія выказываетъ прежнюю склонность отдавать предпочтеніе ханькоусскому и фучжоусскому чаямъ передъ англійскими. Но мы меньше беремъ продукта, чѣмъ брала Великобританія: ея купцы, вдобавокъ, направляютъ не домой, а къ намъ (черезъ лондонскій рынокъ) главную часть пріобрѣтаемыхъ ими китайскихъ чаевъ. Въ 1886 г. на долю русскихъ приходилась всего одна девятая чайныхъ грузовъ изъ Ханькоу: теперь же приходится около трети, стоимостью приблизительно на 10—12 милліоновъ рублей. Понятно, что китайцы должны въ данную минуту сильно дорожить подобными кліентами!

Воскресеніе, 7 (19) апрѣля.

Четырехдневный безостановочный переходъ по Янъ-цзы мало по малу изрядно надоѣдаетъ, — чему отчасти способствуетъ ненастная погода.

Вѣтеръ. Холодно. Сыро. Скучно на громадной рѣкѣ, — гораздо тоскливѣе чѣмъ въ открытомъ морѣ, гдѣ берега не дразнятъ близкими очертаніями. Сегодня, впрочемъ, послѣ утренняго тумана и дождя обѣщаетъ быть ясное небо.

Туземныя власти всюду по дорогѣ, еще издали, съ неслыханными для народа почестями встрѣчали Наслѣдника Цесаревича: грохотомъ пушекъ, ружейными залпами, торжественно выстроеннымъ войскомъ съ большими знаменами въ рукахъ солдатъ, наконецъ иллюминаціей по вечерамъ. Напримѣръ, въ пятницу, незадолго до полуночи адмиралъ пришелъ доложить Великому Князю, что цѣлая флотилія около насъ празднично убрана гирляндами огней, изъ темноты же за нею привѣтственно гремятъ трубы.

Каждый разъ какъ намъ на пути попадались китайскія суда подъ военнымъ флагомъ, грохотъ салюта оглашалъ мирную окрестность. Вдоль побережья, — особенно, гдѣ рѣчныя воды стремительнѣе текутъ по тѣсному руслу среди грозно сдвигающихся возвышенностей, — нерѣдко виднѣлись внушительныхъ размѣровъ укрѣпленія. Очевидно, здѣсь вполнѣ сознана необходимость дать по возможности отпоръ «бѣлому» иноземцу, въ случаѣ новаго несправедливаго нападенія съ его стороны. Хватитъ-ли только силы! Эскадра на Янъ-цзы, положимъ, не велика (она состоитъ изъ 11 судовъ), но сильнѣе кантонской по численности экипажей и количеству орудій.

Утромъ 6 (18) апрѣля желтыя струи рѣки смѣшиваются съ голубыми полосами тока, идущаго изъ сосѣдняго озера. Мы достигаемъ на ней одного изъ красивѣйшихъ пунктовъ. Уже раньше встрѣчались острова («золотой», «серебряный» и другіе), крайне эффектные по внѣшности, но открывающійся нашему взору теперь затмѣваетъ ихъ

причудливой гармоніею линій. Это — нѣчто положительно безподобное, чудесно возникшее по преданію на мѣстѣ катастрофы, постигшей въ бурю бѣдную рыбачью семью. Младшій ребенокъ дольше родителей боролся противъ опасности и всетаки тутъ затонулъ. Народное воображеніе почему-то разукрасило подробности его кончины. Знаменитый по своей живописности гранитный крутой «утесъ маленькой сироты» находится близь лѣваго берега въ одномъ изъ съуженій Янъ-цзы. Сѣверные склоны совершенно обнажены, южные утопаютъ въ растительности. По уступамъ ихъ лѣпится буддійскій монастырь.

Девятый часъ на исходѣ. Вотъ и Ханькоу развертывается въ отдаленьи. Цвѣтущій культурный край вокругъ начинаетъ напоминать Среднюю Европу.

Медленно приближается «Владивостокъ» съ конвоирами (двумя русскими и двумя китайскими) къ якорной стоянкѣ у пристани европейскаго квартала. Терпѣніе встрѣчающихъ Е. И. Высочество соотечественниковъ невольно подвергнуто испытанію. Когда-то удастся имъ взглянуть на Него!

ЧЖАНЪ-ЧЖИ-ДУНЪ.

При салютѣ, въ моментъ прибытія, съ англійской канонерки «Rattler», — неосторожно стрѣлявшей въ упоръ, когда мы шли мимо нея, — пыжемъ обжигаетъ грудь нашему матросу на мостикѣ.

Первыми пріѣзжаютъ на пароходъ повѣренный въ дѣлахъ Императорской пекинской миссіи (недавно назначенный посланникъ еще не прибылъ къ мѣсту служенія) первый секретарь ея г. Клейменовъ и здѣшній консулъ г. Дмитревскій, одинъ изъ нашихъ достойнѣйшихъ синологовъ-практиковъ. Иностранные консула и вице-консулы тоже являются, но Наслѣдникъ Цесаревичъ откладываетъ представленіе ихъ до болѣе удобнаго случая. Вслѣдъ затѣмъ Его посѣщаетъ (на разукрашенномъ катерѣ, съ парадно одѣтою свитою) Хугуаньскій генералъ-губернаторъ (Ху-гуанью «обширными озерами» именуется раіонъ провинцій Хубэй и Хунань съ 60—70-тью милліоннымъ населеніемъ), извѣстный китайскій литераторъ Чжанъ-чжи-дунъ, правившій въ Кантонѣ до Ли-хан-чжана и достаточно выказавшій свою непріязнь къ европейцамъ, при всемъ уваженіи къ достигнутому на Западѣ матеріальному прогрессу. Когда правительство богдыхана подняло вопросъ о

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ГЛУШЬ.

соединеніи внутреннихъ областей имперіи со столицей, — этотъ вице-король, поклонникъ родной старины, въ особой меморіи Сыну Неба одобрительно отнесся къ идеѣ, но съ непремѣннымъ условіемъ не отдавать ее всецѣло на эксплоатацію иноземцевъ-инженеровъ и не пріобрѣтать чужаго матеріала: съ цѣлью прежде всего поднять техническое знаніе въ самой странѣ и, утилизируя невѣроятную дешевизну туземнаго труда, создать необходимѣйшія сооруженія изъ естественныхъ богатствъ Китая. Для этого рѣшено было приступить къ постройкѣ на Янъ-цзы огромнаго механическаго завода, соединивъ его

ВЪ ПУСТЫРЯХЪ СИБИРИ.

порядочной по длинѣ рельсовой линіей съ мѣстонахожденіями руды. Чжанъ-чжи-дунъ, считающійся въ глазахъ народа безкорыстнѣйшимъ сановникомъ, ассигновалъ большія суммы на осуществленіе замысла и пригласилъ въ руководители западныхъ спеціалистовъ, намѣреваясь въ то же время посылать на усовершенствованіе въ Бельгію собственныхъ способнѣйшихъ рабочихъ. На рынкахъ цесарскаго Рима древне-китайское желѣзо признавалось наилучшимъ. Нѣтъ причинъ, почему-бы при развитіи металлургіи на Дальнемъ Востокѣ оно опять не получило большаго значенія. Вѣдь не нормаленъ же и не вѣченъ ежегодный и притомъ быстро возростающій ввозъ туда на милліоны рублей

иностраннаго желѣза и стали? Вѣдь придетъ же день, когда Америка, Англія, Швеція и Германія въ этомъ отношеніи станутъ не нужны развѣдавшему свои неистощимыя нѣдра Китаю?

Генералъ-губернаторъ около получаса остается для бесѣды на «Владивостокѣ». Послѣ его отъѣзда Ихъ Высочества отправляются въ православный храмъ. Широкая лѣстница пристани обтянута краснымъ сукномъ. Берегъ и дома европейскаго квартала роскошно декорированы цвѣтными фонариками, флагами, вензелями, щитами и гирляндами. Арка-павильонъ и обычное британское «Welcome» отъ всѣхъ членовъ колоніи дополняютъ картину пышнаго убранства. Вдоль главной улицы крѣпко вбиты въ два ряда довольно высокія мачты съ украшеніями.

ПЕРВЕНСТВУЮЩІЕ ЛАМЫ ПРИ СЛУЖЕНІИ.

Для слѣдованія въ церковь приготовлены двухмѣстные экипажи частныхъ лицъ, въ одну лошадь, безъ козелъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ садится въ одинъ изъ таковыхъ съ принцемъ Георгіемъ Греческимъ и самъ правитъ.

Вотъ уже скоро пять мѣсяцевъ послѣ Каира, что мы только на фрегатѣ слушали обѣдню. Съ какими умиленными чувствами и глубокимъ благоговѣніемъ вступаешь на паперть ханькоускаго храма! Архимандритъ Амфилохій, начальникъ пекинской духовной миссіи, ожидаетъ Великаго Князя у входа съ крестомъ и святою водой. Радостный колокольный звонъ и стройное пѣнье несутся на встрѣчу Царственному Гостю. Свѣтлый храмъ съ пронизывающими кадильный дымъ солнечными лучами и озаренные ими задумчиво-строгіе лики на иконостасѣ, — все живо напомнило родину и наполняетъ душу сладостно-жгучимъ ощущеніемъ.

Хоръ любителей (я случайно записалъ ихъ имена: Орловъ, Масленниковъ, Токмаковъ, Милютинъ, Останинъ и Кандинскій) превосходно поетъ во время Божественной литургіи и молебна. Пріѣхавшій изъ столицы вмѣстѣ съ архимандритомъ «длиннокосый» христіанинъ-китаецъ внятно по своему читаетъ Апостола. Мало кто знаетъ у насъ въ Россіи о существованіи и происхожденіи пекинской духовной миссіи. Она возникла двѣсти лѣтъ назадъ ради ободренія плѣненныхъ маньчжурами албазинскихъ казаковъ, — тосковавшихъ по вѣрѣ и по утраченнымъ пустырямъ Амура, несмотря на всякія милости и щедроты со стороны богдыхана, зачислившаго даже удальцевъ въ свою гвардію. Въ ту пору въ Пекинѣ

началось какое-то лютое повѣтріе. Проживавшій въ столицѣ при императорѣ тибетскій «святой» (Чжанчжа-хутухту) видѣлъ вѣщій сонъ: бѣлобородаго старца, подымавшагося изъ холма близь албазинскаго лагеря. Мудрый лама истолковалъ видѣніе въ томъ смыслѣ, что это — Николай Чудотворецъ и ему безъ замедленія нужно соорудить въ Пекинѣ православный храмъ. Разрыли насыпь подлѣ казачьяго жилья, и дѣйствительно нашли святую икону съ ликомъ приснившагося хутухтѣ. Богдыханъ внялъ добрымъ совѣтамъ чтимаго имъ буддійскаго «святаго», отвелъ мѣсто для русской церкви, позволилъ плѣннымъ снестись съ отечествомъ по вопросу о снаряженіи къ нимъ духовныхъ лицъ и тѣмъ самымъ установилъ совершенно исключительную дружественную связь между Китаемъ и

СЕЛЕНГИНСКІЕ БУРЯТА.

Россіей. Пока другія націи посылали къ его побережьямъ игравшихъ въ политику миссіонеровъ-фанатиковъ, иногда пріобрѣтавшихъ огромное вліяніе при дворѣ или же изгонявшихся за оскорбленіе туземной святыни, — русскій «монашескій» караванъ изъ Забайкалья приходилъ въ столицу государства къ албазинцамъ какъ домой. Скромные иноки занимались китайскимъ языкомъ, обогащали цѣнными вкладами синологію, дѣлились знаніемъ съ посылаемыми къ нимъ черезъ Сибирь свѣтскими студентами, не выступали дипломатами-проповѣдниками, не отождествляли съ чисто-іезуитскимъ лукавствомъ языческихъ формъ культа съ христіанскими, не расширяли обманомъ или насиліемъ, т. е. вообще фиктивными способами своей маленькой паствы. Напротивъ, въ этомъ отношеніи наша прирожденная терпимость и летаргія простерлись даже до того, что колонія албазинцевъ путемъ браковъ съ окрестнымъ населеніемъ потеряла прежній обликъ, дѣдовскіе

обычаи, а съ ними вмѣстѣ отчасти и религію. Между тѣмъ какъ изъ состава миссіи выходили ученые съ громкою міровою извѣстностью какъ напр.: Іакинѳъ Бичуринъ, профессоръ Васильевъ и Палладій, — пекинскіе албазинцы окитаивались почти до неузнаваемости. Правительство богдыхана съ полною симпатіей глядѣло на чуждую политикѣ и фанатизму православную общину. Ни въ какихъ военныхъ демонстраціяхъ во имя защиты мнимо-христіанскихъ, по настоящему же прямо коммерческихъ интересовъ она никогда не участвовала. Ни одинъ нашъ іеромонахъ не пытался поколебать конфуціанскаго жизненнаго строя. Миссіи снаряжались въ Троицкосавскѣ и пускались въ путь черезъ Монголію на Ургу и Калганъ при помощи бурятскихъ ламъ, на инородческихъ верблюдахъ. Добродушные ламаиты столь сердечно сближались на каждомъ шагу съ пришлымъ «бѣлымъ» элементомъ, что нерѣдко роднились съ нимъ, жертвовали на православныя церкви, благоговѣйно стекались на православное богослуженіе, выдѣляли изъ своей среды вполнѣ естественно обрусѣлыхъ, принявшихъ православіе Гонбоевыхъ и Бадмаевыхъ. Вотъ и теперь, рядомъ съ нами стоятъ два крупныхъ дѣятеля русско-китайскаго чайнаго міра: г. Старцевъ и г. Малыгинъ, родомъ селенгинскіе бурята.

Русская Азія переживаетъ въ 1891 г. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своего развитія и своей не избалованной радостями исторіи. Свѣтлая вѣсть, донесшаяся туда вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что Престолонаслѣдникъ осчастливитъ личнымъ посѣщеніемъ далекія и глухія окраины родной земли, становится лучезарною былью, полнымъ глубокаго смысла событіемъ, зарею для необъятнаго края, ожидающаго въ теченіе столѣтій болѣе прочнаго и братскаго общенія съ Россіей. Кто можетъ его закрѣпить разностороннѣе и тѣснѣй какъ не Первенецъ ея Державнаго Вождя, посланный самимъ Царемъ-Отцемъ взглянуть на свое наслѣдье, передать сибирякамъ попечительно-творческія мысли Его о необходимости пробужденія восточныхъ окраинъ, озарить тамошнюю тускло-однозвучную жизнь отъ всего сердца идущими привѣтомъ и лаской? Фактъ Августѣйшаго проѣзда изъ Приморской области на Оренбургъ долженъ оставить и безъ сомнѣнія оставитъ неизгладимый слѣдъ на поверхности мѣстнаго строя и быта, доказавъ во-первыхъ (вопреки нелѣпымъ толкамъ о проникающемъ ихъ «опасномъ» сепаратизмѣ) неразрывную духовную связь между туземнымъ населеніемъ и Правящимъ нами Императорскимъ Домомъ, а кромѣ того вынуждая столичныя сферы иными глазами посмотрѣть на сравнительно обездоленный крайній Востокъ, откуда мы въ правѣ ожидать и навѣрно дождемся въ непродолжительномъ времени мощнаго движенія впередъ по пути конечнаго утвержденія русскаго главенства въ Азіи. Великая Сибирь — нашъ авангардъ; ея исполненные непоколебимаго мужества и упорства закаленные среди измѣнчивой природы сыны — наши «младшаго цикла богатыри», воочію воплотившіе и воплощающіе въ народную жизнь прямодушно-простые и единственно правильные государственные взгляды Допетровской Руси на инородческіе міры, на задачи пламѣнѣвшихъ ревностью святителей и радѣвшихъ о національной чести воеводъ, на призваніе каждаго вѣрноподданнаго стоять на полуневѣдомыхъ рубежахъ отчизны во всеоружіи гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго патріотическаго настроенія. Оттого-то лица вродѣ Муравьева-Амурскаго, — которыя по европейскую сторону Урала никогда не могли бы въ силу неблагопріятныхъ условій проявить достаточно гражданской доблести и политической предпріимчивости, — въ предѣлахъ иркутскаго генералъ-губернаторства и Приамурья свѣтлѣютъ сознаньемъ и волей, съ восторгомъ проникаются творческими замыслами о неизбѣжно-естественномъ развитіи и расширеніи нашихъ восточныхъ окраинъ, неуклонно начинаютъ стремиться къ достиженію ясно намѣченной цѣли. Это какъ-бы само собой навѣялъ главному начальству своему

ГРАФЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

молчаливо-вдумчивый сибирякъ, это тѣни ищущей моря и горъ легендарной вольницы осѣнили своимъ крыломъ завѣтныя мечты носителей нашей исторической идеи, — это заговорила въ сердцѣ послѣднихъ сквозь грубую кору чисто западныхъ предубѣжденій и предразсудковъ старая «сибирская» удаль новгородцевъ и пермяковъ, издавна считавшихъ смежную намъ Азію чѣмъ-то «исконно-нашимъ».

Проѣздъ Престолонаслѣдника по неоглядной странѣ, — добытой правительству до предѣловъ океана почти безвѣстными искателями приключеній, піонерами славнаго дѣла, и «служилыми людьми» всякихъ общественныхъ слоевъ московскаго періода, — чрез-

ХОРИНСКІЕ БУРЯТА.

вычайно будетъ важенъ еще и потому, что до нашихъ дней главный административый центръ оставался довольно равнодушенъ къ южно-уссурійской и маньчжуро-монгольской периферіи: съ того же момента, что Государь направилъ къ ней Старшаго Сына, возвращающагося изъ обозрѣнія наиболѣе цвѣтущихъ чужихъ колоній Востока, гдѣ всего — вдоволь и человѣку скоро будетъ тѣсно жить, наши пустыри, — стерегущіе непочатое богатство земныхъ нѣдръ, — должны проснуться, должны почувствовать себя приближенными къ думамъ Царя, должны пріукраситься внутреннею красой на встрѣчу Рѣдкому Гостю. Конечно, тамъ не впервые готовятся привѣтствовать Великихъ Князей: императоръ Александръ II, будучи Цесаревичемъ, посѣтилъ Тобольскъ, Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ доѣзжать до Томской губерніи, Е. И. В. Великій

Князь Алексѣй Александровичъ изъ Америки проѣхалъ въ 1873 г. черезъ всю Сибирь, Е. И. В. Великій Князь Александръ Михаиловичъ сравнительно недавно, совершая кругосвѣтное плаваніе на «Рындѣ», предпринялъ любопытную экскурсію изъ Владивостока по южно-уссурійской нови. Но всѣ подобныя непосредственныя соприкосновенія не имѣли, да и не могли имѣть такой цѣны какъ ожидаемое вскорѣ прибытіе Августѣйшаго путешественника съ Отчими манифестами на радость коренному и ссыльному населенію. Не однѣ только части гигантскаго сибирскаго цѣлаго сознаютъ, внемля имъ, свое единство съ

СПОДВИЖНИКЪ МУРАВЬЕВА-НЕВЕЛЬСКОЙ.

россійской державой, — но пойметъ его и проникнется имъ весь край, затрепещетъ отъ умиленія душа всего сибирскаго народа, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ на дальнѣйшіе подвиги и борьбу за наши историческіе интересы въ Азіи каждый заброшенный на окраину офицеръ, каждый вскормленный ею казакъ. Образованные классы у насъ часто выражаютъ удивленіе трудамъ и дѣятельности, лишеніямъ и энергіи англійскихъ изслѣдователей и должностныхъ лицъ въ предѣлахъ загималайской имперіи ея величества королевы Викторіи. Однако, если провести наглядную и безпристрастную параллель между относительно комфортабельной жизненной обстановкой британскихъ колонизаторовъ и до крайности тягостной, убогой и самоотверженной обстановкой, въ которой незамѣтно вершатъ

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

свое святое высоко національное дѣло безчисленныя духовныя единицы земли русской на ея отдаленнѣйшихъ граняхъ, — первенство въ смыслѣ истиннаго подвига и настоящей пользы человѣчеству (такъ какъ мы — славяне — безсознательно служимъ идеаламъ вѣротерпимо-демократическаго свойства, западные же европейцы всегда и во всемъ стремятся къ насильственному господству надъ отвергаемыми по принципу «нисшими» рассами) безспорно должны оставаться за нами. Развѣ можно напр. даже поверхностно сопоставлять чопорныхъ британскихъ чиновниковъ Индіи, дорого оплачиваемыхъ кровью и потомъ несчастнаго мѣстнаго населенія, съ нашими безвѣстными и до героизма безропотными, нетребовательными тружениками на окраинахъ? Ихъ не окружаетъ утонченная роскошь, передъ ними

ЮЖНО-УССУРІЙСКІЯ ВОЙСКА.

не раболѣпствуетъ огромнѣйшій штатъ темнолицей прислуги, имъ не льститъ, — въ сущности кадя слѣпой національной гордынѣ, — самоувѣренная отечественная печать; но за то жизнь, среди которой и ради которой они работаютъ, составляетъ съ ними одно органическое цѣлое, — за то горячее «спасибо» скажетъ имъ русская исторія, за то на вспахиваемой ими невеселой нивѣ широко взойдетъ «золотая жатва нашего государственнаго величія». Убѣдиться въ первомъ, пророчески исполнить второе, отъ полноты молодаго сердца повѣрить въ послѣднее ѣдетъ Великій Князь — Престолонаслѣдникъ въ забытую Сибирь! . . .

Когда по Азіи путешествуютъ англійскіе принцы и доводимый до отчаянія безпощаднымъ игомъ туземный злосчастный людъ оффиціально радуется чужому пиру въ своемъ

похмѣльи, это узкій Западъ fin de siècle торжествуетъ побѣду проповѣдуемыхъ имъ эгоистическихъ началъ: неудивительно если ими создана и постоянно разверзается бездна между опекающими Азію противъ ея воли колонизаторами германо-романскаго типа и покоренными народами. Ничего подобнаго нѣтъ, когда воочію проявляется беззавѣтная любовь и преданность Востока къ своему Державному Дому. Инородецъ и переселенецъ, сохраняющій чистоту великорусскаго облика раскольникъ-сибирякъ и амальгамировавшійся съ тюркско-монгольскими элементами пахарь-воинъ съ безконечной китайской границы, — всѣхъ ихъ одушевляетъ совершенно одинаковое по силѣ и рвенію чувство внутренней связи съ Вождемъ родной земли. Я немного знаю сибиряковъ и потому ясно вижу напередъ, какъ трогательно среди нихъ скажется на каждомъ шагу это стихійное настроеніе!

Е. И. Высочество подходитъ приложиться къ кресту. Исправляющій должность церковнаго старосты Никита Матвѣевичъ Молчановъ (храмъ сооруженъ отчасти на пожертвованія чайныхъ торговцевъ въ Россіи, отчасти на деньги здѣшнихъ русскихъ фирмъ и освященъ лишь въ 1885 г. во имя Александра Невскаго) подноситъ Великому Князю просфору, съ просьбой удостоить его домъ посѣщеніемъ и откушать хлѣба-соли. Затѣмъ Августѣйшіе путешественники и вся русская колонія отправляются въ смежное церковное зданіе, гдѣ живетъ нашъ консулъ и приготовленъ чай. Тамъ, въ кабинетѣ, Наслѣднику Цесаревичу представляются жена г. Дмитревскаго и жена купца Спѣшилова, а потомъ и депутаціи отъ ханькоуцевъ и посредниковъ нашего чайнаго дѣла въ сѣверномъ Китаѣ (изъ далекаго Калгана, напримѣръ, нарочно для этого прибылъ г. Басовъ). Привѣтственныя рѣчи говорятъ компаніонъ торговаго дома Токмаковъ, Молотковъ и К°. (въ Ханькоу, Фу-чжоу, Тянь-цзинѣ, Кяхтѣ и Москвѣ) Алексѣй Петровичъ Малыгинъ и отъ дѣятелей на сѣверѣ имперіи Алексѣй Дмитріевичъ Старцевъ. Безъискусственно правдивы слова, сказанныя Царственному Гостю въ столь торжественную для туземцевъ минуту!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Несказанно счастливые и полные безпредѣльной благодарности Его Императорскому Величеству, Вашему Державному Родителю, и Вамъ, Ваше Императорское Высочество, за милостивое посѣщеніе насъ, живущихъ въ этой далекой отъ сердца Россіи странѣ, но незабытыхъ щедротами Его Императорскаго Величества, непрестанно изливающимися на насъ и на развитіе нашей торговли, какъ-то: учрежденіе консульства, содержаніе почтоваго сообщенія по Монголіи, посылка торговыхъ и ученыхъ экспедицій, посылка пароходовъ Добровольнаго флота, посѣщеніе насъ судами военнаго флота для защиты насъ и нашихъ интересовъ, въ недалекомъ же будущемъ постройка по Сибири желѣзной дороги, по которой пойдутъ также и наши чаи.

Въ довершеніе имѣемъ не мечтавшееся намъ въ самыхъ лучшихъ нашихъ грезахъ счастіе лицезрѣть Ваше Императорское Высочество, выразить Вамъ наши вѣрноподданническія чувства глубокой преданности и горячей любви Нашему Царствующему Дому и просить Васъ, Ваше Императорское Высочество, принять нашу хлѣбъ-соль.

Хлѣбъ-соль подносится на серебряномъ блюдѣ великолѣпной китайской работы, исполненномъ въ Шанхаѣ на «Nanking Road» въ мастерской Луэнь-Во (въ трехнедѣльный срокъ, несмотря на сложность орнамента изъ бамбуковыхъ вѣтвей съ птичками и трудность безукоризненной передачи надписей на русскомъ языкѣ).

НА СЕЛЕНГѢ (ЗА БАЙКАЛОМЪ).

Въ числѣ членовъ ханькоусской колоніи, радостно встрѣчавшихъ Е. И. Высочество, находится русскій подданный г. Пандеръ (изъ Прибалтійскаго края), состоящій на службѣ при мѣстной таможнѣ. Правильный надзоръ за таможенными сборами, представляющими существеннѣйшій источникъ доходовъ богдыханскаго правительства, организованъ англичаниномъ Хартомъ. Подъ его начальствомъ служили и служатъ два-три русскихъ. Знающій по китайски Пандеръ обучалъ передъ этимъ въ Пекинѣ нашей грамматикѣ и литературѣ китайскую университетскую молодежь и пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность на Западѣ составленіемъ богатѣйшей коллекціи бурхановъ, предметовъ ламайскаго культа.

Европейская система строгаго контроля надъ китайскими таможнями даетъ иностранцамъ оружіе въ руки противъ туземнаго населенія, создаетъ основу для нѣкотораго рода негласной опеки надъ нимъ.

Въ 1814 г. вся внѣшняя торговля Небесной имперіи равнялась лишь 35,000,000 рублей. Еще въ 1876 г. ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Китай (приблизительно на 150 милліоновъ рублей) десятью милліонами оказывался ниже цѣнности экспорта. Черезъ 12 лѣтъ отношеніе настолько перемѣнилось, что изъ общей цыфры 450,000,000 рублей на долю перваго приходилось немного менѣе трехъ пятыхъ. Въ короткій срокъ приростъ въ количествѣ тоннъ подъ иностранными флагами обозначился сотнями тысячъ. Еще недавно въ Китаѣ почти ничего не было извѣстно объ австрійскихъ коммерческихъ судахъ: теперь ихъ является ежегодно цѣлая масса. Если европейцы добьются права глубже проникнуть въ страну, нельзя и предугадать громадности дальнѣйшихъ коммерческихъ оборотовъ. Пока торговля Небесной имперіи съ владѣніями королевы Викторіи вдесятеро превосходитъ торговлю съ Германіей и въ двѣсти слишкомъ разъ торговлю съ нами, уступающими въ этой области даже испанцамъ и португальцамъ, шведамъ и норвежцамъ.

На мой вопросъ о размѣрахъ отравы населенія по Янъ-цзы благодѣтельнымъ индійскимъ опіумомъ, я узнаю, что ему почти нѣтъ сбыта у Ханькоу и за нимъ. Потребность пополняется собственнымъ производствомъ. Еще задолго до англичанъ мусульмане и лузитанцы ввозили опіумъ въ Макао и Кантонъ. Съ давнихъ временъ этотъ предметъ торговли (впослѣдствіе же чрезвычайно обширной культуры въ предѣлахъ самого Китая) доставлялся изъ Индіи излюбленными сухими путями черезъ Тибетъ или Бирму и Юннанъ, какими сюда издревле проникали элементы браминской цивилизаціи. До сихъ поръ кромѣ продукта британской имперіи и худшаго по качеству туземнаго, тѣмъ не менѣе сбываемаго въ огромномъ и все прогрессирующемъ количествѣ, на Дальній Востокъ идетъ турецкій и персидскій. Толки относительно вреда, причиняемаго куреніемъ, будто-бы крайне преувеличены. Домашній китайскій опіумъ разрушительнѣе дѣйствуетъ на здоровье, чѣмъ доброкачественный привозный. Люди, свыкшіеся съ нимъ (вродѣ напр. мужественныхъ и крѣпкихъ раджпутовъ въ Индіи) не только не страдаютъ отъ употребленія его, но даже черпаютъ, — благодаря ему, — силу для закаленія организма противъ болѣзней и усталости.

Оказывается, что помимо чая мы ничего особенно не вывозимъ, а тѣмъ паче не ввозимъ въ смежный намъ Китай. Попытки измѣнить столь ненормальное положеніе вещей до сихъ поръ не увѣнчивались значительнымъ успѣхомъ. Счастливое исключеніе составляетъ керосинъ, еще недавно не находившій въ Китаѣ особеннаго сбыта, теперь же ввозимый черезъ одинъ Шанхай на сумму свыше 3,000,000 рублей. Отрадно знать, что треть означеннаго количества въ виду дешевизны и меньшей воспламеняемости приходится на долю русскаго экспорта. Этому предмету ввоза отъ насъ вредитъ пока неудовлетворительная упаковка. Вдобавокъ, предпріятіе находится въ рукахъ англійскихъ и нѣмецкихъ

купцевъ, производящихъ закупку въ Батумѣ: участіе нашихъ нефтепромышленниковъ въ развитіи дѣла eo ipso совершенно устраняется.

За обставленнымъ съ лукулловской роскошью столомъ въ домѣ Н. М. Молчанова Наслѣдникъ Цесаревичъ милостиво бесѣдуетъ съ представителями нашихъ фирмъ. По слухамъ они всѣ хотѣли съ обычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ предложить этотъ первый завтракъ Высокому Гостю отъ своего имени, но за невозможностью остановиться на выборѣ подходящаго небольшаго помѣщенія, — до общаго грандіознаго обѣда для цѣлой ханькоусской колоніи, — предпочтеніе временно отдано жилищу церковнаго старосты. И такъ никто не сомнѣвается въ глубоко восторженномъ настроеніи каждаго изъ нашихъ земляковъ, — и такъ осязательно бьется однимъ біеніемъ горячей преданности Царственному Дому русское сердце присутствующихъ!

Мы здѣсь, такъ-сказать, на родинѣ и въ мірѣ чая: почти всякій разговоръ естественно сводится къ нему. Даже ближайшія плантаціи находятся на нѣкоторомъ разстояніи отсюда и потому нѣтъ возможности познакомить насъ воочію съ характеромъ его любопытной культуры, что было бы весьма поучительно во многихъ отношеніяхъ. Никакой разсказъ, никакое описаніе не можетъ замѣнить собой непосредственной дѣйствительности. Постоянно видѣть чайные листики въ чайницѣ, сознавать ихъ историческое міровое значеніе для умственной и физической жизни человѣчества — одно; совсѣмъ другое — самолично посѣтить китайскую плантацію, гдѣ подъ сѣнью тутовыхъ и бамбуковыхъ деревьевъ (кусты чая не выносятъ палящаго зноя) среди нарочно для нихъ посаженныхъ розъ, магноліи, маслины и т. п. (въ качествѣ нѣжнаго, душистаго entourage) ростутъ «вѣки буддійскаго мистика Бодидармы». Согласно весьма распространенной легендѣ, этотъ выходецъ изъ Индіи предавался въ Китаѣ высшимъ подвигамъ духа, вѣчной молитвѣ и экстазу. Однажды немощная плоть не выдержала напряженія, и созерцатель уснулъ. Очнувшись, онъ въ гнѣвѣ и ужасѣ оторвалъ и бросилъ на землю виновницы несчастія — смежившіяся вѣки... и, о чудо! на этомъ мѣстѣ выросло растеніе, похожее на розовый кустикъ... Мудрецъ попробовалъ заварить его листья и призналъ бодрящій напитокъ необыкновенно полезнымъ съ аскетической точки зрѣнія.

Качества чая — въ прямой зависимости отъ размѣровъ взростившаго ихъ деревца: чѣмъ оно ниже, тѣмъ лучше сборъ, — отъ болѣе рослыхъ, напротивъ, грубѣе. Только-что ощипанные листья не имѣютъ еще ни специфическаго аромата, ни горьковато-вяжущаго вкуса, по которому его свойства опредѣляются экспертами, пробующими чай. На всякой плантаціи есть свои тайные вѣковые пріемы приготовленія продукта на продажу, ароматизаціи его, просушки, сортировки (руками или сквозь рѣшето) и т. д. Представители нашихъ фирмъ до тонкости знакомы съ порядкомъ чайнаго производства и положеніемъ этого дѣла въ сосѣднихъ съ Ханькоу провинціяхъ. До послѣдняго времени русскіе приказчики живали даже въ сторонѣ отъ Янъ-цзы, внутри страны, дабы близко слѣдить за урожаями драгоцѣннаго растенія.

Мало кому извѣстны попытки завести у насъ культуру чая на Кавказѣ. Между тѣмъ начало имъ положено еще въ 30-хъ годахъ при просвѣщенномъ администраторѣ князѣ М. С. Воронцевѣ. Первыя насажденія чайнаго куста произведены (по приказанію верховнаго католикоса Нерсеса V) въ окрестностяхъ Эчміадзина, религіознаго центра разсѣянной по цѣлому міру армяно-грегоріанской паствы. Вскорѣ появились маленькія плантаціи

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ СИБИРИ.

въ Сухумѣ, въ Гуріи. Не встрѣчая матеріальнаго успѣха, дѣло стало глохнуть. Съ 1883 г. на него обратило вниманіе Императорское Вольно-экономическое общество, выписавшее съ Янъ-цзы много сѣмянъ и черенковъ. Частныя лица опять взялись съ любовью за интересное предпріятіе. Хорошіе результаты получились недавно отъ опытовъ въ Кахетіи и Тифлисѣ, — но торговаго значенія кавказскій продуктъ пока не пріобрѣлъ, да врядъ-ли быстро и пріобрѣтетъ, пока не будетъ явной правительственной поддержки, отвода казенныхъ участковъ, руководства спеціалистовъ и т. п.

СИБИРСКІЕ «НЕСЧАСТНЫЕ».

Принимая во вниманіе постройку сибирской желѣзной дороги, которая первоначально — дойдя до океана и «застѣннаго Китая», — должна въ значительной мѣрѣ разсчитывать на экзотическіе грузы вродѣ чая, есть полное основаніе усомниться въ цѣлесообразности чрезмѣрнаго покровительства въ данную минуту производству чая на Кавказѣ. Рельсовый путь до такой степени объединитъ наши экономическіе и государственные интересы съ китайскими, огражденіе тамошней безподобной по природному качеству чайной культуры отъ конечнаго упадка (въ виду жестокой конкурренціи Индіи и Цейлона) до того входитъ въ кругъ нашихъ обязанностей и собственныхъ выгодъ, что всякое умаленіе спроса на этотъ важнѣйшій продуктъ Небесной имперіи едва-ли желательно, если вникнуть въ вопросъ поглубже, — когда сама жизнь предъявляетъ совершенно иныя требованія и вовсе не выдвигаетъ на очередь осуществленія подобной задачи.

Послѣ завтрака въ молчановскомъ домѣ Е. И. Высочество осчастливилъ посѣщеніемъ кирпичную фабрику фирмы «Молчановъ, Печатновъ и Комп.», а также интереснѣйшую выставку китайскихъ произведеній, устроенную (спеціально для обозрѣнія Наслѣдника Цесаревича фирмой «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.» по иниціативѣ одного изъ ея представителей г. Литвинова) въ ея новомъ пакгаузѣ (godown), гдѣ перекупориваются и складываются байховые чаи. Огромное неуклюжее зданіе (съ помѣщающимися въ немъ такъ-сказать сараями) самымъ выгоднымъ образомъ преобразилось снаружи и роскошно изукрасилось внутри флагами, зеленью, гирляндами, шелковыми тканями и выписанными изъ Шанхая фонариками, — обратившись въ длинную галлерею. Въ теченіе двухъ

МИСТИЧЕСКІЯ ПЛЯСКИ ЛАМАНТОВЪ.

мѣсяцевъ сюда тщательно собирались предметы, могущіе и достойные привлечь вниманіе Высокаго Гостя: разнаго рода матеріи (бархатъ и шелка) — серебряныя, фарфоровыя, деревянныя и жестяныя вещи, — издѣлія изъ слоновой кости, нѣкоторыя принадлежности мандаринскаго костюма, чучела птицъ, образцы туземныхъ снадобій и лекарственныхъ травъ, пищи вообще и лакомствъ, — модель ручнаго движущагося станка для выдѣлки тканей и т. п. Кромѣ того, на особыхъ столахъ съ оклеенными бѣлой бумагой лотками выставлены коллекціи всѣхъ сортовъ чая въ предѣлахъ Небесной имперіи: цвѣточнаго (т. е. съ примѣсью нѣжныхъ только-что распустившихся листиковъ чайнаго деревца), желтаго, зеленаго, чернаго «разсыпнаго» или иначе «байховаго» (отъ слова «бай», молодые ростки чайнаго куста), плиточнаго и кирпичнаго (съ обозначеніемъ: откуда, какъ

велико производство и какая цѣна). Послѣдняго рода надписи находились, впрочемъ, и при другихъ экспонатахъ.

Великій Князь внимательно ихъ осматривалъ, пріобрѣлъ даже иные предметы, отрицательно отозвался о качествѣ выставленнаго фарфора въ сравненіи съ чуднымъ кантонскимъ, пробовалъ крѣпкіе чаи (пряный темнокрасный настой). Для ознакомленія съ первосборными сортами фирма «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.» отрядила еще въ мартѣ агентовъ на плантаціи закупить лучшій товаръ. Говорятъ, среди него есть столь рѣдкіе по составу чаи, что мало спросить пятьдесятъ рублей за фунтъ.

Комнатка, гдѣ сгруппированы эти достопримѣчательности ханькоусскаго рынка, скоро будетъ ареною тончайшей вкусовой экспертизы. Съ конца апрѣля по май-іюнь, когда въ

УЧАСТНИКИ «ЦАМА», БУРЯТСКАГО РЕЛИГІОЗНАГО ТАНЦА.

конторы здѣшнихъ торговыхъ домовъ ежедневно поступаетъ на пробы до 100—150 разнороднѣйшихъ чайныхъ сортовъ, коммерсанты приглашаютъ за дорогую плату такъ-называемыхъ «титестеровъ» смаковать и обонять предлагаемые образцы. Спеціалисты по этой части, — строго воздерживающіеся отъ куренія и спиртныхъ напитковъ, — должны не только исполнять прямую задачу: высказываться о пробуемомъ чаѣ, но и опредѣлять характеръ урожая и сбора во всякомъ раіонѣ, выступающемъ съ предложеніями покупки, — а именно: мелокъ-ли или крупенъ листъ, какъ онъ свернутъ и поджаренъ, однообразенъ-ли его цвѣтъ, чѣмъ отличается ароматъ, какіе сорта куда направлять для выгоднаго сбыта и т. д. Результаты изслѣдованія и оцѣнки каждогодно записываются въ справочныя книги, которыми всякая фирма впослѣдствіе и руководится. Плутоватымъ китайцамъ рискованно довѣрять безусловно дѣло пробы, отъ которой зависятъ многотысячные обороты. Экспертами въ большинствѣ случаевъ служатъ англичане, получающіе

за такой страшно энервирующій трудъ до 10,000 рублей въ сезонъ, — да еще на всемъ готовомъ отъ хозяина и нерѣдко съ обязательствомъ патрона прибавлять титестеру на поѣздки въ Европу, въ виду того что употребленіе теина въ такомъ количествѣ медленной отравой дѣйствуетъ на организмъ.

Обходя интересную выставку и ближе знакомясь съ членами русской колоніи, приходишь къ самымъ отраднымъ и отчасти неожиданнымъ мыслямъ и заключеніямъ. Наши

ВОЗСОЕДИНЯВШІЙСЯ СЪ МОСКОВСКОЮ РУСЬЮ ТУРАНЪ.

коммерсанты пользуются въ Китаѣ огромнымъ вліяніемъ. Несмотря на свою крайнюю малочисленность и обособленность отъ отечества, не взирая на грозную конкурренцію иностранныхъ капиталистовъ и кратковременность серьезнаго занятія чайнымъ дѣломъ, — они шутя съумѣли отвоевать себѣ въ немъ почти первенствующее положеніе, которое что ни годъ должно крѣпнуть. Китайцы очень любятъ здѣшнихъ русскихъ: при взрывѣ негодованія черни противъ европейскаго элемента, служащіе у нихъ всегда готовы грудью встать за своихъ хозяевъ, — вполнѣ ясно отличая послѣднихъ отъ «людей изъ-за моря». Если уже въ данную минуту оно такъ, — чего же ожидать отъ болѣе тѣснаго общенія въ близкомъ будущемъ съ имперіей богдыхана? Наши калганцы, тянь-цзинцы, ханькоуцы и фучжоуцы являются пока лишь передовыми застрѣльщиками народа-исполина,

чувствующаго себя въ Азіи какъ дома. Не безъ основанія говорится о нашей поразительной косности въ области развитія торгово-политическихъ сношеній съ тихо-океанскими побережьями. Однако надо имѣть въ виду, что мы почти ощупью идемъ или точнѣе шли туда до послѣдняго момента: безъ опредѣленнаго плана, когда и что тамъ дѣлать, во имя чего и съ чѣмъ именно бороться! Явленіе совершенно аналогично событіямъ чисто стихійнаго характера въ царство Грознаго. Русь расширилась какъ-то вдругъ до необычайныхъ размѣровъ, и общая жизнь проснулась въ ея гигантскомъ тѣлѣ. Когда первый русскій поѣздъ прямаго сообщенія изъ Москвы остановится у водъ Великаго океана, могу-

НАШИ ПРОМЫШЛЕННИКИ У ОСТЯКОВЪ ВЪ СТАРИНУ.
(СЪ РИСУНКА ТОБОЛЬСКАГО ХУДОЖНИКА *ЗНАМЕНСКАГО*.)

чая волна народно-русскаго стремленія тѣснѣе отождествиться экономически и государственно съ лежащими по этой дорогѣ мірами не заставитъ себя ждать. Дабы нагляднѣе уразумѣть столь простую истину, поучительно давать себѣ почаще отчетъ въ нашемъ смутномъ Drang nach Osten при Іоаннѣ IV.

Исторія Сибири до сихъ поръ не написана. Русскій народъ столь медленно приходитъ къ самосознанію, что почти никому еще не ясна картина нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго сліянія съ Востокомъ. Земли за Ураломъ пытались даже именовать «колоніей». Связи ея съ такъ-называемой «метрополіей» иными признавались и чуть-ли не признаются одинаково искусственными какъ быстро порвавшіяся политическія узы между Испаніей и Америкой, между Англіей и молодыми заатлантическими Штатами.

«Solche ungeheuere Reiche wie Russland können gar nicht bestehen», ex cathedra превозглашаютъ профессора въ Германіи. Знаменитое изреченіе Тютчева про свою родину:

Ея разсудкомъ не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить —

ИНОРОДЦЫ ПРИУРАЛЬЯ.

отчасти служитъ выраженіемъ взглядовъ образованной толпы на совершенно ей непонятное развитіе маленькаго удѣльнаго княжества въ колоссальнѣйшую по пространству изъ когда-либо существовавшихъ имперій. Не пора-ли отдать себѣ наконецъ отчетъ (хотя-бы теперь, наканунѣ закладки сибирскаго желѣзнодорожнаго пути), почему это неизбѣжно случилось и отчего наше поступательное движеніе въ Азіи далеко нельзя считать завершеннымъ? Ключъ къ подобному истолкованію лежитъ въ характерѣ завоеванія и заселенія великорусскимъ племенемъ сроднаго ему Заволжья и Зауралья. Когда европейцы устремлялись искать приключеній и наживы за океанъ, пришельцевъ встрѣчали тамъ диковинныя для нихъ иновѣрно-иноязычныя рассы съ діаметрально противуположной цивилизаціей: такія начала естественно вступали тотчасъ же въ борьбу не на жизнь, а на смерть, — въ результатѣ чего получалась гибель слабѣйшихъ элементовъ. Между тѣмъ

наши восточно-русскіе піонеры (полупромышленники, полуразбойники), — невольно расширяя черту окраинъ, — на каждомъ шагу открывали не новый и по временамъ безусловно враждебный міръ, но зачастую съ дѣтства знакомый по облику и рѣчи, по обычаямъ и повадкѣ добродушный инородческій людъ, съ которымъ вовсе не трудно было, — смотря по обстоятельствамъ, — сражаться или ладить, по мѣрѣ похода вглубь азіатскаго материка. Для конквистадоровъ Кортеца и Пизарро всякій мексиканецъ и перуанецъ, — съ его невѣдомымъ прошедшимъ и чудовищными жертвоприношеніями, — казался исча-

ЭЛЕМЕНТЪ ДРУЖИНЫ ЕРМАКА.

дьемъ ада, обреченнымъ исчезнуть съ лица земли. Любому вологжанину или вятичу, шедшему въ числѣ вольницы на Востокъ, встрѣчное финско-тюркское «нечистое отродье» представлялось младшею братіею, напрасно изобидѣть которую и по совѣсти не слѣдовало, и ради собственной выгоды являлось опаснымъ: черезъ разныхъ зырянъ, чувашей, черемисовъ, башкиръ, мордву и татарву въ качествѣ опытныхъ хожалыхъ проводниковъ постепенно прокладывался нашимъ крестьянствомъ и казачествомъ торный путь въ необъятное сибирское приволье. Къ ихъ дорожному и сторожевому костру по ночамъ безъ робости и отчужденія приближалась (и въ тайгѣ, и въ степи) одинаково съ этими ватажниками

одѣтая, мало чѣмъ отъ нихъ отличная фигура инородца. У общаго котла и ему очищалось мѣсто, при дружной незатѣйливой бесѣдѣ и его голосъ получалъ иногда рѣшающее значеніе, у случайной коновязи могъ отдохнуть до разсвѣта и его шибко запаренный конь. Подобный modus vivendi былъ немыслимъ при взаимоотношеніи «бѣлыхъ колонизаторовъ» съ американскими мѣднокрасными автохтонами. Отдѣльные эпизоды кратковременно пріязненнаго характера слишкомъ ясно служатъ исключеніемъ изъ правила, чтобы на нихъ стоило останавливаться.

Русскому предпріимчивому человѣку въ XVI столѣтіи не встрѣчалось никакого инаго выхода какъ за Уралъ. «Басурманскій» Туранъ тѣснилъ мужика-порубежника съ юга. Лютые нравы дома нерѣдко дѣлали жизнь нестерпимой. По мѣткимъ словамъ народной пѣсни:

Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить.— ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь-государь Иванъ Васильевичъ.

Лѣсныя и рѣчныя дороги сквозь Пермь въ непочатый край манили тогдашняго переселенца точно встарь, — при первыхъ ужасахъ монгольскаго ига, — наши сѣверныя дебри, куда за изгнанникомъ-пахаремъ и упорнымъ насадителемъ обрусенья, трудолюбивымъ инокомъ, не дерзалъ проникнуть неутомимый татарскій вершникъ. Послѣдній въ данную пору замѣнялся опричникомъ, олицетворялся въ Іоанновомъ гнѣвѣ и связанной съ нимъ жестокой опалѣ . . . . А тамъ «за богатой Біарміей» классическихъ писателей разстилалась съ еще болѣе неистощимыми подспудными сокровищами многоводная приобская страна: съ безбрежнымъ кругозоромъ для звѣробоя и золотоискателя, съ цѣлыми мірами неизвѣданной шири вдоль Енисея и Лены, за Байкаломъ и по Амуру. Горсти смѣльчаковъ въ самый непродолжительный срокъ перекинулись по нимъ до океана. Это могло совершиться только потому, что они тамъ не чувствовали себя на чужбинѣ, видѣли въ Сибири что-то совсѣмъ родное. Кажущееся намъ чрезвычайно грандіознымъ по масштабу нимало не смущало безхитростнаго воображенія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Поярковыхъ и другихъ по своему великихъ людей, забытыхъ потомствомъ.

Не вспомнить при удачѣ о Москвѣ, не сознать органической связи съ нею даже разбойничьи атаманы сочли бы явнымъ грѣхомъ и непростительной измѣной. Долгъ любви къ отечеству требовалъ, — говоря былиннымъ языкомъ, — чтобы побѣдители послали туда соболиную казну и прочую рухлядь, чтобы руководитель движенія чистосердечно изрекъ батюшкѣ-царю:

Приношу тебѣ буйную я головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.

Подобное настроеніе, искони присущее русскому народу, сохранилось до нашего вѣка. Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о пребываніи въ Персіи бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ имъ за выдающуюся храбрость и добрые совѣты въ ратномъ дѣлѣ противъ азіатовъ шахомъ жаловано было положеніе при дворѣ, званіе военачальниковъ-тѣлохранителей, наконецъ цѣлое состояніе при согласіи перейдти въ мусульманскую религію, высочайше командировалъ къ нимъ офицера съ Кавказа (изъ 44 драгунскаго Нижегородскаго полка) съ цѣлью вразумить нарушившихъ присягу, пробудить въ нихъ раскаяніе и вернуть на родину. Посланный отправился, рискуя жизнью. Тѣ сначала, конечно, и слышать ни

НА РѢЧНЫХЪ ВЕРФЯХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

о чемъ не хотѣли, — но мало по малу смутились, порѣшили принести повинную, согласились отречься отъ кровью добытыхъ почестей и богатствъ: только-бы Государь смилостивился и принялъ обратно на службу своихъ законопреступныхъ подданныхъ! Въ чьей исторіи искать аналогичныхъ разительныхъ примѣровъ глубочайшаго безкорыстія и беззавѣтной преданности монарху?

Въ противуположность безпощадной борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ, которую вели напр. «бѣлые» колонизаторы Америки, достойно вниманія относительно весьма человѣчное отношеніе нашего простолюдина къ инородческому жизненному строю и правамъ на существованіе. Если разные самоѣды, остяки и бродячіе тунгузы вымираютъ въ силу измѣнившихся экономическихъ условій, — то не изъ-за жесточи господствующаго эле-

ИНОРОДЦЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ (САГАЙЦЫ).

мента, а потому что цивилизація часто прививаетъ дикарямъ страсти и пороки, не встрѣчающіе реакціи въ ихъ душѣ. Тутъ виновата не пришлая довольно примитивная культура, — но слабыя воли, гибнущія отъ соприкосновенія съ нею какъ насѣкомыя на огнѣ. Нельзя же отрицать, что исчезающимъ народностямъ на столѣтія хватило бы еще простора въ сѣверныхъ областяхъ Сибири! Инородцы, — съумѣвшіе не подпасть соблазнамъ, — свободно бродятъ годами въ поискахъ за звѣремъ, владѣютъ, — гдѣ имъ нужно, — рыбнымъ царствомъ, по прежнему занимаются въ обширнѣйшихъ размѣрахъ оленеводствомъ и т. д. Туземцы съ болѣе опредѣленнымъ національнымъ обликомъ (вродѣ якутовъ и бурятъ) въ свою очередъ стойко выдерживали и выдерживаютъ «мирный» натискъ Россіи, дружелюбно принимали всѣмъ племенемъ (въ иныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Забайкальѣ, даже еще тогда пока менѣе прозорливые жители нынѣшней Иркутской губерніи

оборонялись отъ казаковъ) горсть піонеровъ съ Запада, быстро вошли въ плотской и нравственный союзъ съ новоприбывшими богатырями, наложили на ихъ непосредственное потомство и послѣдующія восточно-сибирскія поколѣнія физическій отпечатокъ своей рассы, со вложенною имъ однако въ сердце русскою рѣчью, русскою вѣрой, русскою стремительностью духа.

Послѣ подробнаго осмотра выставки Е. И. Высочество внимательно ознакомился на фабрикѣ «Молчанова, Печатнова и Комп.» съ производствомъ кирпичныхъ и плиточныхъ

ЗАПАДНО-СИБИРСКІЕ СУЛТАНЫ.

чаевъ. У входа Наслѣднику Цесаревичу поднесено было на серебряномъ блюдѣ прессованное блюдо изъ матеріала лучшаго зеленаго чая съ соотвѣтствующими надписями и хлѣбомъ-солью. Передъ Августѣйшимъ путешественникомъ выяснилась по возможности полная картина фабрикаціи и упаковки главнаго вышеназваннаго продукта. Кирпичи изготовляются изъ разныхъ остатковъ и отбросовъ, образующихся послѣ просѣиванія листовъ драгоцѣннаго растенія (въ составъ высѣвокъ входятъ сухіе стебли, корешки, сердцевинки и пыль, — получающіе общее наименованіе «хуасянъ»). Его въ огромномъ количествѣ скупаютъ на заводы съ плантацій, распредѣляютъ по холщевымъ мѣшечкамъ небольшихъ размѣровъ, въ такомъ видѣ помѣщаютъ на четверть часа въ паровую ванну,

пересыпаютъ оттуда въ толстыя деревянныя формы съ плотно прилегающими крышками и ставятъ подъ прессъ, напоминающій внѣшностью щипцы для орѣховъ. На хорошихъ фабрикахъ, — гдѣ нѣтъ недостатка въ формахъ, — спрессованный матеріалъ нѣсколько сутокъ слеживается и сохнетъ.

Для производства плиточнаго чая (вродѣ шоколада) употребляется сильный гидравлическій прессъ, благодаря которому лучше сохраняется ароматъ и продуктъ оказывается приспособленнѣе къ дальней перевозкѣ. Нашими фирмами ежегодно отправляется изъ одного Ханькоу — свыше 100,000 ящиковъ кирпичнаго и плиточнаго чая, вообще же до

ГЛАВАРИ ИНОРОДЧЕСКАГО СЕМИРѢЧЬЯ.

170,000, — изъ коихъ послѣдній составляетъ лишь двѣнадцатую долю. Бо́льшая часть производства сосредоточена въ рукахъ молчановскаго торговаго дома, нанимающаго до тысячи человѣкъ куліевъ. «Токмаковымъ, Молотковымъ и Комп.» изготовляется на 25% меньше.

Очень интересно было взглянуть на способы укупорки и задѣлки этихъ чаевъ въ такъ-называемыя «мѣста» (вѣсомъ отъ двухъ съ половиною пудовъ и тяжелѣе), оплетенныя камышевыми дранками.

Передъ отъѣздомъ съ фабрики на «Владивостокъ» Е. И. Высочеству и принцу Георгію подносятся спресованные спеціально въ память Августѣйшаго посѣщенія кирпичи зеленаго чая (между прочимъ и для лицъ свиты): съ надписью о столь радостномъ событіи.

Въ 8 часовъ вечера домъ фирмы Молчанова вновь осчастливленъ былъ прибытіемъ Наслѣдника Цесаревича на обѣдъ, милостиво принятый отъ нашего консула. За столомъ (на 40 приборовъ) присутствовали, — кромѣ обычныхъ спутниковъ и русскихъ командировъ, — старшіе члены нашей колоніи и иностранные консула. Послѣдніе, — а также участники муниципалитетнаго комитета, организованнаго для наблюденія за украшеніемъ города и иллюминаціей, — представились Великому Князю. Любоваться ею и чрезвычайно эффектнымъ туземнымъ фейерверкомъ (на ботахъ, вдали отъ берега) — пришлось только около десяти, — съ пристани, куда Высокимъ Гостямъ вынесли кресла. Европейскій

БОГАТОЕ КИРГИЗСКОЕ ЖИЛЬЕ.

кварталъ (не только набережная, но и невидимые оттуда переулки) заблисталъ буквально тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ и шкаликовъ, а также вереницею транспарантовъ съ вензелями и надписями: «Добро пожаловать!» «Милости просимъ!» «Слава русскому Царю!» «Боже, Царя храни!» и т. д.

Громадная толпа (вся колонія иноземцевъ и несмѣтное множество китайцевъ, ухитрившихся проникнуть на «праздникъ огня», — несмотря на всевозможныя преграды) тѣснымъ кругомъ обступила Августѣйшихъ путешественниковъ, соблюдая однако образцевый порядокъ. Раньше чѣмъ вернуться на пароходъ Цесаревичъ соблаговолилъ выразить свою признательность распорядителю чествованія, англичанину Прейсу. Возвратиться безъ задержки домой казалось на первый взглядъ весьма затруднительнымъ: рѣку сплошь

ПО ГАТЯМЪ СИБИРСКАГО ТРАКТА.

ТИПЪ МАНДАРИНА.

усѣяли лодки любопытныхъ туземцевъ, такъ что хоть по суху переходи на «Владивостокъ». Стоило съ берега раздаться прощальному «ура» всѣхъ иностранцевъ, — и масса на водѣ чинно, съ глубокой почтительностью очистила дорогу.

Понедѣльникъ, 8 (20) апрѣля.

Сегодня, — до полудня, — будетъ отданъ визитъ Чжанъ-чжи-дуну, живущему повыше отъ города, на Янъ-цзы (мили за четыре отъ Ханькоу). Е. И. Высочество отправится туда, подъ Своимъ флагомъ, но на яхтѣ вице-короля (съ одѣтой въ красное командой), — въ сопровожденіи «Корейца» и «Бобра». Упорные слухи и толки о томъ, что здѣсь слишкомъ велика вражда властей и населенія ко всему иноземному въ результатѣ являются непримѣнимыми къ намъ. Китайцы отлично знаютъ, кто достоинъ ихъ непріязни: имъ и въ голову не придетъ устроитъ намъ, — на радость нашихъ европейскихъ недруговъ, — демонстрацію съ выраженіемъ антипатіи. Наоборотъ, убѣжденный консерваторъ Чжанъ-чжи-дунъ воочію имъ покажетъ, что думаетъ его народъ о Россіи. Говорятъ, пріемъ обѣщаетъ быть еще торжественнѣе кантонскаго. Эстетическаго впечатлѣнія ради онъ состоится, впрочемъ, не въ самой резиденціи генералъ-губернатора. Столица провинціи Хубэй (Hupeh)-Учанъ (Wutschang), — на правомъ берегу, — вмѣщаетъ до 300,000 душъ населенія, обнесена могучими стѣнами и будто-бы сильно укрѣплена (въ ней насчитываютъ 400 орудій). Чествовать Наслѣдника Цесаревича рѣшено не тамъ (среди грязныхъ многолюдныхъ улицъ туземнаго центра), а на противуположномъ ему живописномъ ханьянскомъ холму, гдѣ близь воспѣваемаго китайскими поэтами красиваго «острова попугаевъ и птицъ» высится надъ обрывомъ кумирня Чжинъ-чжункоу съ такъ называемымъ «павильономъ лучезарной рѣки». Тамъ состоится оффиціальный завтракъ. Въ Небесной имперіи принято считать иныя кумирни (въ особенности конфуціанскія) за своего рода клубы, куда на досугѣ можно собираться для чаепитія и разговоровъ.

КИТАЙСКІЙ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Во время медленнаго слѣдованія противъ теченія (на трапезу къ вице-королю) съ учанскихъ укрѣпленій безпрерывно гремитъ салютъ. По обоимъ берегамъ цѣпью разставлены значительныя по количеству войска, при-

вѣтствующія ружейными залпами. До 50 туземныхъ канонерокъ провожаютъ Царственнаго Гостя по озаренной солнцемъ и сверкающей парусами рѣкѣ Янъ-цзы. У пристани, гдѣ Его встрѣчаетъ Чжанъ-чжи-дунъ, дожидаются также желтыя богдыханскія носилки, которыя по этикету несетъ всегда 8 человѣкъ. Принцу Георгію Греческому приготовленъ зеленаго цвѣта паланкинъ съ 4 носильщиками. Подъемъ въ гору тянется пестрымъ шатромъ и убранъ фарфоровыми цвѣточными горшками. Выстроенный для пріема чиновный людъ до крайней степени наряденъ. За безконечнымъ банкетомъ въ узорчатой палаткѣ съ вышитыми золотомъ начертаніями, — среди разукрашенныхъ флагами кумиренныхъ зда-

КИТАЙЦЫ, СОБРАВШІЕСЯ ВЪ КУМИРНѢ ДЛЯ БЕСѢДЫ.

ній, — генералъ-губернаторъ провозглашаетъ тосты за Государя Императора и Государыню Императрицу, заявляя, что въ Китаѣ хорошо сознается важность прибытія Русскаго Престолонаслѣдника и цѣнность продолженія столь же дружественныхъ отношеній между двумя государствами. Цесаревичъ пьетъ здоровье ихъ величествъ: китайскаго императора, вдовствующей и молодой императрицъ.

Необозримыя массы народа глядѣли на прибытіе Его въ Чжинъ-чжункоу. Угощеніе отличалось обычною въ такихъ случаяхъ изысканной гастрономической роскошью. Меню были отпечатаны на шелку по французски. Сидѣнья были покрыты богатыми вышивками съ изображеніемъ весьма условно похожихъ львовъ. Передъ возвращеніемъ на свой паро-

ходъ, Августѣйшіе путешественники любовались съ вершины холма грандіознымъ видомъ на оживленныя окрестности, состоящія въ сущности изъ трехъ находящихся въ постоянномъ общеніи городовъ (Учана, Ханьяна, — при сліяніи судоходной рѣкѣ Хань съ Янъ-цзы, — и Ханькоу).

Сравнительно недавно на мѣстѣ послѣдняго находилось простое прирѣчное торговое село (чжэнь), которое быстро стало расти послѣ усмиренія тридцать лѣтъ тому назадъ тайпинскаго возстанія, организованнаго съ цѣлью ниспровергнуть маньчжурскую династію. Ханькоу, развившееся въ силу благопріятныхъ топографическихъ условій изъ предмѣстій города Ханьяна (Hanjang), насчитываетъ съ нимъ вмѣстѣ теперь около милліона жителей. Изъ нихъ около $^4/_5$ обитаетъ въ первомъ, немного западнѣе отъ напоминающаго настоящій паркъ европейскаго квартала, гдѣ иностранцевъ всего — 370 душъ: при 27 фирмахъ (6 нѣмецкихъ, одной французской, 12 англійскихъ, 4 русскихъ, 3 американскихъ) — 150 англичанъ, 40 русскихъ, 15 нѣмцевъ и столько же французовъ, 35 американцевъ, 70 итальянцевъ и т. д.

Ежегодные обороты порта, — являющагося отчасти складомъ товаровъ, идущихъ въ богатѣйшую провинцію Сычуань, — равняются приблизительно ста милліонамъ рублей. Число всевозможныхъ китайскихъ судовъ, каждогодно посѣщающихъ ханькоусскій рынокъ, простирается до 20—25,000 (съ водоизмѣщеніемъ въ милліонъ тоннъ). Экспортъ, почти вдвое превышающій импортъ, состоитъ преимущественно — кромѣ 3,000,000 пудовъ чая (на 25,000,000 рублей въ годъ) — изъ шелка, табаку, кожъ, сала, масла, воска, мускуса, ревеня. Четыре дѣятельно работающихъ пароходныхъ линіи связываютъ развивающійся городъ съ Шанхаемъ.

Тѣмъ не менѣе коммерсанты имѣютъ нѣкоторое основаніе быть недовольными отсутствіемъ возможности разгружаться прямо у пристаней. Стоянка у Ханькоу весьма неудобна для большихъ судовъ: въ виду водоворотовъ, возникающихъ отъ впаденія надъ нимъ въ Янъ-цзы многоводной рѣки Хань. Кромѣ того дно очень песчано, якоря черезчуръ въ немъ завязаютъ и рвутся, — отчего иногда гибнутъ врасплохъ застигаемые бѣдой нагруженные пароходы. Подойдти близко къ берегу нельзя.

Конечно, надо надѣяться, что новѣйшія техническія усовершенствованія дадутъ средства для борьбы съ этими явленіями. Во всякомъ случаѣ будущая роль порта очень велика. Въ Ханькоу нерѣдки наводненія: Янъ-цзы вздувается лѣтомъ на 7—8 саженей. Хотя европейскій кварталъ огражденъ съ набережной каменнымъ оплотомъ, неукротимо разливающаяся мутная рѣка затопляетъ иногда и тамошнія благоустроенныя улицы-аллеи.

У СТРАНЫ ВОСХОДЯЩАГО СОЛНЦА.

Вторникъ, 9 (21) апрѣля.

Е. И. Высочество удостоилъ принять вчера обѣдъ отъ всей русской колоніи, на который къ 7 часамъ 30, — кромѣ Великокняжеской свиты и офицеровъ съ «Корейца» и «Бобра», — собралось около ста сорока приглашенныхъ (множество иностранцевъ: въ томъ числѣ командиры германской и англійской канонерскихъ лодокъ). До устройства его въ одномъ изъ отдѣленій гигантскаго токмаковскаго пакгауза (смежно съ выставкой) были, по видимому, большіе дебаты о выборѣ мѣста для торжества: шла рѣчь объ организаціи его въ красивомъ клубѣ китайскихъ чаеторговцевъ, въ туземномъ кварталѣ, — но возникло опасеніе, какъ-бы, при слѣдованіи туда, узкою улицею вдоль низкихъ заборовъ невѣжественная чернь не выказала враждебныхъ чувствъ. Это случилось уже неразъ, когда тамъ угощали именитыхъ иностранцевъ, — но я глубоко убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ оно не повторилось бы. Чуткій народъ сознаетъ санъ чествуемаго мѣстными властями Высокаго Сѣвернаго Гостя.

На площадкѣ у входа въ импровизированный годоунъ-чертогъ Наслѣднику Цесаревичу представлялись служащіе нашихъ фирмъ (одинъ изъ нихъ — въ формѣ прапорщика запаса), которые не были поименованы г. Дмитревскимъ въ его домѣ. Великій Князь остановился, чтобы осчастливить ихъ нѣсколькими словами бесѣды. «Никогда мнѣ не забыть Его ласковой улыбки и пристальнаго взгляда въ эту минуту», говорилъ мнѣ потомъ бывшій между ними.

Часть пакгауза оказалась преображенной въ двѣ комнаты (гостинную и закусочную), эффектно задрапированныя шелковыми матеріями оранжеваго цвѣта и убранныя ширмами самой лучшей работы. Огромное пространство, отведенное подъ столовую, утопало въ гирляндахъ изъ зелени и флаговъ, вензелей и щитовъ.

Надъ дверями красовались восковыя изображенія туземнаго быта.

Передъ обѣдомъ Е. И. Высочеству были представлены европейскія дамы и близкіе чайному дѣлу роскошно одѣтые коммерсанты-депутаты изъ Кантона и Фу-чжоу, изъ

шаньсійской, хунаньской и хубэйской провинцій. Они явились благодарить Августѣйшаго путешественника за милостивое посѣщеніе и съ просьбой выразить ихъ почтительнѣйшія чувства Государю Императору за добрый пріемъ, которымъ пользуются торгующіе въ русскихъ предѣлахъ китайцы. Переводчикомъ служилъ А. Д. Старцевъ. Цесаревичъ отвѣтилъ, что передастъ содержаніе знаменательной рѣчи Державному Отцу.

Обѣденное сидѣніе Великаго Князя было обито старинной парчей съ золотыми гвоздями. Позади стояли піоны и пальмы. Прислуга изъ туземцевъ (въ соломенныхъ шляпахъ съ алыми кистями) отличалась изяществомъ костюма. Меню привезли изъ Шанхая исполненными рукою художника-француза. Хоръ музыкантовъ съ «Азова» присутствовалъ на праздникѣ. Е. И. Высочество велъ къ столу г-жу Дмитревскую, принцъ Греческій — жену англійскаго консула. Единодушное «ура»! встрѣчало тосты за Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Гостей. Цесаревичъ благодарилъ русскую колонію за пріемъ и пожелалъ нашимъ фирмамъ успѣха въ наступающій сезонъ.

Передъ возвращеніемъ на «Владивостокъ» Великій Князь смотрѣлъ съ особой платформы у пакгауза на грандіозный фейерверкъ въ китайскомъ вкусѣ (съ каскадами пламени и кружащимися среди нихъ фигурами). Когда Е. И. Высочество покидалъ иллюминованную набережную, — снова запруженную (равно какъ и рѣка) толпами длиннокосыхъ людей, — катеръ Его фантастически озарился бенгальскими огнями и могучіе клики восторга понеслись Ему вслѣдъ.

По приглашенію земляковъ свита и офицеры вернулись еще потомъ на ужинъ въ пакгаузъ и дружественный обмѣнъ мыслей затянулся далеко за полночь.

Сегодня, около десяти утра, Августѣйшіе путешественники отправляются внизъ по рѣкѣ, — за полверсты отъ европейскаго квартала, — на кирпичную фабрику «Токмакова, Молоткова и Комп.» Представители фирмы и служащіе привѣтствуютъ на пристани Царственнаго Гостя. Лѣстница устлана краснымъ сукномъ. У входа въ помѣщеніе, гдѣ идетъ работа, подносится хлѣбъ-соль. Фактъ незабвеннаго посѣщенія фабрики совпадаетъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ торговаго дома, которому она принадлежитъ. Въ память событія хозяева всепреданнѣйше просятъ Великаго Князя о разрѣшеніи пожертвовать 10,000 рублей на учрежденіе стипендіи Его имени при С.-Петербургскомъ Императорскомъ Университетѣ, на Восточномъ факультетѣ, по китайско-монгольско-маньчжурскому отдѣленію.

При подробномъ осмотрѣ фабрики Наслѣдникъ Цесаревичъ внимательно ознакомился сначала съ приготовленіемъ матеріала (хуасяна) для прессовки, затѣмъ въ машинномъ отдѣлѣ съ образцами прессовъ (прежними ручными и новѣйшими паровыми), изъ подъ которыхъ выходитъ столь важный въ коммерческомъ отношеніи кирпичъ, — и наконецъ, съ упаковкой его въ бамбуковые ящики, для отправки въ Сибирь, на Амуръ и въ Аянъ черезъ Іокохаму.

Послѣ осмотра фабрики Е. И. Высочество осчастливилъ посѣщеніемъ домъ фирмы «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.», откушалъ тамъ чаю и милостиво бесѣдовалъ съ ея представителями (Тяньцзинскимъ коммерсантомъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ Старцевымъ,

временно Селенгинскимъ 1-ой гильдіи купцемъ Алексѣемъ Петровичемъ Малыгинымъ и временно Нарымскимъ 1-ой гильдіи купцемъ Семеномъ Васильевичемъ Литвиновымъ). На набережную вывели въ это время показать Великому Князю замѣчательныхъ скаковыхъ лошадей г. Молоткова (русскіе играютъ въ Ханькоу выдающуюся роль въ качествѣ спортсменовъ). Августѣйшимъ путешественникамъ подали тутъ экипажъ. Направляясь въ церковь на панихиду по только-что въ Бозѣ почившей Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ заѣхалъ въ находящійся подъ вѣдѣніемъ италіанскихъ монахинь большой пріютъ для покидаемыхъ бѣдными родителями дѣвочекъ-китаянокъ (при католическомъ монастырѣ). Царственнаго Гостя торжественно встрѣтила вся община, во главѣ со старшей сестрой.

Послѣдняя провожала Его по прекрасно содержимому помѣщенію, и поднесла искусную работу воспитанницъ, кружевное платье для Государыни Императрицы. Е. И. Высочество подарилъ пятьсотъ долларовъ на нужды пріюта.

Первое аналогичное учрежденіе на территоріи Китая возникло около 1596 г. въ Макао подъ названіемъ «Santa Casa da Misericordia» и не показалось чѣмъ-то неслыханнымъ для населенія, ибо въ странѣ издавна считается общественною задачею призрѣніе сирыхъ малолѣтнихъ и малютокъ, временно являющихся тяжкимъ бременемъ для родителей. Впослѣдствіе, когда призрѣваемыхъ естественно стали обращать въ христіанство и не отдавать обратно роднѣ, выражавшей желаніе заняться ихъ участью, — что китайцы со своей точки зрѣнія находятъ совершенно незаконнымъ, — филантропическія стремленія миссіонерокъ вызвали враждебное чувство въ народѣ.

Крайне распространено мнѣніе, будто подданные Сына Неба — изверги въ полномъ смыслѣ слова, бросающіе новорожденныхъ на произволъ судьбы, чуть-ли не на съѣденіе собакамъ. Между тѣмъ хорошо извѣстно, что нигдѣ нѣтъ такого чадолюбія (притомъ на религіозной основѣ) какъ въ Небесной имперіи. Противорѣчіе объясняется тѣмъ, что нищій людъ дѣйствительно иногда не имѣетъ возможности прокормить свое крошечное потомство и охотно отдаетъ въ чужія руки или несетъ въ мѣстные воспитательные дома грудныхъ дѣвочекъ, не составляющихъ предмета гордости отца и матери (мальчиковъ цѣнятъ за даръ небесъ). Если провести точную цыфровую параллель между случаями родительскаго жестокосердія на Западѣ и въ царствѣ конфуціанскихъ принциповъ, то сравненіе будетъ далеко не въ пользу цивилизованныхъ націй. Смутно зная это съ одной стороны, а кромѣ того видя на каждомъ шагу бездушный эгоизмъ «бѣлой рассы» изъ-за моря, дерзающей проповѣдывать «желтолицымъ дикарямъ», — въ лицѣ немногихъ избранниковъ, — Предвѣчныя начала любви, пока соотечественники жерлами пушекъ и безжалостными контрибуціями, алчной грубостью и насиліемъ дискредитируютъ истины наивысшей этики въ глазахъ негодующаго Дальняго Востока, — неудивительно отчужденіе его народныхъ массъ отъ искренно пламенѣющихъ ревностью «ангеловъ свѣта и милосердія», приходящихъ сюда помогать страждущимъ, спасать гибнущихъ и врачевать зло. «Отчего вы не изберете себѣ подобной дѣятельности дома, гдѣ у васъ не мало соціальнаго неустроя»? — испытующе говорятъ китайцы-патріоты?

Нѣкоторая замкнутость и таинственность, которыми привыкли окружать себя иноки ни, — значительная смертность среди призрѣваемыхъ крошекъ, зачастую попадающихъ въ пріютъ при полнѣйшемъ изнуреніи отъ голода и недуга, — распускаемые врагами порядка слухи, будто тамъ ихъ убиваютъ съ цѣлью колдовства, для приготовленій снадобій, въ составъ коихъ должны входить куски дѣтскаго тѣла, — все вмѣстѣ взятое вредитъ миссіямъ самоотверженныхъ европейскихъ женщинъ. Никому тутъ не понять скорбной

фигуры отрекшейся отъ родины и соблазновъ міра подвижницы-христіанки, съ молитвами наклоняющейся въ ночи надъ колыбелью болящаго ребенка китаянки!

Община ханькоусскихъ сестеръ при католическомъ монастырѣ, — содержащемъ еще помимо ея убѣжище для престарѣлыхъ туземцевъ и маленькій госпиталь — включаетъ въ кругъ своихъ заботъ до 500 дѣвочекъ. Часть изъ нихъ живетъ, подъ тщательнымъ надзоромъ, на попеченіи особыхъ нянекъ въ окрестностяхъ города. Тѣ же, что постарше, обучаются здѣсь грамотѣ и полезнымъ рукодѣльямъ, съ тѣмъ чтобы

ИРКУТСКІЙ МУЗЕЙ.

выйти затѣмъ замужъ за крещеныхъ единоплеменниковъ. Въ силу дикаго обычая, бѣдняжкамъ съ дѣтства уродуютъ ножки: иначе не отыскать жениховъ даже между обращенными.

Въ первомъ часу на «Владивостокѣ» — прощальный завтракъ для представителей русской колоніи. Затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ посѣтить канонерскую лодку «Бобръ».

Передъ тѣмъ что намъ сняться съ якоря (въ шестомъ часу), является дипломатическій чиновникъ съ пожеланіями счастливаго пути Ихъ Высочествамъ отъ имени вице-короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чжанъ-чжи-дунъ, въ качествѣ извѣстнаго литератора, подноситъ Наслѣднику Цесаревичу стихи собственнаго сочиненія, написанные на вѣерѣ (такъ принято дѣлать въ знакъ особенно пріязненныхъ чувствъ). Содержаніе собственноручной надписи слѣдующее: «Его быстрое судно перенесло изъ океана въ океанъ Великаго Князя Наслѣдника, коего зарю узрѣлъ С.-Петербургъ. Солнце сіяло надъ павильономъ лучезарной рѣки, когда происходило чествованіе. Яркіе цвѣты нашей страны привѣтствовали радужный стягъ Того, кто совершилъ продолжительное путешествіе, чтобы насладиться красотами трехъ материковъ. Сегодняшній славный день — свидѣтель братскаго союза двухъ народовъ. Воспоминаніе объ этомъ празднествѣ никогда не изгладится, — ибо небеса и вода далеко отражали миръ и блескъ».

Стихотвореніе вице-короля, посвященное принцу Георгію (тоже на вѣерѣ), отличается меньшею оригинальностью: «Онъ съ радостью прибылъ нарвать полевыхъ цвѣтовъ въ краю Хубэй и цвѣта его флага озарили горизонтъ. Созерцая вешнія струи, мы пѣвучестью своею уподоблялись птицамъ сосѣдняго намъ острова и отвѣдывали вина изъ хрустальныхъ чашъ. Принцы, двоюродные братья изъ двухъ царствъ, напоминаютъ цвѣтки изъ драгоцѣнной яшмы. Красавица-Грецiя съумѣла прославиться искусствами и науками.»

«Я, старый мандаринъ Хунана, благодарю князя за то, что онъ велѣлъ остановить свое судно, чтобы спросить у меня эту пѣсню.»

Она является крайне любопытной въ виду упоминанія объ Эллядѣ, съ культурою которой Небесная имперія косвенно связана иными важными, хотя мало кому извѣстными заимствованіями. Едва-ли знаетъ объ этомъ и самъ почтенный поэтъ Чжанъ-чжи-дунъ! Дѣло въ томъ, что Китай издревле велъ торговлю съ «кушитскими» побережьями Аравіи, при посредствѣ предпріимчивыхъ индусовъ. Подъ вліяніемъ эллинской цивилизаціи послѣдніе между прочимъ научили подданныхъ Сына Неба чеканкѣ монетъ, астрономическимъ теоріямъ и алхиміи.

Отъ нашего купечества всепреданнѣйше подносятся на память Августѣйшимъ путешественникамъ вазы и вышивки, ширмы чернаго дерева съ изумительною рѣзьбой, серебряная пагода изъ пекинской коллекціи Гонбоева, альбомы видовъ Ханькоу и всѣхъ сортовъ чаи, а также модели машинъ, употребляемыхъ при производствѣ кирпичей.

Проводить Царственнаго Гостя хотя-бы на протяженіи нѣсколькихъ миль на пароходѣ «Tehsing» отправляется вся русская колонія. Кромѣ того на другомъ суднѣ «Yuenwo» Его дальше внизъ сопровождаетъ группа представителей каждой фирмы.

Отличная за эти три дня погода испортилась. Дождитъ. Свѣжо. Дружное «ура» съ болью въ сердцѣ прощающихся земляковъ гремитъ вслѣдъ «Владивостоку». Цесаревичъ стоитъ у самого борта и милостиво имъ кланяется.

Среда, 10 (22) апрѣля.

Рано утромъ мы останавливаемся у одного пункта на рѣкѣ, гдѣ тоже есть русскіе интересы. Сильно пострадавшій отъ возстанія тайпиновъ и теперь только отстраивающійся Цзю-цзянъ (Kiu-Kiang) лежитъ на правомъ берегу Янъ-цзы, среди холмистой плодородной мѣстности: къ югу выступаютъ живописныя горы. Прямо напротивъ города, съ другой стороны рѣки, тянется сравнительно скудная по характеру равнина.

Въ этотъ относительно небольшой, но коммерчески чрезвычайно важный пунктъ свозится все, что производитъ замкнутая горами провинція Цзянъ-си (Kiang-si), находящая здѣсь лучшій естественный исходъ своимъ товарамъ въ обмѣнъ на продукты другихъ китайскихъ областей и предметы иностраннаго импорта: главную роль играетъ чай, которымъ славится прилегающій округъ, а также фаянсъ и фарфоръ съ извѣстныхъ фабрикъ въ Цзинъ-де-чжэнѣ (Kïu-tê-shên). При смутахъ, тридцать лѣтъ назадъ, при разрушеніи сотенъ заводовъ въ этой области погибли многіе секреты тамошняго художественнаго производства, кормившаго и даже до сихъ поръ кормящаго десятки тысячъ ремесленниковъ.

КАЗАКИ СИБИРСКАГО ВОЙСКА, ПРОСЛАВИВШІЕСЯ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

До Ханькоу отсюда — 240 верстъ, до Шанхая — около 780. Городскія стѣны имѣютъ, правда, четыре тысячи саженъ въ длину, но на охватываемомъ ими пространствѣ больше полей и огородовъ чѣмъ туземнаго жилья. Европейцевъ тутъ живетъ не болѣе ста.

Въ десять утра Наслѣдникъ Цесаревичъ отправляется на берегъ для посѣщенія фабрикъ «Молчанова, Печатнова и Комп.», а также «Токмакова, Молоткова и Комп.». На обѣихъ устроена выставка фарфоровыхъ вещей съ близкихъ казенныхъ заводовъ. Даже лучшіе изъ подобранныхъ предметовъ — посредственнаго достоинства, несмотря на обозначенныя на нихъ цѣны. Производство — видимо въ упадкѣ, сравнительно съ однородными западными издѣліями. Далеки тѣ времена, когда китайскія вазы казались знатокамъ

дороже золота, вывозились (какъ напр. въ эпоху крестоносцевъ при Саладинѣ) въ Египетъ, украшали чертоги индійскихъ владыкъ!

Передъ отъѣздомъ Августѣйшіе путешественники принимаютъ завтракъ отъ обѣихъ русскихъ фирмъ въ домѣ фирмы «Молчановъ, Печатновъ и Комп.» А. П. Малыгинъ отъ лица всѣхъ ханькоусскихъ коммерсантовъ (двухъ вышеупомянутыхъ торговыхъ домовъ, «Высочайше утвержденнаго товарищества чайной торговли и складовъ Братьевъ К. и С. Поповыхъ», фирмы «Спѣшилова, Чиркова и Комп.») проситъ соизволенія Е. И. Высочества пожертвовать въ память незабвеннаго посѣщенія 10,000 рублей на учрежденіе стипендіи имени Цесаревича въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ учрежденій, по усмотрѣнію Великаго Князя. Въ данномъ случаѣ (какъ, впрочемъ, и за все время пышно организованнаго пріема) наше купечество выказываетъ себя на обычномъ уровнѣ патріотическаго воодушевленія. Піонеры необъятнаго по глубинѣ и размѣрамъ русскаго будущаго въ предѣлахъ Китая, очевидно, широко смотрятъ на вещи и сознаютъ свою органическую связь съ Россіей. Исполать имъ на этихъ помыслахъ и на этомъ великомъ дѣлѣ!

Возвращеніе по Янъ-цзы къ его устью лишено особеннаго интереса. При быстротѣ передвиженія картины природы черезчуръ быстро смѣняются и меркнутъ. Изъ прирѣчныхъ пунктовъ хоть сколько-нибудь привлекаютъ вниманіе: Уху, предмѣстье Нанкина и Вусунъ. Первый замѣчателенъ обрушивавшимися на его европейскій элементъ неоднократными погромами. Здѣшняя чернь озлоблена противъ миссіонеровъ, противъ англичанъ. Она не хочетъ примиряться съ характеромъ предпринимаемыхъ репрессалій, не подчиняется требованіямъ боязливаго начальства, готова ополчаться въ любой моментъ на пришлеца-врага, считая его (даже въ одеждѣ проповѣдника) за волка въ овечьей шкурѣ.

Главное, что бросается въ глаза, когда приближаешься къ Уху (Wuhu), это — зданія пресбитеріанской и іезуитской миссіи, англійское консульство и таможня. Вдали мелькаетъ на холму семиэтажная пагода. Городъ имѣетъ торговлю съ годовымъ оборотомъ въ 20,000,000 рублей слишкомъ, причемъ экспортъ быстро начинаетъ преобладать надъ импортомъ. Въ окрестностяхъ найдены залежи каменнаго угля. Смежной области несомнѣнно предстоитъ широкое развитіе.

. . . . . Нанкинскія власти, по приказанію его величества богдыхана, давно готовились торжественно встрѣтить Августѣйшаго Гостя въ чертѣ средневѣковаго центра Китая. Для этого даже реставрированы немногіе уцѣлѣвшіе памятники старины. Все лучшее уничтожено мятежниками въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Самого Нанкина съ рѣки не видно: можно только различить въ отдаленіи трубы его арсенала и крыши нѣкоторыхъ пагодъ.

Ближайшій рукавъ Янъ-Цзы здѣсь укрѣпленъ: батареи хорошо замаскированы деревьями. На томъ же берегу, гдѣ начинается предмѣстье прежней столицы, сооруженъ фортъ на такъ-называемомъ «львиномъ» (изъ-за формы) холму. Напротивъ лежатъ стѣны Цзянь-фу (Kiang-pu) — города, который при паденьи миньской династіи первый въ округѣ объявилъ себя сторонникомъ наступавшихъ маньчжуровъ, за что и пострадалъ отъ тогдашнихъ нанкинскихъ владыкъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ близъ Нанкина высшими мѣстными властями, съ приглашеніемъ посѣтить его и погостить въ особо для Него отдѣланномъ съ рѣдкою

китайскою пышностью прекрасномъ дворцѣ. Но дни маршрута сочтены. Поѣздкѣ къ тамошнимъ достопримѣчательностямъ, къ сожалѣнію, не суждено осуществиться.

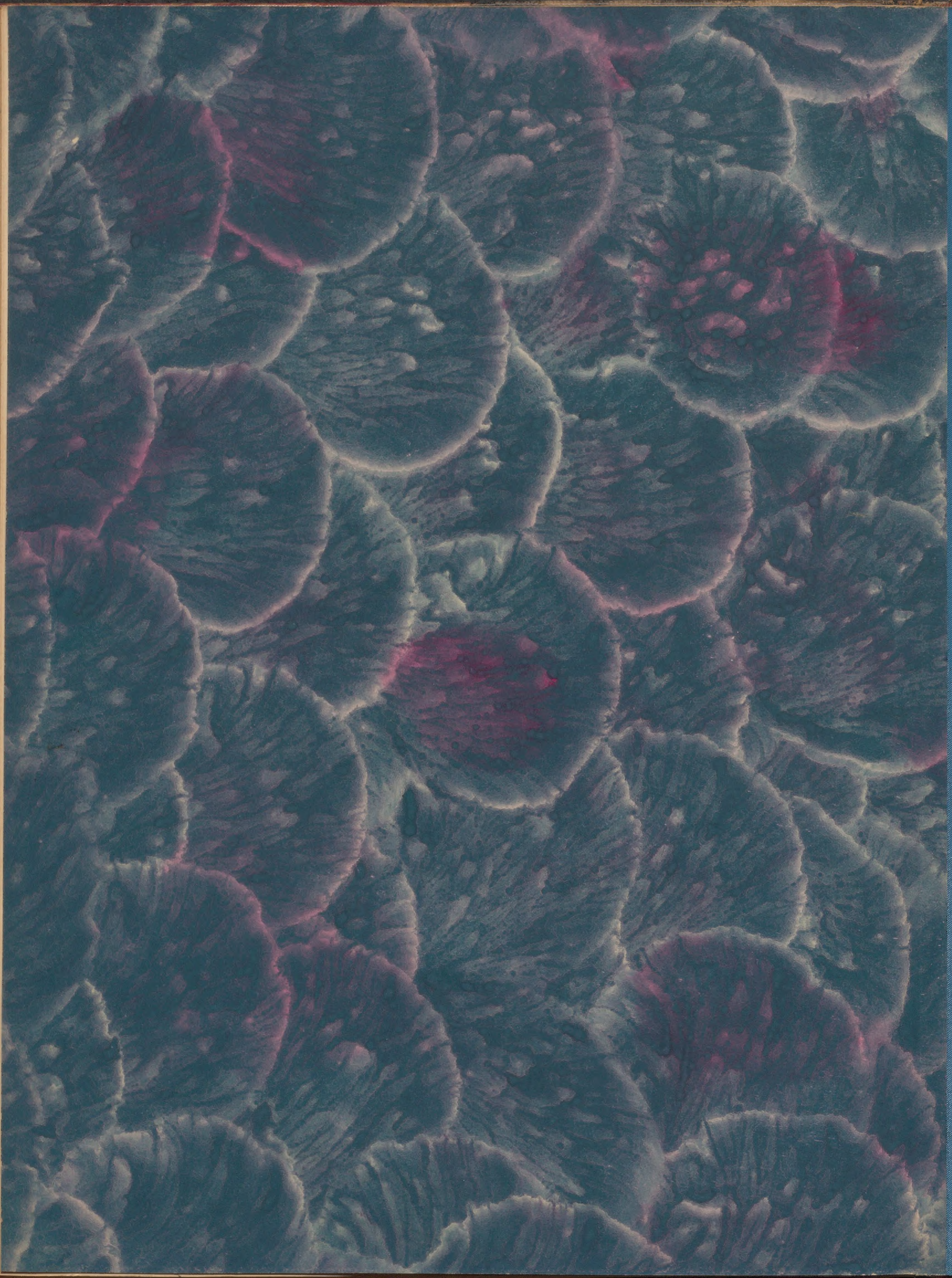
У Вусуна, около устья Янъ-цзы, Е. И. Высочеству имѣетъ счастье представиться нашъ шанхайскій консулъ г. Рединг.

У Сѣдельныхъ острововъ (13 [25] апрѣля) Великаго Князя ожидалъ «Азовъ», вернувшійся туда за Нимъ изъ «страны восходящаго солнца». Новый полуторадневный переходъ обратно совершился съ обычнымъ благополучіемъ.

. . . . Розовыя вершины вереницей встаютъ передъ нами надъ окутаннымъ свѣтлою мглою горизонтомъ. Вотъ онѣ ближе, синѣе, опредѣленнѣе: это — Японія!

Скалы и густая зелень — по сторонамъ. Узкій длинный заливъ, открывающій доступъ въ Нагасаки, до такой степени оригиналенъ и декоративно красивъ подъ нависающею надъ нимъ грядою тѣнистыхъ возвышенностей, что на первыхъ порахъ онъ даже кажется искусственнымъ: точно не воочію видишь все это, а на привезенномъ съ Дальняго Востока рисункѣ, на изящно лакированномъ шкапчикѣ или подносѣ, вообще на какомъ-нибудь тамошнемъ предметѣ роскоши, передающемъ характерный японскій пейзажъ.

Когда умолкаетъ салютъ нашей собравшейся на рейдѣ тихо-океанской эскадры и другихъ военныхъ судовъ, надъ зыбкими туземными домиками долго еще стономъ стоитъ и оглушительными раскатами переливается «ура!» съ огромнаго парохода «Орелъ» (Добровольнаго флота). На немъ — инженеры, командированные сооружать желѣзную дорогу отъ Владивостока, матеріалы для постройки и молодцы-новобранцы для Уссурійскаго края. При видѣ этой пловучей громады, которая несетъ къ нашему туманному побережью залогъ близкаго разцвѣта и могучаго пробужденія, — яркою вереницей просятся въ душу картины ожидающаго Восточную Русь величія и развитія, въ связи съ обогащеніемъ науки о человѣкѣ драгоцѣннѣйшими этнографическими данными.

Богатые музеи, — прототипами коихъ уже служатъ иркутскій и минусинскій, — должны вскорѣ создаться въ этой странѣ радостно предугадываемаго будущаго. «Живая старина» инородческихъ міровъ (бродячаго, кочеваго и осѣдлаго) въ отраженіи разнообразнѣйшихъ формъ культуры Китая, Индіи, Ирано-Турана найдетъ тамъ надлежащее мѣсто и уясненіе. Творческая сила мужественнаго сибиряка, — столь блистательно проявившаяся еще недавно (при участіи героевъ-казаковъ изъ Степнаго генералъ-губернаторства въ туркестанскихъ походахъ), — неразрывными узами скрѣпитъ нашу имперію съ однородною Азіей.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.